

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2018 Том 22 № 4

**КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА:
К ЮБИЛЕЮ АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ**

Приглашенный редактор **АННА ГЛАДКОВА**

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2018 Volume 22 No. 4

**STUDIES IN CULTURAL SEMANTICS AND PRAGMATICS:
FOR ANNA WIERZBICKA'S ANNIVERSARY**

Guest Editor **ANNA GLADKOVA**

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university.

Подписано в печать 27.11.2018. Выход в свет 07.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 33,95. Тираж 500 экз. Заказ № 1663. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путиц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Demytyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА: к юбилею Анны Вежбицкой

СОДЕРЖАНИЕ

Anna Gladkova (Мельбурн, Австралия), Tatiana Larina (Москва, Россия) Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication (Анна Вежбицкая: язык, культура, коммуникация)	717
Jerzy Bartmiński (Люблин, Польша) In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: the Cognitive Definition — 30 Years Later (В кругу вдохновения Анны Вежбицкой: когнитивное определение 30 лет спустя)	749
Anna A. Zalizniak (Москва, Россия) The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later (Каталог семантических переходов: 20 лет спустя)	770
Alain Polguère (Нанси, Франция) A Lexicographic Approach to the Study of Copolysemy Relations (Лексикографический подход к изучению кополисемических отношений)	788
Иванова С.В. (Санкт-Петербург, Россия), Чанышева З.З. (Уфа, Россия) Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США	821
Богданова Л.И. (Москва, Россия) Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения)	844
Козлова Л.А. (Барнаул, Россия) Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация	874
Карасик В.И. (Москва, Россия) Алгоритмы построения комических текстов	895
Дементьев В.В. (Саратов, Россия) Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре	919

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Alexander Zholkovsky (Лос-Анджелес, США) Listomania, or Catalog as Technique (with Examples from Poetry and Prose, Classical and Modern, Western and Russian) (Спискомания, или Каталоги как прием (с примерами из поэзии и прозы, классической и современной, западной и русской))	945
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ионова С.В. (Москва, Россия), Шаховский В.И. (Волгоград, Россия) Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой ..	966
Найденова Н.С. (Москва, Россия) Современная лингвистика в пост-секулярной перспективе	988

**STUDIES IN CULTURAL SEMANTICS AND PRAGMATICS:
For Anna Wierzbicka's anniversary**

CONTENTS

Anna Gladkova (Melbourne, Australia), Tatiana Larina (Moscow, Russia) Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication	717
Jerzy Bartmiński (Lublin, Poland) In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: the Cognitive Definition — 30 Years Later	749
Anna A. Zalizniak (Moscow, Russia) The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later	770
Alain Polguère (Nancy, France) A Lexicographic Approach to the Study of Copolysemy Relations	788
Svetlana Ivanova (St. Petersburg, Russia), Zulfira Chanyшева (Ufa, Russia) A Word in the Context of a Cultural and Historical Universe: Some Case Studies from the US Political Discourse	821
Liudmila Bogdanova (Moscow, Russia) Evaluative Senses in Russian Grammar (on the Basis of Verbs of Emotional Attitude)	844
Lyubov Kozlova (Barnaul, Russia) The Ethnocultural Potential of Voice Forms and its Discourse Actualization	874
Vladimir Karasik (Moscow, Russia) Algorithms of Comic Texts Con- struction	895
Vadim V. Demytyev (Saratov, Russia) Indirect Communication in the Russian Speech Culture	919

LECTURES

Alexander Zholkovsky (Los Angeles, USA) Listomania, or Catalog as Technique (with Examples from Poetry and Prose, Classical and Modern, Western and Russian)	945
---	-----

REVIEWS

Svetlana V. Ionova (Moscow, Russia), Victor I. Shakhovskiy (Volgograd, Russia) Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Develop- ment Dynamics	966
Natalia S. Naydenova (Moscow, Russia) Modern Linguistics through Post- Secular Perspective	988

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748

Anna Wierzbicka, language, culture and communication

Anna Gladkova^{1,2} and Tatiana Larina³

¹Monash University
Clayton Campus, Melbourne, VIC 3800, Australia

²Australian National University
Canberra, ACT 0200, Australia

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya, 117198, Moscow, Russia

Анна Вежбицкая: язык, культура, коммуникация

А.Н. Гладкова^{1,2}, Т.В. Ларина²

¹Monash University
Clayton Campus, Melbourne, VIC 3800, Australia

²Australian National University
Canberra, ACT 0200, Australia

³Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва 117198, Миклухо-Маклая, 6

Abstract

The Introductory article to the second part of the Special Issue dedicated to Anna Wierzbicka's anniversary focuses on her research in the domain of language and culture interchange. It overviews the fundamental concepts of Wierzbicka's research program, those of cultural keywords and cultural scripts within the cultural semantics and ethnopragnatics paradigm. As is the case with other Wierzbicka's linguistic studies, the analysis involves representation of meaning in terms of universal human concepts of the Natural Semantic Metalanguage (NSM). The article also discusses the concept of Minimal Language as a recent development in the NSM programme and associated research into various fields.

Keywords: *Anna Wierzbicka, cultural keywords, cultural scripts, Natural Semantic Metalanguage, cultural semantics, ethnopragnatics, Minimal Language*

1. INTRODUCTION

This article introduces the second part of the Special Issue of the *Russian Journal of Linguistics* dedicated to Anna Wierzbicka's anniversary. In Gladkova and Larina (2018) we outlined the key points of the Natural Semantic Metalanguage approach developed by Anna Wierzbicka as an instrument of semantic analysis. In this article we will focus on Wierzbicka's research primarily aimed at the analysis of cultural

aspects of meaning and the notions of cultural keywords and cultural scripts. We will then overview work by Wierzbicka, her colleagues and followers offering various applications of the approach. Consequently, the articles in this volume primarily engage with issues relating to cultural semantic and pragmatic analysis, interface of language, culture and communication.

2. CULTURAL ASPECTS OF MEANING IN WIERZBICKA'S RESEARCH PROGRAMME

2.1. Cultural keywords

Wierzbicka's search for lexical universals in language went hand in hand with the agenda to identify and describe culture-specific elements of meaning. This kind of empirical research aimed at identifying cultural influence in language led to the understanding that culture manifests itself in language in a variety of ways. "Cultural ideas" penetrate language and get encoded in the meanings of lexemes, morphemes and grammatical constructions, as well as the level of speech practices. Cultural keywords are an illustration of such cultural meanings (Wierzbicka 1997a). Wierzbicka (1997a: 15—16) defines cultural keywords as "words which are particularly important and revealing in a given culture." Cultural keywords are salient in the collective psyche of a society and their meanings resonate with meanings of other linguistic units and cultural practices. These words commonly denote values, attitudes, speech acts, social categories, among others.

Wierzbicka (1997a: 16) argues that "there is no finite set of such words in a language, and there is no 'objective discovery procedure' for identifying them. To show that a particular word is of special importance in a given culture, one has to make a case for it." According to Wierzbicka, a word might be claimed to be a keyword if it meets the following criteria: (1) it has a relatively high frequency in the semantic domain it belongs to, (2) it is at the centre of a phraseological cluster and (3) it might be part of common sayings or expressions.

Wierzbicka (1997a: 16) sums up the procedure of identifying cultural key words as follows:

But the question is not how to "prove" whether or not a particular word is one of the culture's key words, but rather to be able to say something significant and revealing about that culture by undertaking an in-depth study of some of them. If our choice of words to focus on is not "inspired" we will simply not be able to demonstrate anything of interest.

Therefore, there is no strict rule about the part of speech or lexical domain that a cultural keyword can belong to. In fact, it can be represented by almost any part of speech as long as it is shown to be revealing of important cultural attitudes. Observations suggest that most commonly such words are from domains of emotions, values, attitudes, social categories, among others.

Some of Wierzbicka's discoveries of cultural keywords in Anglo English include *privacy, personal autonomy, fairness, mind, reasonable, sense, evidence, experience*, among others (Wierzbicka 2006a, b, 2010a). In Australian English she identifies *bloody, bullshit, whinge, dob in* as keywords (Wierzbicka 1997a, 2002b). Wierzbicka is also

widely known for identifying Russian keywords *duša* ‘soul’, *sud’ba* ‘fate’, *toska* ‘yearning’, *iskrennost’* ‘sincerity’, *pravda* ‘truth’, *obščenie* ‘communication’ and *avos’* ‘maybe’ (Wierzbicka 1990, 2002a, 2010b, see also Šmelev 2002, Zaliznjak, Levontina, Šmelev 2005, 2012, Gladkova 2010b, among others). In Polish, Wierzbicka has described as keywords *przykro* ‘unpleasantly’, *rodzina* ‘family’, *wolność* ‘freedom’, among others (Wierzbicka 1997a, 2001b).

Importantly, the principles of semantic analysis advocated and practiced by Wierzbicka also apply to the analysis of cultural keywords. A thorough semantic investigation leads to the proposal of a semantic explication of the keyword in simple universal concepts as they are identified in the Natural Semantic Metalanguage (NSM) developed by Anna Wierzbicka and Cliff Goddard (for an overview of NSM see Gladkova and Larina 2018, Goddard 2010a). NSM is a mini-language that lies at the core of every language. The universal properties of the primes guarantee their translatability into all languages. Thus, when culture-specific meanings are formulated using primes, they can be understood by speakers of all languages of the world (Goddard and Wierzbicka eds. 1994, 2002).

We will quote the semantic explication of the Russian keyword *sud’ba* proposed by Wierzbicka (2010b:13):

sud’ba (someone’s *sud’ba*)

- a. something
- b. people can say what this something is with the word *sud’ba*
- c. people can say something with this word about someone when they think like this:
- d. “people live for some time
- e. when someone lives, many things happen to this someone during this time
not because this someone wants it
- f. at the same time, if this someone very much wants something to happen during this time,
often these things don’t happen
- g. this someone can’t know about many things that these things will happen to this someone
during this time before they happen
- h. some of these things can be good things
- i. many of these things can be bad things
- j. it can’t be not like this
- k. all these things are parts of one thing”
- l. many people think about it like this:
- m. “all these things happen to people in this way because someone wants it
- n. this someone is not someone like people
- o. this someone is someone above people”

Wierzbicka’s ideas about cultural keywords have received a lot of attention in the literature. Her methodology and approach have been successfully applied by researchers in various languages and cultures within the NSM framework. Goddard and Cramer (2017) describe *laid back* and *irreverent* as keywords of Australian English. Bromhead (2009) analyses English *truth* and *faith* in a historical perspective. Travis (2006) posits *calor humano* ‘human warmth’ as a cultural keyword of Spanish. Levisen names *hygge* ‘pleasant togetherness’, *tryghed* ‘security’ and *janteloven* ‘the Jante law’ cultural keywords of Danish (Levisen 2012). For Chinese, such concepts were shown to be *shengren* ‘stranger’ and *shuren* ‘an old acquaintance’ by Ye (2004). In Korean, Yoon (2004)

claims *noin* ‘respected elderly people’ to be a cultural keyword. Peeters proposed to treat French *râler* ‘grumble’ (Peeters 2013), *on va s’arranger* ‘we will arrange’ and *on s’arrangera* ‘we will manage’ (Peeters 2014) as cultural keywords¹. (See also Levisen and Waters 2018).

2.2. The cultural scripts approach

Another important development of Wierzbicka’s approach to linguistic analysis in the area of pragmatics (or ethnopragmatics as its branch) is known as the theory of cultural scripts (e.g., Wierzbicka 2003/1991, Goddard and Wierzbicka eds. 2004, Goddard 2006). Goddard and Wierzbicka (2004: 153) refer to cultural scripts as a “powerful new technique for articulating cultural norms, values, and practices in terms which are clear, precise, and accessible to cultural insiders and to cultural outsiders alike”. The cultural scripts approach relies on the Natural Semantic Metalanguage to formulate cultural norms, ideas and understandings that are shared by speakers of a language and that are reflected in that language. It is consistent with the idea that language and culture are interconnected and that certain linguistic practices are reflective of culturally shared understandings. It is often possible to find a semantic correlation between dominant cultural scripts and cultural keywords (see, for example, Wierzbicka 2002a, 2006b, among others).

The types of linguistic data that are most revealing when it comes to identifying cultural scripts are conversational routines, common sayings and proverbs, frequent collocations and varieties of formulaic and semi-formulaic speech. Discourse particles, interjections and terms of address and reference also commonly embody cultural attitudes. They can reflect communicative practices and capture specificity of a “communicative style” (Goddard 2006). Evidence for cultural scripts can also come from data acquired from bilinguals. Wierzbicka has actively relied on such data and her own autobiographical narratives are extremely illuminating (Wierzbicka 1997b, 2007, Besemeres and Wierzbicka eds. 2007).

The use of cultural scripts as a technique of formulating cultural norms has a number of advantages. Firstly, cultural scripts are capable of representing the cultural insiders’ perspective. Secondly, the use of simple and intelligible concepts creates a possibility for the scripts to be verified by cultural insiders. Thirdly, they are free from an ethnocentric bias which is present in some cultural research.

The use of the same inventory of semantic primes in constructing explications and cultural scripts allows one to show explicitly the relation between the meaning of a word and cultural ideas and beliefs that it is related to. At the same time cultural scripts differ from semantic explications. While semantic explications represent meaning of a particular concept, cultural scripts reflect broader cultural norms. These norms concern ways of thinking, speaking and behaving that are salient in a particular culture. As it has been mentioned, cultural scripts have a linguistic grounding in cultural key words, proverbs and common sayings, terms of address, phraseological patterns, among others (Goddard 2006), but they formulate ideas that are broader than the meaning of one word or concept.

¹ A full list of the NSM bibliography is available on the *NSM Homepage* and *NSM-APPROACH.NET*.

We will illustrate the application of the cultural scripts approach with several Anglo English cultural scripts proposed by Anna Wierzbicka. Wierzbicka (2006a) relates a common use of ‘whimperatives’² for wording requests, the cultural rules of using *thank you* and the avoidance of imperatives and phrases like *you must* in suggestions in English, with the prevalence of the value of ‘personal autonomy’. She argues that the idea that ‘it is not good to impose and force other people to do certain things’ is a cultural idea shared by English speakers and that it finds its realisation in language and communication. Wierzbicka (2006a: 52) formulates this cultural rule as follows:

[people think like this:]
no one can say to another person:
“I want you to do this
you have to do it because of this”

[people think like this:]
no one can say to another person:
“I don’t want you to do this
you can’t do it because of this”

(Wierzbicka 2006a: 52)

She explains these scripts as follows: “These scripts don’t say that people can do anything they want to do or that there can be no rules legitimately preventing people from doing what they want to do. Rather, they say that it cannot be another person’s expression of will that prevents me from doing what I want to do or forces me to do what I don’t want to do” (Wierzbicka 2006a: 52).

Goddard and Wierzbicka (2004: 156) formulate a related cultural rule of valuing personal autonomy in Anglo society as follows:

[people think like this:]
when a person is doing something
it is good if this person can think about it like this:
‘I am doing this because I want to do it
not because someone else wants me to do it’

This script formulates an Anglo cultural norm which is closely associated with the English cultural key words *freedom* and *free* (see also Wierzbicka 1997a, Larina, Ozyumenko 2017).

Wierzbicka further demonstrates that the value of personal autonomy in English is closely related to another cultural value, namely the inclination not to put undue pressure on other people, and that both are reflected in English (Wierzbicka 2006a, b). She notes that the expressions *to put pressure* and *to act under pressure* in contemporary English are highly revealing in this regard. Interestingly, they did not occur in Shakespeare’s language, which suggests modern salience of the value of ‘non-imposition’. The expression *to put pressure* and its negative cultural connotation

² Whimperative (or wh-imperative) is a command or request which is worded as a question (e.g. *Would you mind washing it out?*, *Could you just turn it down a bit?*). The term consists of *wh-*, which stands for an interrogative word, and *imperative*.

highlight the idea that there exists a cultural prohibition on imposing one's will on other people and expecting them to act in accord with the will of other people. A related cultural script is formulated by Wierzbicka (2006a: 52) as follows:

[people think like this:]
when I do something it is good if I do it because I want to do it,
not because someone else wants me to do it
(Wierzbicka 2006a: 52)

Importantly, these scripts proposed by Wierzbicka might not apply in all varieties of English due to differing cultural norms. In this regard, Wong (2004) argues that although English is widely spoken in Singapore, conversational strategies of Singapore English do not fully overlap with those of Anglo English. In particular, Wong shows that Singapore English lacks cultural scripts of Anglo-style personal autonomy in the style of scripts quoted above. He formulates a relevant cultural script for Singapore English as follows (Wong 2004: 239):

[people think like this:]
when I say to someone about something "I want you to do it"
I can think about it like this:
if this person can do it, this person will do it

[people think like this:]
when someone says to me about something "I want you to do it"
if I can do it, it is good if I do it

The cultural scripts formulated by Wierzbicka (2006a) and Wong (2004) refer to cultural rules relating to making requests or asking people to do something in two different cultures. The use of the same set of simple and universal words makes the cultural differences between these rules transparent and easy to demonstrate.

Using the cultural scripts approach Wierzbicka has described numerous communicative practices in different languages and cultures relating to different speech acts, speech genres and discourses, including religious discourse (see Wierzbicka 2003/1991, 2001a, 2002, among others). She has also demonstrated that cultural scripts can be applied to capture the display rules of emotions, their functions in communication and cultural specificity (Alba-Juez, Larina 2018, Ionova, Shakhovsky this issue, Wierzbicka 1999a, b, 2001b, 2018c).

Wierzbicka's cultural scripts and simple formulae of what is considered good and bad in a given culture have a great explanatory potential and can reduce negative stereotyping. For example, the following cultural scripts (Wierzbicka 2002a) represent Russian cultural norms relating to *iskrennost* 'sincerity', the meaning of which differs significantly from its English translation equivalent (Gladkova 2017, Wierzbicka 2002a):

it is good if a person wants to say to other people what this person thinks (feels)
it is bad if a person says to other people that this person thinks (feels) something if it is not true
it is good if a person wants other people to know what this person thinks (feels)

These cultural rules explain salient characteristics of Russian communicative style which are often perceived as excessive openness, lack of tact, straightforwardness, dislike for formal communication and uncontrolled display of emotions from the point of view of representatives of many Western cultures (for details, see Larina 2009, 2013).

The cultural scripts approach has been successfully applied by Wierzbicka's colleagues to various languages and language varieties, such as Australian English and other varieties of English (Goddard 2012, 2015, 2016), African languages (Ameka 2006), Chinese (Ye 2004, 2013), Korean (Yoon 2004), Singapore English (Wong 2004, 2014), Russian (Gladkova 2010a, b, 2013a, b, 2017), Japanese (Asano-Cavanagh 2016, Hasada 2006), Danish (Levisen 2012, 2013), French (Peeters 2013, 2014), Italian (Farese 2018), among others.

Wierzbicka's approach to studying language through the prism of culture has inspired research of numerous scholars in Russia. In particular, there has been long and fruitful collaboration between Anna Wierzbicka and the Moscow School of Semantics under the leadership of Jurij Apresjan (e.g., Apresjan 1995, 2006, 2014, V. Apresjan 2018). In addition, numerous studies by the Moscow group of cultural semantics aimed at the reconstruction of the Russian linguistic worldview demonstrate shared views on language, culture and their interface (e.g., Zalizniak 2013, Zalizniak, Levontina, Shmelev 2005, 2012; Zalizniak, Paducheva 2018, Shmelev 2002, 2018, among others). Wierzbicka's work has also influenced research of many Russian scholars in the areas of cultural linguistics (Bogdanova 2015, 2017; Dobrichev, Kozlova, Pshenkina 2013; Zykova 2017; Ivanova 2003, 2004, 2016, Ivanova, Chanyshcheva 2010; Karasik 2002, 2009, 2015, 2016; Kovshova 2013; Krasnykh 2002; Larina, Mustajoki, Protassova 2017; Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017), anthropological linguistics (Karasik 2010), emotiology (Shakhovskiy 2008, 2010, 2015, 2018; Panchenko, Volkova 2018), ethnogrammar (Kozlova 2009), communicative ethnostylistics (Larina 2007, 2009, 2015), intercultural communication (Klyukanov, Leontovich 2017, Leontovich 2005, 2007; Larina 2013, 2017; Privalova 2005, Ter-Minasova 2000), among others³.

Wierzbicka's theory of cultural key words and cultural scripts has a significant potential of being used in language teaching and learning. Cultural scripts can help students understand the relationship between language and culture and develop intercultural communicative competence. Cultural scripts can develop learners' understanding of why in different societies people speak differently and assist educators in explaining the pragmatic rules of language use with ease and clarity. Teaching language and culture through key words and cultural scripts can help students acquire a different cultural logic from the insider's perspective and become reflective language learners and critical thinkers (e.g., Goddard 2010b, Goddard and Wierzbicka 2007, Kurtes et al. 2017, Ozyumenko, Larina 2018, Wong 2018).

3. FURTHER DEVELOPMENTS AND APPLICATIONS OF NSM: MINIMAL LANGUAGE

In her 2014 book *Imprisoned in English: The Hazards Of English As A Default Language* (chapter 14) Wierzbicka introduces the concept of Minimal English, that is a "mini English", which can provide "a common auxiliary inter-language for speakers of different languages". This idea is further developed in Goddard and Wierzbicka (2018)

³ In this overview we do not include Anna Wierzbicka's influence on Russian theoretical linguistics.

in the form of Minimal Language (see also Goddard 2018, Wierzbicka 2018b). This interlanguage is based on the results of the linguistic research put into the development of the NSM. It includes universal concepts along more complex vocabulary, such as semantic molecules. It is expected that, as it is the case with NSM, the versions of this metalanguage can be developed for other languages (e.g., Minimal Russian, Minimal Spanish, etc.).

Goddard (ed. 2018) is an edited volume which contains examples of application of Minimal English in various fields. Wierzbicka is an active developer of the idea of Minimal English and in this book she exemplifies application of Minimal English in teaching science to children and wording the principles of the Charter of Global Ethic (Wierzbicka 2018a, b).

Anna Wierzbicka demonstrates the power of Minimal Language in her new book *W co wierzą chrześcijanie? Opowieści o Bogu i o ludziach (What Christians Believe: The Story of God and People)* published in 2017 by Znak in Cracow, Poland, in Polish. An expanded English version is to be published by Oxford University Press in 2019 (Wierzbicka in press). The book retells and re-thinks the basics of Christian faith in simple words and sentences which can be understood by anyone and which are cross-translatable into any language. The book is a semantic and theological experiment, and at the same time, it is an experiment in cross-cultural communication through a minimal language. Minimal Polish and Minimal English match, word for word and phrase by phrase.

The Minimal English has gained momentum across various disciplines and there are several studies conducted by Wierzbicka's colleagues in which Minimal English is successfully implemented in fields like narrative medicine (Peeters and Marini 2018), disability and mental health issues (Jordan 2017), diplomacy (Maley 2018; Farrelly and Wesley 2018), human rights discourse (Mooney 2018), among others.

4. ARTICLES IN THIS ISSUE

The first author of the issue is **Jerzy Bartminsky** (Lublin, Poland). He is well known to the Russian reader due to his book *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* (Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics) (Bartminsky 2005). Wierzbicka has long-standing cooperation with the community of linguists centered around the journal *Ethnolinguistics* published in Lublin and Maria Curie-Skłodowska University. In his article, Jerzy Bartminski demonstrates similarities between Wierzbicka's and Lublin ethnolinguists' approaches to language, their opposition to taxonomic approaches to the study of meaning and adoption of the subjective reconstruction principle, which derives from Wilhelm Humboldt's philosophy of language. Both scientific schools proceed from the fact that it is necessary to study the meaning of words in the context of social life, history and culture. The author focuses on the concept of cognitive definition, discusses its genesis, principles of construction and the most important ideas. Although the concept itself was created as an extension of the research of the language of folklore, independently of Anna Wierzbicka's works and her method of the Natural Semantic Metalanguage, the author traces clear parallels between them, paying attention to some differences as well. Using the example of the concept of HOME/HOUSE, the article considers new perspectives of the use of cognitive definitions in comparative studies

Anna Zalizniak (Moscow, Russia) presents in her article the Catalogue of semantic shifts (CSSh) and sets out its current state. The main notions of this framework are a semantic shift, which is understood as a relation of cognitive proximity between two linguistic meanings, and a realization of a semantic shift. The author states that the typology of semantic shifts occupies a position at the crossroad of semantic, lexical and grammatical typologies, however, the domain of CSSh does not coincide with any of them. She convincingly demonstrates that this framework is a tool for identifying and describing semantic shifts reproduced in the languages in the form of synchronous polysemy and/or diachronic semantic evolution. The article outlines the prospects for research and the scope of its possible results. It notes that linguistic data contained in the Database of Semantic Shifts can be used in all these areas, in order to provide semantic plausibility criteria for linguistic reconstruction, to act as empirical evidence for cognitive mechanisms of linguistic conceptualization, to aid in identifying specific features of the semantic system of a given language or group of languages.

At the centre of attention of the article by **Alain Polguère** (Nancy, France) is the notion of copolysemy, which is closely associated with regular polysemy. The author adopts an approach where polysemy is defined as a property of vocables (roughly, entries in dictionary word lists) to regroup several word senses, while monosemy being the opposite property. Polysemy is the consequence of a more basic fact: the relation that holds between lexical units grouped within the same vocable. This relation is termed copolysemy. The article presents the current results of an exploration of copolysemy in French, which makes it possible to systematically retrieve patterns of copolysemy and achieve formal description of the polysemy structure of several thousand French vocables. The descriptive work is embedded in a large-scale lexicographic project, namely the construction of the French Lexical Network (fr-LN).

Svetlana Ivanova (St. Petersburg, Russia) and **Zulfira Chanysheva** (Ufa, Russia) analyse the cultural semantics of lexical units in political discourse through the prism of Anna Wierzbicka's views. Using the example of English lexical units such as *whistle-blower*, *kangaroo ticket*, *log cabin president*, *Camelot presidency*, *redneck*, etc., the authors show how, along with the lexical meaning recorded in dictionaries, the lexemes are able to generate various cultural meanings in discourse. The analysis is based on different levels of organization of culture as a whole, taking into account the dynamics of cultural universe (Ivanova 2016). This approach makes it possible to identify those semantic stratifications in the meaning of the considered lexical units, which reflect the consolidation of new values in the society. The procedure of meaning interpretation makes it possible to single out core cultural practices and to reveal their dynamics. This approach could be of interest to linguists working in the field of cultural and interpretative semantics, cultural linguistics and discourse analysis.

Liudmila Bogdanova (Moscow, Russia) continues the theme of identifying evaluative meanings in language (see Bogdanova 2017), but this time on the material of grammar. Her article in this issue shows how the idea of semantic basis of grammar, created and developed by Anna Wierzbicka, has a continuation in the study of role and place of evaluative meanings in productive grammar of the Russian language. The author aims to identify evaluative meanings that are important for grammar and show how the subjective component of the meaning of a verb affects the way in which its actant

positions are expressed. The article identifies the co-relation between intellectual and emotional evaluative characteristics of a verb, which have an output in the grammatical space of the language. The author demonstrates that evaluation (both positive and negative), which verbal semantics contains, affects the syntagmatic behavior of the verb selectively, requires additional efforts in establishing those semantic zones where the role of evaluative component in the grammatical formulation of actant position is the most significant. The author outlines further prospects for studying verb semantics, which make it possible to define a new perspective for disclosure of a culture specific worldview that could contribute to the development of comparative axiology.

Lyubov Kozlova (Barnaul, Russia), author of the monograph “Ethnocultural potential of the grammatical structure of language and its realization in a speaker’s grammar” published in Russian (Kozlova 2009) develops the topic of ethnocultural potential of grammar. Her article relates to the field of ethnogrammar, which engages with the reconstruction of cultural specificity on the basis of grammatical analysis and the identification of culture specific semantic components in the grammar of a language. As the author rightly points out, it was Anna Wierzbicka who expressed the idea that lexicon, as well as grammar, embody concepts that are of particular importance for a certain language and culture. In her study the author analyses the category of voice in the English language from an ethnocultural perspective with the aim to elucidate ethnological factors which determine the choice of voice forms in various types of discourse. The author shows the evolution of views on the essence of the category of voice in the context of changing paradigms of scientific knowledge, presents the essence of voice relations viewed from the functional and cognitive-discursive points of view and attempts to elucidate ethnocultural factors which determine the choice of both categorial and noncategorial voice forms in various types of discourse.

Vladimir Karasik (Moscow, Russia), who is well known to the Russian linguistic community for his research in the field of interface of language and culture (Karasik 2002, 2009, 2010, 2016 among others), devotes his article to semiotic characteristics of comic texts construction. As the author rightly points out, since the desire to joke is universal, the humorous intention is less characterized by language and culture specific characteristics and depends mostly on individual characteristics of a person. However understanding the joke is woven into the general context of culture. The aim of the study is to analyse semantic, pragmatic and syntactic properties of jokes and to identify models of comic texts comprehension. Using Russian jokes as data, the article discusses models of laughter behavior, describes semantic and pragmatic mechanisms of comic texts, distinguishes two models of creating and understanding comic texts: the first one is dictal in its essence and is based on disagreement between the planes of reality as shown in the text, whereas the second one is modal and it reflects an incongruity between reality and the view of it. All theoretical positions are illustrated with linguistic examples that will certainly make the reader smile.

Vadim Dementiev (Saratov, Russia), discusses in his article specificity of Russian indirect communication. The author bases his research on the opposition of personality~impersonality, which, in his opinion, is a language and speech category which covers most levels and spheres of the Russian language and speech. The article discusses a number of current processes of modern Russian speech.

In this issue, we start a new rubric in our journal called “Lectures” with an invited lecture by Professor **Alexander Zholkovsky** (Los Angeles, USA) entitled “Listomania, or catalogue as technique (with examples from poetry and prose, classical and modern, Western and Russian)”. It was presented by him at the University of California, Berkeley on March 31, 2014.

The issue finishes with two review articles on the topics that are in the focus of Anna Wierzbicka’s research paradigm. **Svetlana Ionova** (Moscow, Russia) and **Victor Shakhovsky** (Volgograd, Russia) overview Anna Wierzbicka’s approach to the study of emotions. **Natalia Naidenova** (Moscow, Russia) analyzes in her review article the research on the interface of language and religion in modern, mainly Russian, linguistics.

5. CONCLUDING REMARKS

This article attempted to summarise Anna Wierzbicka’s contribution to linguistic analysis in the area of language and culture interface. It mainly focused on the concepts of cultural keywords and cultural scripts which have a broad theoretical and practical application in cross-cultural pragmatics, text and discourse analysis, intercultural communication, second and foreign language teaching, etc. It also overviewed recent developments in Wierzbicka’s approach to linguistic analysis such as Minimal English. We must admit that this is a very brief overview with the aim of introducing the main concepts of the approach to Russian and international readers. The scope of Wierzbicka’s oeuvre is vast and it would be impossible to represent it in this article. The diversity of her approach allows multiple interpretations (as articles of this volume vividly demonstrate) and different readers are often inspired by different aspects of her research.

Once again, we conclude with wishing Anna many more years of joy, happiness and creativity!

ACKNOWLEDGMENTS

We thank the authors of this issue for their articles and participation in the review process, as well as reviewers for their valuable comments and active participation in the preparation of the issue. We also thank journal readers for their feedback and comments on the first volume of our special issue. All errors remain ours.

RU

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья открывает вторую часть специального выпуска журнала «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика», посвященного юбилею Анны Вежбицкой. В статье предыдущего номера (Гладкова, Ларина 2018) мы рассмотрели ключевые положения концепции Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ), разработанного А. Вежбицкой в качестве инструмента семантического анализа. В этой статье мы остановимся на специфике реализации научного подхода А. Вежбицкой,

направленного в первую очередь на анализ культурных аспектов смысла, а именно — на ключевых словах языка и культуры и культурных скриптах. Затем мы рассмотрим различные применения данного подхода в трудах А. Вежбицкой, ее коллег и последователей и кратко представим авторов данного выпуска и их исследования. Таким образом, в данном номере в основном будут рассмотрены вопросы культурной семантики и прагматики и взаимодействия языка, культуры и коммуникации.

2. КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ

2.1. Ключевые слова языка и культуры

Поиск А. Вежбицкой лексических универсалий в языке шел рука об руку с выявлением и описанием культурно-специфичных элементов смысла. Эмпирические исследования, направленные на изучение влияния культуры на язык, привели к пониманию того, что культура проявляется в языке различными способами. «Культурные идеи» проникают в язык и кодируются в значениях лексем, морфем и грамматических конструкций, а также проявляются на уровне речевых практик. Иллюстрацией таких культурных значений являются ключевые слова языка и культуры (см. [Wierzbicka 1997a, Вежбицкая 1999b, 2001c, 2011b]). А. Вежбицкая определяет их как слова, которые особенно важны для данной культуры (Wierzbicka 1997a: 15—16), они живут в коллективном сознании общества, и их значения тесно переплетаются со значениями других языковых единиц, а также с культурными практиками. Эти слова обычно называют ценности, отношения, речевые акты, социальные категории и др.

А. Вежбицкая утверждает, что «нет конечного набора таких слов в языке, как нет и объективной процедуры их идентификации. Чтобы утверждать, что то или иное слово имеет особое значение для данной культуры, нужно предоставить доказательства» (Wierzbicka 1997: 16)⁴. Согласно А. Вежбицкой, слово может считаться ключевым, если оно отвечает следующим критериям: (1) имеет относительно высокий уровень частотности в семантической области, к которой оно относится; (2) находится в центре фразеологического кластера и (3) может быть составной частью распространенных высказываний и выражений.

Обобщая процедуру определения ключевых слов, Вежбицкая (Wierzbicka 1997a: 16) подчеркивает: «Главный вопрос не в том, как „доказать“, является ли конкретное слово одним из ключевых слов культуры или нет, а в том, что мы можем узнать значимое о культуре, проведя его глубинный анализ. Если данное слово не может сказать нам ничего интересного о культуре, наш выбор оказался неудачным». При этом нет строгих критериев относительно того, к какой части речи или лексической области должно относиться ключевое слово. Оно может быть представлено практически любой частью речи, если дает нам важную культурную информацию. Наблюдения показывают, что чаще всего такие слова относятся к области эмоций, ценностей, отношений, социальных категорий и др.

⁴ Здесь и далее перевод наш. — А.Г., Т.Л.

В англосаксонской лингвокультуре А. Вежбицкая выделяет и описывает следующие ключевые слова: *privacy* ‘прибл. личное пространство’, *personal autonomy* ‘личная автономия/личная независимость’, *fairness* ‘справедливость’, *mind* ‘разум’, *reasonable* ‘прибл. разумный’, *sense* ‘смысл’, *evidence* ‘доказательство’, *experience* ‘опыт’ и др. (Wierzbicka 2006a, b, 2010a). В австралийском английском она идентифицирует в качестве ключевых слова *bloody* ‘проклятый’, *bullshit* ‘чушь/ерунда’, *whinge* ‘хныкать’, *dob in* ‘доносить на кого-либо’ (Wierzbicka 1997, 2002b). Среди ключевых слов русского языка и культуры А. Вежбицкая называет слова *душа*, *судьба*, *тоска*, а также *искренность*, *правда*, *общение* и *авось* (Wierzbicka 1990, 2002a, 2010b. См. также [Шмелев 2002, Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012, Gladkova 2010b] и др.); к ключевым словам польского языка — слова *przykro* ‘неприятно’, *rodzina* ‘семья’, *wolność* ‘свобода’ (Wierzbicka 1997a, 2001b)⁵.

Важно отметить, что предложенные и используемые А. Вежбицкой принципы семантического анализа применимы также и к анализу ключевых слов культуры. Тщательное семантическое исследование показывает возможность толкования ключевого слова через простые универсальные понятия, представленные в разработанном Анной Вежбицкой и Клиффом Годдардом Естественном Семантическом Метаязыке (ЕСМ) (общий обзор ЕСМ см. Gladkova, Larina 2018, Goddard 2010a). ЕСМ — это мини-язык, лежащий в основе каждого языка. Универсальные свойства примитивов гарантируют их переводимость на любой язык. В результате, когда значения, специфичные для той или иной культуры, формулируются с использованием семантических примитивов, их могут понять представители любой культуры, говорящие на любом языке мира.

В качестве примера приведем предложенное А. Вежбицкой семантическое толкование русского ключевого слова *судьба* (Wierzbicka 2010b:13):

судьба (чья-то судьба)

- a. что-то
- b. люди могут сказать, что есть это что-то словом *судьба*
- c. люди могут сказать что-то этим словом о ком-то, когда они думают так:
- d. “люди живут некоторое время
- e. когда кто-то живет, много вещей случается с этим кем-то за это время
не потому, что этот кто-то этого хочет
- f. в то же время, если этот кто-то очень хочет, чтобы что-то произошло за это время,
часто эти вещи не происходят
- g. этот кто-то не может знать о многих вещах, что эти вещи произойдут с этим кем-то
за это время до того, как они произойдут
- h. некоторые из этих вещей могут быть хорошими
- i. многие из этих вещей могут быть плохими
- j. не так быть не может
- k. все эти вещи части одной вещи“
- l. многие люди думают об этом так:
- m. “все эти вещи происходят с людьми так, потому что кто-то это хочет
- n. этот кто-то не как люди
- o. этот кто-то над людьми”

⁵ Полный список публикаций по ЕСМ доступен на *NSM Homepage* и *NSM-APPROACH.NET*.

Идеям А. Вежбицкой о ключевых словах языка и культуры уделяется большое внимание в литературе. Ее методология и подход были успешно применены исследователями разных языков и культур. К. Годдард и Р. Крамер описывают *laid back* ‘расслабленный’ и *irreverent* ‘непочтительный’ как ключевые слова австралийского английского (Goddard, Cramer 2017). Х. Бромхед в исторической перспективе анализирует английские ключевые слова *truth* ‘истина’ и *faith* ‘вера’ (Bromhead 2009). К. Трэвис предлагает считать *calor humano* ‘человеческое тепло’ культурным ключевым словом испанского языка (Travis 2006). К. Левисен называет *hygge* ‘уют’, *tryghed* ‘безопасность’ и *janteloven* ‘закон Янте’ ключевыми словами датского языка (Levisen 2012). Среди ключевых слов китайского языка Ёе выделяет *shengren* ‘чужой’ и *shuren* ‘старый знакомый’ (Ye 2004), в корейском Юн называет слово *noin* ‘уважаемые пожилые люди’ (Yoon 2004). Во французском языке Б. Питерс предложил считать ключевыми словами *rarler* ‘ворчать’ (Peeters 2013), а также словосочетания *on s'arrangera* ‘мы устроим’ и *on s'arrangera* ‘мы справимся’ (Peeters 2014).

2.2. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ СКРИПТОВ

Важной разработкой А. Вежбицкой в области прагматики (или этнопрагматики как ее отрасли) является теория культурных скриптов (Wierzbicka 2003/1991, Goddard, Wierzbicka 2004, Goddard 2006 и др.). Культурные скрипты представляют собой инновационный способ формулирования культурных норм, ценностей и практик в терминах, которые ясны, точны и доступны как для представителей данной культуры, так и представителей других культур (Goddard, Wierzbicka 2004: 153). Данный подход основан на Естественном Семантическом Метаязыке, на котором и формулируются закрепленные в языке и разделяемые носителями данного языка культурные нормы и правила, что согласуется с идеей о взаимосвязи языка и культуры и о том, что определенные дискурсивные практики отражают особенности культуры. Между доминирующими культурными скриптами и ключевыми словами данной культуры можно часто найти семантическую корреляцию (см., например, Wierzbicka 2002a, 2006b, Вежбицкая 2011 и др.).

При описании культурных скриптов языковыми фактами, подтверждающими их значимость для данной культуры, могут служить повседневные речевые высказывания, пословицы и поговорки, формулы обращения, а также такие элементы дискурса, как, например, частицы и междометия, другими словами — все, что фиксирует специфику «коммуникативного стиля» и отражает типичные коммуникативные практики. Большую роль играют также данные, полученные от билингов. А. Вежбицкая активно использует такие свидетельства, и ее собственные автобиографические нарративы дают нам множество интересных иллюстраций (Wierzbicka 1997b, 2007, Besemeres, Wierzbicka eds. 2007).

Использование культурных скриптов как метода формулирования культурных норм имеет ряд преимуществ. Во-первых, культурные скрипты позволяют описать культурные нормы изнутри, т.е. они отражают точку зрения представителей

данной культуры. Во-вторых, использование в скриптах простых и понятных понятий дает возможность носителям культуры верифицировать их подлинность. В-третьих, они свободны от этноцентристского уклона, который прослеживается во многих исследованиях.

Использование одного и того же набора семантических примитивов как в семантических толкованиях, так и культурных сценариях, позволяет показать явную связь между значением слова и представлениями и идеями культуры, с которыми оно связано. В то же время культурные скрипты отличаются от семантических толкований: семантические толкования описывают смысл конкретного концепта, культурные сценарии описывают связанные с ним культурные нормы в более широком плане. Эти нормы касаются того, как представители данной культуры мыслят, говорят и ведут себя. Культурные сценарии, как уже отмечалось, подтверждаются фактами языка и речи, в том числе ключевыми словами, пословицами, поговорками, формулами обращения, фразеологизмами (Goddard 2006), но они формулируют идеи, которые шире, чем смысл одного слова или понятия.

Мы проиллюстрируем концепцию культурных скриптов на примере нескольких скриптов англо-саксонской культуры, предложенных А. Вежбицкой. Она связывает такие коммуникативные особенности данной культуры, как избегание императивов и фраз типа *you must*, частое использование для выражения побуждения так называемых *wh*-императивов⁶, а также правила употребления *thank you* с культурной ценностью личной автономии (Wierzbicka 2006a). А. Вежбицкая утверждает, что идея о том, что «нехорошо оказывать давление на других и заставлять их что-то делать» — это культурная идея, разделяемая представителями англосаксонской культуры, которая реализуется в языке и коммуникации. Она формулирует данное культурное правило следующим образом:

[люди думают так:]
никто не может сказать другому человеку:
«я хочу, чтобы ты сделал это
ты должен сделать это из-за этого»

[люди думают так:]
никто не может сказать другому человеку:
«я не хочу, чтобы ты это делал
ты не можешь этого сделать из-за этого»

(Wierzbicka 2006a: 52)

Объясняя данные культурные сценарии, А. Вежбицкая отмечает, что в них «не говорится, что люди могут делать все, что хотят, или что не существует никаких установленных правил, которые запрещают людям делать то, что они хотят делать, скорее, они говорят о том, что желание другого человека не может помешать мне сделать то, что я хочу сделать, или заставить меня делать то, чего я делать не хочу» (Wierzbicka 2006a: 52).

⁶ *Wh-императив* — это команда, просьба или иное побуждение, которое выражено в форме вопроса (например, *Would you mind washing it out?*, *Could you just turn it down a bit?*). Данный термин состоит из начальных букв английских вопросительных слов (*wh*) и слова *императив*.

К. Годдард и А. Вежбицкая (2004: 156) формулируют еще одно похожее культурное правило англо-саксонской культуры, оберегающее ценность личной автономии:

[люди думают так:]
когда человек что-то делает
хорошо, если этот человек может думать об этом так:
«я делаю это, потому что я хочу это делать
не потому, что кто-то хочет, чтобы я это делал»

(Goddard, Wierzbicka 2004: 156)

Этот сценарий, формулирующий англосаксонскую культурную норму, тесно связан с английскими культурными ключевыми словами *freedom* ‘свобода’ и *free* ‘свободный’ (см. также [Ларина, Озюменко 2017]).

А. Вежбицкая далее показывает, что ценность личной автономии в английской культуре проявляется в недопустимости оказывать чрезмерное давление на других людей, что ярко отражено в английском языке (Wierzbicka 2006a, b). Среди многочисленных языковых фактов она называет выражения *to put pressure* ‘оказывать давление’ и *to act under pressure* ‘действовать под давлением’, которые не встречались в языке Шекспира, что, по мнению А. Вежбицкой, свидетельствует о том, как важно не оказывать давления на другого в современной английской культуре. Выражение *to put pressure* ‘оказывать давление’ и его негативная культурная коннотация подчеркивают мысль о том, что существует культурный запрет на навязывание своей воли другим людям и невозможность того, что человек будет совершать действие согласно воле других людей. Соответствующий культурный скрипт формулируется А. Вежбицкой следующим образом:

[люди думают так:]
когда я что-то делаю, хорошо, если я это делаю, потому что я хочу это делать,
не потому, что кто-то хочет, чтобы я это делал

(Wierzbicka 2006a: 52)

Важно отметить, что скрипты, предложенные А. Вежбицкой, могут применяться не во всех вариантах английского языка. Из-за различных культурных норм такие культурные сценарии могут быть разными. В этой связи Дж. Вонг (Wong 2004) утверждает, что, хотя английский язык широко распространен в Сингапуре, коммуникативные стратегии сингапурского английского не полностью совпадают с англосаксонским английским (Anglo English), куда входят основные варианты английского языка. В частности, Дж. Вонг показывает, что сингапурский английский не имеет культурных сценариев личной автономии в виде приведенных выше скриптов. Он формулирует соответствующий культурный скрипт для сингапурского варианта английского языка следующим образом:

[люди думают так:]
когда я говорю кому-то о чем-то «я хочу, чтобы ты это сделал»,
я могу думать об этом так:
если этот человек может это сделать, этот человек сделает это

[люди думают так:]
когда кто-то говорит мне о чем-то «я хочу, чтобы ты это сделал»,
если я могу это сделать, это хорошо, если я это сделаю

(Wong 2004: 239)

Культурные скрипты, сформулированные А. Вежбицкой (Wierzbicka 2006a) и Дж. Вонгом (Wong 2004), относятся к культурным правилам выражения просьбы и шире — побуждения в двух разных культурах. Использование одного и того же набора простых и универсальных слов делает культурные различия между этими правилами прозрачными и наглядными.

Через культурные скрипты А. Вежбицкая описала многие речевые акты, речевые жанры и коммуникативные практики в разных языках и культурах (см. Wierzbicka 2003/1991, 2002a, Вежбицкая 1996, 1999b, 2011 и др.). Она также продемонстрировала, что культурные скрипты могут применяться и для описания эмоций, их функций в коммуникации и их культурной специфики (см. [Альба-Хуэс, Ларина 2018, Ионова, Шаховский (этот выпуск), Вежбицкая 1999b, 2001c, Wierzbicka 1999a, 2018d] и др.).

Идея культурных скриптов А. Вежбицкой стала частью важного раздела прагматики — этнопрагматики. Ее простые формулировки того, что оценивается хорошо, а что плохо в той или иной культуре, имеют большой объяснительный потенциал и предотвращают негативные суждения и стереотипы. Например, ее идеи, касающиеся русского языка и культуры (Wierzbicka 2002a), где

хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что этот человек думает (чувствует)
плохо, если человек говорит другим людям, что этот человек думает (чувствует) что-то, если это не так
хорошо, если человек хочет, чтобы другие люди знали, что этот человек думает (чувствует)

помогают понять семантику русского слова *искренность*, которая значительно отличается от английского переводного эквивалента *sincerity* (см. [Gladkova 2017]), и объясняют многие особенности русского стиля коммуникации (чрезмерная, с точки зрения представителей многих западных культур открытость и недостаточная тактичность, прямолинейность и нелюбовь к формальному общению, часто свободное и неконтролируемое проявление эмоций и т.д.) (подробно см. [Ларина 2009, 2013]).

Теория культурных скриптов была успешно применена коллегами А. Вежбицкой к различным языкам, среди которых австралийский английский и другие варианты английского языка (Goddard 2012, 2015, 2016), сингапурский английский (Wong, 2004, 2014), африканские языки (Ameke 2006), китайский язык (Ye 2004), корейский (Yoon 2004), русский (Гладкова 2010b, Gladkova 2010c, 2013a, b, 2017), японский (Asano-Cavanagh 2016, Hasada 2006), датский (Levisen 2012, 2013), французский (Peeters 2013, 2014), итальянский (Farese 2018) и др.

Подход А. Вежбицкой к рассмотрению языка через призму культуры получил отклик в исследованиях многих российских ученых. Прежде всего это возглавляемая Ю.Д. Апресяном Московская семантическая школа, с которой А. Вежбицкую связывает долгое и плодотворное сотрудничество (например, [Апресян 1995, 2006, 2014; V. Apresjan 2018]). Многочисленные исследования московской группы культурной семантики, нацеленные на реконструкцию концептуализации мира в русской лингвокультуре, на выявление культурной семантики языковых единиц и экспликацию культурных кодов, проводились параллельно с исследованиями

А. Вежбицкой и продемонстрировали много общего во взглядах на язык, культуру и их взаимодействие (Зализняк 2013, Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012, Зализняк, Падучева 2018, Шмелев 2002, 2018 и др.). Работы А. Вежбицкой дали мощный импульс исследованиям многих российских ученых в области лингвокультурологии (Богданова 2015, 2017; Добричев, Козлова, Пшенкина 2013; Зыкова 2017, Иванова 2003, 2004, 2016, Иванова, Чанышева 2010; Карасик 2002, 2009, 2015, 2016; Ковшова 2013, Красных 2002, Ларина, Озюменко 2016, Larina et al. 2017 a,b, и др.), антропологической лингвистики (Карасик 2010), эмотиологии (Шаховский 2008, 2010, 2015, 2018; Волкова, Панченко 2018), коммуникативной этностилистики (Ларина 2007, 2009, Larina 2015), этнограмматики (Козлова 2009), межкультурной коммуникации (Ларина 2013, 2017; Леонтович 2005, 2007; Привалова 2005, Тер-Минасова 2000, Klyukanov, Leontovich 2017) и других исследовательских направлений, изучающих человека как представителя определенной лингвокультуры в его речевой деятельности.

Теория ключевых слов языка и культуры и культурных скриптов А. Вежбицкой обладает также огромным потенциалом использования в преподавании и изучении иностранных языков. Предложенные подходы к изучению языка через призму культуры дают возможность найти ответ, почему в разных культурах люди говорят по-разному. Они помогают просто и ясно объяснить прагматические правила использования языка в той или иной культуре и приспособиться к другому стилю общения. Теория А. Вежбицкой позволяет увидеть, что язык — это неотъемлемая часть культуры, которая глубоко укоренена в его структуре и формирует коммуникативные этностили, отражающие мировоззрение, ценности, отношения и идентичность говорящих на этом языке людей. Внедрение методологии А. Вежбицкой в преподавание языка способствует развитию межкультурной коммуникативной компетенции учащихся. Посредством ключевых слов и культурных скриптов они учатся понимать многие особенности изучаемого языка и культуры, видеть их системную взаимосвязь и логику. В результате они приобретают культурную восприимчивость, способность к анализу и критическому мышлению, обеспечивающим эффективность и успешность межкультурного диалога (см., например, [Goddard 2010b, Goddard and Wierzbicka 2007, Kurteš et al. 2017, Ozyumenko, Larina 2018, Wong 2018]).

3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ЕСМ: МИНИМАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

В книге *Imprisoned in English: The Hazards Of English As A Default Language* (Wierzbicka 2014) А. Вежбицкая представила свою идею о минимальном английском (Minimal English), который, по ее мнению, может стать «общим вспомогательным языком-посредником для говорящих на разных языках», и затем она выдвинула идею о возможности описания любого языка в виде «минимального языка» (Wierzbicka 2018). Эта идея получила дальнейшее развитие в книге (Goddard, Wierzbicka 2018). Язык-посредник основан на результатах лингвистических исследований, которые были использованы в разработке ЕСМ. Однако универсальные понятия, применяемые в ЕСМ, используются в нем наряду с более сложным словарем. Выбор

понятий не является случайным, он опирается на результаты лингвистических исследований и включает в себя так называемые семантические молекулы (Goddard 2016). Можно надеяться, что, как и в случае с ЕСМ, версии этого метаязыка могут быть разработаны и для других языков (например, минимальный русский, минимальный испанский, минимальный французский и т. д.).

В книге под редакцией К. Годдарда, посвященной минимальному английскому (Goddard ed. 2018), содержатся примеры применения минимального английского в различных областях. А. Вежбицкая, являющаяся активным разработчиком идеи минимального английского, приводит в этой книге примеры его использования в преподавании естествознания детям, а также в формулировании принципов Устава глобальной этики (Wierzbicka 2018a, b).

А. Вежбицкая демонстрирует эффективность минимального языка и в своей новой книге *W co wierzą chrześcijanie? Opowieści o Bogu i o ludziach* (Во что верят христиане: история Бога и людей), вышедшей на польском языке в 2017 г. в Кракове. Расширенная версия этой книги на английском языке *What Christians Believe: The Story of God and People* будет опубликована издательством Oxford University Press в 2019 году (Wierzbicka in press). Книга пересказывает и переосмысливает основы христианской веры в простых словах и предложениях, которые могут быть понятны каждому человеку и которые могут быть перекрестно переведены на любой язык. Книга представляет собой семантический и теологический эксперимент, и в то же время это эксперимент по межкультурной коммуникации на минимальном языке. Минимальный польский и минимальный английский в ней совпадают в каждом слове и в каждой фразе.

Минимальный английский набирает силу, и уже есть несколько исследований, проведенных коллегами А. Вежбицкой, которые свидетельствуют о его успешном использовании в таких областях, как нарративная медицина (Peeters, Marini 2018), проблемы недееспособности и психического здоровья (Jordan 2017), дипломатия (Maley 2018; Farrelly, Wesley 2018), правозащитный дискурс (Mooney 2018) и др.

4. СТАТЬИ ЭТОГО ВЫПУСКА

Открывает выпуск давний друг Анны Вежбицкой польский лингвист **Ежи Бартминьский** (Люблин, Польша), хорошо известный российскому читателю по книге «Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике» (Бартминьский 2005). С представляемым им сообществом лингвистов, сосредоточенных вокруг публикуемого в Люблине журнала «Etnolingwistyka» (Этнолингвистика), и Университетом им. Марии Склодовской-Кюри Анну Вежбицкую связывают давнее сотрудничество и научные подходы. В своей статье Ежи Бартминьски показывает близость научных концепций Вежбицкой и люблинских этнолингвистов, их противостояние таксономическим подходам к изучению смысла и принятие принципа субъективной реконструкции, вытекающего из философии языка Вильгельма Гумбольдта. Обе научные школы исходят из того, что изучать смысл слов необходимо в контексте общественной жизни, истории и национальной культуры. В статье автор фокусирует свое внимание на концепции когнитивных дефиниций, рассматривает ее генезис, принципы построения и наиболее важные идеи. Хотя сама концепция

была создана как продолжение исследований языка фольклора независимо от работ А. Вежбицкой и ее метода Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ), автор прослеживает между ними четкие параллели, обращая также внимание на некоторые различия. На примере концепта HOME/HOUSE в статье рассматриваются новые перспективы применения когнитивных дефиниций в сопоставительных исследованиях.

Анна А. Зализняк (Москва, Россия) представляет в своей статье концепцию Каталог семантических переходов (КСП) и излагает ее актуальное состояние. Основными категориями данной концепции, как отмечает автор, являются семантический переход, понимаемый как отношение когнитивной смежности между двумя языковыми значениями, и понятие реализации семантического перехода. Автор подчеркивает, что область типологии семантических переходов находится на пересечении областей семантической, лексической и грамматической типологий, но ни с одной из них не совпадает и убедительно доказывает, что данная концепция является инструментом выявления и описания в формате базы данных семантических переходов, воспроизводимых в языках мира в форме синхронной полисемии и/или диахронической семантической эволюции. В статье намечаются перспективы исследования и сферы применения его результатов. Отмечается, в частности, что языковой материал, содержащийся в Базе данных семантических переходов, может быть использован для формирования семантического критерия реконструкции, для выявления когнитивных механизмов языковой концептуализации, для описания типологических и ареальных особенностей семантической системы одного языка или группы языков.

В центре внимания статьи французского исследователя **Алена Польгера** (Нанси, Франция) находится понятие *кополисемии*, которое тесно связано с регулярной полисемией. Отмечая, что в разных научных контекстах полисемия определяется по-разному, автор рассматривает полисемию как свойство вокабулы (заглавного слова словарной статьи) объединять несколько значений слова, в то время как моносемия рассматривается как противоположное этому свойство. В статье обоснована необходимость изучения данного явления и представлены последние результаты исследования кополисемии во французском языке, позволившего системно выявить модели кополисемии, на которых, по мнению автора, основана регулярная полисемия, и формально описать полисемические структуры нескольких тысяч французских вокабул. Эта работа является частью широкомасштабного лексикографического проекта по созданию Французской Лексической Сети (fr-LN). В статье подчеркивается, что, хотя данное исследование проводится на материале французской лексики, предложенный подход моделирования полисемии может быть применен и к другим естественным языкам.

С.В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия) и **З.З. Чанышева** (Уфа, Россия) рассматривают сквозь призму научных взглядов А. Вежбицкой особенности проявления культурной семантики лексических единиц в политическом дискурсе. На примере лексических единиц английского языка *whistleblower*, *kangaroo ticket*, *log cabin president*, *Camelot presidency*, *redneck* и др. авторы показывают, как, наряду с лексическим значением, зафиксированным в словаре, лексемы способны

порождать различные культурные смыслы, манифестация которых наблюдается в дискурсе. Исходным положением, определяющим подход к анализу лексических единиц, является понимание лексической единицы как знака культуры. Смысловой анализ производится с опорой на разные уровни организации культуры как единого целого с учетом динамики культурного универсума (Иванова 2016). Такой подход дает возможность выявить те смысловые наслоения в содержании рассматриваемых лексических единиц, которые отражают закрепление новых ценностей в обществе. Данная процедура интерпретации смыслов позволяет выйти на основополагающие культурные практики, которые характеризуют лингвокультурное сообщество, и на ядро культуры, с одной стороны, а с другой — вскрыть ту динамику, которой оно подвержено, что представляет несомненный интерес для лингвистов, работающих в области культурной и интерпретативной семантики, лингвокультурологии и дискурс-анализа.

Л.И. Богданова (Москва, Россия) продолжает развивать тему выявления оценочных смыслов (см. [Богданова 2017]), но в этот раз на материале грамматики. В ее статье этого выпуска показано, как идея семантической основы грамматики, выдвинутая и разработанная А. Вежицкой, находит продолжение, связанное с изучением роли и места оценочных смыслов в продуктивной грамматике русского языка. Автор ставит перед собой цель выявить оценочные смыслы, важные для грамматики, и показать, каким образом субъективный компонент значения глагола влияет на способ выражения его актантных позиций. В статье показана установленная в ходе исследования взаимосвязь интеллектуальных и эмоциональных оценочных характеристик глагола, которые имеют выход в грамматику. Отмечается, что оценка (как положительная, так и отрицательная), содержащаяся в глагольной семантике, влияет на синтагматическое поведение глагола избирательно, что требует дополнительных усилий в установлении тех семантических зон, где роль оценочного компонента в грамматическом оформлении актантных позиций оказывается наиболее значимой. Автор ставит вопрос о возможности выявления вектора оценочной ориентации в русской грамматике и намечает дальнейшие перспективы изучения глагольной семантики, позволяющие определить новый ракурс для раскрытия национально-специфического мировидения, что могло бы способствовать развитию сравнительной аксиологии.

Тема этнокультурного потенциала грамматики развивается и в статье **Л.А. Козловой** (Барнаул, Россия), автора уникальной монографии «Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего» (Козлова 2009). Ее статья относится к области этнограмматики, занимающейся реконструкцией специфики культуры на основе анализа грамматических явлений и выявлением способов кодирования культурно-специфического семантического содержания в грамматике языка. Как справедливо отмечает автор, основателем данного направления по праву является А. Вежицкая, которая впервые высказала мысль о том, что не только лексикон, но и грамматика языка принимает активное участие в репрезентации концептов, имеющих особую значимость для определенного лингвокультурного сообщества. В данной статье на материале английского языка в этнокультурном ракурсе проанализированы

средства выражения залоговых значений с целью выявления факторов этнокультурного характера, которые влияют на их выбор в различных видах дискурса. В статье показана эволюция взглядов на категорию залога в контексте меняющихся парадигм научного знания, изложена сущность залоговых отношений с позиции функционального и когнитивного-дискурсивного подходов и сделана попытка выявить факторы этнокультурного характера, которые влияют на выбор категориальных и некатегориальных залоговых форм в разных видах дискурса.

В.И. Карасик (Москва, Россия), хорошо известный российскому лингвистическому сообществу своими интереснейшими исследованиями в области взаимодействия языка и культуры (Карасик 2002, 2009, 2010, 2016 и др.), посвятил свою статью алгоритмам построения комических текстов. Как справедливо отмечает автор, поскольку желание пошутить универсально, юмористическая интенция в меньшей мере характеризуется лингвокультурной спецификой и зависит от индивидуальных особенностей личности, в то время как понимание шутки вплетено в общий контекст культуры. Цель данной статьи — рассмотреть семиотические характеристики интерпретации комических текстов и обсудить семантические, прагматические и синтаксические признаки таких вербальных образований. На материале русского языка (анекдотов, шуточных афоризмов, демотиваторов) в статье рассматриваются модели смехового поведения, описываются семантические и прагматические механизмы образования комического текста, выделяются две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности, которые представляют собой диктальное и модусное осмысление факта. Все теоретические положения сопровождаются богатым иллюстративным материалом, который непременно вызовет улыбку читателя.

В.В. Дементьев (Саратов, Россия), активно развивающий в своих трудах теорию не прямой коммуникации (Дементьев 2006), посвятил свою статью национальному своеобразию русской не прямой коммуникации, которое он описывает, применяя модель А. Вежбицкой, видоизмененную для целей его исследования. Автор основывает свое исследование на оппозиции персональности~имперсональности, которая, по его мнению, представляет собой языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи. В статье обсуждается ряд актуальных процессов современной русской речи, обуславливающих обращение к планируемой не прямой коммуникации и изменения в способах такого обращения.

В рубрике «Научные доклады», которую мы открываем в данном выпуске, представлен доклад профессора **А. Жолковского** (Лос-Анджелес, США) «Списокания, или Каталоги как прием (с примерами из поэзии и прозы, классической и современной, западной и русской)», прочитанный им в Калифорнийском университете в Беркли 31 марта 2014.

Завершают выпуск две обзорные статьи, посвященные темам, находящимся в центре внимания А. Вежбицкой. Статья **С.В. Ионовой** (Москва, Россия) и **В.И. Шаховского** (Волгоград, Россия) представляет обзор актуальных аспектов

лингвокультурологической теории эмоций А. Вежбицкой, составляющей важнейшую часть ее научных воззрений. В статье **Н.Ю. Найденовой** (Москва, Россия) дается анализ исследований взаимодействия языка и религии в современной, главным образом, российской лингвистической науке.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье была предпринята попытка обобщить вклад А. Вежбицкой в исследования взаимодействия языка и культуры. Основное внимание было уделено концепции ключевых слов языка и культуры и теории культурных скриптов, которые имеют широкое теоретическое и практическое применение в этнопрагматике, анализе текста и дискурса, межкультурной коммуникации, преподавании иностранных языков и т.д. В ней также были рассмотрены последние разработки А. Вежбицкой, в частности, минимальный английский.

Мы признаем, что это очень краткий обзор научных интересов и основных исследовательских направлений А. Вежбицкой, который не дает полного представления о ее работах. Мы ограничились целью познакомить российских и зарубежных читателей нашего журнала лишь с ее основными идеями и понятиями. Исследовательская парадигма А. Вежбицкой обширна, и она не может быть рассмотрена и полностью представлена в рамках одной статьи. Разнообразие и многогранность ее подхода к анализу языка и культуры допускает множество способов его интерпретации, свидетельством чему являются статьи этого выпуска, и поэтому каждый читатель сможет увидеть в них для себя что-то интересное, что подтолкнет его к новым идеям и исследованиям.

От имени редколлегии журнала, всех наших авторов и читателей мы еще раз от всей души поздравляем дорогую Анну с юбилеем и желаем много лет радости, счастья и творчества!

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарим авторов этого номера за их статьи и участие в процессе рецензирования, а также рецензентов за их ценные комментарии и активное участие в подготовке номера. Мы также благодарим всех читателей, которые проявили большой интерес к первому тому нашего специального выпуска, и надеемся, что это его продолжение найдет не меньший отклик.

© Anna Gladkova, Tatiana Larina, 2018
А.Н. Гладкова, Т.В. Ларина, 2018

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.
- Ameka, Felix (2006). “When I die, don’t cry”: the ethnopragmatics of “gratitude” in West African languages. In Goddard, Cliff (ed.) *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 231—266.
- Asano-Cavanagh, Yuko (2016). Being ‘indecisive’ in Japanese: Analysis of kana, darou ka and (n) janai ka. *Studies in Language*, 40(1), 63—92.

- Apresjan, Valentina (2018). Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 653—674. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-653-674.
- Besemeres, Mary and Anna Wierzbicka (eds.) (2007). *Translating lives: Living with two languages and cultures*. St. Lucia: University of Queensland Press.
- Bromhead, Helen (2009). *The Reign of Truth and Faith: Epistemic Expressions in 16th and 17th Century English*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Farese, Gian Marco (2018). *The Cultural Semantics of Address Practices: A contrastive study between English and Italian*. Lanham: Lexington Books.
- Farrelly, Nicholas and Michael Wesley (2018). Internationalizing Minimal English: Perils and Parallels. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*, 95—112.
- Gladkova, Anna (2010a). ‘Sympathy’, ‘compassion’, and ‘empathy’ in English and Russian: A linguistic and cultural analysis. *Culture & Psychology*, 16 (2), 267—285.
- Gladkova, Anna. (2013a). “Is he one of ours?” The cultural semantics and ethnopragmatics of social categories in Russian. *Journal of Pragmatics*, 55, 180—194. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2013.06.010>.
- Gladkova, Anna (2013b). ‘Intimate’ talk in Russian: human relationships and folk psychotherapy. *Australian Journal of Linguistics*, 33, 322—343.
- Gladkova, Anna (2017). Communication Modes, Russian. In Kim, Young Yun (ed.) *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: Wiley. doi: 10.1002/9781118783665.ieicc0147.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff (2006). Ethnopragsmatics. A new paradigm. In Goddard, Cliff (ed.) *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1—30.
- Goddard, Cliff (2010a). The Natural Semantic Metalanguage approach. In Bernd Haine and Heiko Narrog (eds.) *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. United Kingdom: Oxford University Press, 459—484.
- Goddard, Cliff (2010b). Cultural scripts: applications to language teaching and intercultural communication. In C. Goddard (ed.) *Studies in Pragmatics 3*. China: China-Pub.com, 105—119.
- Goddard, Cliff (2012). “Early interactions” in Australian English, American English, and English English: Cultural differences and cultural scripts. *Journal of Pragmatics*, 44 (9), 1038—1050.
- Goddard, Cliff (2015). Swear words and curse words in Australian (and American) English. At the crossroads of pragmatics, semantics and sociolinguistics. *Intercultural Pragmatics*, 12 (2), 189—218.
- Goddard, Cliff (2016). Ethnopragsmatic perspectives on conversational humour, with special reference to Australian English. *Language & Communication*, 1—14.
- Goddard, Cliff (2018). Minimal English: The Science Behind It. In *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*, 29—70.
- Goddard, Cliff and Cramer, Rahel (2017). Laid back and irreverent: An ethnopragsmatic analysis of two cultural themes in Australian English communication. In C. Donal (ed.) *Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective*, 89—103.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (2004). Cultural scripts: What are they and what are they good for? *Intercultural Pragmatics* 1—2: 153—166.

- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (2007). Semantic primes and cultural scripts in language learning and intercultural communication. In Sharifian, Farzad and Gary Palmer (eds.) *Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication*. Amsterdam: John Benjamins, 105—124.
- Goddard, Cliff and Wierzbicka, Anna (2018). Minimal English and How It Can Add to Global English. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*, 5—27.
- Goddard, Cliff (ed.) (2018). *Minimal English for a Global World: Improved Communication Using Fewer Words*. London: Palgrave Macmillan.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (eds.) (2002). *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Vols. I, II. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (eds.) (2004). *Intercultural Pragmatics*, 1—2.
- Hasada, Rie (2006). Cultural scripts: Glimpses into the Japanese emotion world. In Cliff Goddard (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 171—198.
- Jordan, Paul (2017). *How to start, carry on and end conversations: Scripts for social situations for people on the autism spectrum*. London: Jessika Kingsley Publishers.
- Klyukanov, Igor and Leontovich, Olga. (2017). Russian Perspectives on Communication. In Donal Carbaugh (ed.). *The Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective*. NY: Routledge, 29—41.
- Kurteš, Svetlana, Tatiana Larina, and Vladimir Ozyumenko (2017). Constructivist approach to intercultural communication teaching and learning. *EDULEARN17 Proceedings. 9th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Barcelona, Spain. 3—5 July, 2017, 591—59. doi: 10.21125/edulearn.2017.1127.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko, and Svetlana Kurteš (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13 (1), 2017, 109—128.
- Larina, Tatiana, Arto, Mustajoki, and Ekaterina Protassova (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London/New York: Routledge, 7—19.
- Levisen, Carsten (2012). *Cultural Semantics and Social Cognition. A case study of the Danish universe of meaning*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Levisen, Carsten (2013). On pigs and people: the porcine semantics of Danish interaction and cognition. *Australian Journal of Linguistics*, 33, 344—364.
- Levisen, Carsten and Sophia Waters (eds.) (2018). *Cultural Keywords in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Maley, William (2018). Minimal English and Diplomacy. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*, 71—93.
- Mooney, Annabelle (2018). Torture Laid Bare: Global English and Human Rights. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*, 143—167.

- Ozyumenko, Vladimir and Tatiana Larina (2018). Cultural Semantics in Second Language Teaching: A case study of Russian *drug* and English *friend*. *INTED2018 Proceedings*, 12th International Technology, Education and Development Conference, Valencia, Spain, 5—7 March, 2018, 9149—9158. doi: 10.21125/inted.2018.2235.
- Peeters, Bert (2013). Râler, râleur, râlite: discours, langue et valeurs culturelles [Râler, râleur, râlite: Discourse, language and cultural values]. In C. Claudel, P. von Münchow, M. Pordeus, F. Pugnière-Saavedra & G. Tréguer-Felten (eds.) *Cultures, discours, langues: nouveaux abordages*. Limoges: Lambert-Lucas, 117—141.
- Peeters, Bert (2014). *On va s'arranger/On s'arrangera: étude ethnophraséologique de deux actes (généralement) rassurants [On va s'arranger/On s'arrangera: An ethnophraseological study of two (generally) reassuring speech acts]*. *Scolia*, 28, 129—149.
- Peeters, Bert and Marini, Maria Giulia (2018). Narrative Medicine across languages and cultures: Using Minimal English for increased comparability of patients' narratives. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*. London: Palgrave Macmillan, 259—286.
- Travis, Catherine (2006). The communicative realization of *confianza* and *calor humano* in Colombian Spanish. In Goddard, Cliff. (ed.) *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 199—230.
- Wierzbicka, Anna (1990). *Duša* ('soul'), *toska* ('yearning'), *sud'ba* ('fate'): three key concepts in Russian language and Russian culture. In Saloni, Zygmunt (ed.) *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok University Press, 13—36.
- Wierzbicka, Anna (1997a). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997b). The double life of a bilingual: A cross-cultural perspective. Anna Wierzbicka. 1997. In Michael Bond (ed.), *Working at the Interface of Culture: Eighteen lives in social science*. London: Routledge, 113—125.
- Wierzbicka, Anna (1999a). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna (2001a). *What did Jesus mean?* Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2001b). Culturally salient Polish emotion: *Przykro* [pshickro]. *The International Journal of Group Tensions* 30(1), 3—27. (Special Issue on "Emotions in Cultural Contexts in Space and Time" edited by W. Gerrod Parrott and Rom Harré.)
- Wierzbicka, Anna. (2002a). Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos* 30 (4), 401—432.
- Wierzbicka, Anna (2002b). Australian cultural scripts — bloody revisited. *Journal of Pragmatics*, 34 (9), 1167—1209.
- Wierzbicka, Anna (2003/1991). *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. (2006a) *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2006b). Anglo scripts against "putting pressure" on other people and their linguistic manifestations. In Goddard, Cliff (ed.) *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 31—63.
- Wierzbicka, Anna (2007). Two languages, two cultures, one (?) self: Between Polish and English. In Besemeres, Mary and Anna Wierzbicka (ed.). *Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures*. St Lucia, Australia: University of Queensland Press, 96—113.
- Wierzbicka, Anna (2010a). *Experience, Evidence, and Sense: The hidden cultural legacy of English*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2010b). Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords. *Intercultural Pragmatics*, 7 (1), 1—23.

- Wierzbicka, Anna (2011a). Common language of all people: the innate language of thought. *Problems of information transmission*, 47, 378—397. English translation of a Russian text (2011) published in *Problemy Peredachi Informatsii*, 47(4), 84—103.
- Wierzbicka, Anna (2014). *Imprisoned in English: The Hazards of English as a Default Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2017). *W co wierzą chrześcijanie? Opowieść o Bogu i o ludziach (What Christians Believe: The Story of God and People)*. Cracow: Znak.
- Wierzbicka, Anna (2018a). Charter of Global Ethic in Minimal English. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*, 113—141.
- Wierzbicka, Anna (2018b). Talking About the Universe in Minimal English: Teaching Science Through Words That Children Can Understand. In Cliff Goddard (ed.) *Minimal English for a global world: Improved communication using fewer words*, 169—200.
- Wierzbicka, Anna (2018c). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.
- Wierzbicka, Anna (In press). *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English*. Oxford: Oxford University Press.
- Wong, Jock (2004). Cultural scripts, ways of speaking and perceptions of personal autonomy: Anglo English vs. Singapore English. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 231—248.
- Wong, Jock (2014). *The Culture of Singapore English*. Cambridge University Press.
- Wong, Jock Onn (2018). The Semantics of Logical Connectors: *therefore*, *moreover* and *in fact*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 581—604. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-581-604.
- Ye, Zhengdao (2004). Chinese categorization of interpersonal relationship and the cultural logic of Chinese social interaction: An indigenous perspective. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 211—230.
- Ye, Zhengdao (2013). Understanding the conceptual basis of the ‘old friend’ formula in Chinese social interaction and foreign diplomacy: A cultural script approach. *Australian Journal of Linguistics*, 33 (3), 365—385.
- Yoon, Kyung-Joo (2004). Not just words: Korean social models and the use of honorifics. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 189—210.
- Апресян Ю.Д. *Избранные труды*. Т. 1—2. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresjan Yu.D. (1995). *Izbrannye Trudy* (Selected papers). Vol. 1—2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)]
- Апресян Ю.Д. (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, 2006 [Apresjan Yu.D. (ed.) (2006). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)]
- Апресян Ю.Д. (ред.). *Активный словарь русского языка*. Т. 1—2. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Apresjan Yu.D. (ed.) (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka*. Т. 1—2. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика*. 2015. № 2. С. 41—50. [Bogdanova, L. (2015). New Words in Interaction of Languages and Cultures. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 41—50. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 4. С. 729—748. [Bogdanova, L. (2017). The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748 (In Russ.)] doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.

- Бартминьский Е. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. М., 2005. [Bartmin'skii, Ezhi (2005). *Yazykovoii obraz mira: ocherki po etnolingvistike (The Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics)* Moscow (In Russ.).]
- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М., 1996. [Wierzbicka, Anna (1996b). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и описание языков* / Пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999b. [Wierzbicka, Anna (1999b). *Semantic universals and description of languages*. Translated from English by A. Shmelev. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).]
- Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов* / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001c. [Wierzbicka, Anna (2001c). *Understanding culture through keywords*. Translated from English by A. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры, 2001d. [Wierzbicka, Anna (2001d). *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 2011. [Wierzbicka, Anna (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. [Volkova, Yana, Panchenko, Nadezhda (2018). Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 175—194. (In Russ.)] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.
- Гладкова А.Н. *Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010b. [Gladkova, Anna (2010b). *Russian cultural semantics: Emotions, values, attitudes*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Добричев С.А., Козлова Л.А., Пшенкина Т.Г. *Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней*. Барнаул: АлтГПА, 2013. [Dobrichev S.A., Kozlova L.A., Pshenkina T.G. (2013). *Etnokul'turnyi potentsial yazykovykh edinit razlichnykh urovne*. (Ethnocultural potential of language units at various levels). Barnaul: AltGPA Publ. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис, 2006. [Dement'ev, Vadim. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* (Indirect communication). Moscow: Gnozis Publ., 2006. (In Russ.)]
- Зализняк Анна А. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zalizniak, Anna (2013). *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspective* (Russian semantics in a typological perspective). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zalizniak, Anna, Levontina, Irina, and Alexey Šmelev (2005). *Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira (Key ideas of the Russian linguistic picture of the world)*. Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)]
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2012. [Zalizniak, Anna, Levontina, Irina, and Alexey Šmelev (2012). *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira*. (Constants and variables of the Russian language picture of the world). Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)]

- Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 3. С. 628—652. [Zalizniak, Anna and Paducheva, Elena (2018). Towards a Semantic Analysis of Russian Discourse Markers: *pozhaluj, nikak, vsjo-taki*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 628—652 (In Russ.)]. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-628-652.
- Зыкова И.В. *Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты*. М.: Гнозис, 2017. [Zykova I.V. (2017). *Meta-language of linguistic culturology: Constants and options*. Moscow: Gnosis Publ., 2017 (In Russ.)]
- Иванова С.В. *Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц*. Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2003. [Ivanova, S.V. (2003) *Lingvokul'turologicheskii aspekt issledovaniya yazykovykh yedinit* (Linguocultural perspective of the study of language units). Ufa: Bashkir University Publ. (In Russ.)]
- Иванова С.В. *Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм*. Уфа, 2004. [Ivanova, S.V. (2004). *Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazheniye paradigm* (Linguistic culturology and linguistic cognitive science: conjugation of paradigms). Ufa (In Russ.)]
- Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 9—16. [Ivanova S.V. (2016). Cultural Linguistics: studying linguocultural universum. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 9—16. (In Russ.)]
- Иванова С.В., Чанышева З.З. *Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения*. Уфа, 2010. [Ivanova S.V., Chanysheva Z.Z. *Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya* (Linguoculturology: problems, searches, solutions). Ufa, 2010 (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik V.I. (2002) *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language circle: Personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковые ключи*. М.: Гнозис, 2009. [Karasik V.I. (2009). *Yazykovyye klyuchi* (Language keys). Moscow: Gnosis Publ., 2009. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковая кристаллизация смысла*. Волгоград: Парадигма, 2010. [Karasik V.I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* (Linguistic crystallization of meaning). Volgograd: Paradigma Publ., 2010. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Волгоград: Парадигма, 2015. [Karasik V.I. (2015). *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* (Language Spiral: Values, Signs, Motives). Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56—77. [Karasik, V.I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77] (In Russ.)] doi: 10.22363/231291822016204567.
- Ковшова М.Л. *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*. М.: УРСС, 2-е изд., 2013. [Kovshova M.L. (2013). *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii. Kody kul'tury* (Linguoculturological method in phraseology. Culture codes). Moscow: URSS Publ. (In Russ.)]
- Козлова Л.А. *Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего*. Барнаул: АлтГПА, 2009. [Kozlova L. A. (2009). *Etnokul'turnyi potentsial grammaticheskogo stroya yazyka i ego realizatsiya v grammatike govoryashchego* (Ethnocultural potential of the grammatical structure of the language and its implementation in the grammar of the speaker). Barnaul: AltGPA Publ. (In Russ.)]

- Красных В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. [Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya (Ethnopsycholinguistics and linguistic cultural studies)*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2007. Том 66. № 3. С. 3—17. [Larina, Tatiana (2007). *Etnostilistika v yeye kommunikativnom aspekte (Ethnostylistics in communicative perspective)*. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language*, 2007, 66 (3), 3—17. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, Tatiana (2009) *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavleniye angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii (Politeness and communicative styles: Comparison of English and Russian language and culture traditions)*. Moscow: Jazyki Slavianskikh Kul'tur Publ. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013 [Larina, Tatiana (2013) *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya (The British and the Russians: Language, culture and communication)*. Moscow: Jazyki Slavianskikh Kul'tur Publ. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации: учебник для студ. учреждений высш. образования*. М.: Издательский центр «Академия», 2017. [Larina, Tatiana (2017). *Intercultural Communication*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Озюменко, В.И. Этническая идентичность в языке и коммуникации [Larina, Tat'yana and Vladimir Ozyumenko (2016). *Ethnic identity in language and communication. Cuadernos de Rusistica Espanola*, 12, 57—68. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Свобода личности как конституирующий компонент английского дискурса. *Известия Южного Федерального университета. Филологические науки*. 2017. № 2. С. 160—172 [Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko (2017). *Personal freedom as a constitutive element of English discourse. Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2, 160—172 (In Russ.)]. doi: 10.23683/1995-0640-2017-2-160-172.
- Леонтович О.А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурной коммуникации*. М.: Гнозис, 2005. [Leontovich O.A. (2005). *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnoi kommunikatsii (The Russians and Americans: the paradoxes of intercultural communication)*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. *Введение в межкультурную коммуникацию*. М.: Гнозис, 2007. [Leontovich O.A. (2007). *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu (Introduction to Intercultural Communication)*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Привалова И.В. *Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации)*. М.: Гнозис, 2005. [Privalova I.V. (2005). *Interkul'tura i verbal'nyy znak (Lingvokognitivnyye osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii)*. (Interculture and a verbal sign (linguocognitive basis of intercultural communication). Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (Language and intercultural communication)*. Moscow: Slovo Publ. (In Russ.)].
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. [Shahovsky, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii (Linguistic theory of emotions)*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология*. URSS Publ. 2010 [Shahovsky, V.I. (2010) *Jemocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: Alinguistic, linguistics, cultural linguistics]*. Izd. stereotip. URSS Publ. (In Russ.)]

- Шаховский В.И. *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. [Shahovsky, V.I. (2015). *Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens*. 3-nd edition. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. [Shakhovsky, Victor (2018) The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79 (In Russ.)] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.
- Шмелев А.Д. *Русская языковая модель мира: материалы к словарю*. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Šmelev, Alexey (2002). *Russkaja jazykovaja model' mira: materialy k slovarju* (The Russian language model of the world: materials for a dictionary). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 3. С. 675—700. [Shmelev, Alexei (2018). Russian Words for 'Freedom' Revisited. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 675—700. (In Russ.)] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700.

Electronic resources / Электронные ресурсы

NSM-APPROACH.NET <https://nsm-approach.net/>

NSM Homepage <https://intranet.secure.griffith.edu.au/schools-departments/natural-semantic-metalanguage>

For citation:

Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 717—748. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.

Для цитирования:

Гладкова А.Н., Ларина Т.В. Анна Вежбицкая: язык, культура и коммуникация // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 717—748. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.

Bionotes:

ANNA GLADKOVA is a Lecturer in English as an International Language at Monash University and an Honorary Lecturer in Linguistics at the Australian National University. She received her PhD in Linguistics from the Australian National University. Her research interests include semantics, pragmatics, language and culture interface, cognitive linguistics and Natural Semantic Metalanguage. She has taught linguistics and applied linguistics at the Australian National University and University of New England (Australia) as well as University of Sussex and University of Brighton (United Kingdom). She is member of the Editorial Board of *Corpus Pragmatics* and *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (Springer).

Contact information: angladkova@gmail.com

TATIANA V. LARINA is Full Professor at RUDN University, and is the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of Linguistics*. Her research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics, intercultural communication, communicative ethnostyles, and (im)politeness theory. Key publications: *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions], Moscow, 2009; *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The English and the Russians: Language, Culture and Communication],

Moscow, 2013; *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Intercultural Communication], Moscow, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015.

Contact information: larina_tv@rudn.university

Сведения об авторах:

АННА ГЛАДКОВА получила степень PhD по лингвистике в Австралийском национальном университете. Она преподает в Университете Монаш (Австралия), а также является почетным преподавателем лингвистики в Австралийском национальном университете. Ее научные интересы включают семантику, прагматику, взаимодействие языка и культуры, когнитивную лингвистику и Естественный Семантический Метаязык. Она преподавала лингвистику и прикладную лингвистику в Австралийском национальном университете и Университете Новой Англии (Австралия), а также в Университете Сассекса и Университете Брайтона (Великобритания). Она является членом редколлегии журнала *Corpus Pragmatics* и *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (издательство Springer).

Контактная информация: angladkova@gmail

ЛАРИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; этнокультурные стили коммуникации; теория (не)вежливости. Основные публикации: *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009; *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013; *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Академия, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015.

Контактная информация: larina_tv@rudn.university

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-749-769

In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition — 30 Years Later

Jerzy Bartmiński

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie
Pl. M. Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin

Abstract

The author recalls the close ties linking Professor Anna Wierzbicka with the community of linguists centered around the journal “Etnolingwistyka”/“Etnolinguistics” published in Lublin (vols. 1—30, 1988—2018) and with Maria Curie-Skłodowska University, where in 2004 she received the title of *doctor honoris causa* for her research into universals in different world languages and her service as a morally sensitive humanist. The complementary character between the frameworks advocated by Wierzbicka and Lublin ethnolinguists consists in the opposition to taxonomic approaches to word meaning and the adoption of the subjective reconstruction principle, which derives from Wilhelm Humboldt’s philosophy of language; in the appreciation of the role of colloquial language and the intuition of the average language user; in the use of both systemic and textual data, taking into account all relevant communication features that can be supported with “linguistic evidence”; in the use of simple sentences for definitions, which are arranged in coherent, faceted sequences. Anna Wierzbicka, similarly to Lublin ethnolinguists, postulates to capture the meaning of words in the context of social life, history and national culture. In particular, the author focuses on the concept of the so-called cognitive definition. The article discusses its genesis, construction principles and the most important inspirations for its emergence; although the concept itself was created autonomously as an extension of studies on the language of folklore, independently of Anna Wierzbicka’s works, it nevertheless exhibits clear parallels to the way of thinking of the scholar from Canberra. The author of this article shows the similarities (convergences) between the cognitive definition and the NSM (Natural Semantic Metalanguage) method developed by Anna Wierzbicka on the examples of *mother* and *gold*, but it also highlights some differences, which in the case of the cognitive definition are related to the use of colloquial definientia that do not have the status of semantic “primitives” (*primes*). Finally, on the example of the concept HOME/HOUSE, the author considers new perspectives for applying the cognitive definition in comparative works undertaken within the framework of the EUROJOS seminar.

Keywords: *cognitive definition, Lublin school of cognitive ethnolinguistics, Anna Wierzbicka, EUROJOS seminar, Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów [Axiological Lexicon of Slavs and their Neighbours]*

В кругу вдохновения Анны Вежбицкой: когнитивное определение 30 лет спустя

Ежи Бартминьски

Университет Марии Кюри-Скłodовской
Pl. M. Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin

Автор обсуждает тесные связи профессора Анны Вежбицкой с сообществом лингвистов, сосредоточенных вокруг журнала «Этнолингвистика», публикуемого в Люблине (тома 1—30, 1988—2018), и Университета им. Марии Скłodовской-Кюри. Здесь в 2004 году А. Вежбицкая получила звание

doctor honoris causa за ее исследования в области универсалий на материале различных языков мира и за ее деятельность как гуманиста. Подходы А. Вежбицкой и люблинских этнолингвистов связывает противостояние таксономическим подходам к изучению смысла и принятие принципа субъективной реконструкции, вытекающего из философии языка Вильгельма Гумбольдта; в понимании значимости разговорного языка и интуиции носителя языка; в использовании как системных, так и текстовых данных с учетом всех соответствующих функциональных связей, которые могут быть поддержаны «лингвистическими данными»; в использовании простых предложений для написания толкований, расположенных в когерентных, фасетных последовательностях. А. Вежбицкая, как и люблинские этнолингвисты, отмечает, что изучать смысл слов важно в контексте общественной жизни, истории и национальной культуры. В статье автор фокусируется на концепции когнитивного определения, рассматривает ее генезис, принципы построения и наиболее важные идеи. Хотя сама концепция была создана независимо от работ А. Вежбицкой как продолжение исследований языка фольклора, между ними прослеживаются четкие параллели. Автор статьи показывает сходство между когнитивным определением и методом ЕСМ (Естественного Семантического Метаязыка), разработанным А. Вежбицкой, на примерах лексем *мать* и *золото* и также демонстрирует некоторые различия, которые в случае когнитивных определений связаны с использованием компонентов толкований, не имеющих статуса семантических примитивов. На примере концепта HOME/HOUSE автор рассматривает новые перспективы применения когнитивного определения в сопоставительных работах, проведенных в рамках семинара EUROJOS.

Ключевые слова: когнитивное определение, люблинская школа когнитивной этнолингвистики, Анна Вежбицкая, семинар EUROJOS, Аксиологический лексикон славян и их соседей

1. INTRODUCTION

1.1. Professor Anna Wierzbicka has special ties with linguists in Lublin. These ties have been established on both the personal (long-term friendship dating back to the times of unforgettable Prof. Maria Renata Mayenowa) and scientific level, including fruitful scientific collaboration, permanent presence of her works in university didactics at the Department of Polish Studies of Maria Curie-Skłodowska University (UMCS) and — last but not least — the development of scientific concepts in the academic circle that has recently been referred to as “Lublin Cognitive Ethnolinguistics” (LCE). Wierzbicka’s articles (“Uniwersalne pojęcia ludzkie i ich konfiguracje w różnych kulturach” 1991; “Między modlitwą a przekleństwem” 1996, “O polskich słowach-wartościach: *dobroci, prawości i odwadze*” 2011—2012) and her reviews were printed in the journal *Ethnolinguistics* published in Lublin; her sketch *Semantyka i Ewangelia* appeared in the volume *W zwierciadle języka i kultury* (Lublin 1999); her excellent sketches on the names of animals 1993 and the split subject 2008 (concerning the situation of a bilingual person) were published in Lublin “red series”, while the didactics-oriented “green series” published at UMCS reprinted six of her sketches: on the semantics of polite phrases, on dialects, jargons and styles, on the speech genres, on the semantic coherence of text, on the metatext in text, on hypotaxis and nominal constructions in the development of the Polish language. Both students and scholars read Wierzbicka’s articles with pleasure, because they are well-written and address real and topical problems. Since 1998 Anna Wierzbicka has been a member of the editorial board of the journal “Ethnolinguistics”. An initiative to publish in Polish her scholarly works written in English also originated in Lublin — the volume *Język, umysł, kultura* appeared in Warsaw in 1999, edited by J. Bartmiński. In 2004 Anna Wierzbicka

received the title of *doctor honoris causa* at Maria Curie-Skłodowska University (see: Wierzbicka 2004). On this occasion, the UMCS publishing house published her dissertation entitled *Jak można mówić o Trójcy Świętej w słowach prostych i uniwersalnych*. The translation of Anna Wierzbicka's seminal book *Semantics. Primes and Universals* (Oxford 1996) published in Lublin in 2006 under the title *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne* resulted in two editions of the book.

Anna Wierzbicka's works had a significant impact on shaping the profile of the journal and on the research community gathered around the journal which, embedded in the fields of ethnolinguistics or anthropological and cultural linguistics, developed its own, to some extent original, research methodology. One of the most important elements of the conceptual apparatus of LCE (encompassing such key concepts as linguistic worldview, subject, values, stereotype, point of view and perspective, profiling) is a special way of defining meanings referred to as "cognitive definition" (CD). The conception behind this definition, which will be elaborated on in detail in further sections, corresponds with the proposals made by Anna Wierzbicka (in particular those discussed in her book *Lexicography and Conceptual Analysis*, 1985). The cognitive definition is one of the methodological tools used in the works of *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* developed as part of the international EUROJOS seminar.

In the following I will discuss (1) the genesis and development of the concept of cognitive definition; (2) its principles; (3) the most important sources of inspiration for its creation; (4) the concept development after the publication of the SLSJ pilot volume in 1980; (5) the reception of the CD conception in Poland and some misunderstandings related to its application; (6) the comparison of CD with other methods of defining (Maciej Grochowski's concept, Anna Wierzbicka's concept of NSM = Natural Semantic Metalanguage) — convergences and differences, and finally (7) new perspectives for applying CD in comparative studies undertaken within the framework of the EUROJOS seminar — on the example of the concept HOUSE/HOME.

1.2. The commentary of the editors of the book *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture* (see: Gład, Danaher, Łozowski 2013) in the part devoted to the cognitive definition¹, reads:

"The name of Anna Wierzbicka is especially important in the context of the so-called 'cognitive definition' of the 'mental object' associated with a given entity, of the way it is viewed, categorized, evaluated, and talked about by speakers of given languages (see Bartmiński, 1988). On the one hand, the preliminary instalment of SSSL (Bartmiński 1980) arose independently of Wierzbicka's theory of semantic primitives as a continuation of the work on folklore inspired by the linguist Maria Renata Mayenowa. However, in his major article on the cognitive definition, Bartmiński (1988) already refers to Wierzbicka's *Lexicography and Conceptual Analysis* (1985). This, in the words of the former author (p.c.), is Wierzbicka's most interesting work, with an introduction that contains an excellent

¹ „The cognitive definition”, pp. 137—224; it featured articles by Anna Wierzbicka, Jerzy Bartmiński, Katarzyna Prorok and Adam Gład, Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska and Agata Bielak.

account of a comprehensive semantic description that is also pursued by the Lublin-based ethnolinguists.

It therefore seemed justifiable to include Anna Wierzbicka's chapter at the beginning of the section on the cognitive definition in this volume: her explications have conceptually fuelled the pursuits of Bartmiński and his collaborators and while the two approaches arose independently, they follow the same general path" (Głaz, Danaher, Łozowski 2013: 16).

Comparing the assumptions of LCE with her own concept of NSM, Anna Wierzbicka wrote herself:

"Despite the fact that we work in different fields, from different viewpoints, in different disciplinary contexts, and with different methodologies, I consider our approaches to be complementary and the directions of our research to be convergent" (Wierzbicka 2013: 137).

The complementary nature of NSM and LCE can be attributed to the fact that, among others, both stand in opposition to traditional taxonomic interpretations of lexical meaning and adopt the principle of reconstructing the meaning by the speaking subject, which in turn is derived from the philosophy of language postulated by W. Humboldt.

"The main objective of the cognitive definition is to reflect the way of understanding a given object by speakers of a particular language, i.e. on the basis of the socially accepted and language-mediated knowledge of the world, categorisation of linguistic phenomena, their characteristics and axiology" (Bartmiński 1988: 169).

Likewise, Anna Wierzbicka bases her definitions (explications) on the intuition of a language user (Wierzbicka 1993: 262—264). Both conceptions converge in that their explications go beyond the taxonomic features (necessary and sufficient to separate the object) and take into account all semantically relevant characteristics. Both refer to lexical, phraseological, paremiological and textual sources, including stereotyped texts. Both build definitions using simple sentences linked together into coherent sequences that are grouped according to facets.

2. THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE CD

The conception of a new linguistic definition that for some time has been referred to as the cognitive definition, was born over thirty years ago and has its own "little story".

2.1. It was used for the first time in the pilot issue of *Słownik ludowych stereotypów językowych* [Dictionary of folk linguistic stereotypes] (SLSJ 1980) as an alternative to minimalist definitions (postulated by M. Grochowski, 1975, 1993) and taxonomic, scientific definitions practiced widely in the Polish lexicography². In 1980, the author of the introduction to SLSJ commented on the assumptions of the definition in the following words:

"The content of the definition always corresponds to some knowledge of the world. Upon defining the sun as 'a central celestial body of the solar system, a ball of gas with

² Renata Przybylska recognised the CD to be equivalent to the types of definitions discussed by Witold Doroszewski in the introduction to SJP [Dictionary of the Polish Language, vol. 1, 1958: XXX—XXXV]: realistically semantic, structurally semantic, structural, extensional, synonymic and grammatical (Przybylska 2003: 229). However, in fact, due to its subjectivity (how people understand the words, not what words mean) the CD stands in opposition to all of them.

very high temperature, radiating vast amounts of energy [...]’ (sun defined in an academic dictionary) we would be in line with the requirements of logic regarding building real equivalent definitions, but we would perform a jump into another consciousness, another worldview, another culture. In [our] dictionary we want to avoid such explications that would subsume folk ideas about the world under the concepts adopted in the literary language. [...] For the representative of the folk culture the sun is rather ‘the brightest light in the sky that illuminates and warms the Earth, it is the cause of life on Earth, and by moving itself determines the measure of time’” (SLSJ 1980: 23—24).

In the pilot issue of SLSJ 1980, apart from the definition of the concept *sun*, other similar definitions were constructed for, *inter alia*, *stars*, *cuckoo*, *horse* and *ox* or even *thaler* and *rosemary*. Consider, for example, the following definitions³:

Star — “a little light in the sky shining at night. Its behaviour and location may be used to tell one’s fortune. Everyone has their own star — destiny”⁴.

(Cf. definition in USJP 2003: “a celestial body composed of gases and plasma, emitting light as a result of thermonuclear reactions taking place in its interior...”)

Cuckoo — “a grey or white bird that *cuckoos* in the woods, near the house, it lays its eggs in the nests of other birds and does not care about their fate; according to folk beliefs its voice foretells luck (long life, wedding, spring, children, money) or misfortune (death, spinsterhood, illness, hunger, bad weather). Associated with single women and sorrow, tears”⁵.

Horse — “livestock animal; big, strong, valuable; wise, faithful; helps people, can sense the death of a man; used for riding and in teams (i.e. for driving a car or to plough and harrow), most appreciated among farm animals, considered the animal of a man (host, bachelor, soldier) while the female animal was a cow. Having a horse was a sign of wealth and the source of pride. Qualities attributed to horse: spontaneity and demonic”⁶.

The source of the definitions included in the pilot issue were dialectological (dictionaries, atlases, text records) and ethnographic data (records of beliefs and practices), and in particular stereotyped texts (examples of collective oral creativity: songs and poems, riddles and proverbs, fables and stories). Etymological dictionaries were reported to be particularly useful, because finding the onomasiological base of a name provides information relevant to arriving at the linguistic conceptualization of a given entry (Bartmiński 2013c). Existing data were continuously supplemented with data obtained in the course of interviews with field informants, which over time have been expanded by using systematic surveys.

2.2. In hindsight, the trial issue of SLSJ 1980 can be considered a “manifesto” of the Lublin Cognitive Ethnolinguistics as it included all the most important ideas developed further by the Lublin-based team of linguists in their works. This does not mean, however, that the new proposal for defining concepts in a cultural context was not modified in subsequent years and developed further. On the contrary, it was taking its final shape gradually as more studies were published by the author and his associates.

³ I cite definitions in a condensed form, full definitions are much longer as they encompass explication and textual documentation.

⁴ SLSJ 1980: 74—79; entry prepared by Jadwiga Chodukiewicz.

⁵ SLSJ 1980: 145—158; entry prepared by Irena and Czesław Kosyłowicz.

⁶ SLSJ 1980: 119—144; entry prepared by Jerzy Bartmiński.

In the years 1988—1996 the members of the ethnolinguistic team tested the CD on selected examples such as *stars* (Niebrzegowska 1990), and *korovai, crying, nightmare, roadside, strzygoń, sea, new moon*⁷. This period of testing the applicability of the CD ended with the new edition of the entry *sun*⁸. While respecting all the requirements formulated earlier, the documentation was divided according to speech genres and this innovation proved to be very fruitful as it opened up interesting research perspectives for the study of text genres in folklore, it also allows to extract the semantic specificity of proverbs, riddles, folk healer orders and other genres. The entry *sun* became a model for the development of all entries in the first volume of *Słownik ludowych stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL) [Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols], which has been published since 1996⁹.

The conception of the CD in a more or less “orthodox” form was also used for subsequent entries coming from both the folk Polish — *Danube, rock, ash* — and the standard language — *mother, equality, responsibility, text*¹⁰.

2.3. The rules of this type of defining can be generally and synthetically presented below:

(1) The definition answers the question of how people understand the words (subjectively) and not what is the meaning of lexical items (objectively); in other words, the proposed definition refers to the epistemology, it reflects the consciousness of language users, and not — as in the case of “academic” definitions (e.g. SJP Dor) — the “objectivist” realm, i.e. answers to the question “what does the word mean and which object does it refer to?”.

(2) The definition (also referred to as explication) reflects in definitia common knowledge about the world as well as widely-held beliefs and axiology, in short — the common conceptualization of the world; therefore, the meta-language of description is colloquial Polish while scientific language is avoided.

(3) The subject of the definition is a “mental object”; however, the definition is not limited to listing only its “necessary and sufficient” features (for taxonomic purposes), but includes a whole array of characteristics, entrenched in the linguistic worldview of this object.

(4) In contrast to differentiating the meaning with the use of abstract semantic markers (“semes”), the main component of the CD is a stereotypical (conventionalised) evaluation of a prototypical entry (concept) in the linguistic form of a sentence or text.

(5) Definitions are subjected to parametrization (this was already done in the pilot issue of 1980); subcategories are singled out and called “facets”: they refer to the name and its position in the language system: hypernym, hyponym, cohyponyms, synonyms and oppositions, metaphoric and symbolic uses of the entry and its cultural equivalents; but parameterization includes also such characteristics of the entry as collections, origin, parts, attributes, quantification, subject roles (agent, stator, processor, sensor), object

⁷ For further information, see Maksymiuk-Pacek and Niebrzegowska-Bartmińska 2009.

⁸ Bartmiński, Niebrzegowska 1994.

⁹ See SSiSL 1996—2017.

¹⁰ For further information, see Maksymiuk-Pacek and Niebrzegowska-Bartmińska 2009.

roles (object, instrument, recipient, locator, material for making something). The selection and arrangement of facets should reflect the way the cognitive content entrenched in language is structured.

(6) Due to the significant extension of the definition the sample material (documentation) is presented in a separate text block, separated from the explication. During the development of the entry *sun* (Bartmiński, Niebrzegowska 1994) the division of the documentation into distinct types of context was introduced for the first time.

3. SOURCES OF INSPIRATION

The concept of the CD has a substantial historical and theoretical basis.

3.1. The fact that the CD is based on the speaker's knowledge, on the awareness of an average language user rather than on scientific knowledge, refers to the tradition of anthropological linguistics, in particular German tradition, i.e. the cultural and linguistic approach postulated by Johann Herder (language is the treasury of the thought of an entire people) and Wilhelm Humboldt (2001/1836) (each natural language carries a certain vision of the world, worldview, *Weltanschauung*, and a way of perceiving the world, *Weltansicht*, and the character and structure of a language expresses the inner life and knowledge of its speakers), the philosophical tradition of Immanuel Kant (objects of experience are mind-dependent) and Ernst Cassirer (cognition is a symbolic assimilation of phenomena by the human mind, and culture is a world of symbolic forms), as well as the British linguistic anthropology in the spirit of Bronisław Malinowski (1987/1935) (to perceive the world through the eyes of a native and respect his canon of behaviour). The understanding of stereotype adopted by the LCE owes much to Walter Lippmann (1922) and Hilary Putnam (1975). The latter tasked linguists with developing methods of describing a stereotype; the CD is an attempt to undertake this task.

3.2. The postulate to build a definition by grouping sentential contexts that communicate stereotypical judgments about the subject and show the lemma in various combinations, corresponds to the concept of the contextual definitions, axiomatic definitions or definition by postulates (Ajdukiewicz 1965: 79—82), and partial definitions, whose rules in Polish were introduced by Pawłowski (1978) in reference to the works by Rudolf Carnap and Ludwig Wittgenstein. In particular, the concept of the CD owes much to the inspirations coming from semiotics (Ivanov and Toporov 1965), semantics (Wierzbicka 1971, 1984, 1985), ethnolinguistics (Tolstye 1978) and works by Apresjan (1982/1974).

3.3. The principle of combining definitional sentences into semantic subcategories is based on the categorization used in syntax, modern word-formation, and semantics¹¹ and it refers to the Aristotelian tradition. The categories of substance, size, quality, relation, place, time, status, activities etc. distinguished by Stagirite were the result of “the observation of the attitude of a mere mortal towards the surrounding world”¹².

¹¹ See: Klemensiewicz 1958, Fillmore 1971, Dokulil 1979, Grzegorzczkova 1984.

¹² Jodłowski 1971: 14.

4. THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE CD AFTER THE PUBLICATION OF THE PILOT ISSUE OF SLSJ (1980)

After the publication of the pilot issue in 1980 the work on the CD was continued. In 1984, in the article entitled *Definicja leksykograficzna a opis języka* [Lexicographic definition and the description of language] (Bartmiński 1984) scientific (“taxonomic”) definitions were criticized and justification was given to the demand for going beyond the necessary and sufficient features in the direction of the connotative features¹³.

In the article from 1988 entitled *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji* [The cognitive definition as a tool for describing connotations] the term “cognitive definition” was introduced, its use was justified and four basic principles of the CD were formulated: content adequacy, structural adequacy, reference to a typical (stereotypical, prototypical) object, facet parametrization (Bartmiński 1988).

The CD was introduced as the primary way to draw up articles in *Słownik stereotypów i symboli ludowych* [Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols], published in Lublin since 1996; 5 issues have been published so far (see SSiSL 1996—2017).

Subsequent articles discussed the open nature of the CD (Bartmiński, Tokarski 1993) and the importance of the operation of profiling the underlying ideas (Bartmiński, Niebrzegowska 1998; Bartmiński, Chlebda 2013c). The CD was characterised as a text of culture (within the meaning of the Tartu school, Bartmiński 2013a) and narrative text (Bartmiński 2014a), the significant role of etymological data was shown (Bartmiński 2013c) and the usefulness of surveys in creating the CD was emphasized (Bartmiński 2014b). Two possible perspectives (semasiologic and onomasiatic) were distinguished in the creation of the CD and reconstruction of the linguistic worldview (Bartmiński 2015).

5. THE RECEPTION OF THE CD IN THE COMMUNITY OF POLISH LINGUISTS

The concept of the CD met with favourable response on the part of the scientific community in Poland, which can be measured by the publication of a series of articles written according to the proposed design / idea and the spread of the term “cognitive definition”. The search word “cognitive definition” yields over two thousands entries on Google.

The translations into foreign languages of the article about the CD from 1988 (in Russian, English, Serbian and Czech) is a clear sign of interest on the part of foreign scientists.

5.1. Although the definition was created for the explication of folk stereotypes, it was recognized relatively quickly (and correctly) that it also applies to the nationwide vocabulary and is not limited only to popular varieties of the language. The first work

¹³ Piotr Żmigrodzki recognized that “[this] text initiated certain movement in the Polish meta-lexicographic discussion” and that “only in 2000 *Inny słownik języka polskiego* was published, which introduced definitions which — in broad outline — met [...] Bartmiński’s postulates, and which definitely broke off with scientism so prevalent in the Polish lexicography in the past” (Żmigrodzki 2010: 33—34).

written by an author outside of the Lublin centre but modelled on the articles published in SLSJ 1980 was an article by Janusz Anusiewicz, who developed the CD of *cat*¹⁴ and *horse*¹⁵. A number of articles with the phrase “cognitive definition” in the title were published. The CD was used to describe both common — *democracy*¹⁶, *tabloid*¹⁷, *number seven*¹⁸ — and proper names, among others mythological concepts: *Marzanna*¹⁹, *Perun*²⁰, *Wolos*²¹. There have also been some books published, which may not feature the term CD in the title, but their authors explicitly declare the application of its principles. For example, S. Niebrzegowska-Bartmińska in her dissertation *Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej* (2007) [Patterns of oral texts: An ethnolinguistic approach] devoted a chapter to the “cognitive definition of a text” (pp. 23—28). Katarzyna Smyk described *Christmas tree*²², Szymon Pawlas — *God/gods*²³ and Michał Grech — *university*²⁴.

5.2. Not all attempts to use the CD are equally successful. This leads sometimes to confusion when it comes to how it is understood and applied.

It is a mistake to bring the essence of the CD to the facet system of definitional sentences. This feature is important (because it helps to understand the processes underlying the profiling of a concept in different discourses), but by no means the most important — in an article from 1988 it is listed as the last, fourth one. The most important is content and structural adequacy in relation to language user’s awareness.

The second misunderstanding is connected with the way the survey results are used. The answers given by respondents are not and cannot be regarded as ready definitia²⁵, they require generalising reinterpretation. Besides, not all object features listed by the respondents in the questionnaire are worthy of their inclusion in the definition. Meaning has a concentric structure: it is composed of the nuclear features (mentioned in the questionnaire regularly and often), and peripheral features (mentioned rarely, often only once).

Debatable is also the issue of openness of the CD. The semantic definition differs from the encyclopaedic one in this respect that the former exposes these features for which we can provide hard “linguistic evidence” (a term used by Wierzbicka 1993: 259) or which we can submit to certification (Bartmiński 2015). The openness was ascribed to the CD in the article *Definicja semantyczna: czego i dla kogo* (Bartmiński, Tokarski 1993), because apart from explicit characteristics there are consecutive characteristics accessible as “cognitive paths”; the openness of definitional characteristics is indicated

¹⁴ Anusiewicz 1989, 1994: 117—139.

¹⁵ Anusiewicz 1994: 139—149.

¹⁶ Grzeszczak 2009.

¹⁷ Skowronek 2010.

¹⁸ Wójtowicz 2013.

¹⁹ Łuczyński 2008.

²⁰ Łuczyński 2011.

²¹ Łuczyński 2012.

²² Smyk 2009.

²³ Pawlas 2013.

²⁴ Grech 2013.

²⁵ See: Jedliński 2000.

clearly by the results of the survey, which show that the characteristics attributed to a given object by the respondents arranged according to the frequency of their appearance show a system that expires gently without clear thresholds (Bartmiński 2014b). It cannot be forgotten, however, that definitional features are characterised by a different degree of entrenchment, and the most significant aspects of the entrenchment of those features are: names (their “internal form” revealed in the etymological and word-formation analysis), derivatives, collocations, metaphorical uses, their use in presuppositions and predicatives. I will show this in more detail on the example of *gold* (see below).

6. THE CD VIS-À-VIS MACIEJ GROCHOWSKI'S MINIMALIST (STRUCTURAL) DEFINITIONS AND ANNA WIERZBICKA'S NATURAL SEMANTIC METALANGUAGE (NSM)

6.1. The Lublin Cognitive Ethnolinguistics stands in opposition to the minimalist, structuralist definitions of Maciej Grochowski (1975, 1993), but at the same time is close to Anna Wierzbicka's cultural semantics. I will elaborate on this only briefly. Maciej Grochowski (1993) postulated defining the meaning by using only a minimalist set of features understood as strictly structural criteria:

A cabinet is a thing that has been made so that people could store their other things in it.

A stool is the thing that has been made so that people could sit on it.

A bed is a thing that has been made so that people could lie on it. Etc.

The definition consists of an overarching category and a differentiating feature. Grochowski opts for minimalist definitions which contain only the semantic core of words including only the features that are most entrenched, necessary and sufficient. In this proposal, there is no room for linguistic or cultural connotations. I pointed out the weaknesses of this type of definition in the article *Definicja leksykograficzna a opis języka* (1984), where I stressed that it does not reflect what is entrenched in natural language and what constitutes the relevant component of linguistic communication.

6.2. Unlike Grochowski, Anna Wierzbicka (similarly to LCE) calls for capturing the meaning of words in the context of culture. Both the CD and Wierzbicka's concept have similar orientation. Although the idea of the CD was born independently, already in 1980, it was only after the publication of the book by Anna Wierzbicka *Lexicography and Conceptual Analysis* (1985) in which defining features were subjected to precise structuring and grouped into facets, that the concept of the CD has been enriched with the notion of facet and a particular order of the facets that reflects the cognitive structure of concepts was established.

6.3. Nonetheless, there are also some differences.

Although both Anna Wierzbicka and LCE assume the principle of simplistic analysis (rendering complex concepts by simpler ones), Wierzbicka in her explications uses elementary semantic components whose number is very limited, while LCE operates with much richer repertoire of defining expressions derived from the popular vocabulary (used as the metalanguage of semantic description), which correspond, to some degree, to “semantic molecules” in Wierzbicka's theory. Consider, for example, the definitions of *mother*.

In addition to strictly linguistic data, the CD also refers to ‘paralinguistic’ data, practices and beliefs; explications of lexical items belonging to standard national language also use experimental data (survey results). It also takes into account the basic content of lexemes and asks how this content is profiled in discourse.

6.4. *Mother as explained by Anna Wierzbicka and by LCE.* The explanation of *mother* by Anna Wierzbicka.

Wierzbicka’s definition of a mother couched within her Natural Semantic Metalanguage contains the biological, sociological and psychological components of the concept:

X is Y’s mother. =

- (a) at one time, before now, Y was very small
- (b) at that time, Y was inside X
- (c) at that time, Y was like a part of X
- (d) because of this, people can think something like this about X:

‘X wants to do good things for Y

X doesn’t want bad things to happen to Y’ (Wierzbicka 2006b: 186—187).

Matka according to LCE (cf. Bartmiński, ACE 2009, pp. 146—147):

The following aspects (facets) can be recognized in the characterization of the mother: biological, psychological, social (relation to other people), ethical and connected with everyday life. A facet-based arrangement of the features reveals a greater importance of the social aspect relative to others (cf. again the proverb ‘the mother is not she who has given birth, but she who has raised’):

The superordinate category:

- [1] ‘is a female’

biological aspect:

- [2] ‘has a child’ [= gives birth]
- [3] ‘breastfeeds’
- [4] ‘transmits her features to the child’

social aspect:

- [5] ‘looks after’
- [6] ‘assists’
- [7] ‘provides shelter’
- [8] ‘occupies an important position in a group’
- (8a) ‘occupies the most important position’
- [9] ‘punishes and beats her children’
- [10] ‘gives advice to the children’
- [11] ‘teaches her daughter how to work’
- [12] ‘children (should) obey the mother’
- [13] ‘the child should be grateful to the mother for her care’

socio-psychological aspect:

- [14] ‘is tender and loving’
- [15] ‘good’ (← ‘looks after’, ‘is tender and loving’, ‘provides shelter’)
- [16] ‘accepts one unconditionally’
- [17] ‘is treated with fondness and tenderness’
- [18] ‘one loves one’s mother’

aspect of everyday life (behavior):

- [19] ‘manages the home’
- [20] ‘gives orders, drives one to work, scolds, beats’
- [21] ‘is busy’
- [22] ‘is the only one and irreplaceable for the children’
- [23] ‘will recognize her child in any situation’
- [24] ‘marries her daughter’

psychological aspect:

- [25] ‘is emotional’ (← ‘tender and loving’)
- [26] ‘is understanding’
- [27] ‘is wise’
- [28] ‘is strict (her instrument is a stick)’

ethical aspect:

- [29] ‘sets an example to follow’
- [30] ‘is dedicated’
- [31] ‘is self-sacrificing, disinterested’.

The selection of aspects and specific characteristics is decisive for the profiling of the linguocultural image of the mother in social discourse. The different profiles are constructed from the points of view of different speaking subjects: a child, an adult, the family, a local community, the Church. All profiles, nevertheless, are anchored in the base set of features, which I have attempted to reconstruct on the basis of a variety of sources: the language system, texts and questionnaires.

6.5. The principle of certification of features included in the CD: the example of gold. If we put forward the postulate that the definition should bring us closer to the linguistic picture of an object, or should even recreate it, we should adopt the principle of certification of all features considered to be defining and show “linguistic evidence”. The authors of dictionaries usually do not comply with this principle (with the possible exception for ISJP ed. by Bańko). The principle was clearly formulated by Anna Wierzbicka in her book *Lexicography and Conceptual Analysis* (1985) and in the article *Nazwy zwierząt* [The names of animals] (1993). Since “the main objective of the cognitive definition is to reflect the way of understanding a given object by speakers of a particular language, i.e. on the basis of the socially accepted and language-mediated knowledge of the world, categorisation of linguistic phenomena, their characteristics and axiology” (Bartmiński 1988:169—170), the quantity and quality of features given in such a definition must be subject to the certification procedure, it cannot be treated arbitrarily. Popular knowledge in contrast to scientific knowledge can be encapsulated in a certain circle of socially conventionalised and stereotypical judgments about the object. Such features may be objectively verified, because they reflect the collective awareness and knowledge²⁶.

²⁶ It should be added that as opposed to these, encyclopaedic definitions (recognised as scientific ones) are not (by their very nature) accepted by the society (although they could), are created on the basis of specialist knowledge developed continuously, they also depend on the competences of the author of an article and in this sense are “subjective”. This paradox was stressed by Anna Wierzbicka (1993: 252—253).

“Linguistic evidence” encompasses secondary and figurative meaning of a lexical item, its etymology, meaning entrenched in derivatives and present in fixed collocations and phraseological units, as well as the characteristics communicated by stereotyped texts (e.g. proverbs) and presupposed in individual texts.

In light of these criteria the definition of *gold* can involve the following features:

- ◆ **‘being a metal’** — due to contextual embeddedness: *gold, silver, copper and other metals*;
- ◆ **‘precious, valuable’** — due to phraseological units: *sb/sth is like gold* ‘sth/sb very precious’; *sb/sth is worth its weight in gold* ‘sth/sb respected and valuable’; *black gold* ‘coal’; *white gold* ‘cotton’; *gold medal* ‘the best prize’; proverb: *Speech is silver, silence is gold*;
- ◆ ‘with very **positive axiology**, since we speak e.g. *gold-tongued* ‘a talented speaker’; and **emotional approval**: cf. phras. *gold, not human* ‘of a man with very positive character traits’; *my gold one*, ‘a tender address to the loved one or a close person’;
- ◆ indicating **‘richness’**, phras. *a vein of gold, gold business, gold mine* ‘sth that brings high profits’; and derivatives such as *gold-bringing* ‘generating high profits’; *promise sb mountains of gold* ‘promise big wealth’;
- ◆ **‘of yellow colour’** — cf. derivatives: *golden* ‘gold-like colour, shining like gold’; *złocień* [chrysanthemum] ‘plant with goldish yellow flowers’; numerous lexical blends or compounds with *gold-* being the first part of the word: *gold-haired, gold-feathered, gold-coloured*, etc.;
- ◆ **‘shimmering / shiny’** — cf. *to gold* ‘shimmer like gold’; proverb: *All that glitters is not gold*;
- ◆ **‘used to produce jewellery’**, the secondary meaning of *gold* is ‘products made of gold’; cf. also derivatives: *goldsmith, goldsmithery, to gild*;
- ◆ **‘sth desirable, object of desire’**, cf. phras. *gold rush*.

The shortest cognitive definition of *gold* in Polish should be something like: ‘precious metal, most valued, of yellow colour, highly shiny, a sign of wealth, subject of admiration and lust, used for making decorative and symbolic objects (such as wedding rings, liturgical vessels, coins, etc.)²⁷’.

Among the features mentioned there are those entrenched more strongly (‘yellow colour’) or less (‘shiny’), some (‘a sign of wealth’) are derivable from the other (‘precious’). There are features that are “denotative”, “encyclopaedic”, characteristic of the object itself (‘yellow’, ‘shiny’, ‘used to make jewellery’), and “connotative”, resulting from the subjective perception (‘precious’, ‘a sign of wealth’ and ‘object of desire’); the boundary between the “denotative” and “connotative” features is blurred, fuzzy (cognitive scientists question its significance). At the same time, a set of features attributed to the object is open.

²⁷ Similar procedure in building definitions was used by the authors of the entry *horse* (Bartmiński in SLSJ 1980), *cat* (Anusiewicz 1990, 1995), *sun* (Bartmiński, Niebrzegowska 1994), *stork* (Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2008), *text* (Niebrzegowska-Bartmińska 2007); it is used by the authors of entries in SSiSL 1996—2017.

This highly interpretive nature of the popular perception of *gold* was presented recently in SSiSL (Bartmiński, Prorok, 2012). It is based on systemic data and records of different genres of texts (including poetry); it encompasses all, also contextual, connotations of gold. This is a picture more complex than that in the standard Polish language, different to a large extent, created from the point of view and perspective of a “simple” and poor man, for whom gold is an unattainable good of somewhat mythical value.

7. THE APPLICATION OF THE CD IN COMPARATIVE STUDIES UNDERTAKEN WITHIN THE EUROJOS SEMINAR

The concept of the CD was — as already mentioned — used on a large scale in SSiSL²⁸. The experience gained while developing this dictionary and the concepts developed within the Polish cognitive ethnolinguistics²⁹ became the point of departure and offer for the associates of the EUROJOS programme who undertake comparative semantic studies on the international scale.

The premise of the EUROJOS programme, affiliated since 2009 with the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences (and since 2015 also with the Ethnolinguistic Commission of International Committee of Slavists) is to develop parallel descriptions of important cultural concepts in different languages (Slavic and others). In order for such descriptions to be comparable, they must rely on a comparable set of sources and operate with similar definitions. The CD is a proposal which can help meet these criteria.

At the first stage, the analyses of the 5 concepts have been prepared: HOME/HOUSE, EUROPE, WORK, FREEDOM and HONOUR. In 2015—2018 the first four volumes were published (HOUSE/HOME, WORK, HONOUR and EUROPE).

The first volume of *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* [Lexicon of the Axiology of Slavs and their Neighbours] devoted to HOUSE/HOME gathered parallel description of this concept in 18 languages³⁰.

The descriptions of the concept HOUSE/HOME in different languages were compiled according to a single, agreed model. Following a general introduction and presentation of the state of research, it presents:

— systemic data (S): dictionary definitions of house/home names; hypernyms, synonyms; oppositions; derivates; collections and complexes; loose collocations and fixed phrasemes; metaphors;

— survey data (A), answers to the question: “What according to you is the essence of a true home/house?”; respondents: a group of 100 students;

— textual data (T), derived primarily (but not exclusively) from the high-circulation press and national language corpora.

²⁸ See SSiSL 1996—2017.

²⁹ See Nepop-Ajdaczyć 2007; Zinken 2009; Głaz, Danaher, Łozowski (eds.) 2013.

³⁰ This included the following languages: Polish and Czech, Russian, Belarusian and the micro-language Lemko, three Southern Slavic — Bulgarian, Serbian and Croatian — as well as 10 non-Slavic, among others, Lithuanian, Greek, English, French and Portuguese. Additionally, it includes Japanese and three African languages: Swahili, Tamashek and Hausa. A look from afar at the Slavic and European house brings many benefits as it allows to avoid the European ethnocentrism.

The authors worked in two ways: they presented the results of analyses of each data type separately (separate descriptions) or sought to integrate them in a synthetic form using the CD (holistic descriptions)³¹.

The methods of defining in national dictionaries the names for HOUSE/HOME — such as Greek *oikos*, Lithuanian *namai* and *namas*, Polish and Russian *dom*, Belarussian *chata*, Lemko *chyža*, Czech *dům* and *domov*, Bulgarian *kyšča*, Serbian and Croatian *kuća*; French *maison*, Portuguese and Spanish *casa*, English *home* — subjected to analysis revealed differences, but also some commonalities.

In all 18 languages that we examined, the names for HOME/HOUSE are polysemous, but the definitions repeat two components: **place** and **people**. These two dimensions, spatial and human, are related in the sense that people usually live/dwell in a certain place (building). The notion of **living/dwelling** is crucial to the concept HOME/HOUSE. The conceptualisation of home as a dwelling place is primarily an event, not a location, because the function of home/house — living/dwelling — is the most important. The basic conceptual model of HOUSE/HOME can be reconstructed as a configuration of four facets³² forming an ordered whole (gestalt)³³:

{[SUBJECT] + [EVENT] + [LOCATION] + [FUNCTION]}.

Somebody *lives/dwells* somewhere and satisfies there their needs. Subjects and locations may differ, functions are the same.

The following semantic components may be ascribed to the key predicate *live/dwell* — being the lexical representation of the facet [FUNCTION]:

- 1) ‘to be somewhere for a longer period/ permanently’;
- 2) ‘at your own place, in a familiar place’;
- 3) ‘separated from the surroundings, in confinement’;
- 4) ‘in order to satisfy your needs’ such as:
 - ◆ sleep and rest,
 - ◆ protection from cold,
 - ◆ security,
 - ◆ being with other people, including taking care of children (nurturing, bringing them up),
 - ◆ usually also: satisfy hunger,
 - ◆ usually also: ‘personal hygiene (washing/ bathing; excreting),
 - ◆ usually also: transfer of cultural models: speech, beliefs, norms and values,
 - ◆ sometimes also: teaching a profession; earning a living.

The role of the [SUBJECT] living in a house/home is prototypically occupied by a family, in the case of the Polish concept HOUSE/HOME it is mother, in patriotic

³¹ S. Niebrzegowska-Bartmińska (2014) postulated favouring holistic descriptions.

³² The term „facet” is taken from the dictionary of scientific information in the meaning of ‘semantic subcategory’, it is near-synonymous to “aspect”, “dimension” and Langacker’s “domain” (Langacker 2009:71—84), it is convenient due to its substantial flexibility and semantic capacity.

³³ I use the term “Gestalt” in the same sense as cognitivists, cf. Lakoff, Johnson 1988: 96.

profile — “Polish Mother”. The identification of a house/home with a woman is most visible in African languages — in Swahili the word *nyumba* designates both the house and the wife.

The facet [LOCATION] is presented in detail and in many ways. The spatial, physical dimension of HOUSE, its appearance, structure, materials can be referred to using a rich vocabulary, quoted abundantly in the articles and properly classified there.

An important aspect of the concept HOME/HOUSE is ascribed to its axiology. In all languages the oppositions such as own/stranger, close/alien, inside/outside are clearly visible. HOUSE/HOME is on the side of what is familiar, close and refers to the interior, which gives it a highly positive evaluation. There is an opposition — home vs. world.

In all studied languages the concept HOME/HOUSE is subject to metaphorisation. The first metaphoric extension involves the transfer of the name *house/home* to refer to the nearest surroundings, country and homeland, but also to the whole world (e.g. in the Bible). Secondly, we deal with semantic narrowing when *house/home* refers to the human body (also in the biblical tradition).

An important role for the CD play also cultural narratives about HOUSE/HOME, in particular the practice of building a house, moving to/from house/home, being at home / in the house, leaving, going out (or expelling) from home, returning HOME.

A deeper existential and personal but also social and cultural sense was attributed to house/home by Vaclav Havel, Czech writer and philosopher whose words could be used as the motto of our study:

For every man home (Czech: domov) is one of the main existential experiences. What a man considers his home (in the philosophical sense of the word) can be compared to a system of concentric circles in the centre of which is our own “self”. My home is the place where I live at a certain time, the place that I’m used to and which — if I may say so — I enclosed in my own invisible envelope [...].

My home (domov) is this house (dům), where I live, the inhabited point or the city where I was born or currently live, my home (domov) for me is also my family, the world of my friends, the social and spiritual space in which I exist, my profession and place of work. My home (domov) is of course the country where I live, the language that I speak, the spiritual atmosphere of my country passed through the language spoken there. The Czech language, the specific Czech understanding of the world, the Czech historical experience, the Czech variants of heroism and cowardice, Czech humour — all these are inseparable components of my understanding of home (domov). [...]

Apart from that my home (domov) is also Europe and my feeling of being European, and our planet, its modern civilization, and even the whole world. But that’s not all: my home (domov) for me is also my education, upbringing, habits, the environment in which I live and which I consider to be mine; if I belonged to any party, it definitely would also be for me my home (domov) (op. cit. Vanková 2012, p. 61).

8. CONCLUDING REMARKS

The programme EUROJOS is open. After the completion of the first stage of the programme in 2015 and preparation for the publication of the first 5 issues of LASiS (HOUSE/HOME, EUROPE, WORK, HONOUR, FREEDOM) the team of associates from

14 countries declared their readiness to continue the programme. The preparation for the second stage labelled briefly Eurojos-2 is in progress. Almost 80 cultural concepts have been shortlisted to be developed using the CD. Of those the largest number of indications have received among others the following: rodzina / family; zdrowie / zdorov'e / zdravi-nemoc / health; sprawiedliwość-niesprawiedliwość / spravedlivost' / justice-injustice; ojczyzna / rodina / domowina/otadžbina / homeland; demokracja / democracy; solidarność / solidarnost'/ solidarity; tolerancja-nietolerancja / tolerance; człowiek / man; dobro / good; miłość / ljubov' / love; wiara / faith; Bóg — Stwórca / God — Creator; mądrość / um / wisdom; odpowiedzialność / otvetstvennost' / responsibility; patriotyzm / patriotism; życie / život / zivot-smrt / life; chleb / bread; dobroć / goodness; naród / nation; piękno / beauty.

© Jerzy Bartmiński, 2018

REFERENCES

- Ajdukiewicz, Kazimierz (1965). *Logika pragmatyczna*. Warszawa: PWN.
- Anusiewicz, Janusz (1990). Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie. *Etnolingwistyka* 3: 95—141.
- Anusiewicz, Janusz (1994). *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Apresjan, Jurij (1982/1974). *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka*. Transl. by Z. Kozłowska, A. Markowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich [Oryginał: *Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka*. 1974. Moskwa: Nauka].
- Bartmiński, Jerzy (1980). Założenia teoretyczne słownika. In *SLSJ* 1980: 7—36.
- Bartmiński, Jerzy (1984). Definicja leksykograficzna a opis języka. In *Słownictwo w opisie języka*, ed. K. Polański, 9—21. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Bartmiński, Jerzy (1988). Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji. In *Konotacja*, ed. J. Bartmiński, 169—170. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Tokarski Ryszard (1993). Definicja semantyczna: czego i dla kogo? In *O definicjach i definiowaniu*, ed. J. Bartmiński, R. Tokarski, 47—61. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Niebrzegowska, Stanisława (1994). Stereotyp słońca w polszczyźnie ludowej. *Etnolingwistyka* 6: 95—143.
- Bartmiński, Jerzy, Niebrzegowska Stanisława (1998). Profile a podmiotowa interpretacja świata. In *Profilowanie w języku i w tekście*. Ed. J. Bartmiński, R. Tokarski, 211—224. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy, Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława (2008). Miejsce informacji kulturowej w znaczeniu słowa i w rekonstrukcji językowego obrazu świata. In *Bunt tradycji — tradycja buntu*, ed. G. Szwat-Gyłybow, M. Bogusławska, 65—77. Warszawa: Wydawnictwa UW.
- Bartmiński, Jerzy, Prorok, Katarzyna (2012c). Złoto. In *SSiSL* T. I, cz. 4: 163—206.
- Bartmiński, Jerzy (2013a). The cognitive definition as a text of culture. In *The Linguistic Worldview. Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*, ed. by A. Głaz, D.S. Danaher, P. Łozowski, 161—180. London: Versita.
- Bartmiński, Jerzy (2013b). Obraz mira v pol'skoj narodnoj tradicii. In *Ėtnolingvistica Slavica. K 90-letiju akademika Nikity Iljiča Tolstogo*, 26—41. Moskwa: Indrik.

- Bartmiński, Jerzy (2013c). Rola etymologii w rekonstrukcji językowego obrazu świata. *LingVaria* VIII, 2 (16): 233—245.
- Bartmiński, Jerzy, Chlebda Wojciech (2013d). Problem konceptu bazowego i jego profilowania — na przykładzie polskiego stereotypu Europy. *Etnolingwistyka* 25: 69—95.
- Bartmiński, Jerzy (2014a). Narracyjny aspekt definicji kognitywnej. In *Narracyjność języka i kultury*, ed. D. Filar, D. Piekarczyk, 99—115. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy (2014b). Ankieta jako pomocnicze narzędzie rekonstrukcji językowego obrazu świata. In *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów 3. Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. Red. I. Bielińska-Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, 279—308. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Bartmiński, Jerzy (2015). Perspektywa semazjologiczna i onomazjologiczna w badaniach językowego obrazu świata, *Poradnik Językowy*, 1: 14—29.
- Dokulil, Miloš (1979/ 1962). *Teoria derywacji*. Przełożyli z czeskiego A. Bluszcz i J. Stachowski. Wrocław: Ossolineum.
- Fillmore, Charles (1971). Types of lexical information. In *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jako-bovits, pp. 370—392. Cambridge: Univ. Press.
- Głaz Adam, Danaher David, Łozowski Przemysław eds. (2013). *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*. London: Versita.
- Grech, Michał (2013). *Obraz uniwersytetu w opinii mieszkańców Polski*. Wrocław: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej.
- Grochowski, Maciej (1975). *Środek czynności w strukturze zdania*. Wrocław: Ossolineum.
- Grochowski, Maciej (1993). *Konwencje semantyczne a definiowanie wyrażen językowych*. Warszawa: Zakład Semiotyki Logicznej Uniwersytetu Warszawskiego.
- Grzegorzczkova, Renata (1984). *Zarys słowotwórstwa polskiego*. Wyd. IV. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Grzeszczak, Monika (2009). Definicja kognitywna pojęcia demokracji w języku polskim. *Etnolingwistyka* 21: 69—84.
- Humboldt, Wilhelm von (2001/1836), *Rozmaitość języków a rozwój umysłowy ludzkości*. Przekład i wprowadzenie Elżbieta M. Kowalska. Lublin 2001: Redakcja Wydawnictw KUL [Oryginał: *Über die Verschiedenheit des menschliches Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, 1836].
- Ivanov, Vjačeslav, Toporov, Vladimir (1965). *Slavjanskie jazykovye modelirujuščie semiotičeskie sistemy*. Moskwa: Nauka.
- Jedliński, Ryszard (2000). Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej.
- Jodłowski, Stanisław (1971). *Studia nad częściami mowy*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Klemensiewicz, Zenon (1958). O znaczeniu stosunkowym struktur składniowych, *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* vol. XVII: 1—18.
- Lakoff, George, Johnson, Mark (1988/1980). *Metafory w naszym życiu*. Przełożył i wstępem opatrzył T.P. Krzeszowski. [Oryginał ang. *Metaphors We Live By*, 1980]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Langacker, Ronald W. (2009/2008). *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*. [Tłum. zbiorowe z ang. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction* 2008]. Kraków: Universitas.

- LASiS 2015—2017 — *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Vol. 1, *DOM*, 2015, eds. J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, B. Żywicka, pp. 504. Vol. 2. *Europa*, 2018, ed. W. Chlebda, pp. 530. Vol. 3, *PRACA*, 2016, eds. J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska, pp. 455. Vol. 5, *HONOR*, 2017, eds. Petar Sotirov, Dejan Ajdačić, pp. 431. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Lippmann, Walter (1922). *Public opinion*. New York: The Macmillan Company.
- Łuczyński, Michał (2008). Kognitywna definicja *Marzanny* — próba rekonstrukcji fragmentu mitologicznego obrazu świata Słowian. *Studia Mythologica Slavica* XI: 173—196.
- Łuczyński, Michał (2011). Kognitywna definicja *Peruna*: etnolingwistyczna próba rekonstrukcji fragmentu tradycyjnego mitologicznego obrazu świata. *Studia Mythologica Slavica* XIV: 217—228.
- Łuczyński, Michał (2012). Kognitywna definicja *Welesa~Wołosa*: Etnolingwistyczna próba rekonstrukcji fragmentu słowiańskiego tradycyjnego mitologicznego obrazu świata. *Studia Mythologica Slavica* XV: 169—178.
- Maksymiuk-Pacek, Beata, Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława eds. (2009). *Bibliografia adnotowana lubelskiego zespołu etnolingwistycznego (do roku 2009)*. Lublin: Wydawnictwo Polihymnia.
- Malinowski, Bronisław (1987/1935), *Ogrody koralowe i ich magia. Język magii i ogrodnictwa. Dzieła* t. 5. Przełożyła B. Leś. Warszawa 1987: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Nepop-Ajdaczyć, Lidia (2007). *Polska etnolingwistyka kognitywna*. Kijów: Wydawnictwo Uniwersytetu Kijowskiego.
- Niebrzegowska, Stanisława (1990). Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata. In *Językowy obraz świata*, ed. J. Bartmiński, 147—166. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława (2014). Od separacyjnego do holistycznego opisu językowego obrazu świata. Na marginesie dyskusji nad kształtem artykułów w “Leksykonie aksjologicznym Słowian i ich sąsiadów”. In *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. 3. Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. Eds. I. Bielińska-Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, 71—102. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Pawlas, Szymon (2013). *Obraz Boga/bogów w wybranych językach ugrofińskich (węgierskim, fińskim, estońskim i udmurckim)*. [Manuscript od doctoral dissertation, UW].
- Pawłowski, Tadeusz (1978). Rodziny znaczeń i ich definiowanie. *Studia Filozoficzne*, 2, 81—99.
- Putnam Hilary, 1975, *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*, vol. 2. Cambridge: Cambridge Univeristy Press.
- Przybylska, Renata (2003), *Wstęp do nauki o języku polskim* [An introduction to the Polish language]. Handbook for universities. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- SJP Dor — Doroszewski, Witold ed. (1958—1969), *Słownik języka polskiego*, vol. 1—11. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Skowronek, Bogusław (2010). Definicja kognitywna terminów „tabloid” i „tabloidyżacja”. *Oblicza Komunikacji* 3: 24—36.
- SLSJ — Bartmiński, Jerzy ed. (1980). *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny* [Dictionary of folk linguistic stereotypes. Pilot issue]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Smyk, Katarzyna (2009). *Choinka w kulturze polskiej. Symbolika drzewka i ozdób*. Kraków: Universitas.
- SSiSL — *Słownik stereotypów i symboli ludowych* [Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols]. Koncepcja całości i red. J. Bartmiński, zast. red. S. Niebrzegowska (Bartmińska). T. I. *Kosmos*, cz. 1—4, 1996—2012. T. II, *Rośliny*, cz. 1, *Zboża*, 2017. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Tolstye, Svetlana Mihajlovna i Nikita Iljič (1984). Principy sostavlenija etnolingvističeskogo slovara slavjanskich drevnostej. In *Etnolingvističeskij slovar' slavjanskich drevnostej. Proekt slovnika. Predvaritelnye materialy*, 6—22. Moskwa.
- USJP (2003). *Uniwersalny słownik języka polskiego*, ed. S. Dubisz. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN.
- Wierzbicka, Anna (1971). *Kocha, lubi, szanuje*. Medytacje semantyczne. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Wierzbicka, Anna (1984). Apples are not 'kind of fruit'. The semantics of human categorization. *American Ethnologist* 11 (2): 313—328.
- Wierzbicka, Anna (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers.
- Wierzbicka, Anna (1991). Uniwersalne pojęcia ludzkie i ich konfiguracje w różnych kulturach. *Etnolingwistyka* 4: 7—40.
- Wierzbicka, Anna (1993). Nazwy zwierząt. In J. Bartmiński, R. Tokarski eds. *O definicjach i definiowaniu*, 251—267. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Wierzbicka, Anna (1996). Między modlitwą a przekleństwem: "O Jezu!" i podobne wyrażenia na tle porównawczym. *Etnolingwistyka* 8: 25—39.
- Wierzbicka, Anna (1999). Semantyka i Ewangelia: Odczytując na nowo przypowieść o faryzeuszu i celniku. In *W zwierciadle języka i kultury*, ed. J. Adamowski, S. Niebrzegowska, 47—58. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Wierzbicka, Anna (2004). *Jak można mówić o Trójcy świętej w słowach prostych i uniwersalnych*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Wierzbicka, Anna (2006a). *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*. Lublin: Wydawnictwo UMCS [Thum. książki *Semantics. Primes and Universals*, 1996].
- Wierzbicka, Anna (2006b). Współczesne dylematy moralne przez pryzmat dwóch języków — angielskiego i polskiego. *Etnolingwistyka* 18: 145—164.
- Wierzbicka, Anna (2008). Podmiot rozdwojony w sobie: dwa języki, dwie kultury, jedno (?) ja. In *Podmiot w języku i kulturze*, ed. J. Bartmiński, A. Pajdzińska, 139—159. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Wierzbicka, Anna (2011). Polskie słowa-wartości w perspektywie porównawczej. Część I. Dobroć. *Etnolingwistyka* 23: 45—66.
- Wierzbicka, Anna (2012). Polskie słowa-wartości w perspektywie porównawczej. Część II. Prawość i odwaga. *Etnolingwistyka* 24: 19—46.
- Wierzbicka, Anna (2013). Polish zwierzęta 'Animals' and jabłka 'Apples'; an Ethnosemantic Inquiry. In *The Linguistic Worldview: Ethnolinguistics, Cognition, and Culture*, eds. A. Gład, D. Danaher, P. Łozowski, 137—159. London: Versita.
- Wójtowicz, Magdalena (2013). Definicja kognitywna jako sposób opisu semantyki symbolu na przykładzie liczby siedem, *Roczniki Kulturoznawcze KUL*, 4: 71—87.
- Zinken, Jörg (2009). The Ethnolinguistics School of Lublin and Anglo-American Cognitive Linguistics, [in:] Jerzy Bartmiński, *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*, London, 1—5.
- Żmigrodzki, Piotr (2010). "Definicja leksykograficzna a opis języka" — ćwierć wieku później. Jeszcze o roli naiwnego obrazu świata w definiowaniu. In *Etnolingwistyka a leksykografia*. Ed. W. Chlebda, 33—40. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.

Article history:

Received: 20 July 2018

Revised: 15 September 2018

Accepted: 21 September 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 июля 2018

Дата принятия к печати: 21 сентября 2018

For citation:

Bartmiński, Jerzy (2018). In the circle of inspiration of Anna Wierzbicka: The cognitive definition — 30 years later. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 749—769. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-749-769.

Для цитирования:

Bartmiński, Jerzy. In the circle of inspiration of Anna Wierzbicka: The cognitive definition — 30 years later // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 749—769. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-749-769.

Bionote:

JERZY BARTMIŃSKI is Professor Emeritus at Maria Curie-Skłodowska University and the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences. Active member of the Polish Academy of Arts and Sciences. His research interests embrace: *semantyka leksykalna, aksjologia lingwistyczna, tekstologia, folklorystyka, etnolingwistyka*. He is the author of books *O języku folkloru [O jazyke fol'klora]*, Wrocław 1973; *Jazykovej obraz mira: očerki po etnolingvistike*, Moskwa 2005; *Językowe podstawy obrazu świata [Jazykovye osnovy kartiny mira]*, Lublin 2006; *Stereotypy mieszkają w języku [Stereotypy život v jazyke]*. Lublin 2007; *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics*, London 2009; *Tekstologia* Warszawa 2009 (co-author: Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska); *Polskie wartości w europejskiej aksjosferze [Pol'skie cennosti v evropejskoj aksiosfere]* Lublin 2014. Editor of the volume *Współczesny język polski [Sovremennyj pol'skij jazyk]* (Wrocław 1993), founder and editor of the journal “Ethnolinguistics” vol. 1—30; editor of *Słownik stereotypów i symboli ludowych [Slovar' narodnyh stereotipov i simvolov]* (1996—), initiator and editor of *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów [Aksjologičeskij leksikon slavjan i ih soseodov]* (Lublin 2015—). Decorated with the Medal of the President of the Republic of Poland *Person of Merit for the Polish Language*.

Contact information: jerzy.bartminski@poczta.umcs.lublin.pl

Сведения об авторе:

ЕЖИ БАРТМИНСКИ — заслуженный профессор Университета Марии Склодовской-Кюри и Института славяноведения Польской академии наук, действительный член Польской академии искусств и наук. Его научные интересы включают лексическую семантику, лингвистическую аксиологию, текстологию, фольклористику, этнолингвистику. Он является автором книг *O języku folkloru [O jazyke fol'klora]*, Wrocław 1973; *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005; *Językowe podstawy obrazu świata [Языковые основы картины мира]*, Lublin 2006; *Stereotypy mieszkają w języku [Стереотипы живут в языке]*, Люблин, 2007; *Aspects of Cognitive Ethnolinguistics [Аспекты когнитивной этнолингвистики]*, Лондон, 2009; *Tekstologia [Текстология]* Warszawa 2009 (в соавторстве со Станиславой Небржеговской-Бартминской); *Польские ценности в европейской аксиосфере*, Люблин 2014. Главный редактор тома «*Современный польский язык*» (Вроцлав 1993), основатель и редактор журнала «*Этнолингвистика*» том 1—30; редактор Словаря народных стереотипов и символов (1996—), основатель и редактор Аксиологического лексикона славян и их соседей (Люблин, 2015). Награжден медалью Президента Республики Польша за заслуги в области польского языка.

Контактная информация: jerzy.bartminski@poczta.umcs.lublin.pl

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787

The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later

Anna A. Zalizniak

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1 B. Kislovskij Ln., Moscow, 125009, Russia

Abstract

The article summarizes the goals and the current state of the *Catalogue of semantic shifts* (CSSh), its primary notions being those of a *semantic shift*, which is understood as a relation of cognitive proximity between two linguistic meanings, and a *realization* of a semantic shift, i.e. one polysemic word or a pair of cognate words of the same language or different languages that act as “exponents” of this relation. The typology of semantic shifts occupies a position at the crossroad of semantic, lexical and grammatical typologies, overlapping each of these areas of study in terms of linguistic data and methods used; however, the domain of CSSh does not coincide with any of them. The framework of CSSh provides the theoretical foundation for identifying recurring cross-linguistic semantic shifts, and collecting them in the Database of Semantic Shifts for further analysis. The article demonstrates that the notion of semantic shift as defined in CSSh is just a formalization of an instrument of linguistic analysis that is already quite common in various areas of linguistics. Semantic shift provides a basis for the notion of semantic parallel used in the historical linguistics and etymology, for motivational models in word-formation, it is a central notion for grammaticalization theory; finally, semantic shift is one of various types of implicit meanings (along with presuppositions and connotations) that shape the “linguistic model of the world”. Linguistic data contained in the Database of Semantic Shifts can be used in all these areas, in order to provide semantic plausibility criteria for linguistic reconstruction, to act as empirical evidence for cognitive mechanisms of linguistic conceptualization, to aid in identifying specific features of the semantic system of a given language or group of languages.

Keywords: *semantic shift, semantic derivation, polysemy, semantic typology, lexical typology, semantic evolution, semantic parallel*

Каталог семантических переходов: 20 лет спустя

Анна А. Зализняк

Институт языкознания Российской академии наук
Россия 125009 Москва, Б. Кисловский пер., д. 1

В статье излагается актуальное состояние концепции Каталога семантических переходов (КСП), основными категориями которой являются *семантический переход*, понимаемый как отношение когнитивной смежности между двумя языковыми значениями, и понятие *реализации* семантического перехода, т.е. слово или пара слов того или иного языка (языков), являющиеся «экспонентом» этого отношения. Область типологии семантических переходов находится на пересечении областей семантической, лексической и грамматической типологий, не совпадая ни с одной из них. Концепция

КСП является инструментом выявления и описания семантических переходов, воспроизводимых в языках мира в форме синхронной полисемии, диахронической семантической эволюции и в ряде других. При этом принимаемое в КСП понятие семантического перехода представляет собой формализацию представления, которое *de facto* давно и широко используется в разных областях лингвистики: на него опирается понятие семантической параллели, применяемое в этимологии, понятие мотивационной модели в словообразовании; семантический переход является центральной категорией теории грамматикализации и когнитивной диахронической семантики; семантический переход представляет собой один из типов имплицитных семантических отношений, формирующих «языковую картину мира». Языковой материал, содержащийся в Базе данных семантических переходов, может быть использован для формирования семантического критерия реконструкции, для выявления когнитивных механизмов языковой концептуализации, для описания типологических и ареальных особенностей семантических систем.

Ключевые слова: *семантический переход, семантическая деривация, полисемия, семантическая типология, лексическая типология, семантическая эволюция, семантическая параллель*

1. INTRODUCTION

In the twenty years that have passed since the idea behind *The Catalogue of Semantic Shifts* (CSSh) first emerged, numerous research projects with similar objectives and methodology have been launched. Consequently, lexical typology has developed from a marginal domain of linguistic typology into a leading trend not only within typology but in linguistics generally, providing a sphere in which to apply some of its newest ideas and methods.

The framework of CSSh has been in development since 1998, beginning within the scope of my project on the typology of semantic derivation supported by the RFBR (Russian Foundation for Basic Research). Since 2002, the implementation of the CSSh in the form of the Database of Semantic Shifts in the Languages of the World (DatSemShift) has been carried out by a working group at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Maria Bulakh, Dmitry Ganenkov, Ilya Gruntov, Timur Maisak, Maxim Russo, and Anna A. Zalizniak). From 2005 to 2009, our project was part of the international project “Core Vocabulary in a Typological Perspective: Semantic Shifts and Form/Meaning Correlations” supported by INTAS (The International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union) with Maria Koptjevskaja-Tamm as project coordinator. Information about the conceptual idea of CSSh, the architecture of the database (DatSemShift) in which it is implemented, and some preliminary conclusions concerning the occurrence of semantic shifts in the languages of the world may be found in Zalizniak 2001, 2008, 2009, 2013a, Gruntov 2007, Zalizniak et al. 2012. From 2013 until the spring of 2018, the DatSemShift has been available online at <http://semshifts.iling-ran.ru/>. Elaboration of the CSSh framework and further development of the database are being conducted currently at the Institute of Linguistics within the scope of the project “Cognitive Mechanisms of Semantic Derivation in Light of typological data” by a working group (Maria Bibaeva, Tatjana Mikhajlova, Maria Orlova, Maksim Russo, Anna Smirnitckaya and Mikhail Voronov) under my guidance. A revised version of the Database of Semantic Shifts (DatSemShift.2.0) will be available at <http://datsemshift.ru/> by the end of 2018.

In this article, I would like to summarize the goals and the current conceptual state of CSSh and to determine its relationship to the contiguous areas of modern typological studies.

2. SEMANTIC SHIFT AS EXTENDED POLYSEMY

In CSSh, **semantic shift** (SSh) is understood as a cognitive proximity¹ of two meanings A and B (or SOURCE-meaning and TARGET-meaning) that manifests itself in the fact that these two meanings are conflated within the limits of *one word in an extended sense* (see below the list of realization types)². No special metalanguage for the representation of meanings is presupposed—instead, we denote meanings A and B using elaborately developed semantic labels. English words which are unambiguous or have an obviously “main” meaning serve as such labels; if no appropriate word can be found, short formulas (e.g. ‘to have opinion’) or specifications in brackets like ‘to turn, rotate (tr.)’, ‘right (vs. left)’, ‘to deliver (a child)’ may serve this purpose.

During the discussion of my presentation of the CSSh at the Australian National University (Canberra) in November 2003, Anna Wierzbicka suggested that all the meanings involved be defined by means of Natural Semantic Metalanguage³. Despite its overall attractiveness, this suggestion is hardly suitable for the development of a database of semantic shifts, as that could only start after the NSM definitions are established for all English words we use as semantic labels. Nevertheless, we believe that these two tasks can be addressed concurrently. A part of the semantic labels we use are English “exponents” of semantic primitives (such as THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR, CAN, SAY, LIVE, DIE, TIME, PLACE, and some others) or of English words which are already defined in the NSM framework (see e.g. Wierzbicka 1972, 1980, 1996, 1999, 2006). As the number of such words increases, we may apply these new entries to refine the substance of corresponding semantic labels used in the database. At the same time, modern lexical semantics is rather skeptical about the possibility of drawing a strict borderline between polysemy, vagueness, and context-conditioned variation (cf. Nerlich & Clarke 2004: 4; Taylor 2004: 35). The recent usage- and exemplar-based approaches argue that every use is distinct and that broader conceptualizations represent inductive generalizations over the instances (cf. Croft & Cruse 2004: 109ff.; Bybee 2010: 9). Thus, in order to introduce linguistic data into the database, we must map a semantic continuum of context-conditioned variants onto a set of discrete semantic labels. This inevitable simplification is counterbalanced by the fact that each lexeme that appears in a realization of a semantic shift has its dictionary definition provided along with it, as well as an example of its use

¹ I.e. proximity of corresponding concepts in a mental space accounting for various mechanisms of semantic derivation; cf. the list of “cognitive-associative relations” in [Koch 2004]. Other similar terms are “conceptual contiguity”, “cognitive contiguity”, “proximity in conceptual space”, etc.

² The most frequent case is unidirectional shift (A→B), other possibilities being bidirectional shifts (A↔B) and the shifts for which we cannot specify direction (A—B); see for more detail Zalizniak et al. 2012: 647.

³ On the use of NSM in cross-linguistic semantic studies see Wierzbicka 1992, 1999, 2002, Goddard and Wierzbicka 1994, Gladkova 2005, Goddard 2008, 2012, Gladkova, Larina 2018 among others.

in the meaning being considered. Additionally, we constantly revise and adjust the sets of semantic labels, semantic shifts, and their realizations as the work on the database progresses. Thus, we consider the process of cross-linguistic identification of meanings to be recursive.

If the same conflation of meanings occurs in comparable words of several languages, a semantic parallel arises⁴. For example, the semantic shift ‘to reach’ → ‘to be sufficient’⁵ appears in the following linguistic units (each of them being a semantic parallel to all others):

- 1) Rus. *dostat*’:
A: *dostat*’ *do potolka* ‘to reach up to the ceiling’
B: *esli dostanet sil* ‘if (I) have enough strength <to do it>’
- 2) Rus. *khvatat*’:
A: *khvatat*’ *za ruku* ‘to grab by the hand’
B: *mne ne khvataet deneg* ‘I do not have enough money’
- 3) Germ. *reichen*:
A: *er reicht mit dem Kopf fast bis zur Decke* ‘he pulls his head almost to the ceiling’;
B: *das Geld reicht nicht* ‘(I) do not have enough money’
- 4) Sp. *alcanzar*:
A: *alcanzar con la mano* ‘reach a hand <to smth>’, *alcanzar al techo* ‘to reach up to the ceiling’
B: *Cuando el trabajo no alcanza para vivir* ‘when earnings are not enough to live on’; *¿Crees que tu conocimiento no alcanza?* ‘Do you think that your knowledge is not enough?’

The existence of several semantic parallels indicates that the given combination of meanings reflects a pattern of linguistic conceptualization⁶. Revealing such patterns is one of the tasks of the *Catalogue of semantic shifts*, which might also be called a “Catalogue of semantic parallels”, since it represents a collection of semantic shifts reproduced in the languages of the world.

Depending on the nature of the relationship between linguistic units having the meanings A and B in a given language we distinguish the following types of **realizations** of a semantic shift⁷:

1. Synchronic polysemy:

- a) A and B are meanings of a polysemous word, e.g. Rus. *golova* ‘head (= upper part of the body)’ and ‘head (= unit, when counting cattle, cf. *20 golov ovec*

⁴ On the use of semantic parallel in etymology and linguistic reconstruction see e.g. [Trubachev 1976, 1988, Wilkins 1996]. In lexical typology this phenomenon is called “polygenetic semantic parallels in semantic change”, or simply “polygenesis” (Koch 2000, Gévaudan & Wiebel 2004, Koch 2008).

⁵ For this semantic shift see also Zalizniak, Toporova & Yanin 2005, Zalizniak 2009, Rakhilina, Kor-Shain 2010.

⁶ On the recurrence of a semantic shift as evidence of its cognitive significance see e.g. Brown and Witkowski 1983: 83; Sweetser 1990: 18ff, Traugott & Dasher 2002: 11; Blank & Koch 2000: 104; Koch 2000: 80; Koch 2004, 2008, Knyazev 2007: 45.

⁷ Cf. the notion “levels of colexification” in François 2008.

‘20 head of sheep’), Engl. *to call* ‘to call <smb.>’ and ‘to give a telephone call’, Sp. *sentir* ‘to feel’ and ‘to be upset’

- b) B is the meaning of a word and A is the meaning of its stem used in a morphologically complex word, e.g.: Rus. *žena* ‘wife’ and *ženolyub* ‘womanizer’ (SSH ‘woman’ → ‘wife’), Rus. *syr* ‘cheese’ and *syrnik* ‘cottage cheese pancake’ (SSH ‘cottage cheese’ → ‘cheese’); Rus. *revnost* ‘jealousy’ and *revnostnyj* ‘zealous, fervent’ (SSH ‘zeal, fervency’ → ‘jealousy’). In this case the stem used in a morphologically complex word retains the diachronically primary meaning.

2. Diachronic semantic evolution of a word in one language or from an ancestor language to a descendant language, e.g. semantic shift ‘zeal, fervency’ → ‘jealousy’ which took place in Russian word *revnost* during the last two centuries; from Old Rus. *krasъnyj* ‘beautiful’ to Rus. *krasnyj* ‘red’ (SSH ‘beautiful’ → ‘red’); from Latin *caput* ‘head’ to French *chef* ‘chief’ (SSH ‘head’ → ‘chief’).

3. Morphological derivation:

- a) [the main subtype] the meaning B is represented by a morphological derivative from the word which has meaning A., e.g. Rus. *sluшат* — *sluшат’sya* (SSH ‘to listen’ → ‘to obey’), *prostit* — *prostit’sya* (SSH ‘to forgive’ → ‘to say goodbye’), Lat. *capitulum* ‘chapter’ from *caput* ‘head’ (SSH ‘head’ → ‘chapter’); Sp. *ventana* from *viento* (SSH ‘wind’ → ‘window’), Rus. *okno* from *oko* (SSH ‘eye’ → ‘window’), *ust’e* from *usta* (SSH ‘mouth’ → ‘mouth of a river’); Germ. *anrufen* from *rufen* (SSH ‘to call <smb.>’ → ‘to give a telephone call’), It. *zucchini* from *zucca* (‘pumpkin’ → ‘vegetable marrow’)⁸;
- b) *vice versa*, meaning A is represented by a morphological derivative from the word which has meaning B, e.g. Rus. *ženščina* ‘woman’ morphologically derives from *žena* ‘wife’ (SSH ‘woman’ → ‘wife’), *muž* — *mužčina* (SSH ‘man’ → ‘husband’); Germ. *Mann* — *Mensch* (SSH ‘human being’ → ‘male’), Lat. *puto* — *computo* (SSH ‘to calculate’ → ‘to have opinion’);
- c) the meanings A and B are expressed by different grammatical forms of the same word, e.g. Anc.Gr. *eidon* (aorist-2 form) ‘to see’ and *oida* (perfect form) ‘to know’; Sp. *celo* ‘zeal, fervency’ and *celos* (plural form) ‘jealousy’.

4. Cognates:

- a) Meanings A and B belong to words of two sister languages diachronically going back to one and the same root in their common ancestor; e.g.: Germ. *Zahl* ‘number’ and Engl. *tale* ‘story’ (Germanic cognates, SSH ‘to calculate’ — ‘to narrate’); Rus. *meškat* ‘to be slow <in doing something>’ and Pol. *mieszkać* ‘live, inhabit <in some place>’ (Slavonic cognates); Lat. *vertere* ‘to turn’ and Germ. *werden* ‘to become’ (Indo-European cognates);
- b) Words of a single language having a common ancestor: Rus. *videt* ‘to see’ and *vedat* ‘to know’; Rus. *golova* ‘head’ and (borrowed from Ch.-Slav.) *glava* ‘chapter’.

⁸ Such linguistic data are traditionally interpreted as “motivational models”, cf. Tolstaya 2002, 2008; Koch, Marzo 2007, Marzo 2009 among others.

5. Borrowing: B is the meaning of a borrowed word in the recipient language, while A is the meaning of its source in the donor language, e.g. Rus. *original'nyj* 'peculiar, special' is a loanword, from Germ. *original* 'authentic, genuine' (Krysin 1998: 493); Rus. *sortir* derives from the Fr. verb *sortir* 'to go out' (SSh 'to go out' → 'WC').

Since semantic evolution includes a stage of polysemy⁹, a set of facts that testify a given semantic shift can be presented in the form of several realizations. For example, the SSh 'year' → 'summer' can be illustrated by the semantic evolution of the Rus. word *leto*, by the synchronic polysemy of the Old Rus. *lěto* (Sreznevskij 1989, II: 78), or by the synchronic polysemy of the contemporary Rus. *leto* which preserves its old meaning 'year' in bound use (cf. *pyat' let* 'five years') or as a part of a morphologically complex word (sf. *mnogoletnij* 'of many years'). The SSh 'zeal, fervency' → 'jealousy' can be testified, within the Rus. data, not only by the semantic evolution of the word *revnost'*, but also by polysemy realization type, since the adjective *revnostnyj* 'ardent, earnest' retains the source meaning of the stem. As evidence for the semantic shift 'to hope' → 'to wait' one can use both the pair of cognate words Fr. *espérer* 'to hope' and Sp. *esperar* 'to wait', or the Lat. verb *sperare* having both meanings synchronically.

In CSSh, synchronic polysemy and attested semantic evolution are considered as the basic types of realization. However, in some cases the only reliable evidence of a semantic shift arises from comparison of two cognate words in modern languages.

One particular case of semantic shift is grammaticalization¹⁰, a shift where a target meaning is a grammatical one (i.e. belongs to the "universal grammatical inventory"), e.g. the Rus. verb *sobirat'sya* 'to pack up' has a derivative meaning 'to plan <to do something>', which corresponds to the grammatical category "intentional prospective" (Plungian 2011: 387). The target meaning can also be "more grammatical" than the source meaning, cf. the analysis of the auxiliatization of 'threaten' verbs in European languages in Cornillie 2004, Heine & Kuteva 2006: 80—92. Grammaticalization as a specific class of semantic shift can manifest itself in various types of realizations: polysemy (e.g. Fr. *aller* — the verb 'to go' and an auxiliary verb in the grammatical form Futur immédiat); semantic evolution (e.g. Fr. *avoir* 'to have' derives from the Lat. *habere* 'to hold'); cognates (e.g. Fr. *tenir* 'to hold' and Port. auxiliary verb *ter*); morphological derivation, including any alteration of a morphosyntactic feature (e.g. Fr. connective *de crainte que* 'in order not to' derives from the verb *craindre* 'to be afraid', the Rus. conjunction *xotyá* derives from a gerund form of the verb *xotet'* 'to want', the interrogative particle *razve* derives from a preposition meaning 'without, with the exception of' etc.).

A realization of a semantic shift thus occurs either when one word (wordstem) carries two meanings synchronically or diachronically or when a pair of cognate words diverge from a source word such that one carries meaning A while the other carries meaning B. Therefore, a semantic shift can be considered as an extension of the notion of **polysemy** due to the inclusion in the limits of *a word* the possibility of diachronic,

⁹ Cf. Sweetser 1990: 9; 22, Blank 2000: 10, Koch 2001, Evans & Wilkins 2000: 549, Traugott & Dasher 2002: 16 among others.

¹⁰ In an earlier version of this model (Zalizniak et al. 2012) grammaticalization was mistakenly considered to be one of the types of realization.

dialectal and morphosyntactic variation¹¹. Note that a similar extension of the scope of *a word* is already *de facto* generally accepted in etymology (cf. Sweetser 1990); cf. also a similar approach to polysemy in Arkad'ev 2002, Tolstaya 2008: 20 (among others), the principles of defining enantiosemy in Shmelev 2009 and the notion of “loose colexification” in François 2008.

The notion of semantic shift as a unit of CSSh is close, but not identical, to the notion of semantic derivation. The term “semantic derivation” describes the phenomenon of more or less regular semantic change of a word that does not affect its form (cf. the term “*regulyarnaya mnogoznačnost*” in Apresjan 1974). The mechanism of semantic derivation presupposes a rule governing this process that makes it possible to generate derivative meanings of a certain type from original meanings of a certain class (Apresjan 1974, 2009, Nunberg, Zaenon 1992, Pustejovsky 1998, Paducheva 2004, Kustova 2004, among others). Semantic shift as a unit of CSSh presupposes no generative process or general rules governing formation of derivative meanings. Semantic shift reflects semantic associations between individual linguistic meanings (cf. the term “*rapprochement sémantique*” or “semantic association” used by Martine Vanhove (2008) and “*sceplenie smyslov*” [‘concatenation of meanings’] in Stepanov 1995), and their regularity manifests itself in the fact that the same semantic shift reproduces itself independently in words with the same original meaning in different languages.

3. SEMANTIC TYPOLOGY AS TYPOLOGY OF SEMANTIC SHIFTS

The term “semantic typology” has several meanings. Since the object of semantic typology is linguistic meaning, this term can be understood in the broadest sense as a generic term with respect to all typologies that deal with meaningful units of language, including lexical typology. This interpretation is shared, for example, by Nicholas Evans who quotes the definition “characteristic ways in which language [...] packages semantic material into words” from Lehrer 1992: 249 and says that “since words are only one type of sign we consider lexical typology to be that sub-branch of semantic typology concerned with the lexicon” (Evans 2011: 505). According to this understanding, grammatical typology should also constitute a branch of semantic typology (in the broad sense) insofar it represents the study of how languages “package” grammatical meanings.

Under semantic typology in a narrow sense we understand the **typology of semantic shifts**, cf. a similar understanding of the term “semantic typology” in Trubachev 1988: 213, Gak 1998: 469, Hénault-Sakhno & Sakhno 2001, 2005; cf. also the term “typology of polysemy” in Zevakhina 1985 and the term “*typologie des rapprochements sémantiques*” in Vanhove 2008.

Lexical typology as a branch of linguistics dealing with lexicalization patterns and the typology of lexical systems has a rather strong tradition (see e.g. Lehmann 1990, Talmy 2007, Koch 2001 among others). It should be noted that earlier this area was called “semantic typology”, and for this reason “semantic typology” is mentioned among the six typologies in the seminal paper by Greenberg (1957). However, as it is rightly observed by Peter Koch (Koch 2001: 1142), Greenberg clearly meant “lexical-semantic”

¹¹ With the only exception of the realization type “morphological derivation”, subtypes (a) and (b).

typology, which corresponds to “lexical typology” in the sense outlined above. St. Ullmann (1963) also identifies “semantic typology” as the typology of lexical systems.

The modern lexical typology deals with ways of linguistic categorization (=lexicalization) within conceptual domains and possible ways of distributing semantic material between lexemes as well as typologically relevant parameters of variation (cf. Rakhilina & Plungian 2007, Maisak & Rakhilina 2007, Britsyn et al. 2009, Koptjevskaja-Tamm 2015, Rakhilina & Reznikova 2016, among others).

If we compare lexical typology and semantic typology in the narrow sense outlined above, we can see that they differ in the focus of the researcher’s interest. The object of lexical typology is the structure of lexical (sub)systems and the distribution of semantic material between *words*. In contrast, the typology of semantic shifts takes as its object pairs of genetically related *meanings* — the words that express these meanings are nothing more than “exponents” of the conceptual contiguity they reveal.

From the standpoint of lexical typology, languages that “package semantic material into words” in similar ways, and particularly those that unite and oppose pairs of meanings in similar ways, belong to one and the same “type”. So, for example, English and French, which do not draw lexical distinction between the meanings ‘wife’s mother’ and ‘husband’s mother’ (English *mother-in-law*, French *belle-mère*), belong to the same type, whereas Russian, which has two different words (*tešča* and *svekvov*), belongs to another type. Russian, which does not differentiate between ‘father’s brother’ and ‘mother’s brother’, belong to another type than Old Russian, which had two different words (*stryj* and *uj*) and so on. From the standpoint of CSSh, if we do not consider such words as English *mother-in-law* polysemous¹² these facts do not provide a basis for any conclusions, because in such cases there are no semantic shifts in any of the languages being compared. From a lexico-typological point of view, German and Russian present different systematic features with respect to the SSh ‘male’ → ‘husband’: Russian has two different words (*muščina* and *muž*), while German uses one and the same (*Mann*). Meanwhile, from the standpoint of CSSh, both languages belong to the same type, since the SSh ‘male’ → ‘husband’ is present in both languages: in the form of polysemy in German and in the form of morphological derivation in Russian.

The method of semantic maps, originally conceived for grammatical typology, is now commonplace in lexical typology (Croft 2003: 133—139, Haspelmath 1997, 2003, François 2008, van der Auwera 2008; for the newest findings in this area see Georgakopoulos & Polis 2018 and <http://web.philo.ulg.ac.be/lediasema/workshop/>). The “classical” semantic map is a graph with nodes standing for meanings and edges between nodes standing for relationships between meanings. This method allows researchers to display the possibilities of linguistic articulation within a given conceptual domain and to compare variants chosen by different language; e.g. the semantic map proposed in François 2008 outlines meanings derived from the meaning ‘to breathe’ and possible patterns of their “colexification” across a dozen languages.

Another form of semantic map is a lexico-semantic table, as the investigated fragment of conceptual space may be mapped onto a one-dimensional scale (cf. the semantic map ‘tree’ — ‘wood’ — ‘forest’ in Haspelmath 2003, the semantic map

¹² See the discussion of the problem of polysemy vs. syncretism in Zalizniak et al. 2012: 645—646.

for the meanings ‘human being’ — ‘male’ — ‘husband’ in Zalizniak 2006: 411). We would like to suggest a modified variant of the table from Koch 2001:

Table 1

	‘hair on the head’	‘hair in the beard’	‘hair on the human body’	‘hair on the animal’s body’	‘wool’
English	<i>hair</i>				<i>wool</i>
German	<i>Haar</i>				<i>Wolle</i>
Russian	<i>volosy</i>			<i>šerst’</i>	
Latin	<i>capilli</i>		<i>pilus</i>		<i>vellus, lana</i>
French	<i>cheveux</i>	<i>poil</i>			<i>laine</i>
Italian	<i>capelli</i>	<i>pelo</i>			<i>lana</i>

This method of presentation has two main characteristic features that distinguish it from the format used in the DatSemShift: firstly, there are more than two meanings compared; secondly, the problem of distinguishing between polysemy and semantic generality (syncretism) does not arise, as it is only the fact of colexification that matters (cf. Haspelmath 2003: 231, François 2008: 169). A lexico-semantic table can be transformed into a “lexical matrix” (see Georgakopoulos & Polis 2018: 5, Table 3). Such a lexical matrix for the semantic map ‘to wander’ — ‘to get lost’ — ‘to be wrong’ — ‘to fornicate’ has been suggested in Zalizniak 2001 (Table 2 below represents its modified version):

Table 2

	‘to wander’	‘to get lost’	‘to be wrong’	‘to fornicate’
Lat. <i>errare</i>	+	+	+	
Old.-Russ. <i>blouditi</i>	+		+	+
Russ. <i>bludit’</i>				+
Russ. <i>bluzhdat’</i>	+			
Russ. <i>zabludit’sya</i>		+		
Russ. <i>zabluzhdat’sya</i>			+	

In the CSSh format this information can be represented as a chain of shifts, each of them displaying a set of realizations (including “loose colexification”, e.g. realizations of the type “morphological derivation”):

- (i) SSh ‘to wander’ → ‘to get lost’:
 Lat. *errare* (“polysemy”);
 Russ. *bludit’* — *zabludit’sya* (“morphological derivation”)
- (ii) SSh ‘to get lost’ → ‘to be wrong’:
 Lat. *errare* (“polysemy”);
 Russ. *zabludit’sya* — *zabluzhdat’sya* (“morphological derivation”)
- (iii) SSh ‘to be wrong’ → ‘to fornicate’:
 Old-Russ. *blouditi* (“polysemy”);
 Russ. *bludit’* — *zabluzhdat’sya* (“morphological derivation”)

The fact that these semantic shifts form a chain can be detected by carrying out an automated search for the same meaning in the SOURCE and TARGET class.

On the whole, one can say that the method of semantic maps is more suitable for “intra-domain connections” (cf. Sweetser 1990: 19), whereas the CSSh is more

appropriate for describing “inter-domain connections”. See also Smirnitckaya 2018 on the comparison of the semantic maps and the CSSh methodologies.

In recent years, the domain of lexical typology has expanded. Maria Koptjevskaja-Tamm includes in the scope of lexical typology a “semasiological perspective” concerned with the mechanisms of semantic derivation in addition to its main “onomasiological perspective” (Koptjevskaja-Tamm 2012). This expanded understanding is reflected in the volume “The Lexical Typology of Semantic Shifts” (Juvonen & Koptjevskaja-Tamm 2016) which includes studies done from both perspectives.

Conceptually closest to the CSSh are two projects also realized in the form of computer databases—DECOLAR (Dictionnaire étymologique et cognitive des langues romanes, <http://www.decolar.uni-tuebingen.de/>) and LexiTypDia (Lexical change — polygenesis — cognitive constants: The human body), see Blank & Koch 2000; Blank et al. 2000, Koch et al. 2003, Gévaudan et al. 2003. Other initiatives close to the CSSh that should be mentioned include a project on the typology of semantic associations directed by Martine Vanhove (Vanhove 2008), an investigation of Russian-French etymological parallels by Serguei Sakhno (Sakhno 1999, 2001; Hénault-Sakhno & Sakhno 2005), and the most recent project CLICS (Database of Cross-Linguistic Colexifications; see List et al. 2018).

The concept of a dictionary of semantic shifts goes back to ideas put forward in Buck 1971, Benveniste 1954, Schröpfer 1956, Trubachev 1964, Havlová 1965, Gak 1998.

4. IDENTIFYING SEMANTIC SHIFTS: SOME PROBLEMATIC POINTS

Identifying semantic shifts is a complex task, as there is no algorithm for this procedure. Although any attempt to collect and analyze a variety of linguistic facts as evidence for a certain semantic shift requires the use of certain methods and instruments, this process is not fully formalized and ultimately relies on the experience and intuition of the researcher.

The main problematic points that arise while identifying semantic shifts (discussed in Zalizniak 2001, 2008, 2013a, Zalizniak et al. 2012: 644—649) are:

- ◆ delimitation between polysemy and syncretism (semantic generality);
- ◆ establishment of the direction of a semantic shift;
- ◆ distinguishing between morphological derivation of subtype (a) that represents realization of a semantic shift vs. morphological derivation that represents a well-defined word-formation model (e.g. the pairs of words *agree* and *disagree* does not imply a semantic shift ‘agree’ → ‘disagree’);
- ◆ treatment of semantic calques and of the inherited polysemy;
- ◆ presentation of “multiple” semantic shifts.

Some additional considerations regarding the identification of semantic shifts should be added here.

1. CSSh presents semantic shift as a binary relation. In reality, semantic evolution as well as synchronic semantic derivation usually include more than two steps, and the boundaries between them are rather fuzzy. The “extraction” of pairs of discrete meanings that form relevant semantic shifts presents the more difficult part of the work. In doing this, we deliberately simplify the real picture of semantic evolution, leaving aside various attendant circumstances, including possible intermediate steps.

For example, the French verb *demeurer* has undergone a semantic evolution from the meaning ‘to be slow’ (Lat. *demorari*) toward ‘to dwell’ (this is the main contemporary meaning of the French *demeurer*). An intermediate step of this evolution was ‘to remain in some place for some time’ [Rey 2000: 1031], with a derivative meaning ‘to continue to be in a certain state’. The Latin verb *demorari* and French *demeurer* both possess other meanings as well. Deliberately simplifying the linguistic reality, we postulate the semantic shift ‘to be slow’ → ‘to dwell’. Another example of such a simplification (reduction) of the real way of semantic evolution could be the semantic shift ‘to ride’ → ‘to be ready <to do smth.>’, realized in Engl. *ride*, *ready* (Blumfil’d 1968: 475) and Germ. *reiten*, *bereit*, includes an intermediary step ‘ready to ride’; cf. a similar semantic shift demonstrated by Germ. words *fahren*, *fertig* (Paul’ 1960: 110]). An intermediate step of the semantic shift ‘to reach’ → ‘to be sufficient’ mentioned above can be observed in the following uses cited in Dal’s dictionary (Dal’ 1994: IV, 1174): *Ruž’e za reku ne khvatit* ‘the gun will not reach across the river’, *Šest ne khvataet dna* ‘the pole does not get to the bottom’ etc. Reconstruction of the semantic history of individual words is an exciting research topic, but it cannot be realized by means of CSSh methodology. Semantic shift as a unit of the DatSemShift associates two meanings of given words, extracting them from a multitude (or rather a continuum) of meanings that they encompass. It is a conventional metalinguistic construction, and as such it has no chronology and no intermediate logical steps.

2. Although delimitation between polysemy and homonymy often is problematic, it is necessary because homonyms do not imply semantic shifts (cf. an opposite attitude towards homonymy in Georgakopoulos & Polis 2018). For example, in Russian there are many homonymic prefixed verbs, which include the same prefix in different meanings, e.g. *zalečit’ ranu* ‘heal the wound’ and *zalečit’ čeloveka* ‘make smb. worse by unskillful treatment’. Sometimes this difference results in a semantic contrast, which can be treated as enantiosemy, cf. examples from the article (Shmelev 2009): *proslušat’ vystuplenie* — ‘to listen to a speech’ and ‘to miss, not to catch what was said’; *vyvodit’ krolikov* ‘to breed, grow up rabbits’ and *vyvodit’ tarakanov* ‘to exterminate cockroaches’, *zadut’ sveču* ‘blow out the candle’ and *zadut’ domnu* ‘blow a blast furnace’, *perezibrat’ <X>* ‘elect X again’ and ‘elect another person instead of X’, *obnesti* ‘to serve everybody’ and ‘pass over while serving’. However, such pairs do not imply the existence of a semantic shift ‘A’ → ‘not-A’. Semantic contrast between two meanings of a prefixed verb is to some extent an accidental effect due to the use of different (but not opposite) meanings of the prefix (for more detailed discussion see Zalizniak 2006: 298—235).

3. The real direction of semantic shift may be opposite to what is observed. For example, in Old-Rus. the stem *strad-* with original meaning ‘suffer’ acquired a derivative meaning ‘work’; thus Old-Rus. words *stradati* ‘to work’, *stradnikъ* ‘worker’, *strada* ‘work’ (Sreznevskij 1989, 3: 530—533) demonstrate the semantic shift ‘to suffer’ → ‘to work’¹³. The meaning ‘to work’ subsequently has been lost over time. So, one might

¹³ The same semantic shift took place in Rus. stem *trud-*, with actual meaning ‘work’ and original meaning ‘suffer’ (Sreznevskij 1989, 3: 1007), which remains in the locution *natrudit’ nogu* ‘to hurt [one’s] foot’; cf. also Fr. *peine*, which has passed the way of semantic derivation ‘punishment’ → ‘suffering’ → ‘work’ and preserves all three meanings in the form of synchronous polysemy (the last one only in the idiom *ne vaut pas la peine* ‘not worth the trouble’, cf. the Rus. equivalent *ne stoit truda*).

mistakenly treat the pair Old-Rus. *stradati* and Rus. *stradat'* as a realization of the reverse SSh ‘to work’ → ‘to suffer’. Meanwhile, this reverse semantic shift also exists, as in Lat. *labor* or in Sp. *trabajo*, both words having derivative meaning ‘suffering’. In such cases we use a bidirectional arrow for the semantic shift in the Catalogue and specify the direction for each realization. Sometimes the direction of semantic shift cannot be established; in such cases, the associated meanings are related with a simple dash. See Zalizniak et al. 2012: 647 for more detail.

5. CONCLUDING REMARKS

The Catalogue of Semantic Shifts has clearly defined basic principles, its primary notions being those of a *semantic shift*, which is understood as a relation of cognitive proximity between two linguistic meanings, and a *realization* of a semantic shift, i.e. one polysemic word or a pair of cognate words that act as “exponents” of this relation. The typology of semantic shifts occupies a position at the crossroad of semantic, lexical and grammatical typologies, overlapping each of these areas of study in terms of linguistic data and methods used. However, the domain of CSSh does not coincide with any of them. The intersection with grammatical typology arises from the fact that grammaticalization is a specific case of semantic shift. The area of semantic typology does not have sharply defined boundaries, since any linguistic typology that has meaningful units as its object is semantic typology in a broad sense — therefore, we have termed the typology of semantic shifts “semantic typology in a narrow sense”. Finally, the intersection with lexical typology (in its expanded sense) lies in the domain of its “semasiological perspective”.

Today, twenty years since the project of a *Catalogue of Semantic Shifts* was initially formulated, the idea that synchronic polysemy and diachronic semantic evolution represent two complementary aspects of the same phenomenon has become a generally accepted fact and the foundation of modern theories of diachronic semantics. The framework of CSSh is the theoretical foundation for identifying recurring cross-linguistic semantic shifts, which we are subsequently collecting in a database, *semantic shift* being understood as an extension of the notion of *polysemy*. I sought to demonstrate that the notion of semantic shift as defined in CSSh is just a formalization of an instrument of linguistic analysis that is already quite common in various areas of linguistics. Semantic shift provides a basis for the notion of semantic parallel used in the historical linguistics and etymology, for motivational models in word-formation, it is a central notion for grammaticalization theory. Finally, semantic shift is one of various types of implicit meanings (along with presuppositions and connotations) that shape of the “linguistic model of the world” (Tolstaya 2002, 2008, Russo 2014, Zalizniak 2013b). Linguistic data contained in the Database of Semantic Shifts can be used in all these areas, in order to provide semantic plausibility criteria for linguistic reconstruction, to act as empirical evidence for cognitive mechanisms of linguistic conceptualization, or to aid in identifying specific features of the semantic system of a given language or group of languages.

© Anna A. Zalizniak, 2018

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by RFBR (Russian Foundation for Basic Research), grant # 17-29-09124.

I would like to express my gratitude to my colleagues: Maria Bulakh, Dmitriy Ganenkov, Ilya Gruntov, Timur Maisak and Maxim Russo for their work on creating the Database of Semantic Shifts in

the Languages of the World that allowed the implementation of the idea of CSSh, as well as to Anna Dybo, Andrei Kibrik, Maria Koptjevskaja-Tamm, Irina Mikaelian, Tatjana Mikhajlova, Vladimir Plungian, Georgij Starostin and Andrei Zalizniak for the support of this work at its various stages.

I am also grateful to the anonymous reviewer of the *Russian Journal of Linguistics* for the positive feedback on my article and for the shortcomings noted, which were corrected in the final version.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Apresjan, Yu.D. (1974). *Leksicheskaya semantika* (Lexical Semantics). Moscow.
- Apresjan, Yu.D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1. Paradigmatika*. (Research in Semantics and Lexicography. Vol. I. Paradigmatics) Moscow. (In Russ.)
- Arkad'ev, P.M. (2002). Polisemiya nazvanij golovy v slavyanskikh i germanskikh yazykakh v tipologicheskom i istoricheskom aspekte (Polysemy of Denominations for the Word "Head" in Slavic and Germanic Languages in the typological and Historical Aspects). *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal*. 2002. T. 6. № 1. (in Russ.)
- Benveniste, E. (1954). Problèmes sémantiques de la reconstruction. *Word*, vol. X, N°2—3.
- Blank, A. (2000). Polysemy in the Lexicon. In R. Eckarolt, K. von Heusinger (eds.). *Meaning change — meaning variation*. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. Konstanz.
- Blank, A., Koch, P. & P. Gévaudan (2000). Onomasiologie, sémasiologie et l'étymologie de langues romanes: esquisse d'un projet. In A. Englebert, M. Pierrard, L. Rosier, D. Van Raemdonck (eds.) *Actes du XXIIe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes*, Bruxelles, 23—29 juillet 1998. IV: Des mots aux dictionnaires. Tübingen.
- Blank, A. & P. Koch (2000). La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane In H. Dupuy-Engelhardt, M.-J. Montibus (eds.). *La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998*. (Recherches en linguistique et psychologie cognitive 13.) Reims, 2000.
- Blumfil'd, L. (1968). *Yazyk* (Language). Moskva. (in Russ.)
- Brown, C.H. & S.R. Witkowski (1983). Polysemy, lexical change and cultural importance. *Man. New Series*. 1983. V. 18. № 1.
- Buck, C.D. (1971). *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principle Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago.
- Bybee, J.L. (2010). *Language, Usage and Cognition*. Cambridge.
- Cornillie, B. (2004). The shift from lexical to subjective readings in Spanish *prometer* 'to promise' and *amenazar* 'to threaten': a corpus-based account. *Pragmatics*, 2004, 14(1): 1—30.
- Croft, W. (2003). *Typology and Universals*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Croft, W. & D.A. Cruse (2004). *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Dal', V.I. (1994). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian Language) Moskva.
- Evans, N. (2011). Semantic typology. In J.J. Song (ed.), *The Oxford Handbook of Typology*. Oxford: Oxford University Press.
- Evans, N. & D. Wilkins (2000). In the mind's ear: the semantic extension of perception verbs in Australian languages. *Language*. 2000. V. 76. № 3.
- François, A. (2008). Semantic maps and the typology of colexification. In M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam, 2008.
- Gak, V.G. (1998). Metafora: universal'noe i spetsificheskoe (Metaphor: the Universal and the Specific). Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya*. Moskva. (in Russ.)
- Gladkova, A. (2005). In what ways the Russian *soperezhivanie* is different from the English empathy? The Natural Semantic Metalanguage in contrastive semantics. *Computational Linguistics and*

- Intellectual technologies. Papers from the Annual International Conference Dialogue-2005*, Zvenigorod, 1—7 June 2005. P. 107—112. Moscow. (In Russ.)
- Gladkova, A. and T. Larina (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520.
- Georgakopoulos, Th. & St. Polis (2018). *The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research*. [wileyonlinelibrary.com/journal/lnc3].
- Gévaudan, P., Koch, P. & A. Neu (2003). Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR. *Romanische Forschungen*. Bd. 115. № 1.
- Gévaudan, P. & D. Wiebel (2004). Dynamic lexicographic data modeling: A diachronic dictionary. *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'04)* [<http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2004/pdf/471.pdf>]
- Goddard, C. (2008) (ed.). *Cross-linguistic semantics*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Goddard, C. (2012). Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology. *Linguistics*. 50 (3), 711—743.
- Goddard, C. & A. Wierzbicka (eds.) (1994) *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Greenberg, J.H. (1957). The nature and uses of linguistic typologies. *International Journal of American Linguistics*, 23 (2).
- Haspelmath, M. (1997). *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Haspelmath, M. (2003). The geometry of grammatical meaning: Semantic map and cross-linguistic comparison. In Tomasello M. (ed.). *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ).
- Havlová, E. (1965). O potřebě slovníku semantických změn. *Yazykovědné actuality*. № 4.
- Heine, B. & T. Kuteva (2006). *The Changing Languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Hénault-Sakhno, Ch. & S. Sakhno (2001). Typologie des langues et sémantique diachronique: le problème des universaux. *LINX*. V. 45.
- Hénault-Sakhno, Ch. & S. Sakhno (2005). Typologie sémantique lexicale: problèmes de systématisation. In C. Moyse-Faurie, G. Lazard (eds.). *Typologie linguistique*. Villeneuve d'Ascq.
- Juvonen, P. & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) (2016). The lexical typology of semantic shifts. [Cognitive Linguistics Research, 58] Berlin: De Gruyter Mouton.
- Knyazev, Yu.P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive*. (Grammatical Semantics: Russian Language in Typological Perspective.) Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
- Koch, P. (2000) Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect onomasiologique. *Memoires de la Société de linguistique de Paris. Nouvelle série, tome IX. Theories contemporaine du changement sémantique*. Peeters, 75—95.
- Koch, P. (2001). Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view. In M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.) *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2, 1143—1175. Berlin — N.-Y.: Walter de Gruyter.
- Koch, P. (2004). Diachronic onomasiology and semantic reconstruction. In W. Mihatsch, R. Steinberg (eds.), *Lexical Data and Universals of Semantic Change*. Tübingen: Stauffenburg, 2004.
- Koch, P. (2008). Cognitive onomasiology and lexical change. Around the eye In M. Vanhove (ed.) *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.
- Koch, P., Gévaudan, P. & A. Neu (2003). Dictionnaire Etymologique et Cognitif des Langues Romanes In Th. Städtler (hrsg.). *Wissenschaftliche Lexikographie im deutschsprachigen Raum*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 195—207.

- Koch, P. & D. Marzo (2007). A two-dimensional approach to the study of motivation in lexical typology and its first application to French high-frequency vocabulary. *Studies in Language*, vol. 31, 2.
- Koptjevskaja-Tamm, M. (2012). New directions in lexical typology In M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove (eds.) *New directions in lexical typology. Special issue of Linguistics*. V. 50. № 3.
- Koptjevskaja-Tamm, M. (2015). *The linguistics of temperature*. Amsterdam: John Benjamins.
- Krysin, L.P. (1998). *Tolkovyj slovar' inoyazychnykh slov*. (Dictionary of Foreign Words.) Moskva. (In Russ.)
- Kustova, G.I. (2004). *Tipy proizvodnykh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. (Types of Derivative Meanings and Mechanisms of Linguistic Expansion). Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
- Lehmann, C. (1990). Towards lexical Typology. In W. Croft, K. Denning, S. Kemmer (eds.) *Studies in Typology and Diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th Birthday*. Amsterdam, 1990.
- Lehrer, A. (1992). A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives. In M. Putz (ed.) *Thirty years of linguistic evolution. Studies in Honor of René Dirven on the occasion of his sixtieth Birthday*. Amsterdam: Joh Benjamins.
- List, J.-M., Anderson, C., Greenhill, S.J., Mayer, Th., Tresoldi, T. & R. Forkel (2018). CLICS²: An Improved Database of Cross-Linguistic Colexifications Assembling Lexical Data with Help of Cross-Linguistic Data Formats. *Linguistic Typology*, 22, 277—306.
- Maisak, T.A. & E.V. Rakhilina (eds.) (2007). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. (Verbs of Movement in Water: Lexical Typology.) Moskva. (in Russ.)
- Marzo, D. (2009). *Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Theorie und Empirie am Beispiel von Metonymie und Metapher im Französischen und Italienischen*. Tübingen.
- Nerlich, B. & D. Clarke (2004). Polysemy and flexibility: introduction and overview. In Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke (eds.). *Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language* [Trends in Linguistics: Studies and Monographs, 142]. Berlin, New York, 2004.
- Nunberg, G. & A. Zaenen (1992). Systematic polysemy in lexicology and lexicography. *Eurolex '92*, Part II, 1992, 387—396.
- Paducheva, E.V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. (Dynamic Models in Lexical Semantics.) Moskva. (In Russ.)
- Paul', G. (1960). *Principy istorii yazyka* (Principles of the History of Language). Moskva. (in Russ.)
- Plungian, V.A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. (Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical systems in the Languages of the World.) Moskva. (in Russ.)
- Pustejovsky, J (1998). *The Generative Lexicon*. MIT Press, Cambridge, MA, 1998.
- Rakhilina, E.V. & I. Kor-Shain (2010). Novaya zagadka *khvatat'*. (New Riddle of *khvatat'*.) In Rakhilina E.V. (red.) *Lingvistika konstruksij*. Moskva: Azbukovnik, 318—332. (In Russ.)
- Rakhilina, E.V. & V.A. Plungian (2007). O leksiko-semanticheskoy tipologii. (About Lexico-Semantic Typology.) In Maisak T.A., Rakhilina E.V. (eds.), 9—26. (In Russ.)
- Rakhilina, E.V. & T.I. Reznikova (2016). A frame-based methodology for lexical typology. In Juvonen, P. & M. Koptjevskaja-Tamm (eds.), 95—130.
- Rey, A. (2000). *Dictionnaire historique de la langue française*. Paris: Dictionnaires LE RORERT.
- Russo, M.M. (2014). Neogumbol'dtianskaya lingvistika i ramki «yazykovoj kartiny mira» (Neo-Humboldtian Linguistics and the Boundaries of the “Linguistic Model of the World”). *Politicheskaya lingvistika*, № 47, 12—24. (In Russ.)

- Sakhno, S. (1999). Typologie des parallèles lexicaux russes-français dans une perspective sémantico-historique. *Slovo*, v. 22—23.
- Sakhno, S. (2001). *Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée. Correspondances lexicales historiques*. Paris: L'Harmattan.
- Schröpfer, J. (1956). Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? *Proceedings of the seventh International Congress of Linguists (London 1952)*. London: Clarendon Press.
- Shmelev, A.D. (2009) «Neznachashchee» i «nevyrazhennoe» otritsanie (kognitivnye i kommunikativnye istochniki enantiosemy) (“Insignificant” and “Unexpressed” Negation (Cognitive and Communicative Origins of the Enantiosemy)). *Logicheskij analiz yazyka. Asserciya i negaciya*. Moskva: Indrik, 173—202. (In Russ.)
- Smirnitckaya, A. (2018). The Database of semantic shifts 2.0 as a way to represent semantic variability. Presentation on the workshop “Semantic maps: Where do we stand and where are we going?”. University of Liège. 26—28.6.2018 http://web.philo.ulg.ac.be/lediasema/wp-content/uploads/sites/43/2018/05/Workshop_2018_LeDiasema_Posters.pdf.
- Sreznevskij, I.I. (1989). *Materialy k slovarju drevnerusskogo yazyka*. (Material for the Dictionary of the Old Russian Language.) 3 volumes. Moskva. (In Russ.)
- Sweetser, E. (1990). *From Etymology to Pragmatics*. Cambridge Studies in Linguistics 54. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Talmy, L. (2007). Lexical typologies. In T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. 2nd edition. Cambridge.
- Taylor, J. (2004). Cognitive models of polysemy. In Z. Todd, V. Herman, D.D. Clarke (eds.). *Polysemy: Flexible patterns of meaning in mind and language* [Trends in Linguistics: Studies and Monographs, 142]. Berlin, New York.
- Tolstaya, S.M. (2002). Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira. (Motivational Semantic Models and the Image of the World.). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 1 (3). (In Russ.)
- Tolstaya, S.M. (2008). *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavjanskoj perspektive*. (The Space of a Word. Lexical Semantics in a General Slavic Perspective) Moskva: Indrik.
- Traugott, E. & Dasher, R. (2002) *Regularities in semantic change*. Cambridge: CUP.
- Trubachev, O.N. (1964). ‘Molchat’ i ‘tayat’. O neobkhodimosti semasiologicheskogo slovarja novogo tipa. (‘Molchat’ and ‘tayat’. About the Necessity of a Semasiological Dictionary of a New Type). *Problemy indoevropejskogo yazykoznanija*. Moskva. (In Russ.)
- Trubachev, O.N. (1976). Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika. (Etymological Research and Lexical Semantics). *Printsipy i metody semanticheskikh issledovanij*. Moskva.
- Trubachev, O.N. (1988). Priemy semanticheskoi rekonstrukcii (Methods of Semantic Reconstruction). *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semej. Teoriya lingvisticheskoi rekonstrukcii*. Moskva: Nauka. (In Russ.)
- Ullmann, St. (1963). Semantic universals. In Joseph H. Greenberg (ed.) *Universals of Language*. Cambridge: M.I.T. Press, 172—207.
- van der Auwera, J. (2008). In defense of classical semantic maps. *Theoretical Linguistics*, 34, 39—46.
- Vanhove, M. (ed.) (2008). *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. [Linguistische Forschungen. Bd 22]. Frankfurt am Main.
- Wierzbicka, A. (1980). *Lingua mentalis. The semantics of natural language*. Sydney etc.: Acad. Press, 1980.

- Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures*. Cambridge Univ. Press. Paris: Edition de la Maison des Sciences de l'homme.
- Wierzbicka, A. (2002). *Semantic primes and linguistic typology*. In C. Goddard & A. Wierzbicka (eds.) *Meaning and Universal Grammar. Theory and Empirical Findings*. Vol. II, 257—300. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Wilkins, D. (1996). Natural tendencies of semantic change and the search for cognates. In M. Durie, M. Ross (eds.). *The Comparative Method Reviewed. Regularity and irregularity in Language Change*. N.Y., Oxford: Oxford Univ. Press.
- Zalizniak, A.A., Toropova, E.V. & V.L. Yanin (2005). Berestyanye gramoty iz raskopok 2004 g. v Novgorode i Staroj Russe (Birch Bark Manuscripts Recovered in Novgorod and Staraya Russa in 2004). *Voprosy yazykoznaniiya*, № 3. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A. (2001). Semanticheskaya derivaciya v sinkhronii i diakhronii: proekt sozdaniya «Kataloga semanticheskikh perekhodov» (Synchronic and Diachronic Semantic Derivation: The Project of a “Catalogue of Semantic Shifts”). *Voprosy yazykoznaniiya*, № 2. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. (Linguistic Ambiguity and Ways of its Representations) Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A. (2008). A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation. In Vanhove M. (ed.) *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 217—232.
- Zalizniak, Anna A. (2009) O ponyatii semanticheskogo perexoda (On the notion of semantic shift). *Computational Linguistics and Intellectual technologies. Papers from the Annual International Conference Dialogue-2009*, Bekasovo, 27—31 maya 2009, 107—112. Moscow. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A. (2013a). Semanticheskij perekhod kak ob'ekt tipologii (Semantic Shift as an Object of Typology). *Voprosy yazykoznaniiya*, 2013, № 2. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A. (2013b). Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive: k voprosu o termine «yazykovaya kartina mira» (Russian Semantics from Typological Perspective: On the Notion of the “Linguistic Picture of the World”). *Russian Linguistics*. 2013. V. 37. № 1. (In Russ.)
- Zalizniak, Anna A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T. & M. Russo (2012) The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic Typology. *Linguistics*. V. 50. № 3.
- Zevakhina, T.S. (1985). K voprosu ob universal'yakh v oblasti polisemii (About Linguistic Universals in Polysemy.). *Lingvisticheskaya tipologiya*. Moskva: Nauka. (In Russ.)

Article history:

Received: 05 September 2018

Revised: 25 September 2018

Accepted: 02 November 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 сентября 2018

Дата принятия к печати: 02 ноября 2018

Для цитирования:

Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 770—787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787.

For citation:

Zalizniak, Anna A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 770—787. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787.

Bionote

ANNA A. ZALIZNIAK is a Doctor of Philology, a Chief Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, a Leading Researcher at the Federal Research Centre of Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences. She has taught Russian linguistics at the universities of Paris, Aix-en-Provence, Florence and Munich. The sphere of her scientific interests includes general and Russian semantics, semantic typology, aspectology, word formation, conceptualization, pragmatics, intercultural communication. The main results of her research are reflected in more than 200 publications, including 8 books: “Explorations of the semantics of inner states” (1992), “Introduction into Russian aspectology” (co-authored with A.D. Shmelev, 2005), “Key ideas of the Russian linguistic picture of the world” (co-authored with I.B. Levontina and A.D. Shmelev, 2005), “Polysemy and means of its representation (2006), “Russian semantics in a typological perspective” (2013) and others. She is the author of the conception of semantic typology as the typology of semantic shifts; this conception gave rise to “Database of semantic shifts in languages of the world”.

Contact information: anna.zalizniak@gmail.com

Сведения об авторе

ЗАЛИЗНЯК АННА АНДРЕЕВНА — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. В 90-е годы преподавала русскую лингвистику в университетах Парижа, Экс-ан-Прованса, Флоренции, Мюнхена. Область научных интересов: общая и русская семантика, семантическая типология, аспектология, словообразование, языковая концептуализация, прагматика, межкультурная коммуникация. Основные результаты исследований изложены в более, чем 200 публикациях, в том числе 8 монографиях: «Исследования по семантике предикатов внутреннего состояний (1992); «Введение в русскую аспектологию» (в соавторстве с А.Д. Шмелевым, 2000); «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (в соавторстве с И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым; 2005); «Многозначность в языке и способы ее представления» (2006), «Русская семантика в типологической перспективе» (2013) и др. Автор концепции семантической типологии как типологии семантических переходов, на основе которой создана «База данных семантических переходов в языках мира».

Контактная информация: anna.zalizniak@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-788-820

A Lexicographic Approach to the Study of Copolysemy Relations

Alain Polguère

Université de Lorraine, CNRS, ATILF
44 avenue de la Libération, BP 30687, 54063 Nancy Cedex, France

Abstract

The notion of lexical polysemy is considered under very different angles depending on the context in which it is called on, e.g. in theoretical lexicology, practical lexicography or so-called *cognitive* approaches to the lexicon. We adopt an approach where polysemy is defined as a property of vocables (roughly, entries in dictionary word lists): the property to regroup several word senses, monosemy being the opposite property. Polysemy is the consequence of a more basic fact: the relation that holds between lexical units grouped within the same vocable. This relation we term *copolysemy*. The notion of copolysemy is required to not only account for such a well-known phenomenon as regular polysemy, but also to model the polysemy structures of vocables and the incidence these structures may have on lexical dynamics, vocabulary acquisition, analogical reasoning based on lexical information, etc. As for many other aspects of lexicology, the study of copolysemy has to be anchored in a thorough analysis of lexical data. In this paper, we present the current results of an exploration of copolysemy in French, which allowed us to systematically retrieve patterns of copolysemy (on which we believe regular polysemy is built) and achieve formal description of the polysemy structure of several thousand French vocables. The descriptive work is embedded in a large-scale lexicographic project, namely the construction of the French Lexical Network (fr-LN). Though based on the study of the French lexicon, the approach to the modeling of polysemy presented here is expected to be applicable to natural languages in general.

Keywords: *polysemy, copolysemy, lexical relation, Lexical System, French Lexical Network (fr-LN), Explanatory Combinatorial Lexicology and Lexicography*

Лексикографический подход к изучению кополисемических отношений

Ален Польгер

Лотарингский университет, CNRS, ATILF, Нанси, Франция
44 avenue de la Libération, BP 30687, 54063 Nancy Cedex, France

Понятие лексической полисемии рассматривается с разных точек зрения в теоретической лексикологии, практической лексикографии и при так называемом когнитивном подходе к изучению лексики. В данной статье полисемия определяется как свойство вокабулы (заглавного слова словарной статьи) объединять несколько значений слова, в то время как моносемия рассматривается как противоположное этому свойство. В основе полисемии лежат отношения между лексическими единицами в рамках одной вокабулы. Такие отношения мы называем кополисемией. В статье обосновывается необходимость изучения данного явления, подчеркивается, что понятие кополисемии важно не только для объяснения хорошо известного понятия регулярной полисемии, но и для моделирования полисемической структуры вокабул, понимания того, как эта структура влияет

на изменения в лексике, освоение новой лексики и т. д. Изучение кополисемии должно основываться на тщательном изучении лексических данных. В данной статье мы представляем последние результаты исследования кополисемии во французском языке, которое позволило нам системно выявить модели кополисемии (на которых, как нам кажется, основана регулярная полисемия) и формально описать полисемические структуры нескольких тысяч французских вокабул. Эта практическая работа является частью широкомасштабного лексикографического проекта по созданию Французской лексической Сети (fr-LN). Несмотря на то, что данное исследование проводится на материале французской лексики, такой подход моделирования полисемии может быть применен к естественным языкам в целом.

Ключевые слова: полисемия, кополисемия, лексические отношения, лексическая система, Лексическая сеть французского языка (fr-LN), толково-комбинаторная лексикология и лексикография

1. ON AND AROUND THE NOTION OF POLYSEMY

1.1. Object of the Study

We present a theoretical and descriptive study of lexical polysemy in French that is based on the notion of copolysemy — **relation** among various senses of a single word — rather than directly on polysemy — **property** of words to express more than one meaning. The descriptive work is embedded in a large-scale lexicographic project, namely the construction of the French Lexical Network or fr-LN. Though based on the study of the French lexicon, the approach to the modeling of polysemy presented here is expected to be applicable to natural languages in general.

Section 1 examines the very notion of polysemy, which has been extensively discussed in the literature — e.g. Apresjan (1974), Béjoint (1990), Picoche (1993), Cruse (1995), Zalizniak (2007), Gries (2015), Courbon (2015), to name only a few references. Note that polysemy is often reinterpreted through the notion of ambiguity, especially in cognitive linguistic approaches: a word is said to be polysemous if its usage generates for the Addressee ambiguity in the Speaker's speech¹. Ambiguity, however, will not be taken into consideration by us, and this is the third and last time we shall use this term. For us, a word is polysemous if its signifier can be used by the Speaker to express several distinct but related meanings. We adopt the perspective of the Speaker encoding a message in a linguistic utterance rather than the perspective of the Addressee decoding the Speaker's utterance.

In studying polysemy, we proceed, for the most part, according to theoretical and descriptive principles of Explanatory Combinatorial Lexicology, the lexical component of the Meaning-Text linguistic theory (Mel'čuk *et al.* 1995, Mel'čuk 2006a). However, this being a paper in honor of, and greatly inspired by, Anna Wierzbicka's linguistics, it is normal that we position our work relative to the Natural Semantic Metalanguage approach (Wierzbicka 1985, Goddard and Wierzbicka 2002, 2014), whenever it appears to be relevant to do so.

This “theoretical” section of the paper continues with a definition of the notion of polysemy (1.2), followed by the introduction of the indispensable, but largely

¹ We write *Speaker*, with a capital *S*, to refer to the producer of given linguistic utterances, as opposed to the speaker of a language (no capital). By analogy with *Speaker*, *Addressee* is also written with an initial capital.

ignored, notion of copolysemy (1.3) and finally by methodological considerations on what a lexicography-based approach to the study of (co-)polysemy should be (1.4). Section 2 explains how lexicographic modeling of copolysemy relations in French is performed in the context of the construction of the French Lexical Network. Finally, Section 3 presents our model of polysemy proper, with the detailed description of copolysemy relations that were identified so far.

The following writing conventions are systematically used throughout the paper:

- ◆ names of lexical units and vocables are written in small capitals — e.g., the vocable LEG which contains the lexical units (senses) LEG I.1, LEG I.2 ...;
- ◆ the relation of copolysemy between two lexical units L_1 and L_2 is noted $L_1 \rightarrow L_2$;
- ◆ names of copolysemy relations are written in non-proportional font with an initial capital letter — Conversion, Extension, Metaphor ...;
- ◆ names of Meaning-Text lexical functions are written in bold non-proportional font — **Syn**, **Anti**, **Magn**, **Oper_i** ...;
- ◆ important notions are written in sans serif font when first introduced — lexical unit, copolysemy ...

1.2. Polysemy as “Natural” Grouping of Lexical Units

By *polysemy*, we shall exclusively mean in what follows ‘lexical polysemy’. The polysemy of such linguistic entities as grammatical constructions (Apresjan 1974: 5—6, Goddard 2000: 140—144) will not be considered. We believe grammatical polysemy to be quite distinct from lexical polysemy both in its structural organization and in the methodology that ought to be applied in order to explore and model it. There surely are important connections to be established between the two phenomena, but we are in no position to propose any significant insight on this topic.

Let us start with the definition of lexical polysemy, as it is used in the present study. In order to formulate such definition, two preliminary notions have to be specified: lexical unit and vocable.

Definition 1. A lexical unit of a given language is a linguistic entity characterized by a specific meaning expressed in that language either by wordforms — in which case the lexical unit is a **lexeme**, e.g. SOFA — or by semantically non-compositional phrases — in which case it is an **idiom**, e.g. LOVE SEAT.

A lexical unit can be considered as being an abstraction over a set of linguistic signs. A lexeme, in particular, is the set of all wordforms that are inflectional variants expressing the same lexical meaning: SOFA = {sofa, sofas}. It is essential to consider that, when dealing with lexical units, three elements have to be **simultaneously** taken into consideration: 1) the meaning of the lexical unit, 2) the form that expresses this meaning and 3) the individual combinatorial properties of the whole².

Two or more lexical units can entertain a remarkable semantic and formal relation that justifies their grouping within higher level lexical entities than lexical units, namely vocables.

² This tripartite perspective on lexical units is a direct consequence of the Meaning-Text conceptualization of linguistic signs as **triplets** consisted of a signified (meaning), a signifier (form) and a syntactics (combinatorial properties). For a detailed presentation, see Mel’čuk (2006b: Chapter 7).

Definition 2. A **vocable** is either (i) a multi-element set containing lexical units whose forms of expression are identical and whose meanings, while different, display a significant intersection, or (ii) a singleton comprised of only one lexical unit for which there exists no other lexical unit that could be grouped with it in such a way.

Let us take the vocable **BALCONY** as illustration. It groups together two lexical units: **BALCONY 1** [on the façade of a building] and **BALCONY 2** [in a theater]. Both **BALCONY 1** and **BALCONY 2** are expressed by the same signifiers (*balcony*, *balconies*) and though their meanings are distinct, one clearly perceives a significant semantic connection between them. It is, of course, possible to argue for the existence of a unique, extremely vague lexical unit **BALCONY** carrying a generic lexical meaning ‘balcony’, to which various contexts — *balcony overlooking the square* vs. *to sit at the front row of the (theater) balcony* — would “give” a potentially unlimited number of richer derived meanings. It is no place to debate such extreme contextualist approach to lexical semantics — for a discussion, see Polguère (2015). Our main reasons for postulating two separate units **BALCONY 1** and **BALCONY 2** are the following:

- ◆ both lexical units denote architectural elements of totally different wholes — a façade wall vs. a theater hall;
- ◆ each of them controls its own specific network of paradigmatic and syntagmatic lexical relations (called its *lexical cluster* in 3.1 below) — **BALCONY 1** → *wall, façade, balustrade, ~ overhangs sth., to sit on a ~ ...* vs. **BALCONY 2** → *theater, parterre, stage, seat, to sit in the ~ ...*;
- ◆ in the context of language teaching, it is not unreasonable to present **BALCONY 2** as a metaphorical derivative of **BALCONY 1** based on shape analogy.

Two important remarks about the notion of vocable have to be made. Firstly, as the above definition shows, there are in fact two kinds of vocables: those that contain more than one lexical unit — e.g. **BALCONY** and **ARM** (of a person vs. an animal vs. an object vs. a company) —, qualified as being **polysemous**; 2) those that contain just one lexical unit — e.g. **RHINOCEROS** and **TETRAHEDRON** —, qualified as being **monosemous**. The former type is considered by us to be the default one and the latter type a marked case (see 1.4.1 below). One may wonder why the notion of vocable should also encompass “isolated” lexical units. This is justified both for theoretical and practical reasons which will become clearer shortly. The second important remark about the notion of vocable concerns the criterion of “significant meaning intersection”. What makes a meaning intersection significant? For instance, *seals* in (1a) and *seal* in (1b) below will be considered as being two wordforms of lexemes which are not connected by a significant meaning intersection and therefore belong to two separate vocables, or **homonyms**³.

- (1) a. *There used to be a large population of seals in the Dutch delta region.*
 b. *Any document bearing the impression of the royal seal was as good as a direct command of the King.*

³ To ensure naturalness, our examples are not constructed by us. They are extracted from corpora or from the Internet; some are slightly doctored for readability purposes. This remark does not apply to Section 3 where very compact examples illustrating senses of vocables are needed for practical reasons.

However, these wordforms do possess a semantic intersection, if only the very general meaning ‘physical entity’. This meaning is probably much too vague to be considered as being significant, when compared to the rich semantic intersection that is found between BALCONY 1 and BALCONY 2 mentioned above. But more importantly, what makes the latter intersection significant is the fact that, as speakers of English, we do not wish to consider that the formal identity of BALCONY 1 and BALCONY 2 is unrelated to their semantic intersection. In other words, we do consider that the formal identity bears **semiotic significance** and this significance justifies the grouping within a single vocable. The notions of significant meaning intersection and semiotic significance are related to what Apresjan (1974: 14—16) calls *non-trivial common part* (of lexical meanings and, therefore, of lexicographic definitions).

The formal similarity and meaning intersection that connect two lexical units L_1 and L_2 can be envisaged according to two perspectives, either separately or simultaneously: synchronic vs. diachronic perspectives.

Synchronic perspective: One may consider that, in the current state of the language, it is part of our lexical competence to acknowledge the semantic relation between L_1 and L_2 as being significant and non-coincidental, and that this acknowledgment allows us to better grasp the way both L_1 and L_2 should be used — for instance, the fact that they share non-trivial combinatorial properties, such as the two senses of *bombardment* in (2a—b) below which control the same collocative intensifier *heavy* while having totally different meanings.

- (2) a. *Rebel-held areas of the city came under **heavy bombardment**.*
b. *The minister stormed out of the interview after a **heavy bombardment** of questions.*

Diachronic perspective: One may believe/know that L_2 is an offspring of L_1 in the history of the language. In this case, what matters most is the (right or wrong) belief that the existence of L_2 in the language lexicon is the result of a process of lexical creation by which the signifier of L_1 has been “recycled” to express a new (= not associated to this signifier before) meaning because it is closely related to the meaning of L_1 in one way or another.

Both perspectives interact in the mind of speakers of the language, but it is healthy for lexicologists and lexicographers to clearly identify which one they adopt. Eventually, they may precisely want to focus on the interaction between synchronic and diachronic facts, but they have to state it explicitly. Nothing new here and it is a methodological principle that has been made clear at least since F. de Saussure. The present study is conducted from a strict synchronic perspective. This means that we do not presuppose any actual knowledge of the history of the language when deciding whether or not to group two lexical units within the same vocable. What matters is the semiotic significance or the “naturalness” of the grouping of lexemes for a hypothetical Speaker, totally unaware of diachronic facts when lexicalizing her/his thoughts. Clearly, such Speaker is a theoretical construct, but one that is useful and, even necessary, for conducting lexicographic work. We are, of course, fully aware that this way of proceeding is insufficient if one wants to account for what takes place in the mind of individuals

when they use natural languages. It is, however, a necessary first step, the only one that allows for the actual construction of lexical models, as imperfect and incomplete as they may be.

Based on the above discussion of the two basic notions of lexical unit and vocable, we can propose a rather simple and straightforward definition of the notion of polysemy as it is used in this paper⁴.

Definition 3. Polysemy is the property of a vocable to contain more than one lexical unit.

There is a striking difference between the above definition of polysemy and definitions usually found in the literature: our definition is absolutely minimal as it is entirely derived from the notion of vocable which, in our opinion, is primary. Therefore, vocables come first, as natural groupings of lexical units, and polysemy comes next, as property of a given vocable of not being a singleton. Apresjan (1974)⁵'s definition of polysemy⁵, for instance, is constructed around the undefined notion of *word*, which obviously cannot correspond to our notion of lexical unit but rather to that of vocable. To put it differently, definitions such as Apresjan's define polysemy by trying at the same time to partly explain what is meant by *word*.

Though the notion of polysemy is built on that of vocable, one should note that if polysemy did not exist in natural languages — i.e. if all vocables were monosemous — there would be no need for the notion of vocable in lexicology. This fact explains why researchers who are either not particularly interested in polysemy or are negating its relevance outright do not feel the need for a distinct notion of vocable; the terms *dictionary entry* or *word* suffice to satisfy their metalinguistic needs⁶.

1.3. From the Property of Polysemy to the Relation of Copolysemy

1.3.1. Definition of Copolysemy

Contrary to homonymy, that is conceived of by linguists as well as laypeople as a relation between two words (formally identical but with unrelated meanings), polysemy is commonly envisaged as a property of words⁷. There is therefore no possible **direct** connection between polysemy (a property) and homonymy (a relation); these

⁴ Terminological remark: this notion of polysemy does not belong to the standard notional system of Explanatory Combinatorial Lexicology, our theoretical framework of reference. For I. Mel'čuk, polysemy is not a property and the term *polysemy* is to be equated with *polysemy relation*. It is therefore more or less equivalent to our own term *copolysemy*, introduced below (Subsection 1.3).

⁵ “The word A is called polysemantic if for any two of its meanings a_i and a_j there exist meanings $a_1, a_2, \dots, a_k, a_l$ such that a_i is similar to a_1, a_1 to a_2 , etc., a_k to a_l and a_l to a_j ” (Apresjan 1974: 14).

⁶ We found in the literature an interesting substitute for the term *vocable*, namely: [*a*] *polysemy*. See Traugott and Dasher (2001: 11) when they talk about sense creation through polysemy: “Our theory of meaning embraces the hypothesis that families of related meanings, or polysemies, can, and indeed must be identified.” This terminological practice is preaching by the example as it makes the vocable POLYSEMY be polysemous.

⁷ We allow ourselves to use *word* — which is not part of our terminology — when it is appropriate to remain vague; for instance, when adopting a layperson's perspective on language.

notions are indirectly connected. To illustrate this conceptualization of polysemy as property, let us briefly examine how two renowned general language dictionaries, the *Longman Dictionary of Contemporary English*⁸ and the *American Heritage Dictionary of the English Language*⁹, describe the term *polysemy*. First of all, they have no entry for it! They have an entry for the adjective *polysemous*, defined approximately by the formula: “[a word] that has more than one meaning”. The adjectival entry mentions a corresponding noun *polysemy*, without any definition, as if this noun were a semantic derivative of the adjective *polysemous*. From this, we can infer an implicit definition of the noun *polysemy*, something like: “property of a word such that it is polysemous”. This illustrates clearly to what extent polysemy is conceptualized as a property of something, and not as a relation between two things. And this is perfectly in accordance with the definition we proposed for this notion in Subsection 1.2¹⁰.

Now, while polysemy is a property of a vocable, it is indeed based on a relational fact, i.e. the existence of one or more lexical relations within the lexicon. If vocable V is polysemous, it is because there exist at least two lexical units in the language that are linked by a complex formal and semantic relation \rightarrow (characterized in Subsection 1.2 and still unnamed for now) and whose grouping constitutes V. In other words:

$$L_1 \rightarrow L_2 \quad \Rightarrow \quad V = \{L_1, L_2 \dots\}.$$

Interestingly, there is to our knowledge no established term that denotes the \rightarrow relation holding between two lexical units of the same vocable. There exist terms to denote specific types of \rightarrow — *lexical metonymy*, *lexical metaphor*, etc. —, but nobody seems to have cared to name the generic relation itself since the original coinage of the term *polysémie* by the French philologist Michel Bréal (Bréal 1897: Chapters IX and X)¹¹. When the recourse to the underlying \rightarrow relation is needed, the term *polysemy* is used as if it were denoting a relational fact, for instance by mentioning a *relation of polysemy* or the *polysemy relationship* — see, for instance, Sigman and Cecchi (2002) or current practice in Explanatory Combinatorial Lexicology described earlier in Footnote 4.

To fill this terminological gap, we propose two essential notions: copolysemy and copolyseme (Polguère 2016a: Chapter 7).

Definition 4. Copolysemy between two lexical units L_1 and L_2 — symbolized as $L_1 \rightarrow L_2$ — is the formal and semantic relation linking L_2 to L_1 which conditions their grouping within the same polysemous vocable.

The above definition implies that, by default, the relation of copolysemy is oriented, from L_1 to L_2 ; this is the reason why we chose the arrow-like symbol “ \rightarrow ” to represent it. More precisely, $L_1 \rightarrow L_2$ implies that, in the couple of formally identical lexical units

⁸ <https://www.ldoceonline.com>.

⁹ <http://www.ahdictionary.com>.

¹⁰ Note that Apresjan (1974)’s definition — quoted in Subsection 1.2, Footnote 5 — is also using *polysemous* as starting point (more precisely, *polysemantic*) rather than the noun *polysemy* itself.

¹¹ M. Bréal being a philologist, he is primarily concerned by the dynamic phenomenon of word creation through polysemy (diachronic perspective). For this reason, his term *polysémie* denotes a specific process of “sense multiplication” rather than a property of a vocable: “Nous appellerons ce phénomène de multiplication la *polysémie*” (Bréal 1897: 154—155).

L_1 and L_2 , it is the meaning of L_2 that is perceived as existing relative to the meaning of L_1 . We use the vague formulation *relative to* in order to avoid the more specific *derived from*. Section 3 will provide reasons for this choice of terms, which relates to the fact that the directionality of an $L_1 \rightarrow L_2$ relation does not imply that the meaning of L_2 is constructed from the semantic material found in the meaning of L_1 .

In relation to this, note that symmetric configurations of copolysemy relations $L_1 \leftrightarrow L_2$, where copolysemy holds both from L_1 to L_2 and from L_2 to L_1 , are a theoretical possibility — though we have no concrete example to offer. It goes without saying that symmetric configurations of copolysemy relations can only be envisaged within a purely synchronic approach. In the context of diachronic studies, it would be contradictory to consider that a lexical unit L_2 can simultaneously originate from another lexical unit L_1 and be the origin of L_1 .

To complement our notional toolkit and conclude on the presentation of copolysemy, we need a relational term denoting lexical units involved in a copolysemy relation (L_1 and L_2 involved in $L_1 \rightarrow L_2$).

Definition 5. Copolysemes are lexical units that belong to the same vocable — they are connected either directly or indirectly by a copolysemy relation within this vocable.

It is necessary to take into consideration both direct and indirect copolysemy relations between copolysemes because in cases like $L_1 \rightarrow L_2 \rightarrow L_3$, for instance, we want to consider L_1 and L_3 to be copolysemes within their vocable. The relation of copolysemy is therefore transitive.

1.3.2. Regular Polysemy and Lexical Dynamics

Polysemy would not be that interesting a phenomenon if there were no **regular polysemy**: patterns of copolysemy relations that are recurrently instantiated in natural language lexicons. Regular polysemy is believed to be an essential vector of word creation. In his seminal publication on regular polysemy, Yuri Apresjan highlights the direct connection between polysemy and lexical productivity (Apresjan 1974: 18): there obviously is an intimate connection between the two phenomena. Consequently, within a synchronic approach to polysemy, it would be a mistake to lose sight of the fact that “underlying the state of affairs [of polysemy] is a process” (Hanks 2013: 357). In the synchronic study of polysemy, **lexical dynamics** (Traugott and Dasher 2001, Vanhove 2008, Hanks 2013, Ludlow 2014) will always play the role of the uninvited guest.

However, caution is required when establishing the connection between polysemy (or copolysemy) and lexical dynamics, more specifically sense creation. The copolysemy relation (\rightarrow) is not necessarily the result of a diachronic change ($>$). Two lexical units with identical signifiers and with significant meaning intersection, with a perceived copolysemy linkage, may very well possess their own parallel history, the resulting formal and semantic relatedness being perfectly coincidental — for a discussion and illustrations, see Traugott and Dasher (2001: 13—14). Conversely, some synchronic homonymy can be the result of the historical degeneration of a copolysemy relation, where semantic proximity is no longer perceived. A classical illustration is found

in French with the two homonyms VOLER¹ ‘to fly’ and VOLER² ‘to steal’ which are probably related in diachrony through a now extinct use of VOLER¹ in falconry (Ullman 1959: 326).

At this point, we are equipped with essential notions that will allow us to conduct a rigorous lexicographic study of polysemy (Sections 2 and 3). Before we proceed, let us comment on some basic facts about the methodology that guides such study.

1.4. Methodological Considerations

1.4.1. Anticipating Polysemy

This paper’s approach to polysemy is different from that of Natural Semantic Metalanguage mainly in the way it considers polysemy in the lexicographic process. As stated by Goddard (2000: 132): “The NSM [= Natural Semantic Metalanguage] school follows the traditional ‘definitional’ approach (Geeraerts 1994) to lexical polysemy. One assumes to begin with that there is but a single meaning, and attempts to state it in a clear and predictive fashion, in the form of a translatable reductive paraphrase. Only if persistent efforts to do this fail is polysemy posited”. Contrary to Natural Semantic Metalanguage, we postulate, when dealing with a given vocable, that it contains more than one single sense — i.e. that it is polysemous —, and only if no evidence can be found of the presence of separate senses is monosemy accepted.

There are two reasons for proceeding this way. Firstly, it is the recognition of the fact that polysemous creation is one of the main vectors of lexical dynamics (Subsection 1.3.2 above). Word creation is, of course, performed by creating morphologically derived or totally new signifiers for new lexical signifieds; but it is also very commonly performed by associating new lexical signifieds to existing lexical signifiers with which they entertain a meaning relation (extension, metonymy, metaphor, etc. — Section 3 below). Even within a conservative lexicographic approach to polysemy, where proliferation of senses is not welcome in lexicographic descriptions, it is somehow rare to be faced with monosemous vocables, especially if specialized vocabulary, such as names of chemical molecules, botanical species, etc., is left aside. The second reason why polysemy is postulated by default is that our focus is not lexical meanings and their lexicographic definition per se, but lexical units as wholes: which includes their meaning, of course, but also their combinatorial properties and, more generally, all *differentiating lexicographic information* (Mel’čuk 2013: Chapter 11, 3.2.2) that may demonstrate its singularity. It is often the case that meanings that can be blended together when considered from a strictly conceptual perspective (e.g. I, as an individual describing language, decide that house balconies and theatre balconies are the same kinds of entities) are better considered as related to two separate meanings when taking into consideration how the corresponding word behaves in actual speech.

An important methodological consequence in lexicographic analysis of what has just been stated is that the very first operation performed when conducting the description of a vocable should be to make an initial hypothesis about its polysemy structure¹².

¹² The notion of polysemy structure, as understood here, is presented in Subsection 2.2 below.

Lexicographers should first try to identify — through introspection and the study of occurrences in oral and written texts — the various senses that can be expressed by a given word. True, the distinction may sometimes be hard to establish at first, without digging deeper into the word behavior, such as for *legs* and *leg* in (3a–b).

- (3) a. *He put on his jacket hood, crossed his **legs**, folded his arms and let his head fall.*
 [→ leg of a human being]
 b. *Up on a plank, high above her in the sky, was a black cat who was making slurping noises as he licked his **leg**.*
 [→ leg of an animal]

More often than not, however, one can safely hypothesize the presence of polysemy, for instance, when contrasting (3a–b) above with (4).

- (4) *These grand piano **leg** dollies are manufactured in the United States.*
 [→ leg of an object]

Note that, if it is doubtful that we are with (3a–b) and (4) in the presence of one single meaning, some may argue that (4) involves a totally unrelated lexical unit, which would boil down to rejecting the very notion of polysemy and replace it with wall-to-wall homonymy. We believe such approach to be counterproductive if one wants the lexicographic description to be compatible with perceived semantic connections — **semantic bridges** — by the Speaker and with resulting usage in speech: wordplay, teaching and acquisition by metaphor, etc. Sentence (5), for instance, makes sense only if we understand that the Speaker presupposes a link of metaphor between two senses of *leg* — cf. the term *analogy*.

- (5) *Buñuel had already played with the piano leg/woman's leg **analogy** in his earlier film Tristana.*

1.4.2. “Back to Definitions” (Wierzbicka 1992)

A common credo the present study shares with Natural Semantic Metalanguage, and with Apresjan (1974)'s approach as well, is that the key to polysemy is to be found in lexicographic definitions. There is no polysemy without copolysemy relations between senses, and there is no copolysemy relation — in the most standard cases — without corresponding semantic bridges or other, more indirect, form of connection between the respective definitions of copolysemes. Consequently, copolysemy will be solely postulated based on actual or hypothesized **lexicographic definitions**. By *hypothesized lexicographic definition*, we mean that one does not need to formulate in writing a complete lexicographic definition (though, it is always preferable to do so) in order to gather enough semantic information about a given lexical unit. A teacher in class, for instance, should be able to mentally “draft” almost instantly a definition of a lexical unit in order to address a student's question or propose an exercise. In the same vein, a trained lexicographer should be able to mentally draft definitions — for instance for *leg(s)* in (3a) vs. (3b) vs. (4) — that are rich and precise enough to establish preliminary diagnostics. Again, such semantic approximations, without their materialization in the form of *bona fide* definitions, is in no way satisfactory and can only be used as an intermediary stage in lexicography. However, definition drafting can be done,

the technique can be learned, and it does have useful applications if lexicographic abilities are not only applicable in the context of the theoretical lexicography, where one can be satisfied with spending weeks on perfecting the definition of a single lexical unit.

Additionally, it is possible to question the fact that the proper definition of a derived copolyseme, such as *leg* in (4) above, can be achieved without a preliminary hypothesis on the kind of relation it entertains with its lexical source, *legs* in (3a). It is not because we finalize complete and exact definitions of *legs* [of a person] in (3a) and *leg* [of an object] in (4) that we “discover” a metaphorical relation between the two. It is right the opposite: we postulate and want to account for a perceived metaphorical link, and this leads us to propose lexicographic definitions that do the job. After all, in the case of metaphor, as well as with many other copolysemy relations, encoding the semantic bridge is seldom a necessity if the goal is only to account for the type of referents the lexical unit we define may have in speech. We do it because we believe it has something to do with how the lexicon is structured. For instance, both *leg(s)* in (3a) and (4) share the collocate *strong* to mean ‘that has the ability to function as it should’ and we feel that this is not a mere coincidence, but somehow the consequence of a metaphorical transfer of combinatorial properties.

- (6) a. **Strong legs** are important in all aspects of cheerleading, from stunts to gymnastics.
b. The heavy marble must be supported by **strong legs**, so the legs of this table are made of forged iron.

To conclude, the approach to polysemy presented here can be characterized as follows:

- ◆ it is postulated that polysemy of vocables, not monosemy, is the norm;
- ◆ polysemy should be modeled based on the description of copolysemy relations between senses that make up the corresponding vocable’s polysemy structure (Section 2 below);
- ◆ the study of copolysemy relations is conducted inductively through lexicographic analysis;
- ◆ a postulated copolysemy relation between two lexical units is, in most standard cases, based on a postulated semantic bridge or other more indirect connection¹³ between the lexicographic definitions of these lexical units;
- ◆ it can be sufficient as a first step, for a trained lexicographer, to (mentally) draft such lexicographic definitions in order to postulate a semantic relation.

As mentioned earlier, using lexicographic definitions as basic modeling tools for polysemy is in accordance with the methodology of Natural Semantic Metalanguage: “In a system of semantic analysis based on a finite set of indefinables and on the principle of reductive paraphrase, meanings re-emerge as discrete, determinate entities, and the “riddle of polysemy” ceases to seem insoluble” (Wierzbicka 1996: 244). Two major methodological differences between what is proposed here and Natural Semantic Meta-

¹³ The Coderivation copolysemy relation introduced in Subsection 3.4.3 below is a case of indirect connection between copolysemes.

language should, however, be stressed: (i) it is doubtful that Natural Semantic Metalanguage practitioners would agree with the systematic recourse to drafted definitions; (ii) their lexicographic definitions are not designed to explicitly explain copolysemy relations and there is no “cross-fertilization” of copolysemes’ definitions (Wierzbicka 1996: 269—270). On this latter point, we believe cross-fertilization can be a necessity, at least in such cases as metonymies and metaphors, for instance. Wierzbicka (1996)’s requirement that each definition should “stand alone” holds in the context of Natural Semantic Metalanguage, where the leading principle in defining is maximal decomposition of meanings based on the use of semantic primitives¹⁴. Within Explanatory Combinatorial Lexicology, where minimal instead of maximal decomposition is postulated (Mel’čuk 1989), cross-fertilization is inevitable and is, even, a necessity: for instance, *neck* [of a shirt, dress ...] will necessarily be defined in terms of *neck* [of a person].

We now proceed, in Section 2, with the presentation of our methodology for studying polysemy in the context of the lexicographic construction of the French Lexical Network.

2. LEXICOGRAPHIC MODELING OF POLYSEMY STRUCTURES

We introduce our lexicographic approach to polysemy modeling in two steps. Firstly (2.1), we briefly summarize the theoretical and methodological principles on which the lexicographic project of the French Lexical Network is based, highlighting its main characteristics which distinguish it from more traditional products of Explanatory Combinatorial Lexicography: namely, *Explanatory Combinatorial Dictionaries* (Mel’čuk and Zholkovsky 1984, Mel’čuk *et al.* 1984—1999). Secondly (2.2), we focus on the notion of polysemy structure of vocables and on its encoding in the French Lexical Network.

2.1. The French Lexical Network (fr-LN) Project

The present study targets a deepening of the notion of polysemy through descriptive practice. As mentioned at the very beginning of the paper, this research is anchored in Explanatory Combinatorial Lexicology (Mel’čuk *et al.* 1995), from which it borrows most of its theoretical notions and descriptive principles. The most significant difference in the study presented here and “classical” Explanatory Combinatorial Lexicology is that it is based on a new form of lexicography, namely the lexicography of **Lexical Systems**, presented in Polguère (2014). We cannot explain in detail the characteristics of this lexicographic practice, and we concentrate on a brief presentation of the lexicographic models it produces: Lexical Systems.

Lexical Systems are network models of natural languages lexicons — i.e. unlike dictionaries, they are non-linear and non-textual. They were first presented

¹⁴ As has been rightfully pointed out to us by one of the anonymous reviewers of this paper, this statement is no longer entirely true since semantic molecules have been introduced in Natural Semantic Metalanguage. They are indeed convenient tools in the approach for implementing definition cross-fertilization. See, for instance, Goddard (2011: 377—378)’s definition of ‘head 2’ [of an animal] in terms of ‘head 1 [of a person]’, which has the status of semantic molecule in the definitional metalanguage.

in Polguère (2009), based on an experiment in automatically compiling a dictionary-like Explanatory Combinatorial lexical database for French into a network structure closer to what we expect is a plausible representation of the organization of the **logical mental lexicon** (Polguère 2016b)¹⁵. Since then, the notion of Lexical System has been refined through large-scale lexicographic work centered mainly around the construction of the first handmade Lexical System: the **French Lexical Network**, hereafter **fr-LN** (Lux-Pogodalla and Polguère 2011).

A Lexical System of a given language, such as the fr-LN, is formally a huge graph whose nodes are in most cases lexical units of the language (lexemes and idioms) and whose arcs are in most cases paradigmatic and syntagmatic relations that connect these lexical units. The bulk of the graph structuring of Lexical Systems, in terms of lexical node connections, relies on the system of Meaning-Text standard lexical functions (Mel'čuk 1996, 2007): paradigmatic lexical functions corresponding to semantic derivatives of lexical units — **Syn, Anti, Conv_{ij}, S_i ...** — and syntagmatic lexical functions corresponding to collocations controlled by lexical units — **Magn, Ver, Bon, Oper₁ ...**¹⁶

The graph that makes up a Lexical System is a non-taxonomic structure, unlike the graph of well-known lexical networks such as WordNet (Fellbaum 1998) and BabelNet (Navigli and Ponzetto 2012). A Lexical System graph closely resembles, in terms of global structuring, common social networks — e.g. the graph of “friend” connections in Facebook. This type of information structure is called **small-world network** (Watts and Strogatz 1998) and it possesses specific topological characteristics which make it particularly suitable for such operations as automatic node clustering and analogical reasoning.

At present, lexicographic work focuses on Lexical Systems for three languages: French — the fr-LN, on which the present study is based —, Russian (Krylosova 2017) and English (Gader *et al.* 2014). Small samples have also been constructed for Arabic, Italian, Korean and Spanish.

The main change introduced in Explanatory Combinatorial Lexicology by the use of Lexical Systems as structural models of lexicons — as opposed to “textual” dictionaries — is that each lexical unit in this approach is first and foremost characterized by its *lexical cluster* (see 3.1 below): the micro-system of paradigmatic and syntagmatic relations the lexical unit is at the center of. Within the framework of Lexical System lexicography, the lexical cluster of each lexical unit is systematically taken

¹⁵ Polguère (2016b) establishes a distinction between two notions of mental lexicon: the physiological mental lexicon — the lexicon as information stored in the brain of individual speakers — vs. the logical mental lexicon — the lexicon as main structural component of *langue* in the Saussurian sense. The physiological mental lexicon is the object of study in such disciplines as neurolinguistics and its structuring is in great part constrained by human physiology. The logical mental lexicon is the true object of study in lexicology. Its organization follows mathematical and logical principles while being structurally compatible with (though radically distinct from) the physiological mental lexicon. For a discussion of a cognitive-based approach to the modeling of polysemy, see Zaluzniak (2007).

¹⁶ A brief but informative introduction to lexical functions — with a list of simple standard lexical functions — can be found in the English Wikipedia entry for the notion: https://en.wikipedia.org/wiki/Lexical_function [consulted on July 31, 2018].

into consideration while interpreting linguistic data and making decision on how to model them. This methodological aspect of the work will very clearly manifest itself in the remainder of the paper.

We cannot delve further into the topic of Lexical Systems and their lexicographic construction for lack of space. In next subsection, we concentrate on how polysemy structures of vocables are modeled in Lexical Systems and, in particular, in the fr-LN.

2.2. Polysemy Structure of Vocables in the fr-LN

Standard dictionaries describe vocables' polysemy following what has been termed the *enumerative approach* (Falkum and Vicente 2015: 3—5): one by which all senses of a given vocable are listed in its dictionary entry with minimal information (if any) to reflect its actual polysemic organization. Structural information on polysemy takes mainly the form of lexicographic numbering, symbols (bullets, punctuation signs ...) and sense labels such as *Figur(ative)*, *By extension*, etc., which are supposed to reflect some form of internal hierarchical organization of the vocable¹⁷.

Sense enumeration is the lexicographic dead horse that everybody seems to love to flog, especially when it comes to justify a refusal to undertake the painstaking and endless endeavor of describing lexical polysemy. We believe in a more constructive attitude. The approach adopted in describing French polysemy in the fr-LN is non-enumerative as senses are not simply listed, or collected, in the lexical network: they are explicitly connected by a set of clearly identified $L_1 \rightarrow L_2$ copolysemy relations (Subsection 1.3.1 above). The result is a tree-like hierarchical structure, such as the one given in Figure 1 below for the French vocable JAMBE¹⁸.

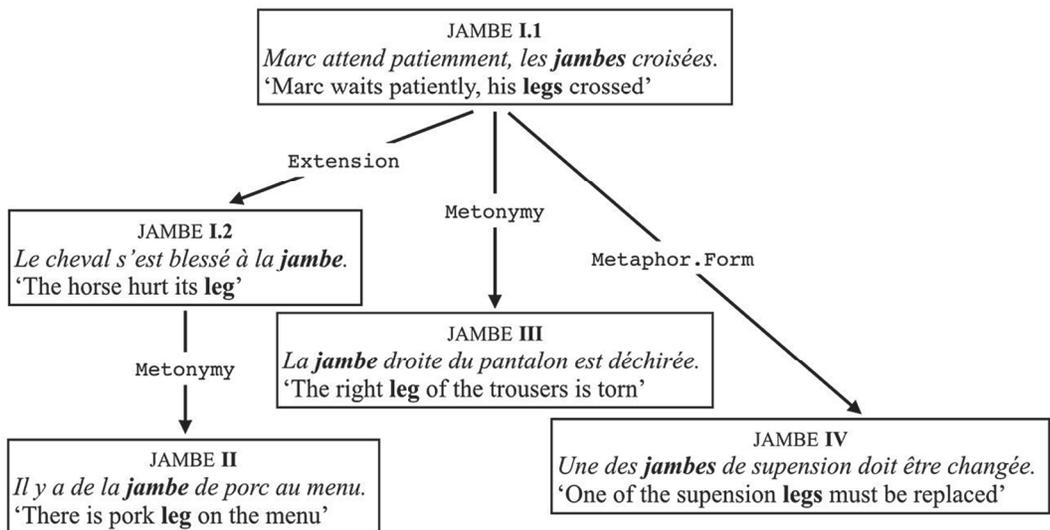

Figure 1. Polysemy structure of the French vocable JAMBE in the fr-LN

¹⁷ *Figurative* means that sense L_2 in the vocable's entry is figurative relative to sense L_1 ; *By extension* means that L_2 is a semantic extension of L_1 ; etc.

¹⁸ All polysemy relations appearing in Figures 1 and 2 are explained in detail in Section 3 below.

Though polysemy structures of vocables are by default acyclic graphs (i.e. trees), such as in Figure 1 above, they may exceptionally contain cycles, where one sense appears as direct copolyseme of more than just one other sense. This is a consequence of the fact that, from a strict theoretical viewpoint, nothing forbids a sense to be **synchronically** derived from several other senses. For instance, a sense can be simultaneously a form-based metaphor copolyseme and a function-based metaphor of another copolyseme, though this kind of configuration can be expected to be very rare. An example can be found in the fr-LN with the vocable TAILLE², whose polysemy structure is visualized in Figure 2¹⁹.

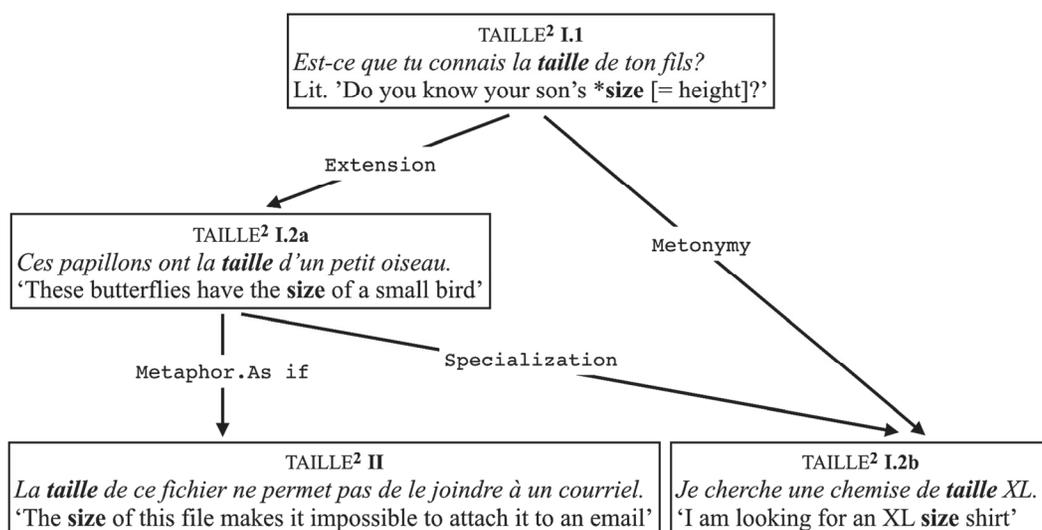

Figure 2. Polysemy structure of the French vocable TAILLE² in the fr-LN

The collection of all copolysemy relations weaved in the fr-LN makes an important contribution to the overall relational structuring of this Lexical System, together with lexical function relations. At the moment of writing, the fr-LN contains 8,890 copolysemy relations against 59,336 paradigmatic and syntagmatic lexical function relations; all these relations connect 28,353 lexical nodes, grouped into 18,196 vocables²⁰. The system of copolysemy relations identified in the fr-LN corresponds to only part of the polysemy of the French language; it is, however, significant enough to be considered as being far beyond the stage of sampling. To our knowledge, the fr-LN is the only network-like model of a natural language lexicon that embeds such an extensive and explicit description of copolysemy relations.

Now that the general lexicographic principles underlying our approach to polysemy modeling have been introduced, we can proceed with the description of copolysemy relations identified through lexicographic construction of the fr-LN.

¹⁹ The superscript number in the name of the vocable TAILLE² is an indication of the fact that there is a TAILLE¹ homonym in the fr-LN.

²⁰ The fr-LN is freely distributed through the ORTOLANG platform (<https://www.ortolang.fr>). Contact should be made directly with us for up-to-date versions of the database.

3. COPOLYSEMY RELATIONS IDENTIFIED IN THE fr-LN

3.1. General Picture

We explained in some detail earlier (Subsection 1.4.2) that the key to the identification and characterization of copolysemy relations $L_1 \rightarrow L_2$ is the comparison of (drafted or hypothesized) lexicographic definitions for both L_1 and L_2 . In that sense, the name of each given copolysemy relation we have identified is, first of all, a representation of the ratio between the meaning ‘ L_1 ’ and the meaning ‘ L_2 ’. However, it has also been noted in Subsection 2.1 that, beside L_1 and L_2 ’s lexicographic definitions, another fundamental parameter is taken into consideration in the context of the lexicography of Lexical Systems: L_1 and L_2 ’s lexical clusters.

Definition 6. The **lexical cluster** of a lexical unit is the system of paradigmatic and syntagmatic relations it controls and that positions this lexical unit within the topology of the lexical graph of the language.

The lexical cluster of a given lexical unit acts as its fingerprint within the Lexical System of the language and represents a significant proportion of the differentiating lexicographic information (cf. 1.4.1 above) to be examined when comparing two copolysemes. Each lexical unit can be considered from the viewpoint of either its **semantic lexical cluster** or **semantic space** (Polguère 2014: 11—12) — the system of semantically relevant relations that connects it to other lexical units — or its **full lexical cluster** — the system of all relations, including semantically empty ones (e.g. purely formal ones), that connects it to other lexical units.

The crucial notion of lexical cluster being introduced, we can proceed with the presentation of copolysemy relations. All copolysemy relations that have been identified in the fr-LN until now are listed in Table 1 below according to four descriptive parameters (the table’s four columns).

1. Weight. The (semantic) weight of a copolysemy relation indicates to what extent this relation can participate in structuring the semantic lexical cluster of individual lexical units. We conceptualize the weight as a measurement of the semantic cohesiveness of copolysemy relations within the lexical network of the language. The weight can take three values, from the highest to the lowest degree of cohesiveness: *Tight*, *Loose* and *Non-cohesive*. (Copolysemy relations are listed in this order in Table 1.) To illustrate the notion of semantic weight of copolysemy relations, let us contrast *Metonymy* and *Metaphor*. *Metonymy* is a tight relation because the two copolysemes it connects belong to the same semantic space or to two closely related semantic spaces: e.g., by virtue of their definitions, **NECK I** [of a person] and **NECK II** [of a shirt] must have intersecting semantic lexical clusters. By contrast, *Metaphor* is a non-cohesive relation with respect to semantic space: there is no reason to expect **NECK I** [of a person] and **NECK III** [of a bottle] to have intersecting semantic lexical clusters.

2. Type. The type of a copolysemy relation is the central (and often unique) element of its denomination. Types (or names) of copolysemy relations are systematically written with an initial capital letter and formatted in a non-proportional font in order

to clearly distinguish them from various notions that may exist in linguistics. For instance, *Metaphor* designates a copolysemy relation in our model **and not** the rhetorical figure of metaphor. The same kind of remark applies to *Conversion*, *Causation*, etc.

3. Subtype. Some polysemy relation types are too general to allow for a description with sufficient level of granularity, even at this initial stage of elaboration of our model. In such cases, a subtype (or sub-name) is provided. The subtypes that appear in bold in Table 1 are compulsory.

4. Derivation. For each copolysemy relation $L_1 \rightarrow L_2$, it is specified in Table 1 whether this relation corresponds to a true polysemy derivation or not, i.e. whether the meaning of L_2 can be considered as being derived from the meaning of L_1 . Only three copolysemy relations are not actual polysemy derivations: *Intersection*, *Grammaticalization* and *Coderivation*. This means that, for such relations, we do not expect the lexicographic definitions of both lexical units to directly reflect their connection as copolysemes, and this will be explained for each individual relation in Subsections 3.2 to 3.4. We are fully aware though that the very notion of polysemy derivation would call for some in-depth discussion, that we cannot undertake here — see, for instance, the discussion of the distinction between deductibility and motivatedness in Zalizniak (2007).

Table 1

Copolysemy relations in the French Lexical Network (fr-LN)

Weight	Type	Subtype	Derivation
Tight	Conversion		Yes
Tight	Causation		Yes
Tight	Result		Yes
Tight	Specialization	Subsense	Yes
Tight	Generalization		Yes
Tight	Metonymy	Set of, Part of	Yes
Loose	Extension		Yes
Loose	Antiphrasis		Yes
Loose	Intersection		No
Non-cohesive	Metaphor	As if, Meton as if, Behavior, Function, Functioning, Form, Position, Structure, Usage	Yes
Non-cohesive	Grammaticalization		No
Non-cohesive	Coderivation		No

Each copolysemy relation listed in Table 1 is described in Subsections 3.2 to 3.4 according to the following pattern:

- ◆ general characterization of the relation;
- ◆ illustration borrowed from the fr-LN — therefore, from the French language;
- ◆ additional comments — these comments are often minimal, due to lack of space, and are detailed only when it appears to be absolutely required.

Note that the illustration of a given $L_1 \rightarrow L_2$ relation is presented in a table that has the following structure:

L ₁	<Lexicographic name of L ₁ >	<Short French example of use of L ₁ > <English translation of the example>
L ₂	<Lexicographic name of L ₂ >	<Short French example of use of L ₂ > <English translation of the example>

English translations of examples for L₂ are either “valid” translations, when the same corresponding $L_1 \rightarrow L_2$ copolysemy exists in English (e.g. illustration table in Subsection 3.2.1 below), or literal with the indication of the correct lexical equivalent for L₂ between square brackets, when the corresponding copolysemy is absent from English (e.g. illustration table in Subsection 3.2.3).

When characterizing copolysemy relations, we often make use of the notion of denotation of a lexical unit. It can be defined as follows.

Definition 7. The denotation of a lexical unit is the (potentially infinite) set of facts or entities this lexical unit can designate strictly as function of its meaning.

Note that some lexical units do not have a denotation because they do not possess a meaning that allows for the designation of facts or entities; such is the case of auxiliary verbs or purely structural prepositions, such as *of* in *to think of something*.

Subsections 3.2 to 3.4 below present copolysemy relations in three groups, according to their cohesiveness (i.e. their semantic weight). This presentation is inevitably a bit enumerative as it accounts for preliminary results of an inductive approach to the identification of copolysemy relations. Much work remains to be done on testing the validity of the description before an actual theorization of copolysemy relations can be elaborated and before a better mode of presentation can be found.

3.2. Tight Copolysemy Relations

Tight $L_1 \rightarrow L_2$ relations are characterized by the fact that L₂ possesses roughly the same denotation as L₁ — Conversion —, a narrower or broader denotation — Causation, Result, Specialization, Generalization — or a somehow “orthogonal” denotation — Metonymy.

In terms of network structuring of the lexicon, if L₂ is in a tight copolysemy relation with L₁, its lexical cluster is almost identical to, or largely overlaps with L₁’s.

3.2.1. Conversion

An L_1 Conversion $\rightarrow L_2$ relation is such that L₂ is an exact or approximate lexical converse of L₁: it possesses (roughly) the same denotation as L₁ but its active valency displays a permutation of L₁’s syntactic actants. For instance, in the fr-LN:

L ₁	COMMENCER I.2a	<i>Le roman commence par un meurtre.</i> ‘The novel begins with a murder’
L ₂	COMMENCER I.2b	<i>Un meurtre commence le roman.</i> ‘A murder begins the novel’

Conversion is a marginal copolysemy relation in the fr-LN — and probably in French and in most languages as well: it represents barely more than 0.5% of the relations currently encoded in the fr-LN.

Note that Conversion possesses a counterpart among Meaning-Text paradigmatic lexical functions, namely **Conv_{ji}**. The relationship that some copolysemy relations entertain with paradigmatic or syntagmatic lexical functions is clearly an important topic, which calls for further study.

3.2.2. Causation

An L_1 Causation \rightarrow L_2 relation is such that L_2 means approximately ‘to cause <cause of> L_1 ’. In the fr-LN:

L ₁	APPRENDRE I.1	Elle apprend la boxe. ‘She learns boxing’
L ₂	APPRENDRE I.2	Je lui apprends la boxe. ‘I teach her boxing’

Causation has **Caus** as syntagmatic lexical function counterpart and is directly related to the next copolysemy relation: Result.

3.2.3. Result

An L_1 Result \rightarrow L_2 relation is such that the denotation of L_2 is a set of facts or entities that can be considered as being prototypical results of the facts that make up the denotation of L_1 . Semantically, L_2 is the de-causative counterpart of L_1 ; Causation, above, and Result are therefore symmetrical. In the fr-LN:

L ₁	HUMILIATION 1	Comment peut-il supporter les humiliations infligées par son patron? ‘How can he cope with humiliations inflicted by his boss?’
L ₂	HUMILIATION 2	Nous ressentons une profonde humiliation . ‘We feel a deep humiliation ’

Both Causation and Result are weakly present in the fr-LN: not even 1% each. Note that Causation and Result may be exceptionally rare for verbs in the fr-LN as French possesses de-causative reflexive verbs — e.g. DISSOUDRE ‘X dissolves Y in Z’ vs. SE DISSOUDRE ‘Y dissolves in Z’. The reflexive counterpart of a non-reflexive verb is considered to belong to a separate vocable; therefore, the relation between the two verbs cannot be one of copolysemy.

Result has two paradigmatic lexical function counterparts, either **S_{res}** or **Result_i**, depending on the semantico-syntactic ratio between L_1 and L_2 . In the above example, HUMILIATION 2 is an **S_{res}** for HUMILIATION 1. Below, SALIR 2 is a **Result₂** for SALIR 1:

L ₁	SALIR 1	Elle a sali sa chemise avec de la sauce tomate. ‘She dirtyed her shirt with tomato sauce’
L ₂	SALIR 2	Elle frotte la sauce tomate qui salit sa chemise. Lit. ‘She rubs the tomato sauce that *dirtyes [= stains] her shirt’

3.2.4. Specialization

An L_1 Specialization $\rightarrow L_2$ relation is such that L_2 is a richer synonym of L_1 , cf. the **Syn** lexical function, or at least contains L_1 as central (generic) component of its definition. In the fr-LN:

L_1	BAGUETTE I.1	<i>Elle a utilisé des baguettes de bois pour fabriquer un cheval miniature.</i> 'She used wooden sticks to make a miniature horse'
L_2	BAGUETTE I.2a	<i>Elle mange son riz avec des baguettes.</i> Lit. 'She eats her rice with * sticks [= chopsticks]'

Specialization is not common in the fr-LN: less than 2.5%. It is directly related to the even less common Generalization relation (Subsection 3.2.5 below).

There exists a special subtype of Specialization that we termed Subsense, following Cruse (1995: 39—40). In an L_1 Specialization.Subsense $\rightarrow L_2$ relation, L_2 possesses the exact same denotation as L_1 except for parameters linked to a specific domain of functioning, usage, etc. In the fr-LN:

L_1	ABEILLE I.a	<i>Elle étudie les abeilles, les guêpes, les fourmis et autres insectes sociaux.</i> 'She studies bees, wasps, ants and other social insects'
L_2	ABEILLE I.b	<i>Administrativement, l'élevage des abeilles relève des activités agricoles.</i> 'Administratively, raising bees falls within agricultural activities'

Clearly, Specialization.Subsense is a very borderline case of copolysemy, one where L_2 is not a distinctly separate lexical unit from L_1 . All lexical information associated to L_1 is also associated to L_2 : L_2 , as a lexical unit, is L_1 "from a given viewpoint". However, the converse is not true. L_2 , because it is associated with a specific domain, controls a much richer lexical cluster than L_1 . In point of fact, the same L_1 can have multiple L_2 subsenses, each one of them controlling its own specific lexical cluster²¹.

Because they are borderline cases, subsenses are often used in the literature when debating such existential questions as: Does polysemy really exist?; Can it be systematically handled?; Do dictionaries over-generate senses in their entries? A good illustration of this is the case of the English vocable LOVE_(V) — together with LOVE_(N) — discussed by Goddard (2011: 40—42) in the context of his criticism of the proliferation of polysemy in dictionaries²². The central question Goddard examines is the distinction made by most dictionaries between a sex-free and a sex-related sense of LOVE_(V/N). Goddard's claim is that it is impossible to circumscribe everything that can go with love and that love can take multiple forms and manifestations. Consequently, he proposes

²¹ The English vocable KNIFE is a classic example for such copolysemy configuration. Its basic lexical unit is connected to a series of subsenses; at least: 'knife as a weapon', 'knife as a kitchen instrument' and 'knife as tableware'.

²² "Although lexical polysemy is a fact of life, dictionaries generally speaking posit excessive polysemy" (Goddard 2011: 40).

a Natural Semantic Metalanguage explanation for one single sense of LOVE_(V), that is supposed to encompass all forms of love:

“Someone X loves someone Y: X feels something good towards Y, thinks good things about Y, wants to do good things for Y, and wants good things to happen to Y” (Goddard 2011: 41)

If this is the definition for a one and unique sense of LOVE_(V), our main problem with it is: but where is the sex? There exist in the English language many traces of a lexicalization of the love-sex association; e.g. idioms such as MAKE LOVE or LOVE MAKING, and the separate sense of LOVE_(N) that means ‘love making’ and that **has** to be derived from another sense containing ‘sexual desire’ in its definition:

(7) *Was there a need for the rest after love?*

The problem with Goddard’s argument is that it is based on a purely conceptual reasoning, which can lead lexicographers either way. If we look at the lexical cluster of LOVE_(V/N) in the English lexicon, on the other hand, and if we want to account for it in a simple manner, there is no other solution but to postulate a specialized sense of LOVE_(V/N), one that is a subsense (= a manifestation) of the more neutral basic sense and is at the center of a very specific network of lexical relations (*lover, in love, puppy love, platonic love, etc.*). It is mainly this systemic positioning in the global lexical network of English that gives this subsense a relative autonomy and, hence, a true existence in the English language. If this lexical cluster were not present in English, on the other hand, we would fully agree that there is no need to consider a separate sense.

We have discussed at length *Specialization.Subsense* because we believe that this apparently marginal relation plays in reality a crucial role in the development and structuring of the lexicon as regards to specialized vocabularies (i.e. terminologies). It often comes into play in association with technical/scientific terms that are inextricably embedded within general language — see, e.g., BOND_(N) as a general language lexical unit *vs.* as a chemistry term (Ingrosso and Polguère 2015).

3.2.5. Generalization

An L₁ Generalization → L₂ relation is such that L₂ is a poorer synonym of L₁, cf. the **Syn_c** lexical function; its definition is identical to that of L₁ except for some missing components. In the fr-LN:

L ₁	CHAMP ¹ I.1	<i>Les paysans labourent les champs.</i> ‘Farmers are plowing the fields [= piece of land for growing crop]’
L ₂	CHAMP ¹ I.2	<i>Les vaches sont déjà au champ.</i> ‘Cows are already in the field [= piece of agricultural land]’

Generalization is extremely marginal: only three occurrences in the fr-LN. Additionally, all cases we have identified are somehow controversial. For instance, the second sense of CHAMP above, CHAMP¹ I.2, could be fused with the first one, from

the strict point of view of its definition. The reason we keep both senses separated is that CHAMP¹ I.1 — ‘open land for growing crops’ — controls a very specific lexical cluster that simply does not apply to the more general CHAMP¹ I.2. But again, our analysis of the polysemy structure of champ in the fr-LN is debatable and it is safe to say that Generalization is more a logically plausible copolysemy relation than a truly attested one²³.

3.2.6. Metonymy

An L₁ Metonymy → L₂ relation is such that the denotation of L₂ relates to the denotation of L₁ through contiguity, in the broadest sense of the term. As a consequence, the meaning ‘L₁’ necessarily appears in the lexicographic definition of L₂, though not as central component. In the fr-LN:

L ₁	RAISIN a	<i>Notre raisin est récolté à la main.</i> ‘Our grape is harvested by hand’
L ₂	RAISIN b	<i>Décorez votre salade avec quelques raisins [= grains de raisin a].</i> ‘Decorate your salad with a few grapes [= grape berries]’

Metonymy is the first copolysemy relation examined here that is truly widespread in the fr-LN — 18% of all relations —, and most probably in the lexicon of all natural languages as well. Metonymy, as characterized above by the very general notion of contiguity (whether physical, temporal, psychological, logical, etc.), is a heterogeneous phenomenon. A complete modeling of Metonymy relations calls for a sub-classification of these relations. As indicated in Table 1 (Subsection 3.1 above), we have for now introduced only two subtypes of Metonymy: Set of and Part of. As our descriptive apparatus is still embryonic, the indication of a subtype is not obligatory for the time being when encoding Metonymy relations. In the future, all our currently encoded relations should be carefully analyzed in order to identify and encode new subtypes, so that all cases of Metonymy relations are made more specific.

3.3. Loose Copolysemy Relations

Loose L₁ → L₂ relations are characterized by the fact that lexicographic definitions of L₁ and L₂ share significant semantic content without having directly related denotation — contrary to all cases of tight copolysemy relations we just examined.

In terms of network structuring of the lexicon, if L₂ is in a loose copolysemy relation with L₁, its lexical cluster marginally intersects with L₁’s, as opposed to cases of tight copolysemy relations (Subsection 3.2 above).

²³ Another legitimate question is why choosing the semantically more specific CHAMP I.1 over the more general CHAMP I.2 as origin of the copolysemy relation. We have no better answer to offer than the fact that the use of the latter by French speakers is rather marginal and it is a rather elusive lexical unit from a lexicographic point of view.

3.3.1. Extension

An L_1 Extension $\rightarrow L_2$ relation is such that the denotation of L_2 is relatively close to the denotation of L_1 while it is clear that no (quasi-)synonymy relation holds between these two lexical units. It is as if the meaning ‘ L_1 ’ had been doctored in order to construct the meaning ‘ L_2 ’. In the fr-LN:

L_1	GATEAU a	<i>Nous devons trouver des bougies pour le gâteau d’anniversaire.</i> ‘We have to find candles for the birthday cake ’
L_2	GATEAU b	<i>Je prends un paquet de gâteaux au cas où on a faim dans l’après-midi.</i> Lit. ‘I bring a pack of * cakes [= cookies] in case we feel hungry in the afternoon’

Note that in many instances — such as for the BRAS **I.1a** vs. BRAS **I.3** pair presented below — an Extension relation could be argued to be in reality a Metaphor relation (Subsection 3.4.1 below).

L_1	BRAS I.1a	<i>Elle a failli se casser le bras en tombant dans l’escalier.</i> ‘She almost broke her arm falling in the stairs’
L_2	BRAS I.3	<i>Les pieuvres possèdent huit bras munis de ventouses.</i> ‘Octopuses have eight arms equipped with suckers’

One could say that octopus arms are called *bras* ‘arms’ in French by analogy, as if they were indeed (human) arms. As always in the lexical network approach to lexicology/lexicography, our decision will be guided, not by some form of purely conceptual/semantic reasoning, but rather by considering the individual cluster of each lexical unit. In this particular case, our perception is that BRAS **I.3** controls a lexical cluster that is not sufficiently apart from the cluster controlled by BRAS **I.1a** to be considered as being a metaphor of BRAS **I.1a**: we will see in 3.4.1 below that the autonomy of the clusters controlled by the two copolysemes is a characteristic of a Metaphor relation.

Extension is a very common copolysemy relation in the fr-LN — 26.5% of all copolysemy relations. It can be considered as being the default relation among loose copolysemy relations within the fr-LN. At this stage, it would be adventurous to state that this is an actual characteristic of the polysemic organization of the French lexicon, or of the lexicon of natural languages in general. Much lexicographic work remains to be performed on the fr-LN — and undertaken on networks for other languages — before we can venture to propose this type of theoretical generalization.

3.3.2. Antiphrasis

An L_1 Antiphrasis $\rightarrow L_2$ relation is such that the meaning of L_2 is in a quasi-antithetical relation with the meaning of L_1 . This relation generally entails an ironic stylistic charge in L_2 . In the fr-LN:

L_1	JOYEUX I.1a	<i>Je vois des enfants joyeux qui jouent dans le parc.</i> ‘I see cheerful children playing in the park’
L_2	JOYEUX III	<i>Les enfants ont mis une joyeuse pagaille dans leur chambre.</i> Lit. ‘Kids have made a * cheerful [= real nice _{ironic}] mess in their bedroom’

L₁ Antiphrasis → L₂ was added quite recently to our list of copolysemy relations²⁴ and it seems to be very marginal: only five cases identified so far in the fr-LN. It is our conjecture, however, that Antiphrasis may be more present in the polysemy of French than it appears to be as it is the lexicalized manifestation of a rhetorical figure commonly used in oral speech (Hénault 2008: 297).

3.3.3. Intersection

An L₁ Intersection → L₂ relation is such that there is a perceived semantic relation between L₁ and L₂, but one that seems impossible to truly specify by contrasting these units' lexicographic definitions and by identifying a clear Extension, Metaphor, etc. relation. In other words, the term *Intersection* is used here to mean 'semantic intersection only, of undetermined nature'. The Intersection relation is therefore some kind of joker relation, for lack of a better characterization of the copolysemy relation under consideration. Because of the tenuous and synchronically unexplained nature of L₁ Intersection → L₂ relations, L₂ cannot be considered synchronically as being the product of an actual polysemy derivation. In the fr-LN:

L ₁	DISPOSER I	<i>Elle a disposé artistiquement des groseilles autour du gâteau.</i> 'She artistically placed red currants around the cake'
L ₂	DISPOSER II	<i>Paris dispose d'un réseau de métro extrêmement développé.</i> Lit. 'Paris * places [= possesses] an extremely developed underground network'

Intersection is rare in the fr-LN: less than 0.5% of all copolysemy relations. As can be seen with the above example, cases of L₁ Intersection → L₂ relations are generally good candidates for homonymy rather than polysemy. It is only the intuitive perception by many native speakers of French of a semantic connection between DISPOSER I and DISPOSER II that justifies a non-homonymic description in this case²⁵.

It is not clear that the Intersection relation should be kept in the model and a simple drastic solution would be to have recourse to homonymy instead. In general, it is our opinion that there is nothing to gain and everything to lose by maintaining copolysemy links when they are not supported by clear evidence.

3.4. Non-cohesive Copolysemy Relations

Non-cohesive L₁ → L₂ relations are characterized by the fact that L₂'s denotation is, in principle, totally disconnected from that of L₁. There are three types of such relations: Metaphor, Grammaticalization and Coderivation. For this latter case, note that two lexical units linked by a Coderivation relation could very well have intersecting denotations, but this would be purely coincidental and would not be a consequence of the characteristics of Coderivation as such (see 3.4.3 below).

In terms of network structuring of the lexicon, if L₂ is in a non-cohesive copolysemy relation with L₁, their lexical clusters can be expected to be largely distinct.

²⁴ We are grateful to Veronika Lux-Pogodalla for this.

²⁵ The semantic connection, in this particular case, seems extremely tenuous: something like the vague semanteme 'presence [of something]'. This pair of lexemes may very well be treated as homonyms as well.

3.4.1. Metaphor

An L_1 Metaphor . <Subtype> \rightarrow L_2 relation is such that the denotation of L_2 relates to the denotation of L_1 through analogy in the broadest sense of the term. Metaphor is a heterogenous relation and compulsory subtypes have been introduced in the fr-LN model of copolysemy (Table 1, Subsection 3.1 above): As if, Meton as if, Behavior, Function, Functioning, Form, Position, Structure and Usage. For instance, the following $L_1 \rightarrow L_2$ pair, borrowed from the fr-LN, illustrates a case of L_1 Metaphor . Form $\rightarrow L_2$ relation²⁶:

L_1	BAGUETTE I.1	<i>Elle a utilisé des baguettes en bois pour fabriquer un cheval miniature.</i> 'She used wooden sticks to make a miniature horse'
L_2	BAGUETTE II	<i>Elle a acheté deux baguettes au boulanger du coin.</i> Lit. 'She bought two * sticks [= baguettes] from the neighborhood bakery'

As if is the default subtype; it simply indicates the presence of at least one component in the definition of L_2 which specifies the nature of the analogy that connects L_1 and L_2 's denotations. As lexicographic work progresses and descriptions become finer, all occurrences of the As if subtype should be replaced with more specific subtypes. All other current subtypes are self-explanatory, except for Meton as if which we examine now.

In the course of weaving copolysemy relations in the fr-LN, we noticed the recurrent apparition of a very special type of metaphor: one that is rooted in an underlying metonymy and that we termed **metonymy-based metaphor** — cf. the Meton as if subtype. Let us explain this relation with an example borrowed from the fr-LN:

L_1	BOIRE I.2a	<i>Désolé, je ne bois pas.</i> 'Sorry, I don't drink [= usually drink alcohol]'
L_2	BOIRE II	<i>Chaque mois, il boit son salaire.</i> Lit. 'Each month, he * drinks [= drinks away] his salary'

Boire son salaire/ses économies/etc. (lit. 'to drink [= drink away] one's salary/savings/etc.') is undoubtedly a metaphor. This sense of the vocable BOIRE is based on an analogy with BOIRE I.2a which means 'to have the habit of drinking (in the basic sense) alcohol'. However, the actual semantic connection between BOIRE I.2a and BOIRE II is quite complex as revealed by the following lexicographic definition of BOIRE II, written according to the principles of Explanatory Combinatorial Lexicology (Mel'čuk and Polguère In press).

X boit II Y 'X drinks II Y'	:	X gaspille Y 'X wastes Y' ◆ Y étant de l'argent 'Y being money' ◆ en dépensant Y pour boire I.2.a de l'alcool de façon excessive 'by spending Y on drinking I.2.a alcohol in excess' ◆ comme si Y était des boissons alcoolisées que X boit I.2a 'as if Y were alcoholic drinks that X drinks I.2a'
--------------------------------	---	--

²⁶ Reminder: BAGUETTE I.1 is also used in Subsection 3.2.4 as the source of a Specialization copolysemy relation.

The above definition clearly shows that the semanteme ‘boire I.2a’ is present twice in the definition of BOIRE II: first, outside the metaphoric component ‘as if ...’, in a component which explains that, in drinking II, there is indeed an act of drinking I.2a involved; second, in the metaphoric component ‘as if ...’, which explains that an act of drinking II Y presents an analogy with an act of drinking I.2a alcohol — in fact, it presents at the same time Y (salary, savings, ...) as analogous to alcoholic drinks, i.e. something that can be drunk I.2a. The first occurrence of ‘boire I.2a’ implies that BOIRE II is, in part, in a metonymy relation with BOIRE I.2a (actual presence of an act of drinking I.2a on which the situation of drinking II is based). The second occurrence implies that BOIRE II is at the same time related to BOIRE I.2a by a relation of metaphor. With BOIRE II, we are faced with a clear case of metonymy-based metaphor.

To conclude on metonymy-based metaphors, it is important to highlight the fact that they are truly atypical in that they do not entail non-cohesive relations, as “normal” metaphors do: in an L_1 Metaphor.Meton as if \rightarrow L_2 relation, L_2 is strongly connected to L_1 from the viewpoint of their denotations because of the embedded metonymy.

Metaphor is by far the most widespread copolysemy relation in the fr-LN: over 48% of all such relations! This is an unexpected outcome of our study. We somehow anticipated some form of equilibrium between Metonymy, Extension and Metaphor relations, and were apparently wrong. A note of caution is, however, warranted before drawing any general conclusion about metaphor and polysemy. Most vocables of the fr-LN have been subjected to only a partial polysemy analysis. It is quite possible that, in the process of building polysemy structures, lexicographers tend to pick first metaphorical copolysemes because they are more easily identifiable and often “look good” in a vocable structure. We anticipate that the importance of Metaphor relations in the overall polysemy of the fr-LN will gradually decrease as polysemy structures of vocables receive finer descriptions. In order to test this hypothesis, we conducted a little experiment. The four published volumes of the *Explanatory Combinatorial Dictionary of French* (Mel’čuk *et al.* 1984—1999) describe quite exhaustively the polysemy of a representative sample of the French lexicon. By analyzing lexicographic definitions, we systematically identified metaphorical senses in the fourth volume of this dictionary, which contains 180 vocables for a total of 587 senses. Based on the principle that the number of copolysemy relations in a vocable structure is equal to the number of senses it contains minus 1 — because this structure is, by default, a tree graph —,²⁷ we estimated the total number of copolysemy relations in the fourth volume of the dictionary to be $587 - 180 = 407$. As we identified 133 lexicographic definitions embedding a metaphorical component, we concluded that a bit less than 33% of copolysemy relations in this small but representative sample of the French lexicon are metaphors, against 48% in the fr-LN. Though it is by no means a demonstration of

²⁷ The structure of a monosemous vocable is a minimal tree graph of only one node. The arithmetic for computing the number of copolysemy relations contained in its structure is therefore the same as for polysemous vocables: 1 sense minus 1 equals 0 copolysemy relation.

the actual quantitative importance of Metaphor copolysemy relations in French, this experiment seems to corroborate our intuition that Metaphor is most probably over-represented in the fr-LN in its current state.

3.4.2. Grammaticalization

An L_1 Grammaticalization \rightarrow L_2 relation is such that L_2 is a grammatical or quasi-grammatical lexical unit that is (barely) related to L_1 through extreme impoverishment of L_1 's meaning. It is only this perceived creation of L_2 through semantic impoverishment from L_1 that justifies considering a copolysemy relation instead of pure homonymy. Of course, Grammaticalization is a totally non-cohesive relation and, additionally, L_2 is not a copolysemy derivative of L_1 **in synchrony**. There are two main cases of Grammaticalization, depending on the nature of L_2 .

Firstly, L_2 can be a true grammatical lexical unit which participates in expressing either grammemes of the language (cf. auxiliary verbs) or syntactic dependencies (cf. valency-controlled empty prepositions such as *in* in *to believe in something*). In the fr-LN:

L_1	AVOIR I.1	<i>Elle a un ordinateur très bruyant.</i> 'She has a very noisy computer'
L_2	AVOIR V.2	<i>Elle a visité Barcelone.</i> 'She has visited Barcelona'

The French verb AVOIR possesses a very peculiar morphological behavior with unpredictable inflections (*avoir*_{infinitive}, *eu*_{past part.}, *ai*_{1st pers. sing. indic. pres.}, ...) that is identical for both AVOIR I.1 and AVOIR V.2. It is this formal identity, rather than any semantic consideration, that justifies the grouping of both lexical units within the same vocable. Otherwise, from a strictly semantic viewpoint, AVOIR I.1 and AVOIR V.2 could, and probably should be considered as homonyms.

Secondly, L_2 can be a collocative lexical unit expressing the very basic and vague meaning of one of Meaning-Text lexical functions. Such is the case of the French support verb FAIRE II.1, which expresses the **Oper**₁ lexical function.

L_1	FAIRE I	<i>Elle fait des crêpes.</i> 'She makes pancakes'
L_2	FAIRE II.1	<i>Elle fait du yoga quotidiennement.</i> 'She makes some yoga daily'

Lexical units such as FAIRE II.1 are not true grammatical units, but their meaning is so poor — empty or close to empty in the case of support verbs — that their connection to their source copolyseme can be assimilated to Grammaticalization. A word of caution though: in order for a collocative lexical unit to be considered as linked through Grammaticalization to its source, it has to express the “bare” meaning of its corresponding lexical function. For instance, *heavy* in *heavy sigh* expresses the meaning of intensification — that is, of the **Magn** lexical function — and nothing more. Therefore, the corresponding collocative sense of the HEAVY vocable should be

considered as connected through Grammaticalization to its source copolyseme. Contrary to this, verbs of realization — e.g. those corresponding to the **Real**₁ lexical function — are often standard full lexical units connected to their source copolyseme by a true polysemy derivation. For example, *follow* in *to follow a lead in an inquiry* — a clear case of **Real**₂ collocate — should be described as a Metaphor copolyseme of *follow* in *to follow a person on the street*, and absolutely not as a Grammaticalization.

From the viewpoint of diachrony and word creation, one could see both cases of Grammaticalization as results of preliminary polysemic derivations, such as metaphoric derivations. For instance, the intensifier *heavy* in *heavy sigh* most probably originates via some form of metaphor from *heavy* in *heavy package*. However, we believe that the lexicographic definition of the intensifier *heavy* should be extremely basic — based on the ‘intense’ semanteme which is the trigger for the **Magn** lexical function (Mel’čuk and Polguère in press); it should by no means develop a metaphor-based explanation of the collocate meaning.

Grammaticalization is minimally present in the fr-LN polysemy structures: only four cases. But this is a consequence of incomplete (and sometime erroneous) lexicographic description. At present, Grammaticalization is in all probability largely underrepresented in our data.

3.4.3. Coderivation

An L₁ Coderivation → L₂ relation is such that instead of L₂ existing in the lexicon in reference to its copolyseme L₁, both lexical units are individually derived from a pair of copolysemes of another vocable. Let us exemplify this atypical case of copolysemy relation with the following pair of lexical units borrowed from the fr-LN.

L ₁	APPLICABLE I	<i>Cette crème hydratante est applicable sur tous les types de peau.</i> ‘This moisturizing cream is applicable on all types of skin’
L ₂	APPLICABLE II	<i>Cette réglementation n’est pas applicable aux mineurs.</i> ‘This regulation is not applicable to minors’

The adjective **applicable I** is, first of all, a semantic (and morphological) derivative of the verb **APPLIQUER I** ‘X puts/spreads Y on Z’ and denotes the property of something to be a potential Y which can be put/spread on a Z. This corresponds to a standard paradigmatic lexical function called **Able**₂:

$$\mathbf{Able}_2(\mathbf{APPLIQUER\ I}) = \mathbf{APPLICABLE\ I}.$$

The same paradigmatic derivation holds for **APPLICABLE II**, derived from **APPLIQUER II** ‘X makes Y be effective/relevant as regards to Z’:

$$\mathbf{Able}_2(\mathbf{APPLIQUER\ II}) = \mathbf{APPLICABLE\ II}.$$

In other words, we are faced with the following apparent paradox:

- ◆ both adjectives **APPLICABLE I** and **APPLICABLE II** clearly belong to the same adjectival vocable **APPLICABLE** and should be connected by a copolysemy relation in its polysemy structure;

- ◆ the obvious lexical sources in the French lexicon of **APPLICABLE I** and **APPLICABLE II** are, respectively, the two copolysemes **APPLIQUER I** and **APPLIQUER II** of the verbal vocable **APPLIQUER**, and the corresponding **Able₂** semantic derivation clearly supersedes — and even overrides — in the network structure of the lexicon any type of copolysemy relation that may connect the two adjectives.

The solution we adopted is to introduce a copolysemy relation, namely *Coderivation*, which holds a very special status: it exists only in relation to another copolysemy relation present in another vocable of the language. Figure 3 below visualizes this lexical configuration for the **APPLICABLE I** vs. **APPLICABLE II** pair of copolysemes.

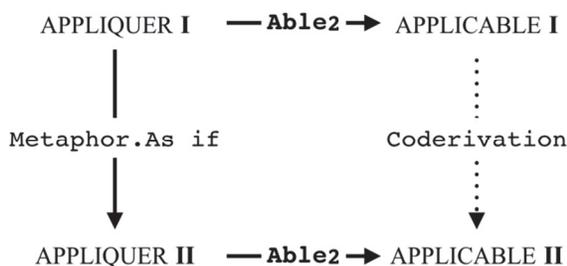

Figure 3. System of lexical relations involving a *Coderivation*

In an L_1 *Coderivation* \rightarrow L_2 copolysemy relation, whether the denotations of L_1 and L_2 intersect is entirely dependent on the corresponding copolysemy relation in the source vocable. In the case examined above and visualized in Figure 3, the verbs **APPLIQUER I** and **APPLIQUER II** are connected by the non-cohesive relation of *Metaphor*; consequently, the resulting *Coderivation* relation between the adjectives **APPLICABLE I** and **APPLICABLE II** is equally non-cohesive (the denotations of the adjectives do not significantly intersect). Because of this lack of autonomy as regards its semantic weight, *Coderivation* is not considered as being inherently a case of polysemy derivation.

To conclude on this relation, note that *Coderivation* is not much present in the fr-LN, but is not that marginal either: it represents close to 2.2% of all copolysemy relations identified so far.

4. CONCLUDING REMARKS

We hope that the present study — as incomplete as it is — offers useful preliminary results on what a lexical network approach to the modeling of polysemy can offer. The strategy that consists in systematically considering lexical relations controlled by copolysemes — i.e. their individual lexical cluster (see Definition 6, Subsection 3.1) — is a major characteristic of the lexical network approach. It is, in our opinion, more rigorous than pure intuitive conceptual and semantic reasoning on word senses, which often leads to non-falsifiable modeling. It is also a good way of accounting for lexical variation, e.g. diachronic or individual variation. For instance, the pair **BRAS I.1a** ‘arm of a person’ vs. **BRAS I.3** ‘arm of some animals [cf. octopuses]’ examined in Subsec-

tion 3.3.1 may very well be considered by one individual as implicating an Extension relation because she/he perceives intuitively the presence of many shared lexical connections in the clusters of these two lexical units, whereas another individual may not have access to such information and, therefore, interpret the relation as one of Metaphor. In the case of a Lexical System type of model, such as the fr-LN, what matters is the consistency between the diagnosis of a given polysemy relation and the systems of lexical connections — lexical clusters — that position both copolysemes within the topology of the global lexical graph of the language.

Further work that remains to be done includes: (i) validation, refinement and extension of the description of French in the fr-LN; (ii) identical large-scale work on the networks of other languages (English and Russian are next on the list); (iii) extraction of general theoretical principles from these analyses, which will deepen our understanding of polysemy as a universal linguistic phenomenon.

One last word to mention Barque *et al.* (2018), published at the time of writing of the present paper. It describes a study of regular polysemy based on the extraction of copolysemy templates from the fr-LN and from the Wolf lexical database.

© Alain Polguère, 2018

Acknowledgments

We are extremely grateful to Lucie Barque, Lidija Iordanskaja, Veronika Lux-Pogodalla, Igor Mel'čuk, Ophélie Tremblay and two anonymous reviewers of the *Russian Journal of Linguistics* for their comments on a preliminary version of this paper. Many thanks to Sandrine Ollinger for the extraction and processing of polysemy data from the fr-LN database. Finally, a very special thank to the staff of the Segafredo café at Telok Ayer Singapore for their excellent coffee, their hospitality and their kindness which contributed significantly to our ability to bring this work to its conclusion.

REFERENCES

- Apresjan, Juri D. (1974). Regular Polysemy. *Linguistics* 142, 5—32.
- Barque, Lucie, Haas, Pauline, Huyghe, Richard (2018). Polysémie régulière et néologie sémantique. Constitution d'une ressource pour l'étude des sens nouveaux. *Neologica* 12, 91—108.
- Bréal, Michel (1897). *Essai de sémantique: science des significations*. Paris: Hachette.
- Béjoint, Henri (1990). Monosemy and the Dictionary. In Tamás Magay and Judit Zigány (eds.): *BudaLEX'88 Proceedings. Papers from the 3rd International EURALEX Congress*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 13—26.
- Courbon, Bruno (2015). Sur l'histoire du terme *polysémie*. 1: Genèse(s) du concept. *Langues et linguistique* 35, 1—23.
- Cruse, D. Alan (1995). Polysemy and Related Phenomena from a Cognitive Linguistic Viewpoint. In Patrick Saint-Dizier and Evelyn Viegas (eds.): *Computational Lexical Semantics*. Cambridge *et al.*: Cambridge University Press, 33—49.
- Falkum, Ingrid Lossius, Vicente, Agustin (2015). Polysemy: Current perspectives and approaches. *Lingua* 157, 1—16.
- Fellbaum, Christiane D. (ed.) (1998). *WordNet: An Electronic Lexical Database*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Gader Nabil, Ollinger, Sandrine, Polguère Alain (2014). One Lexicon, Two Structures: So What Gives? In Heili Orav, Christiane D. Fellbaum and Piek Vossen (eds.): *Proceedings of the Seventh Global Wordnet Conference (GWC2014)*, Global WordNet Association, Tartu, 163—171.

- Geeraerts, Dirk (1994). Polysemy. In Ron E. Asher and James M. Y. Simpson (eds.): *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, UK: Pergamon, 3227—3228.
- Goddard, Cliff (2000). Polysemy. A Problem of Definition. In Yael Ravin and Claudia Leacock (eds.): *Polysemy: Theoretical and Computational Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 129—151.
- Goddard, Cliff (2011). *Semantic Analysis. A Practical Introduction*. 2nd edition, Oxford Textbooks in Linguistics. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff, Wierzbicka, Anna (eds.) (2002). *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings*. Volumes I, II. Studies in Language Companion Series 60. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Goddard, Cliff, Wierzbicka, Anna (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford UK: Oxford University Press.
- Gries, Stefan Th. (2015). Polysemy. In Ewa Dąbrowska and Dagmar S. Divjak (eds.): *Handbook of Cognitive Linguistics*. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK) 39. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 472—490.
- Hanks, Patrick (2013). *Lexical Analysis. Norms and Exploitations*. Cambridge, MA/London, UK: The MIT Press.
- Hénault, Christine (2008). Eating Beyond Certainties. In Vanhove (2008), 291—301.
- Ingrosso, Francesca, Polguère, Alain (2015). How Terms Meet in Small-World Lexical Networks: The Case of Chemistry Terminology. *Proceedings of the 11th International Conference on Terminology and Artificial Intelligence (TIA 2015)*, Granada, 167—171.
- Krylosova, Svetlana (2017). Du projet d'élaboration d'un Réseau lexical du russe (RL-ru). *Karpovskie naučnye čtenija* 11(1), 243—246.
- Ludlow, Peter (2014). *Living Words. Meaning Underdetermination and the Dynamic Lexicon*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Lux-Pogodalla, Veronika, Polguère, Alain (2011). Construction of a French Lexical Network: Methodological Issues. *Proceedings of the First International Workshop on Lexical Resources, WoLeR 2011. An ESSLLI 2011 Workshop*, Ljubljana, 54—61.
- Mel'čuk, Igor (1989). Semantic Primitives from the Viewpoint of the Meaning-Text Linguistic Theory. *Quaderni di Semantica* 10(1), 65—102.
- Mel'čuk, Igor (1996). Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in the Lexicon. In Leo Wanner (ed.): *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Language Companion Series 31, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 37—102.
- Mel'čuk, Igor (2006a). Explanatory Combinatorial Dictionary. In Giandomenico Sica (ed.): *Open Problems in Linguistics and Lexicography*. Monza: Polimetrica, 225—355.
- Mel'čuk, Igor (2006b). *Aspects of the Theory of Morphology*. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 146. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Mel'čuk, Igor (2007). Lexical Functions. In Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij, Peter Kuhn and Neal Norrick (eds.): *Phraseologie / Phraseology: Ein Internationales Handbuch Zeitgenössischer Forschung / an International Handbook of Contemporary Research*. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 119—131.
- Mel'čuk, Igor (2013). *Semantics: From Meaning to Text. Volume 2*. Studies in Language Companion Series 135. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, Igor, Clas, André, Polguère, Alain (1995). *Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire*. Paris/Louvain-la-Neuve: Duculot.

- Mel'čuk, Igor *et al.* (1984, 1988, 1992, 1999). *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I, II, III, IV*. Montreal: Les Presses de l'Université de Montréal.
- Mel'čuk, Igor, Polguère, Alain (In press). Theory and Practice of Lexicographic Definition. *Journal of Cognitive Science*.
- Mel'čuk, Igor, Zholkovsky, Alexander (1984). *Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian. Semantico-syntactic Studies of Russian Vocabulary*. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach.
- Navigli, Roberto, Ponzetto, Simone Paolo (2012). BabelNet: The Automatic Construction, Evaluation and Application of a Wide-Coverage Multilingual Semantic Network. *Artificial Intelligence* 193, 217—250.
- Picoche, Jacqueline (1993) La cohérence des polysèmes, un outil pour débloquer l'enseignement du vocabulaire. *Repères* 8, 11—28.
- Polguère, Alain (2009) Lexical Systems: Graph Models of Natural Language Lexicons. *Language Resources and Evaluation* 43(1), 41—55.
- Polguère, Alain (2014). From Writing Dictionaries to Weaving Lexical Networks. *International Journal of Lexicography* 27(4), 396—418.
- Polguère, Alain (2015). Lexical Contextualism: The Abélard Syndrome. In Núria Gala, Reinhard Rapp and Gemma Bel-Enguix (eds.): *Language Production, Cognition, and the Lexicon*. Text, Speech and Language Technology 48, Cham Heidelberg New York Dordrecht London: Springer, 53—73.
- Polguère, Alain (2016a). *Lexicologie et sémantique lexicale. Notions fondamentales*. 3rd edition, Montreal: Les Presses de l'Université de Montréal.
- Polguère, Alain (2016b). La question de la géométrie du lexique. *SHS Web of Conferences* 27, 01002 [F. Neveu *et al.*: *Proceedings of the "5e Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF 2016)"*, Tours].
- Sigman, Mariano, Cecchi, Guillermo A. (2002). Global Organization of the Wordnet Lexicon. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 99(3), 1742—1747.
- Traugott, Elizabeth Closs, Dasher, Richard B. (2001). *Regularity in Semantic Change*. Cambridge Studies in Linguistics 97, Cambridge UK: Cambridge University Press.
- Ullmann, Stephen (1959). Sémantique et étymologie. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises* 11, 323—335.
- Vanhove, Martine (ed.) (2008). *From Polysemy to Semantic Change*. Studies in Language Companion Series 106. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Watts, Duncan J., Strogatz, Steven H. (1998). Collective dynamics of 'small-world' networks. *Nature* 393, 440—442.
- Wierzbicka, Anna (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor, MI: Karoma.
- Wierzbicka, Anna (1987). *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.
- Wierzbicka, Anna (1992). Back to Definitions: Cognition, Semantics, and Lexicography. *Lexicographica* 8, 146—174.
- Wierzbicka, Anna (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Zalizniak, Anna A. (2007). The Phenomenon of Polysemy and Ways to Describe It. In Marina Rakova, Gergely Pethő and Csilla Rákos (eds.): *The Cognitive Basis of Polysemy. New Sources of Evidence for Theories of Word Meaning*. *Metalinguistica* 19, Frankfurt am Main *et al.*: Peter Lang, 93—121.

Article history:

Received: 25 September 2018

Revised: 20 October 2018

Accepted: 10 November 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25 сентября 2018

Дата принятия к печати: 10 ноября 2018

For citation:

Polguère, Alain (2018). A Lexicographic Approach to the Study of Copolysemy Relations. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 788—820. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-788-820.

Для цитирования:

Polguère, Alain. A Lexicographic Approach to the Study of Copolysemy Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 788—820. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-788-820.

Bionote:

ALAIN POLGUÈRE did his PhD in linguistics at the Université de Montréal (Montreal, Canada) on the semantics-syntax interface in computer text generation. After graduating, he began an academic career, first at the National University of Singapore (1991—1995), then at the Université de Montréal (1995—2010). There, he founded in 1997 with Igor Mel'čuk the Observatoire de linguistique Sens-Texte (OLST). Since 2009, he is Professor at the Université de Lorraine (Nancy, France) and at the ATILF CNRS research laboratory of Nancy. He is a senior member of the Institut Universitaire de France (IUF). His research interests embrace lexicology, computational lexicography, phraseology, semantics-syntax interface, lexical networks, vocabulary learning/teaching.

Contact information: alain.polguere@univ-lorraine.fr

Сведения об авторе

АЛЕН ПОЛЬГЕР защитил докторскую диссертацию в Монреальском университете (Монреаль, Канада) по семантико-синтаксическому взаимодействию в создании компьютерных текстов. Академическую карьеру начал в Национальном университете Сингапура (1991—1995), затем работал в Монреальском университете (1995—2010). Там в 1997 году вместе с Игорем Мельчуком основал Лингвистическую лабораторию Смысл — Текст (OLST). С 2009 года является профессором Лотарингского университета (Нанси, Франция) и исследовательской лаборатории ATILF CNRS Нанси, а также старшим научным сотрудником исследовательского института Institut Universitaire de France (IUF). Его научные интересы охватывают лексикологию, компьютерную лексикографию, фразеологию, семантико-синтаксическое взаимодействие, изучение / преподавание лексики.

Контактная информация: alain.polguere@univ-lorraine.fr

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843

Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США

С.В. Иванова¹, З.З. Чанышева²

¹Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

²Башкирский государственный университет
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

В статье рассматриваются особенности проявления культурной семантики лексических единиц английского языка сквозь призму научных взглядов Анны Вежбицкой. В центре внимания находятся лексические единицы *whistle-blower*, *kangaroo ticket*, *log cabin president*, *Camelot presidency*, *redneck* и т.п., которые наряду с лексическим значением, зафиксированным в словаре, способны порождать различные культурные смыслы, манифестация которых наблюдается в дискурсе. Анализ лексических единиц производится в соответствии с той концепцией Анны Вежбицкой, которая получила название культурно-исторического универсума. Исходным положением, определяющим подход к анализу лексических единиц в рамках данной концепции, является понимание лексической единицы как знака культуры. Соответственно, смысловой анализ лексических единиц производится с опорой на разные уровни организации культуры как единого целого. При этом учитывается разнообразие субкультур и контркультур (бытовая, политическая, производственная и т.д.; гендерная, возрастная, профессиональная и т.д.; доминантная, элитарная, массовая, народная, маргинальная и т.д.) в пределах культурной сферы. Культурный универсум трактуется как своего рода интертекст, то есть незамкнутое пространство, имеющее подвижные границы существования. При проведении анализа учитывается динамика культурного универсума. Соответственно, в результате сопоставления данных разных исторических срезов появляется возможность выявить новые смысловые наслоения в рамках рассматриваемых лексических единиц. Проведенный анализ в духе концепции культурно-исторического универсума выводит на более поздние смысловые наслоения в содержании слов, отражающие закрепление новых ценностей в обществе. Данная процедура интерпретации смыслов позволяет выйти на ядро культуры лингвокультурного сообщества, с одной стороны, а с другой, вскрыть ту динамику, которой оно подвержено. Поиск культурных смыслов представляет несомненный интерес для лингвистов, работающих в области лексической и, в частности, культурной и интерпретативной семантики, лингвокультурологии, дискурс-анализа, поскольку позволяет выйти на культурный код и основополагающие культурные практики, которые характеризуют лингвокультурное сообщество.

Ключевые слова: культурно-исторический универсум, культурные смыслы, культурная семантика, культурные ценности, коды культуры, лингвокультурология

A word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse

Svetlana Ivanova¹, Zulfira Chanysheva²

¹Pushkin Leningrad State University
Peterburgskoe shosse, 10, Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605

²Bashkir State University
Zaki Validi Street, 32, Ufa, Russia, 450076

Abstract

The article examines cultural semantics of lexical units of the English language through the prism of Anna Wierzbicka's views. The article focuses on the lexical units like whistle-blower, kangaroo ticket, log cabin president, Camelot presidency, redneck, etc., which along with the lexical meaning fixed in the dictionary, are able to generate various cultural meanings. The analysis of lexical units is made in accordance with the concept of the cultural-historical universe by Anna Wierzbicka. The approach to the analysis of lexical units within the framework of this concept stems from the understanding of the lexical unit as a sign of culture. Accordingly, the semantic analysis of lexical units is based on different levels of culture. A variety of subcultures and countercultures are also taken into account (everyday, political, industrial; gender, age, professional; dominant, elitist, mass, folk, marginal). The cultural universe is treated as a sort of intertext, i.e., an open cultural space with mobile boundaries. The analysis takes into account the dynamics of the cultural universe by comparing the data of different historical sections. This procedure of interpreting the meanings makes it possible to reach the core of the culture of the linguistic cultural community, on the one hand, and on the other to reveal its dynamics. The analysis discloses later semantic layers in word semantics that reflect the formation of new values in society. The search for cultural meanings is of undoubted interest for linguists working in the field of lexical semantics, linguoculturology, discourse analysis, since it exposes cultural practices and cultural codes of a certain linguistic and cultural community.

Keywords: *cultural-historical universe, cultural meanings, cultural semantics, cultural values, cultural codes, linguoculturology*

1. ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм, ставший основополагающей идеей современной лингвистики, надолго и прочно определил направление исследований в рамках общего и частного языкознания конца XX и начала XXI века. Человек как главная ценность и главная мера языка — вот кредо существующей языковедческой парадигмы.

Действительно, во второй половине прошлого века человек вошел в лингвистику как носитель самых разнообразных кодов — языкового, культурного, социального, цивилизационного, индивидуального и т.п. Языковая структура, высказывание, текст, функции языковых единиц, поочередно составлявшие смысл лингвистики в разные периоды прошлого столетия, перестали быть центральным звеном лингвистических штудий. С перенесением исследовательского фокуса на пользователя они стали трактоваться как средства, которые служат «овнешнению» этих кодов и, соответственно, являются ключом к ним, попадая в творческую лабораторию исследователя. Все достижения предшествующих этапов развития

языкознания, положенные в основу его научной методологии, были переосмыслены с точки зрения того, как они могут способствовать декодированию всех уровней, составляющих и/или влияющих на значение и смысл сообщения. Анна Вежбицкая — один из тех исследователей, которые сформировали облик современной лингвистики, определили ее приоритеты, сформулировали принципы и очертили ее перспективы. Ей удалось показать ослепительную красоту мира значений слов (Wierzbicka 1996: 233), соотнести их с культурным контекстом, чтобы, в конечном итоге, через языковые формы найти ключи к ментальной, социальной, политической и культурной жизни общества, к его прошлому и настоящему (Goddard, Wierzbicka 2014: 1—2). Эта статья — дань тому неопределимому вкладу, который Анна Вежбицкая внесла в современную науку о языке в области исследования культурной семантики лексических единиц.

2. СЕМАНТИКА КАК ВЫЗОВ

В современной науке о языке трудно найти ту сферу, которая не получила бы мощного импульса к развитию под влиянием оригинальных и глубоко новаторских идей Анны Вежбицкой, не только смело и нетривиально отзывающейся на глобальные вызовы науки XX и XXI вв., но и решительно раздвигающей горизонты лингвистики. В фокусе внимания ученого неизменно оказываются проблемы семантики, которая «может не только служить поискам истины, но и быть полезной для взаимопонимания людей из разных культур и разных стран» (Wierzbicka 2005: 499). Разрабатывая альтернативную концепцию семантики, бесспорно, обогатившую методологию семантических исследований XX века, каждой своей работой А. Вежбицкая доказывает, что «семантика требует массивных интеллектуальных усилий», предпринять которые ей самой позволили ее «феноменальная работоспособность <...> и смелость» (Падучева 1996: 28).

Диапазон проблем, которые привлекли внимание ученого-новатора, необычайно широк по охвату смежных с семантикой явлений. В сферу интересов Анны Вежбицкой оказались вовлечены глубокие, нередко скрытые от поверхностного взгляда проблемы, связанные с языковым овнешнением культуры. Стыковые области взаимодействия языка и культуры, которые попали в зону внимания Анны Вежбицкой, многочисленны и разнообразны. Во-первых, это область «речевой этики», ставящей на первое место аксиологию поведения и связывающей его с ценностными критериями. Во-вторых, это культурная семантика ключевых слов, используемых при описании культурных скриптов, отражающих «наивную картину мира» в языке. Наконец, это область запечатленных в языковых единицах знаков невербалики, позволяющих делать выводы о культурных правилах выражения эмоций и др. (Вежбицкая 1996, 1999, 2001a, 2001b, 2005).

Главным в концепции исследователя является подход к решению вопросов, определяемый сформулированными Анной Вежбицкой основными методологическими принципами, включающими принцип адекватности лингвистических доводов и принцип универсального семантического языка, которые не раз становились объектом пристального внимания и критики. Полемизируя со сторонниками семантического теоретизирования, отрицающими возможность точного

объективного толкования «неустойчивого набора семантических компонентов» слов (Putnam 1975: 133), Анна Вежбицкая, разрабатывая пригодный для эмпирического анализа язык универсальных семантических примитивов, следует принципу, сформулированному известными семасиологами Дж. А. Фодором и Дж. Катцем, согласно которому «репертуар семантических примитивов *не может* быть богаче, чем наличный репертуар категорий, и что, следовательно, многие понятия *должны* быть разложимы» (Fodor et al. 1980: 52).

В основе предложенного ею подхода лежит идея интерпретации значений, являющаяся по настоящее время сложнейшей проблемой гуманитарной науки. Отталкиваясь от философских воззрений конца XIX века, а также от идеи о том, что значение множественно и определяется говорящим (Барт 1989; Palmer 1996: 37), В.З. Демьянков формулирует тезис: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» (Демьянков 1995). Однако ни определения, ни классификации типов интерпретации не дают полного ответа на ряд спорных вопросов: что на самом деле выявляет интерпретация? Какие отношения устанавливаются между значением слова и его толкованием? Является ли интерпретация дополнительным к слову средством выражения смысла? На взгляд Анны Вежбицкой, интерпретация предназначена для выражения смысла слова, так как на семантическом языке описания она обладает «непосредственной проверяемостью и объяснительной силой» (Wierzbicka 1991: 7).

Несколько иначе эту проблему как семиотическую решает с позиций перевода Р.О. Jakobson, считая интерпретацию слова единственным доступом к его значению (Jakobson 1959). Он придерживается схожей позиции, доказывая надежность результата толкования и его экспланаторную способность. Однако вместе с тем он одновременно подчеркивает плодотворность использования интерпретации как инструмента выявления семантических различий, а следовательно доказательства отсутствия синонимии между близкими по значению словами в одном языке (внутриязыковой перевод) и между межязыковыми соответствиями (межязыковой перевод). Таким образом, была сформулирована основная проблема лингвистики: достижение эквивалентности при существующих различиях между двумя кодами и соотносимыми единицами кодов (Jakobson 1959: 114).

Также не решен однозначно и вопрос о смысловом наполнении слова и его интерпретаций: является ли значение слова и его интерпретации равноценными способами выражения смысла? Следуя логике Р.О. Jakobsona, однозначно нет. По мнению А. Вежбицкой, толкование выражает смысл толкуемого слова.

Очевидно, есть все основания согласиться с первым ответом, усилив приводимое автором обоснование дополнительными аргументами: судя по данным корпусной лингвистики, в параллельных корпусах (parallel corpora of ST-TT pairs) в переводных текстах наблюдается немотивированное увеличение многословных объяснений вместо слов в компактной форме, которые преобладают в монологических текстах (Baker 1993): беспричинная экспликация смысла не равнозначна компактно выраженному значению слова и производит эффект нарушения принятой в культуре традиционной нормы выражения. Если в интерпретациях это можно отнести на счет необходимости пояснить смысл, подразумеваемый словом,

в переводном тексте излишняя экспликация смыслов приобретает назойливый характер и производит впечатление неестественной речи.

Невзирая на существующие разногласия в определениях сути интерпретации значения, А. Вежбицкой удалось заполнить «семантическую пустоту», возникшую в результате изгнания значения из лингвистики или пренебрежения им. А. Вежбицкая была среди тех лингвистов, усилиями которых авторитет значения, будучи единственно важным для носителя языка, навсегда закрепился в языкознании (Алпатов 2014). Анна Вежбицкая разработала и предложила естественный язык примитивов, значимость которого особенно важна при описании культурной семантики. При этом исследователь исходила из того, что «семантика может иметь объяснительную силу, только если ей удастся «определить» (или истолковать) сложные и темные значения с помощью простых и самопонятных» (Вежбицкая 1999: 14).

Важным дополнением к теории интерпретации было сделанное М. Шапиро наблюдение о «герменевтическом, или „аристотелевском“ подходе к языку как к результату исторического накопления» (Shapiro 1983: 10). Это означает необходимость проводить семантические интерпретации, учитывая исторические контексты. Так, В. Набоков, исследуя слово *пошлость* как обладающее специфическими смыслами в русской культуре, связывает появление этого понятия с тем, что в России когда-то существовал культ простоты и хорошего вкуса. Но, по мнению писателя, в современной России пошлость перестали замечать, так как в Советской России развилась особая разновидность пошляка, сочетающего деспотизм с поддельной культурой (Набоков 2010: 431).

Признавая все вышесказанное о назначении интерпретации и способе ее осуществления, необходимо в то же время отметить ряд других условий: принадлежность к своей культуре как коллективно разделяемому набору интерпретаций; фактор синхронного существования в культурно-историческом пространстве; личностные, психологические, эмоциональные характеристики интерпретатора, определяющие качественные и количественные параметры интерпретации.

Как справедливо подчеркивает В.И. Шаховский, в условиях несовпадения фреймов и сценариев в области языковой репрезентации эмоционального и понимания выражаемых эмоций необходимо в будущем дополнить интерпретационную методологию, выйдя за пределы семантических примитивов (Шаховский 2008: 323). Можно смело сказать, что разработка такой интерпретационной методологии, которая бы давала достоверное и непротиворечивое знание о культурной семантике языковых единиц, ведется в рамках современной лингвокультурологии, одним из вдохновителей которой стала Анна Вежбицкая с идеей о культурном контексте и культуроспецифичности языка.

3. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ

Семантическая концепция Анны Вежбицкой построена на базовой предпосылке, что «все значения являются ингерентно субъективными, антропоцентричными и этноцентричными», так как естественный язык «не отличает экстралинг-

вистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка». Значение антропоцентрично, т.е. оно отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е ориентировано на данный этнос (Wierzbicka 1991: 16).

В результате эволюции авторских идей и участия в международных дискуссиях разного формата методологическая база и установки ученого совершенствовались и уточнялись, доказывая на материале разных языков свою жизненность, востребованность и доказательную силу.

Ценность концепции А. Вежбицкой заключается в том, что она выполняет роль «общей мерки» для сравнения языков, так как «признает уникальность каждой лингвокультурной системы, но вместе с тем постулирует некоторое множество общих концептов, с помощью которых различия между системами могут быть обнаружены и поняты, а также она позволяет нам интерпретировать самые идиосинкратические семантические структуры как культуроспецифичные конфигурации универсальных смысловых элементов» (Вежбицкая 1999: 21). Сам универсальный метаязык продолжает уточняться и развиваться, но что касается семантических различий и нюансов сходных единиц в разных языках, следует отметить, что в трудах ученого можно найти детальное описание не лежащих на поверхности особенностей, отражающих специфику видения мира носителями данного языка и данной культуры (Шмелёв 2001: 11).

Обсуждение проблем семантики в трудах А. Вежбицкой соотносится с культурой и ее категориями, что оказывает огромное влияние на понимание природы и функционирования последней. На огромном эмпирическом материале разных языков и культур автор обосновывает свой тезис, что «семантическая точка зрения на культуру есть нечто такое, что анализ культуры едва ли может позволить себе игнорировать» (Вежбицкая 2001а: 13). В результате исследователь имеет возможность вскрыть сотканную культурой паутину значения (Гладкова 2010), которая нашла отражение и выражение в языке.

Проблематика языка и культуры, изучаемая с позиций разных направлений антропоцентрической парадигмы (диахроническая/синхроническая, сопоставительная, сравнительная, лексикографическая, культурно-ситуативная, семиотическая, этнокультурная, психолингвистическая, лингвокогнитивная и др.) (Бубнова и др. 2017; Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк 2013; Зыкова 2014; Иванова 2004; Иванова, Чанышева 2010; Красных 2002; Маслова 2004; Опарина 1999; Привалова 2005; Степанов 2001; Телия 1998; Тер-Минасова 2008; Чанышева 2004; Шаховский 2018; Эко 1998; Larina 2015; Larina et al. 2017a, 2017b; Ozyumenko, Larina 2018), поднималась не раз антропологами, культурологами, этнологами и лингвистами на материале английского языка в контекстах разного объема, но обсуждение неизменно заходило в тупик при определении границ его «культурного багажа».

В концепции А. Вежбицкой предложен предельно точный ответ на центральный вопрос: является ли конфликт на самом деле непримиримым между, с одной

стороны, английским языком, на котором общаются народы с разными культурными традициями, и, с другой стороны, представлением об английском языке, сохраняющем заключенные в нем базовые культурные установки и ценности.

Озаглавив первую главу “Meaning, History and Culture”, открывающую фундаментальный труд ‘English: Meaning and Culture’ (Wierzbicka 2006), автор обсуждает этнокультурные рамки изучения и описания значения под рубрикой ‘English as a Cultural Universe’. Предлагаемая оценка английского языка как культурного универсума обосновывается ученым как альтернативное решение этой спорной проблемы для языка, имеющего статус *lingua franca*, породившего несколько достаточно противоречивых толкований воплощенной в нем культуры и своеобразия ее проявления, от культурной нейтрализации до конгломерата разных исторических и культурных традиций: *cultural neutrality*, *a shared culture*, *shared conceptual fabric*, *cultural underpinnings*, *political and cultural histories of many “Englishes”* (Wierzbicka 2006: 5—7, 9, 11, 13).

Анна Вежбицкая отталкивается от идеи Б. Качру о распространении английского языка в виде трех concentрических кругов (Kachru 1992) и выделяет в качестве предмета рассмотрения внутренний круг *Anglo English (inner circle)*, по отношению к которому, по мнению исследователя, и следует обсуждать культуру *Anglo culture*.

Развивая мысли В. фон Гумбольдта о языке как концептуальной структуре и способе видения и представления действительности, являющемся хранилищем истории народа, А. Вежбицкая квалифицирует культуру как включающую в себя все то, что образует культурно-исторический универсум языка, то есть базовую культурно-историческую и политическую реальность (*cultural and political reality*), совокупный коллективный опыт, закрепленный в культурном ядре (*shared cultural core*), разделяемые идеи и культурные нормы (*shared understandings and shared cultural norms*), историческое наследие (*historical heritage*), культурную преемственность (*cultural continuity*) (Wierzbicka 2006: 8—13).

Идея культурно-исторического универсума языка имеет огромный исследовательский потенциал для понимания семантики и ее изучения, так как позволяет (1) использовать весь богатейший арсенал знаков культуры; (2) производить смысловой анализ, опираясь на разные уровни организации целостной культуры; (3) учитывать разнообразие субкультур и контркультур (бытовая, политическая, производственная и т.д.; гендерная, возрастная, профессиональная и т.д.; доминантная, элитарная, массовая, народная, маргинальная и т.д.) в пределах культурной сферы; (4) подходить к понятию культурного универсума как своего рода интертексту, то есть незамкнутому пространству, имеющему подвижные границы существования; (5) учитывать динамику культурного универсума, сопоставляя данные разных исторических срезов и возможность появления новых синхронно осознаваемых смысловых наслоений. Именно идея культурно-исторического универсума как необходимой совокупности знаний об условиях и динамике культурно-исторического развития послужила отправной точкой для данного исследования, выполненного в рамках лингвокультурологической парадигмы.

4. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ АННЫ ВЕЖБИЦКОЙ

Разработка лингвокультурологической парадигмы позволила вплотную подойти к семантике в контексте культурно-исторического универсума и проследить влияние на нее разных воздействий. Наиболее известные определения культурной семантики отмечают в ней черты, которые отражают представление о ее сложной природе: это «историко-культурная сущность», «не просто информация о культурных особенностях конкретного этноса, это „оценочный ореол“, создающий специфику „оценочной картины мира каждого национально-лингвокультурного сообщества“», «в разных культурах и в разных языках отражаются разные иерархии ценностей»; культурные смыслы, «разделяемые коллективом и образующие культурную сердцевину народа», «ценностная информация об объекте, которая известна о нем в данном коллективе» (Wierzbicka 1991; Алефиренко 2010; Воробьев 1996; Карасик 2009; Ковшова 2016; Красных 2016; Маслова 2008; Телия 2004; Шмелёв 2002).

Концептуальную основу данной работы составили теоретические положения, которые развивает в своих трудах Анна Вежбицкая и которые в настоящее время лежат в основе лингвокультурологических исследований в области культурной семантики. Во-первых, значение понимается как главная ценность языка (Goddard, Wierzbicka 2014: 8). Во-вторых, слово трактуется как ключ к пониманию культуры (Вежбицкая 2001а). В-третьих, слово выступает как индикатор различных кодов, которые должны и могут быть дешифрованы при помощи имеющихся в распоряжении лингвистики инструментов (Goddard, Wierzbicka 2014: 2). В-четвертых, в каждом языке есть слова, в которых заключено богатство культуры, и они имеют статус ключевых слов культуры (Вежбицкая 2001а). В-пятых, значение слова может быть интерпретировано (Gládkova, Larina 2018). В-шестых, семантический компонент включает в себе информацию, относящуюся к культурному пласту того или иного сообщества (Wierzbicka 2015: 2). И, наконец, для более полного понимания культурной семантики слова в процессе интерпретации необходимо выстроить параллели с культурно-историческим универсумом (Wierzbicka 2006).

Предлагаемая в настоящей работе процедура исследования зиждется на данных положениях, и именно они положены в основу методики лингвокультурного анализа, используемого в рамках лингвокультурологической парадигмы. Предложенный А. Вежбицкой подход предлагает процедуру исследования, следуя которой можно через анализ значимых единиц языка обнаружить скрытые характеристики человеческой природы определенного этноса, которые не лежат на поверхности. Анализ культурной семантики в данном исследовании предполагает обращение к истории и этимологии рассматриваемых единиц, что в дальнейшем подкрепляется изучением их употребления в типичных для них коммуникативных ситуациях в рамках различных дискурсивных практик. Процедуры интерпретации смыслов в широком контексте культурно-исторического универсума позволяют на первом этапе отобрать лингвистические данные из разных источников, имея в виду требование их объективности и достоверности.

И в результате интерпретации их употребления в дискурсе (второй этап) выйти на сопряженную с ними культурную информацию. Эта информация эксплицирует коды культуры, системно отражающие существующие в коллективе представления, взгляды и мнения, которые сложились в результате их преломления через системную матрицу ценностей, образующих, как подчеркивают антропологи, ядро в пространстве культуры (Hofstede 2011).

Выявление национально-специфических черт в семантике языковых единиц обеспечивает исследователя богатейшим материалом, который может лечь в основание обобщений, которые бы позволили полнее раскрыть специфику национального характера (Зализняк, Левонтина 2005: 308). Таким образом, при исследовании культурной семантики лексических единиц в данной работе задействованы различные лингвистические методы: этимологический анализ, семантический анализ в дефиниционном варианте, дискурсивный анализ, культурный комментарий.

Материалом для исследования послужили лексические единицы *whistle-blower*, *kangaroo ticket*, *log cabin president*, *Camelot presidency*, *redneck*, характерные для политического дискурса США. Выбор данных единиц связан с той яркой культурной семантикой, которую они демонстрируют, динамикой их значений, которая наблюдается в диахронии, что в совокупности обуславливает трудность их восприятия и необходимость интерпретации с точки зрения культурно-исторического универсума.

Рассмотрим процесс отбора лингвистических сведений, осуществляемый поэтапно, на примере популярного в американской политической культуре концепта *whistle-blower*. Его языковым репрезентантом является производное сложное слово, образованное на базе производящей основы, представленной словосочетанием 'blow the whistle' с пометой *slang* 1. To inform against; betray. 2. To act against, stop, or tell people the secrets of (crime or lawlessness (Cambridge). Стоящий за данной лексемой лингвокультурный знак соотносится с предметным (обозначение предмета) и акциональным (обозначение действия с данным предметом) кодами культуры. Согласно данным авторитетных словарей, за производным словом, утратившим статус неформальной единицы, закрепилось значение с положительной коннотацией: *someone who reports dishonest or illegal activities within an organization to someone in authority* (Cambridge). В словарных дефинициях других словарей использованы схожие компоненты, указывающие на социально одобряемое поведение члена общества: *exposes wrongdoing, informs on someone engaged in an illicit activity, report an illegal or socially harmful activity to the authorities* (Collins) или даже *The heroes that expose crimes and corrupt activities even though they will be punished harshly by the government for daring expose their dirty secrets* (Urban Dictionary). Приведенные дефиниции свидетельствуют о метафоризации значения указанной единицы и приобретении ею информации культурно-ценностного плана.

В качестве типичного примера сошлемся на факт использования данного слова, в котором объективируется положительная оценочная культурная конно-

тация о должном поведении сотрудника компании *Enron*. Обвинение в ее адрес прозвучало из уст работника из числа «своих», который публично информировал вышестоящие органы о фальсификации отчетности, нечестности и мошенничестве руководства компании, что в конечном итоге привело к ее краху в 2001 году. Можно привести примеры актуализации положительной оценки данной лексемой в высказываниях о Брэдли Мэннинге и Эдварде Сноудоне:

- (1) *Bradley Manning was a **Whistleblower** who exposed the lies of the military industrial complex and incurred the wrath of the Obama administration. Edward Snowden was a **Whistleblower** who broke the news that the NSA was recording everything any American did online, on their phones, or within just about any networked electronic communications technology (in violation of the 4th Amendment)* [Urban Dictionary].

Кстати, отметим создание в США в 1988 г. специальной организации «Национальный центр гражданских инициатив» (National Whistleblower Center). Цель организации состоит в защите права государственных служащих открыто выступать по таким важным вопросам, как коррупция в кругах правительства, расточительство, мошенничество: The National Whistleblower Center advocates the right of employees to blow the whistle on major issues such as government waste, fraud and corruption (Government Whistleblowers, Legislation, News, Whistleblowing Works).

Речевая практика изобилует примерами не только из собственного опыта северо-американского лингвокультурного сообщества, но и свидетельствует о том, с какой легкостью переносится эта поведенческая оценка на представителей других культур. Достаточно сослаться на статьи в английских онлайн-изданиях, посвященных судьбе аудитора и юриста консалтинговой фирмы Firestone Duncan Сергея Магнитского, обнародовавшего информацию о масштабном хищении российских чиновников:

- (2) *A lawyer representing the family of Sergei L. Magnitsky, a dead Russian **whistle-blower**, died in prison in 2009 after uncovering a \$230 million fraud.* [NYT 21/03/2017]
- (3) *Russia convicts dead **whistle-blower**.* [WP 11/07/2013]

Оценка поступка адвоката в слове *whistle-blower* однозначно актуализирована в положительной коннотации, что находится в полном соответствии с дефиницией словаря. Также положительно толкуется данная лексема в статьях о другом российском осведомителе А. Родченкове, поставившем под удар международные выступления российских спортсменов:

- (4) *Netflix documentary 'Icarus' spotlights Russian doping **whistleblower**.* [ABC News 04/03/2018]

В обоих контекстах экспонируется одобрение действий обоих информаторов. Однако для массового российского читателя, не посвященного в подобную практику информирования (доноса), эта фраза становится камнем преткновения в процессе смыслового восприятия текста.

Представленные лингвистические показатели, казалось бы, можно считать достаточными доводами в пользу интерпретации ценностных установок американ-

ской бизнес-культуры и деловой этики. Но картина оказывается намного сложнее, если от языковых данных перейти к высказываниям и суждениям носителей языка, предлагающих несколько иной взгляд на культуру взаимоотношений и иные ценностные критерии поведения. Такой «голос» отражен в публикации из Вестника медицинской этики *Bulletin of medical ethics*. В статье «Whistleblowing Heroes — Boon or Burden?» автор рассматривает конкретные случаи подобного информирования из медицинской практики и затрагивает проблему культурной этики, определяющей целевую установку, в терминах профессионального ценностного кода: следует ли квалифицировать такое поведение как благо (*boon — an advantage; a blessing, something that is very helpful and makes life easier for you*) или как обременительную обязанность и тягостную ответственность (*burden — (figurative) a difficult duty or responsibility you have to bear*)? (Frais 2011). Вследствие этого в реальной практике возникают версии, не совпадающие в культурно-оценочной интерпретации поведения человека.

Ср. (5) и (6) как примеры полярности оценки, эксплицированной одной и той же лексемой:

- (5) *The FBI gave pledges to protect **whistle-blowers** who fear reprisals* (ФБР дало обязательство защитить **информаторов**, опасаящихся мести (одобряемое в обществе поведение)).
- (6) *She swore to get the **whistle-blower** who put the finger on her man* (Она поклялась достать того **стукача**, который донес на ее сожителя (критическая оценка поведения человека)).

В свете этого неудивительно, что американское лингвокультурное сообщество далеко не так однозначно воспринимает и упомянутых выше Брэдли Мэннинга и Эдварда Сноудена — для большинства своих соотечественников они остаются предателями. Такое двоякое восприятие данной единицы подкрепляется и синонимами, приведенными к ней в онлайн словаре (Thesaurus). Среди них превалируют слова с отрицательной оценкой, которые с разной степенью уничижительности служат именованию доносчика или стукача: *betrayed, blabbermouth, double-crosser, sneak, snitch, backstabber* и т.п. Следовательно, восприятие и интерпретация культурных смыслов требуют помимо опоры на лингвистические источники, знания культурных, социальных и ситуативных сведений, контекстуального и дискурсивного анализа текста, также подключения материалов, отражающих современную аксиологическую шкалу поведенческого кода.

Важность опоры на культурно-исторический универсум языка можно проследить и на других единицах лингвокультуры. В американской политической культуре закрепилось выражение *kangaroo ticket*, используемое в контексте президентских выборов в США, напр.,

- (7) *Walter Mondale is a man of character, intelligence and good humor. To many Carter — Mondale was the classic kangaroo ticket.* [Herald Tribune]

Для иллюстрации лингвистических данных обратимся к словарям с целью сопоставления прямого и метафорического значений для выяснения того, в каких терминах требуется интерпретировать его смысл.

В прямом значении данная лексическая единица предполагает ‘a **large Australian mammal with a long stiff tail, short front legs and long powerful back legs on which it moves by jumping**’ (Merriam Webster). Однако прямое значение может дать слабую подсказку к точной интерпретации культурного значения (Goddard 2018: 541, 552), которое следует соотнести с зооморфным кодом американской культуры. Смысл данного выражения окажется достаточно размытым для представителей культур, не имеющих этого метафорического зооморфного образа. В метафорическом значении рассматриваемая лексема трактуется как ‘smb less important in a team occupies a leading position’ (Cambridge). В результате актуализации культурных смыслов в американской политической культуре данная лексическая единица означает ‘a ticket for an election in which the lower position is occupied by a more attractive candidate than the higher position’ (Political Dictionary).

Таким образом, пошаговый анализ лингвистических данных позволяет представить достаточно ясную картину смыслового развития слова, что подтверждают цитаты из газеты The Chicago Tribune и журнала Salon, иллюстрирующие типичные смысловые ассоциации:

- (8) *The phrase **kangaroo ticket** originated during the election of Franklin D. Roosevelt. Democratic party leaders wanted a more experienced nomination. As the paper notes, “The choice of John Nance Garner, Speaker of the House, for the second place on the ticket made the problem worse. The popular Texan was much better known and more experienced than Roosevelt. One disappointed Texas colleague complained, ‘It’s a **kangaroo ticket**. Stronger in the hindquarters than in the front.* [CT]

Понятие культурно-исторического универсума дает возможность проследить более поздние смысловые наслоения в содержании слов, отражающие закрепление новых ценностей в обществе. Подобного рода изыскания представлены в серии работ на материале лексики русского языка (Богданова 2015, 2017). Мы же сошлемся на известный пример слова *cabin*, прямое значение которого легко интерпретируется в терминах предметного кода культуры, а метафорическое значение приобретает политический смысл в терминах ценностного кода в американской политической культуре: за ним закрепляется положительная культурная коннотация, обязанная своим происхождением историческому факту рождения в таком доме (log cabin, ср. рус. скромный бревенчатый дом) будущего американского президента А. Линкольна (Иванова, Чанышева 2014), выходца из низов, который благодаря своему трудолюбию и честности сумел пройти путь от обитателя скромного маленького бревенчатого домика в очень небогатом штате Кентукки до хозяина Белого Дома.

Дальнейшее смысловое развитие данного слова связано с деталями биографии Авраама Линкольна, 16-го президента США — слово стало обозначать человека очень скромного происхождения (humble beginnings), человека из низов (Collins, Merriam Webster). Именно это значение эксплуатируется в современных американских СМИ. Однако в последнее время произошла трансформация значения этого словосочетания:

- (9) *Log cabin republicans claim to be changing attitudes toward homosexuals within the republican **party**.* [Urban Dictionary]

- (10) *Log Cabin Republicans have a proud history of fighting to build a stronger, more inclusive Republican Party. Gay and lesbian Republicans have chosen to transform the GOP from the inside, working to overcome the forces of exclusion and intolerance.* [Our History]

Так, в примерах (9) и (10) речь идет о группе, созданной в 1977 году внутри Республиканской партии, провозгласившей принцип равенства всех граждан независимо от цвета кожи, социального положения, образования, сексуальной ориентации и т.д. Всеобщее равенство граждан, отстаиваемое А. Линкольном, перенесено на ценности, которые идут вразрез с традиционными сексуальными отношениями в обществе. Более того, в данном значении рассматриваемое словосочетание зачастую редуцируется до *cabin Republicans* или модифицируется в *cabin party*. Вследствие этих историко-культурных смысловых наслоений восприятие английского предложения *The college log cabin republicans have it booked* может быть адекватным только при условии знакомства с ключевыми концептами американской политической культуры.

Смысловые наслоения в слове, которые связаны с динамикой культурно-исторического универсума, можно проиллюстрировать еще одним примером, связанным с американской политической историей и ценностями американской политики. Так, в американском политическом дискурсе довольно активно используется выражение *Camelot presidency* в связи с президентством Джона Ф. Кеннеди. Это выражение впервые слетело с уст его жены Жаклин в интервью, которое она дала журналу “Life” после убийства своего мужа в Далласе.

Как известно, Камелот означает легендарный замок короля Артура, правление которого с течением времени стало служить воплощением высоких идеалов рыцарства и благородства, несравненного мужества и великодушия (ср. в (Merriam Webster) an often imaginary place or state of utter perfection and happiness). Это значение и было эксплицировано Жаклин Кеннеди.

Интересно при этом, что первая леди ссылалась не на сам миф о короле Артуре, а на его версию в виде одноименного мюзикла 1960 года «Камелот» Лернера и Лоу. На самом деле, как отмечают историки, в первоначальном мифе о короле Артуре имеется много линий, и в нем Артур предстает в том числе и как обманутый муж и отец сына-злодея. В мюзикле же он герой, воплощающий высокие принципы и идеалы (Guardian). Именно этот смысл был первоначально заложен в данной единице в отношении президентства Джона Кеннеди.

- (11) *She was determined to convince White that her husband’s presidency was a **unique, magical and forever lost moment.*** [NYP 2013/11/10]

Однако с течением времени и в результате ретроспективного анализа вклада Дж. Кеннеди в американскую политику значение словосочетания *Camelot presidency* стало меняться. Данная номинативная единица стала указывать на несбывшиеся надежды американского общества и неоправданный идеализм:

- (12) *As Robert MacNeil writes in his introduction to *The Way We Were: 1963, The Year Kennedy Was Shot*, “We are mourning our own **unfulfilled promise**”, most particularly “the spirit of hope and optimism that rings through the feelings Americans had, and retain, about that time — and attribute to Kennedy”.* [WP 20/11/1988]

Более того, в словосочетании *Camelot presidency* появился еще один смысл. Семья Кеннеди многими в США рассматривается, фигурально говоря, как семейство «королевских» кровей. И этот смысл также стал передаваться данным словосочетанием. Необходимо отметить, что латентно он присутствует в лексеме *Camelot*, ведь *Camelot* обозначает резиденцию короля. И в конечном итоге этот смысл тоже получил свою экспликацию в дискурсе.

(13) *Caroline Kennedy: Princess of the Camelot presidency*. [CNN 2015/06/01]

Таким образом, *Camelot presidency* потенцирует множественные смыслы, соотносящиеся с ценностями американской политической культуры. Причем эти смыслы трансформируются вместе с трансформацией общественных ценностей и воззрений.

Достаточно интересным примером лингвокультурных наслоений в интерпретации лексической единицы служит еще одна лексема американского варианта английского языка — *redneck*, которая первоначально предполагала ценностную интерпретацию телесного кода культуры. Именно это прочтение отражено в словаре Merriam Webster, согласно которому данная лексическая единица имеет уничижительную коннотацию и означает белых малограмотных и недалеких фермеров американского Юга: (1) sometimes disparaging: a white member of the Southern rural laboring class; (2) often disparaging: a person whose behavior and opinions are similar to those attributed to rednecks (Merriam Webster). Однако наблюдение за эмпирическим материалом свидетельствуют об ее отнюдь неоднозначной трактовке. Несмотря на словарную дефиницию, слово *redneck* далеко не всегда и не всеми воспринимается как уничижительное, что дает полные основания сделать заключение о переключении кодов, к которым апеллирует данная единица. В том же словаре Merriam Webster на странице «Trending Words from Election 2016. Tracing the presidential election through the words Americans looked up most» отмечается, что многие американцы, на самом деле гордятся тем, что относятся к разряду *rednecks*, поскольку, по их мнению, данная лексема скорее указывает на стиль жизни и менталитет, нежели дает отрицательную оценку тому, по отношению к кому она используется. Таким образом, телесность в интерпретации языкового знака переосмысливается и исчезает.

В результате переосмысления в рассматриваемой единице на первый план выходит пространственный (где проживают), в данном случае близкий к нему ментальный (идентичность и образ мысли) и деятельностный (образ жизни) культурные коды. Доказательством этого служат слова президента Билла Клинтона, который до президентской гонки 2016 с удовольствием относил себя к категории реднеков, тем самым подчеркивая свое происхождение и ценностные ориентации:

(14) *When it was his turn to speak, Clinton responded to Goldberg's teasing by riposting: "I was especially glad to see Whoopi Goldberg up here so I wouldn't be the only redneck on stage tonight"; Clinton, who also opposes forced return of Haitians, makes a similar appeal for giving opportunity to all types of Americans, "even ol' rednecks like me". [Merriam Webster] / «Я особенно рад видеть тут Вупи Голдберг, так что я не единственный реднек сегодня на сцене»; «даже такие закоренелые реднеки, как я», сказал Клинтон.*

С другой стороны, во время избирательной кампании 2016 года именно он бросил обидную кличку *rednecks* в адрес сторонников Трампа, объективируя таким образом отрицательную оценку данной группы американского населения. Необходимо отметить, что во время всей избирательной кампании 2016 года и даже после инаугурации президента Д. Трампа употребление данной лексемы было связано с актуализацией отрицательной оценочности, связанной опять же с ментальным кодом культуры. Так, в нижеследующем высказывании лексема *redneck* находится в ряду других лексических единиц, которые выступают в данном случае в качестве контекстуальных синонимов и иррадируют на нее свою отрицательную оценку:

(15) *We're called redneck, ignorant, racist, haters.* [LA Times 13/11/2016]

Таким образом, контекст свидетельствует об очевидных изменениях в актуализируемом культурном значении данной единицы. С одной стороны, *redneck* предполагает ограниченных в своих взглядах белых фермеров американского Юга (ментальный код культуры), что обуславливает отрицательную оценку референта. С другой стороны, в этой же единице заложена экспланаторная семантика, которая минимально связана с оценочностью. Данная единица стала обозначать ту часть населения Америки, которая разделяет традиционные американские ценности и ведет соответствующий образ жизни. Ее семантика направлена на обозначение принадлежности к определенному социально-культурному слою американского общества, соответственно, на определенную социокультурную идентичность. Возникающее противоречие в семантике слова снимается в дискурсе. При этом дискурсивный анализ требует обращения к культурно-историческому универсуму, который и позволяет произвести корректную интерпретацию эксплицированных смыслов за счет соотнесения контекста, семантического потенциала и культурной памяти, экспонентой которой выступает тот или иной языковой знак.

Представляется, что изучение культурной и интерпретационной семантики, несмотря на несомненные достижения в этой сфере, далеко не исчерпаны. Как убедительно показала А. Гладкова, культурной спецификой отмечены не только т.н. «ключевые слова культуры», но и та лексика, которая относится к разряду универсальной (Гладкова 2010). В данном случае применение идей интерпретативной семантики сквозь призму культурно-исторического универсума открывает широкие горизонты описания семантического пространства языка и реконструирования языковой картины мира — подхода, общепризнанным классиком которого стала Анна Вежбицкая (Алпатов 2014: 13). Анализ единиц с казалась бы отсутствующей культурной семантикой, таких как *leadership* и *empowerment*, которые, тем не менее, раскрывают культурный код североамериканского лингвокультурного сообщества (Иванова 2014, 2017), еще раз доказывает эвристичность и продуктивность идеи Анны Вежбицкой о наличии в языке лексических единиц, в которых сосредоточена квинтэссенция той или иной культуры (Wierzbicka 2006: V).

5. ВЫВОДЫ

Представляется, что идея Анны Вежбицкой о культурно-историческом универсуме, который отражает мир как целое, как совокупность воспринимаемых и наделяемых смыслами объектов и явлений в истории развития человеческой

культуры, служит надежной базой для интерпретации культурно-ценностной информации, заложенной в семантику языковых единиц. Рассмотренные выше примеры демонстрируют сложные процессы актуализации и развития культурной семантики в структуре значения лексической единицы.

Восходя к различным кодам культуры, данные единицы вскрывают ценностные установки, зафиксированные в семантическом универсуме естественного языка, что, в конечном итоге, способствует декодированию культурного кода лингвокультурного сообщества, который, в терминах Ю.М. Лотмана, выступает как тип культурной памяти, то есть является ключом к пониманию культуры.

Именно учет предложенной Анной Вежбицкой идеи культурно-исторического универсума и разработанных ею принципов интерпретационной семантики способствует созданию новых форматов семантических исследований и позволяет выявлять те смысловые наслоения, которые призваны дополнить данные, полученные при использовании традиционного анализа, поскольку дают возможность выхода на смыслы, составляющие суть коммуникации.

6. В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Творческий багаж Анны Вежбицкой столь велик, а ее идеи столь многогранны и глубоки, что те исследовательские векторы, которые она задает в своих книгах, позволяют ученым выходить на новые рубежи в изучении семантики как главной тайны языка. Слова и значения, действительно, проливают свет на культурные ценности сообщества (Wierzbicka 2006: 9). И в этом плане продуктивность концепции культурно-исторического универсума Анны Вежбицкой, которая позволяет трактовать и декодировать семантику языковых единиц как ценностных маркеров на фоне культурно-ценностных ориентиров членов лингвокультурного сообщества, нельзя переоценить. Данная статья была задумана как продолжение изысканий Анны Вежбицкой, направленных на выявление неразрывности языка и культурного контекста, в котором он существует.

© С.В. Иванова, З.З. Чанышева, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка. М: Флинта: Наука, 2010. 288 с. [Alefirenko, N. (2010). *Cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* (Language space of values and meanings). Moscow: Flinta: Nauka, 288 s. (In Russ.)]
- Алпатов В.М. Что такое картины мира и как до них добраться // Язык. Константы, Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Алетея, 2014. С. 11—21. [Alpatov, Vladimir (2014). *Chto takoe kartiny mira i kak do nih dobrat'sya*. In *Yazyk. Konstanty, Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* (Language. Constants. Variables: In memory of Alexander E. Kibrik). Moscow: Aletejya, 11—21. (In Russ.)]
- Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413—423. [Bart, Roland (1989). *Ot proizvedeniya k tekstu*. In Bart, R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poehtika* (Semiotics and Poetics): Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow: Progress, 413—423. (In Russ.)]

- Богданова Л.И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 41—50. [Bogdanova, Ljudmila (2015). New words through the interaction of languages and cultures. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 41—50. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. No 4. С. 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748 [Bogdanova, Ljudmila (2017). The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748. (in Russ.)]
- Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 390 с. [Bubnova, Irina, Zyкова, Irina, Krasnykh, Viktoriya, Ufimtseva, Natal'ya (2017). *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* ((Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about Homo loquens) / pod red. V.V. Krasnyh. Moscow: Gnozis, 390 s. (In Russ.)]
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с. [Bulygina, Tat'yana, Shmelev, Alexej (1997). *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* (Verbal conceptualization of the world). Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 576 s. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с. [Wierzbicka, Anna (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* (Language. Culture. Cognition). Per. s angl. Отв. ред. М.А. Krongauz, vstup. st. E.V. Paduchevoj. Moscow: Russkie slovari, 416 s. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с. [Wierzbicka, Anna (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* (Semantic universals and description of languages). Per. s angl. A.D. Shmeleva pod red. T.V. Bulyginoy. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 780 s. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001а. 288 с. [Wierzbicka, Anna (2001a). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov* (Understanding cultures through key words). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 288 s. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001б. 272 с. [Wierzbicka, Anna (2001b). *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* (Comparison of cultures through lexis and pragmatics). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 272 s. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 467—499. [Wierzbicka, Anna (2005). *Russkie kul'turnye skripty i ih otrazhenie v yazyke* (Russian cultural scripts and their reflection in language). A.A. Zaliznyak, I.B. Levontina, A.D. Shmelyov. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*: Sb. st. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 467—499. (In Russ.)]
- Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с. [Vorob'ev, Vladimir (1997). *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* (Linguoculturology; theory and methods). Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russ.)]
- Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции. Ценности. Жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. 304 с. [Gladkova, Anna (2010). *Russkaya kul'turnaya semantika: Ehmocii. Cennosti. Zhiznennye ustanovki* (Russian Cultural Semantics: Emotions, values and attitudes)]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)]

- Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. М.: Изд-во МГУ, 2000. 120 с. [Gudkov, Dmitrii (2000). *Mezhkul'turnaya kommunikaciya. Lekcionnyi kurs dlya studentov RKI* (Cross-cultural communication: a course of lectures in Russian as a second language). Moscow: Izd-vo MGU, 120 s. (In Russ.)]
- Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с. [Gudkov Dmitrii, Kovshova, Mariya (2007). *Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju* (Bodily code of Russian culture: materials for the glossary). Moscow: Gnozis, 288 s. (In Russ.)]
- Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239—320. [Dem'yan'kov, Valerii (1995). *Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v konce XX veka* (Dominant theories at the end of the XX century). *Yazyk i nauka konca 20 veka*. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, 239—320. (In Russ.)]
- Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с. [Zalizniak, Anna (2013). *Russkaya semantika v tipologicheskoj perspektive* (Russian semantics in typological perspective). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 640 s. (In Russ.)]
- Зализняк А., Левонтина И.Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 307—335. [Zalizniak, Anna, Levontina, Irina (2005). *Otrazhenie «nacional'nogo haraktera» v leksike russkogo yazyka* (Reflection of the national character in Russian lexis). In Zalizniak, Anna, Levontina, Irina, Shmelyov, Alexei. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoi kartiny mira*: Sb. st. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 307—335. (In Russ.)]
- Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 510 с. [Zykova, Irina (2014). *Rol' konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovyh znakov* (The role of cultural conceptual sphere in the formation of phraseological units as cultural signs): diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1(61). С. 31—42. [Ivanova, Svetlana (2017). *Diskursivnaya adaptaciya kul'turno-obuslovlennyh yazykovyh znakov v politicheskom diskurse SMI* (na materiale politicheskogo massmedijnogo diskursa SSHA) (Functional peculiarities of culturally related lexis in political media discourse). *Political linguistics*, 1(61), 31—42. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Том 20. № 2. С. 9—16. [Ivanova, Svetlana (2016). *Cultural Linguistics: Studying Linguocultural Universum*. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 9—16. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с. [Ivanova, Svetlana (2004). *Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm* (Cultural linguistics and Cognitive Linguistics: alignment of paradigms). Ufa: RIO BashGU. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Хитрое слово LEADERSHIP, или еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 58—68. [Ivanova, Svetlana (2014). *Hitroe slovo LEADERSHIP, ili eshche raz o nacional'no-kul'turnoj specifike* (What a clever word 'LEADERSHIP' or national cultural specificity again). *Political Linguistics*, 3, 58—68. (In Russ.)]

- Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с. [Ivanova, Svetlana, Chanysheva, Zul'fira (2010). *Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya* (Linguoculturology: problems, quests, solutions). Ufa: RIC BashGU. (In Russ.)]
- Иванова С.В., Чанышева З.З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 153—166. [Ivanova, Svetlana, Chanysheva Zul'fira (2014). *Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drajvery kul'turonosnosti* (Semantics and pragmatics as drivers of cultural meanings). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 153—166. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с. [Karasik, Vladimir (2009). *Yazykovye klyuchi* (Language keys). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Ковшова М.Л. Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27—36. [Kovshova, Mariya (2016). *Kul'turnaya informatsiya v semantike yazykovykh znakov* (Cultural information in the semantics of language signs). *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya: Yazyk lingvokul'turologii: teoriya vs. ehmpiriya*. Moscow: LENAND, 27—36. (In Russ.)]
- Красных В.В. Лингвокультурология в ряду новых наук. О человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 181—193. [Krasnyh, Viktoriya (2016). *Lingvokul'turologiya v ryadu novykh nauk. O cheloveke govoryashchem: segodnya i zavtra* (Linguoculturology and other new disciplines. About a speaking person: today and tomorrow). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / Otv. red. serii V.V. Krasnyh, A.I. Izotov*. Moscow: MAKSS Press, 53, 181—193. (In Russ.)]
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с. [Krasnyh, Viktoriya (2002). *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsii*. Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russ.)]
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2004. 183 с. [Maslova, Valentina (2004). *Lingvokul'turologiya* (Linguoculturology). Moscow: Academia. (In Russ.)]
- Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 272 с. [Maslova, Valentina (2008). *Sovremennye napravleniya v lingvistike* (Modern trends in Linguistics). Moscow: Akademiya. (In Russ.)]
- Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Издат. группа «АЗБУКА-КЛАССИКА», 2010. 448 с. [Nabokov, Vladimir (2010). *Lektsii po russkoj literature* (Lectures in Russian literature). St. Petersburg.: Izdat. Gruppy «AZBUKA-KLASSIKA». (In Russ.)]
- Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 183—187. [Oparina, E.O. (1999). *Lingvokul'turologiya: metodologicheskie osnovaniya i bazovye ponyatiya* (Linguoculturology: methodological foundations and basic notions). *Yazyk i kul'tura*. Sb. obzorov. M.: INION RAN, 183—187. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 5—32. [Paducheva, Elena V. (1996). *Fenomen Anny Vezhbickoj*. In *Vezhbickaya, Anna. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Per. s angl. Otv. red. M.A. Krongauz, vstup. st. E.V. Paduchevoy. Moscow: Russkie slovari, 5—32. (In Russ.)]
- Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. М.: Гнозис, 2005. 472 с. [Privalova, Irina (2005). *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikatsii)*: Monografiya. (Interculture and a verbal sign: linguocognitive basics of intercultural communication). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]

- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с. [Stepanov, Yuri (2001). *Konstanty: Slovar Russkoy kultury* (Constants: Glossary of Russian Culture). Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)]
- Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004. С. 19—30. [Teliya, Veronika (2004). *Kul'turno-yazykovaya kompetenciya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinichah frazeologicheskogo sostava yazyka. Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i diskursivnyh praktikah* (Cultural layers in phraseological and cultural practices). Moscow, 19—30. (In Russ.)]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с. [Teliya, Veronika (1998). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* (Russian Phraseology: semantic, pragmatic and cross-cultural aspects). Moscow: Shkola 'Yazyki russkoi kul'tury'. (In Russ.)]
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 334 с. [Ter-Minasova, Svetlana (2008). *Vojna i mir yazykov i kul'tur* (War and peace of languages and cultures). Moscow: Slovo/Slovo. (In Russ.)]
- Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. 256 с. [Chanysheva, Zul'fira (2004). *Ehtnokul'turnye osnovaniya leksicheskoy semantiki* (Ethnocultural foundations of lexical semantics): Monografiya. Ufa: RIC BashGU. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 21. № 1. С. 54—79. [Shakhovsky, Viktor (2018). *Kognitivnaya matrica ehmocional'no-kommunikativnoj lichnosti* (Cognitive matrix of emotional communicative personality). *Russian Journal of Linguistics*. 2018. T. 21. № 1. S. 54—79. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shakhovsky, Viktor (2008). *Lingvisticheskaya teoriya ehmtsij* (Linguistic theory of emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Шмелёв А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // А. Вежицкая Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7—11. [Shmelev, Aleksei (2001). *Mogut li slova yazyka byt' klyuchom k ponimaniyu kul'tury?* In Wierzbicka, Anna. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* (Understanding culture through key words). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 7—11. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с. [Shmelev, Aleksei (2002). *Russkaya yazykovaya kartina mira: materialy k slovaryu* (Russian linguistic worldview: materials for the dictionary). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)]
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с. [Ehko, Umberto (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* (Absent Structure. Introduction to semiology). St. Petersburg: TOO TK «Petroplis». (In Russ.)]
- Baker, Mona (1993). Corpus linguistics and translation studies: implications and applications. In Baker, Mona, Francis, Gill, and Tognini-Bonelli, Elena (eds). *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 233—50.
- Crystal, David (2007). *English as a Global Language*. Cambridge University Press.
- Fodor, Jerry Alan; Garrett M.F.; Walker K.T.; Parkes C. (1980). Against definitions. *Cognition* 8, 263—367.
- Frais, Anthony (2001). Whistleblowing Heroes — Boon or Burden? *Bulletin of Medical Ethics*, 170, 13—17.

- Gladkova, Anna, Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff (2018). A Semantic Menagerie: the Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 539—559. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559.
- Goddard, Cliff and Wierzbicka, Anna (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford University Press.
- Hofstede, Geert (2011). Dimensionalizing Cultures: the Hofstede Model in Context. In *Online Readings in Psychology and Culture*. 2 (1). Retrieved from <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.
- Jakobson, Roman (2000). On linguistic aspects of translation. In Venuti, Lawrence (ed.) *The Translation Studies Reader*. London and New York: Routledge, 113—119.
- Kachru Bradj (1992). *The Other Tongue: English across Cultures*. University of Illinois Press.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7, 195—215.
- Larina, Tatiana, Mustajoki, Arto, Protassova, Ekaterina (2017a). Dimensions of Russian Culture and Mind. *Philosophical and Cultural Interpretation of Russian Modernization* / Ed. by Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki. London and New York: Routledge, 7—19.
- Larina, Tatiana, Ozyumenko, Valdimir, Kurteš, Svetlana (2017b). I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13.1, 109—128.
- Ozyumenko, Vladimir, Larina, Tatiana (2018). Understanding Social Values and Attitudes through Cultural Semantics: tolerance vs. tolerantnost'. *Proceedings of INTCESS 2018 — 5th International Conference on Education and Social Sciences*, 5—7 February 2018. Istanbul, Turkey, 589—595.
- Palmer, Gary B. (1996). *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin: University of Texas Press.
- Putnam, Henry (1975). The meaning of meaning. Gunderson, K. (ed.) *Minnesota studies in the philosophy of science*. Vol. 7. Minneapolis: University of Minnesota Press, 131—193.
- Shapiro, Michael (1983). *The sense of grammar: Language as semiotic*. Bloomington.
- Wierzbicka, Anna (2015). A whole cloud of culture condensed into a drop of semantics. The meaning of the German word *Herr* as a term of address. *International Journal of Language and Culture* 2:1 (2015), 1—37. doi 10.1075/ijolc.2.1.01wie.
- Wierzbicka, Anna (1991). *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna (2006). *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1996). *Semantics: Primes and Universals*. Oxford and New York: Oxford University Press.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet resources

- ABC News — Retrieved from <https://abcnews.go.com/Sports/netflix-documentary-icarus-spotlights-russian-doping-whistleblower/story?id=53513604> March 4, 2018.
- Cambridge — Cambridge Dictionary online. Retrieved from [https:// http://www.cambridge.org/ru/cambridgeenglish/catalog/dictionaries/cambridge-learners-dictionary-4th-edition/cambridge-learners-dictionary-4th-edition-cd-rom](https://http://www.cambridge.org/ru/cambridgeenglish/catalog/dictionaries/cambridge-learners-dictionary-4th-edition/cambridge-learners-dictionary-4th-edition-cd-rom).

CNN — <http://www.cnn.com/>.

Collins — Collins COBUILD Advanced Dictionary. Retrieved from <http://presenceaccessorios.com.br/collins-cobuild-advanced-dictionary.pdf>.

Guardian — Stratford, Sarah-Jane. Referring to JFK's presidency as 'Camelot' doesn't do him justice. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/21/jfk-jackie-kennedy-camelot-myth>.

Government Whistleblowers, Legislation, News, Whistleblowing Works. Retrieved from <https://www.whistleblowersblog.org/2018/02/articles/news/the-national-whistleblower-center>.

Herald Tribune — Retrieved from URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/8898/kangaroo_ticket.

Our History. Retrieved from <http://www.logcabin.org/about-us/our-history/>.

LA Times — Barabak, M.Z., Nigel, D. 'We're called redneck, ignorant, racist. That's not true': Trump supporters explain why they voted for him. Retrieved from <http://www.latimes.com/politics/la-na-pol-donald-trump-american-voices-20161113-story.html>.

Merriam Webster. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/>.

National Whistleblower Center. Retrieved from <http://envoc.ru/dict/fraza2/NationalWhistleblowerCenter>.

NYP — New York Post. Retrieved from <https://nypost.com/>.

NYT — The New York Times. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2017/03/21/world/europe/russia-sergei-magnitsky-william-browder.htm>.

Our History. Retrieved from <http://www.logcabin.org/about-us/our-history/>.

Political Dictionary. Retrieved from <http://politicaldictionary.com/>.

CT — The Chicago Tribune. Retrieved from <http://www.chicagotribune.com/>.

Thesaurus. Retrieved from <http://www.thesaurus.com/>.

Urban Dictionary. Retrieved from <https://www.urbandictionary.com/>.

WP — The Washington Post. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 августа 2018

Дата принятия к печати: 01 ноября 2018

Article history:

Received: 20 August 2018

Revised: 27 September 2018

Accepted: 01 November 2018

Для цитирования:

Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 821—843. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843.

For citation:

Ivanova, Svetlana, Chanysheva, Zulfira (2018). A word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 821—843. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843.

Сведения об авторах:

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ИВАНОВА, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, член редколлегии журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, лингвокогнитология, дискурс-анализ, политическая лингвистика, медиалингвистика, лингвистика текста, американистика, теоретическая грамматика английского языка.

Контактная информация: svet_victoria@mail.ru

ЗУЛЬФИРА ЗАКИЕВНА ЧАНЫШЕВА, доктор филол. наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета. *Сфера научных интересов*: язык и культура, культурная семантика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, дискурс-анализ, политическая лингвистика, медиалингвистика, невербальная коммуникация, переводоведение.

Контактная информация: chanyshevazz@yandex.ru

Bionotes:

SVETLANA V. IVANOVA is Full Professor at Pushkin Leningrad State University, Chair of English Philology, member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests*: Cultural Linguistics, Cognitive Linguistics, Discourse Analysis, Media Studies, Political Linguistics, Text Linguistics, American studies, English theoretical grammar.

Contact information: svet_victoria@mail.ru

ZULFIRA Z. CHANYSHEVA is Full Professor at Bashkir State University. *Research Interests*: Language and Culture, Cultural Semantics, Intercultural Communication, Cultural Linguistics, Discourse Analysis, Political Linguistics, Media Studies, Nonverbal communication, Theory of Translation.

Contact information: chanyshevazz@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873

Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения)

Л.И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13-14

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00053 «Перспектив грамматик русскогo языка для активныx речевыx действииx».

В статье рассматриваются оценочные характеристики лексики, которые получают отражение в русской грамматике. Идея семантической основы грамматики, выдвинутая и разработанная Анной Вежицкой, имеет продолжение, связанное с изучением роли и места оценочных смыслов в продуктивной грамматике русского языка. Деятельностный подход к описанию языка, принятый в настоящей работе, предполагает изучение роли субъективного фактора в русской грамматике. В данной статье отражены результаты исследования, связанные с анализом семантического пространства русских глаголов. Цель работы состоит в том, чтобы, выявив оценочные смыслы, важные для грамматики, показать, каким образом субъективный компонент значения глагола влияет на способ выражения его актантных позиций. В ходе исследования использовались методы и операциональные процедуры, включающие семантический анализ, элементы компонентного и фреймового анализа, приемы эквивалентных замен и трансформации контекстов, моделирование, лингвистический эксперимент и др. Работа выполнялась на материале толковых и синонимических словарей русского языка с привлечением данных Национального корпуса русского языка. В результате была установлена взаимосвязь интеллектуальных и эмоциональных оценочных характеристик глагола, имеющих выход в грамматическое пространство языка. Выявлено, что оценка (положительная или отрицательная), содержащаяся в глагольной семантике, влияет на синтагматическое поведение глагола избирательно, что требует дополнительных усилий в решении задачи по установлению тех семантических зон, где роль оценочного компонента в грамматическом оформлении актантных позиций оказывается наиболее значимой. Одной из таких семантических сфер является глагольная лексика, обозначающая отношение субъекта к собственным поступкам. Положительная или отрицательная оценка здесь оказывается значимой для оформления актантной рамки глагола. Полученные результаты позволяют поставить вопрос о выявлении вектора оценочной ориентации в русской грамматике. Изучение глагольной семантики в ее проекции на синтагматические свойства позволяет найти новый ракурс для раскрытия национально-специфического мировидения. Продолжение исследования в выбранном направлении могло бы способствовать развитию сравнительной аксиологии.

Ключевые слова: *деятельностный подход, национально-культурная семантика, оценочные смыслы, глагол, актант, субъективный компонент значения, семантика, синтагматика*

Evaluative Senses in Russian Grammar (on the basis of verbs of emotional attitude)

Liudmila Bogdanova

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, 13-14, Moscow, Russia, 119991

The research is financially supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR),
Project № 17-04-00053 «Prospectus of Russian grammar for productive speech activity»

Abstract

The article deals with the evaluative characteristics of lexis which are reflected in Russian grammar. The idea of semantic basis of grammar, created and developed by Anna Wierzbicka, has a continuation in the study of role and place of evaluative senses in productive grammar of the Russian language. The activity approach to the description of the language, adopted in this paper, involves studying the role of a subjective factor in Russian grammar. The article demonstrates the results of research aimed at the analysis of semantic space of Russian verbs. The aim of the work is to identify evaluative senses that are important for grammar and to demonstrate how the subjective component of the verb meaning influences the way of expressing its actant positions. The research has been conducted using the methods and operational procedures of component analysis, equivalent substitutions and context transformations, modeling and a linguistic experiment. The work has been carried out on the material of Russian dictionaries with the use of data from the National Corpus of the Russian language. As a result, the connection between intellectual and emotional evaluative characteristics of verb having an output in the grammatical space of the language has been established. It was demonstrated that evaluation (positive or negative), which verbal semantics contains, affects the syntagmatic behavior of the verb selectively and requires additional efforts in solving the problem of establishing those semantic zones where the role of evaluation component in the grammatical formulation of actant positions is the most significant. One of such semantic spheres is verbal lexicon which denotes the subject's attitude to his/her own actions. Positive or negative evaluation in this case is significant for making the verb actant frame. The obtained results let raise the question of identifying the vector of estimation orientation in Russian grammar. The study of verbal semantics in its projection on syntagmatic properties makes it possible to find a new perspective for the disclosure of national-specific worldview. The continuation of the research in chosen direction could contribute to the development of comparative axiology.

Keywords: activity approach, evaluation senses, verb, actant, subjective component of meaning, semantics, syntagmatics

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема содержания грамматики давно находится в центре внимания ученых. Последнее время русской грамматике было посвящено три крупномасштабных симпозиума (Москва—2016, Хельсинки—2017, Санкт-Петербург—2018), что невозможно считать случайностью. По-видимому, все отчетливее ощущается потребность превратить грамматику из классификационной, описательной в «активную», служащую для обеспечения речевых действий.

В грамматических описаниях трудно переоценить роль глагола. Глагол, как один из важнейших предикатов, определяет структуру типовой ситуации, задает количество актантов. Не случайно Люсьен Теньер метафорически обозначил ситуацию, описываемую глаголом, как «маленькую драму», в которой предикат

(глагол) — режиссер этой драмы, а исполнители семантических ролей (актанты) — участники разыгрываемого спектакля. Л. Теньер, отмечая значимость актантов для представления ситуации, писал: «Глаголы без актантов выражают процесс, который разворачивается сам по себе, и в котором нет участников. <...> Поднявшийся занавес открывает сцену, на которой идет дождь или снег, но нет актеров (Теньер 1988: 121—122). Семантические глубинные падежи с других позиций были рассмотрены в падежной грамматике Чарльза Филлмора (Филлмор 1981) и в работах Анны Вежбицкой (Вежбицка 1985).

Проблема соотношения глагольной сочетаемости и значения глагола детально исследовалась Ю.Д. Апресяном. Из его концепции следует, что, «фиксируя сходства и различия в синтаксическом поведении языковых элементов, <...> мы можем делать объективные заключения об их семантических сходствах и различиях (Апресян 1967: 24—25).

Впоследствии взгляды Ю.Д. Апресяна на эту проблему частично трансформировались (Апресян 2010: 289), однако представляется принципиально важным посмотреть на взаимосвязь семантики и синтагматики русского глагола со стороны семантической, чтобы, исходя из семантики глагола, выяснить, какие именно компоненты значения способны указывать на предпочтительный способ грамматического оформления актантных позиций при глаголе. Основы такого подхода были заложены в книге Анны Вежбицкой “*The semantics of grammar*” (Wierzbicka 1988), где излагаются взгляды на грамматику, связанные с идеей предсказуемости сочетаемости (морфологической и синтаксической) на основе анализа семантики слов и синтаксических конструкций. Семантический подход к сочетаемости позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом носитель языка способен держать в памяти ту огромную информацию, эксплицировать которую лексикографу удастся далеко не всегда (Падучева 1996: 20).

Продолжая изучение проблемы в этом направлении, обнаруживаем, что подход к изучению языка, связанный с переносом фокуса исследования на речевую деятельность участников коммуникации, безусловно, становится все более востребованным в XXI веке. Все более очевидной становится и мысль о том, что языковые описания, ориентированные на точно обозначенного адресата — либо слушающего (читающего), воспринимающего ту или иную информацию, либо говорящего (пишущего), строящего речевые произведения, — значительно отличаются друг от друга, поскольку имеют разные исходные данные и разные цели и задачи (Щерба 1974, Норман 1994, Милославский 2015, 2018; Богданова 2017). Л.В. Щерба, в трудах которого проблема содержания грамматики занимала большое место, писал о разграничении лексики и грамматики: «...все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи, — лексика <...>, все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единств высшего порядка — грамматика» (Щерба 1974: 41). Однако было бы заблуждением думать, что Л.В. Щерба представлял себе лексику как что-то бессистемное, беспорядочное, неорганизованное, напротив, он писал о «системе лексики» и о «правилах словаря» (там же).

Идея системной организации лексики, вопросы взаимодействия лексики и грамматики оказываются столь же значимыми для данной работы, как и мысль Л.В. Щербы о различении «активной» и «пассивной» грамматики. Концепция двух грамматик разрабатывалась ученым как ориентированная на практические задачи: он развивал ее в трудах по методике преподавания иностранных языков (Щерба 1974: 56).

В связи с развитием когнитивной лингвистики все острее ощущается потребность в последовательной разработке когнитивного подхода к созданию грамматики для продуктивных речевых действий — для говорения и письма. При этом представители когнитивного направления нередко высказывают мысль, что языковая картина мира строится в основном на данных лексикологии, так как именно лексика отражает те языковые аспекты, в которых в наибольшей степени проявляются творческие возможности говорящего человека (Lange 1985: 30). Грамматические значения, напротив, не могут свободно выбираться говорящим, поскольку «навязываются» ему системой языка. Однако связь познания и грамматики рассматривается во многих работах известных ученых (Лангакер 1977, Langacker 1991, 2000; Heringer 1984, Fillmor 1969, Fauconnier 1985, Галми 1999, Evans 2006, Jackendoff 2007, Колесов 2004, Норман 2013 и др.). Исследования ученых показывают, что анализ не только лексики, но и грамматики того или иного языка может привести к открытию «воплощенных в языке аспектов культуры», отраженных человеком в процессе познания мира (Gladkova, Larina 2018: 513). По словам Б.Ю. Нормана, «грамматические единицы и связи в концентрированном виде хранят когнитивный опыт предшествующих поколений <...>, позволяют носителю языка упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию» (Норман 2013: 34). И в этом плане глагол, концентрируя в себе информацию об участниках типовой ситуации и частично отражая фреймовую структуру ситуации, способен закреплять в своем значении основные черты будущего сценария, служащего основой для порождения высказываний. В психолингвистических концепциях речевой деятельности особое место отводится предварительному этапу порождения высказывания, этапу, когда формируется своего рода эмбрион будущего речевого сообщения. В процессе порождения речи и ее восприятия большую роль играет память. Согласно концепции Вальтера Кинча, хранящиеся в памяти элементы лексико-семантической сети включаются в высказывание через пропозицию, которая состоит из предиката (глагола) и определенного количества аргументов (актантов) — единиц типа субъект (агенс), объект (пациенс), инструмент, источник, цель и т.п. (Kintsch 1977). Актанты, представляя собой «концептуальные архетипы», в соответствии с «моделью бильярдных шаров» Рональда Лангаккера, динамически взаимодействуют между собой в процессе построения высказывания, при этом один из элементов, вытесняя другой, может становиться на его место (Langacker 2000).

Грамматика русского языка для конкретно обозначенных речевых действий и участников коммуникации не может не учитывать роль и место субъективного

фактора в оформлении актантных позиций в процессе построения высказывания. Роль оценки в описании грамматики для рецептивных и особенно продуктивных речевых действий на русском языке к настоящему моменту исследована еще недостаточно.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы, выявив в семантике глагола оценочные смыслы, важные для грамматики, показать, каким образом субъективный компонент значения глагола влияет на грамматический способ выражения его актантных позиций.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили глаголы эмоционального отношения, извлеченные из толковых и синонимических словарей русского языка (Даль 1999, МАС, НСС и др.). В центре внимания была глагольная лексика с оценочным компонентом значения. При отборе лексики для анализа в выбранном направлении из оценочно ориентированных параметров (Kluckhohn, Strodtbeck 1961) в качестве критерия был выделен параметр, связанный с взаимоотношениями между людьми, признаваемый большинством исследователей наиболее значимым для русской культуры. Таким образом, в настоящей статье преимущественно анализировались те лексические единицы эмоциональной сферы, которые, имея непосредственное отношение к указанному параметру, требуют обращения к речевому и неречевому поведению человека в его оценочной интерпретации (Бартминьский 2005: 125).

В связи с тем, что в статье исследовались и проявления оценочного согласования и рассогласования между значением глагола и лексическим выражением актантных позиций при нем, в сферу анализа и оценочной интерпретации были включены также имена, обозначающие участников коммуникации, входящих в актантную рамку глагола, прежде всего в тех случаях, когда необходимо было сформулировать правила запрета на то или иное лексическое заполнение позиций.

Анализ языкового материала проводился с учетом взаимодействия различных методов исследования. Основой для сделанных выводов послужил индуктивный метод, состоящий в изучении семантики конкретных глаголов и их синтагматической проекции, в систематизации и обобщении данных. Семантика глагола изучалась с помощью дефиниционного и компонентного анализа, а также при сопоставлении структуры фрейма и актантной структуры глагола была использована методика фреймового анализа (Minsky 1975, Lakoff 1986, Fillmore, Atkins 1992). Сопоставительный подход к изучению глагольной семантики был применен при сравнении глагольных значений одной семантической группы с целью выявления «селективных» компонентов, выводящих в синтагматику. Метод сознательной индукции дополнялся там, где это было необходимо, интроспекцией.

Наряду с индукцией в работе использовался и метод дедукции. Полученные результаты уточнялись и верифицировались с помощью различных операциональных процедур, среди которых подстановка, трансформация контекстов, эквивалентные замены, лингвистический эксперимент, состоящий в конструировании мини-контекстов по заданным параметрам с целью выявления особенностей син-

тагматического поведения глаголов, а также границы возможных преобразований в оформлении актантных позиций. При выделении диагностических признаков, указывающих на тип синтагматического распространения глагола, в работе была частично использована теория естественного семантического метаязыка, разработанного и реализованного на практике Анной Вежицкой (Вежицкая 1996, Вежицкая 1999, Wierzbicka, Goddard 2014; Wierzbicka 2018).

Сделанные наблюдения и выводы иллюстрировались и подтверждались примерами из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из СМИ и художественной литературы.

3. ЭМОЦИИ И ОЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

В современной лингвистике изучение эмоций — одна из важнейших исследовательских проблем [см. об этом подробнее: (Alba-Juez & Larina 2018)]. Отражение чувств и эмоций в языке имеет выход в построение грамматики для речевых действий, поскольку эмоции в общении важны и для говорящего, и для слушающего: выбор синтаксических конструкций и точных слов, обозначающих эмоции, обеспечивает возможность конструктивного диалога. Исследования в области культурной семантики показали национальную специфику отражения эмоций в лексике. Анна Вежицкая в своей концепции исходит из того, что каждый язык образует свою «семантическую вселенную». Не только мысли могут быть «подуманы» по-разному, но и чувства могут быть «почувствованы» по-разному в рамках языкового сознания различных культур (Вежицкая 1996, 2005; Wierzbicka 1999; Wierzbicka 2018, Зализняк 1992). Способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит «от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык» (Вежицкая 1999: 505). Каждый человек, независимо от языка и национальной принадлежности, испытывает эмоции, но проявление эмоций, их характер и интенсивность, функции и оценки имеют национально-специфичные культурно закреплённые особенности, что находит отражение в дискурсе и формирует коммуникативные этностили (Ларина 2013, Larina 2015, Larina, Mustajoki, Protassova 2017).

При изучении эмоций важными и значимыми могут становиться различные элементы их структуры. Так, в частности, ценным инструментом изучения содержания эмоций является построение ассоциативного (семантического) гештальта (Караулов 1998; Балясникова, Уфимцева, Черкасова, Чулкина 2018).

Обращение к прототипам, выявление когнитивного сценария, отражающего сложную структуру эмоции, дают много сведений для определения тонких нюансов в проявлении чувств и эмоций, обозначенных близкими по значению словами, для понимания различий в концептуализации эмоций в разных языках (Вежицкая 1999: 508—610; Wierzbicka 1999, Wierzbicka 2018; Волкова, Панченко 2018: 176—177).

Цель настоящей работы, ориентированная на связь семантики и грамматики, обусловила обращение при характеристике эмоции к следующим параметрам, способным, по нашим наблюдениям, оказывать то или иное влияние на синтагматическое поведение глагола: 1) оценка — положительная или отрицательная;

2) продолжительность — длительная или кратковременная; 3) интенсивность — слабая, средняя, сильная (Schwarz-Friesel 2015). Из этих трех параметров наиболее значимым в указанном аспекте является оценка. Как отмечают исследователи, «различные попытки определения эмоции, будь они из области психологии или лингвистики, всегда имеют одно общее сходство — наличие оценочной составляющей понятия» (Alba-Juez & Larina 2018: 23). Именно оценочная составляющая эмоции и оказывается в центре внимания данной работы.

В современной лингвистике оценочность понимается как свойство языковой единицы, связанное с установлением ценностного отношения со стороны субъекта речи к объекту. Оценка, передавая субъективный план речи, как правило, выражает одобрение или неодобрение, которое говорящий субъект вербально или невербально обозначает по отношению к какому-либо объекту в широком смысле. Роль оценочного компонента в языке рассматривалась в трудах Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1998), Е.М. Вольф (Вольф 2002), Н.В. Уфимцевой (Уфимцева 2001), В.Н. Телия (Телия 1996) и др. В работах Анны Вежицкой показана связь между оценочным компонентом слова и его синтаксическими функциями в составе высказывания (Вежицкая 1982). Для решения задач настоящего исследования представляется существенным содержательное различие «внешней» и «внутренней» оценки (Булыгина, Шмелёв 1994).

«Внешняя» оценка требует «взгляда со стороны», связана с определенной интерпретацией значения, что нередко отражается в коммуникативных характеристиках слова, в его стилистической маркированности. Так, например, глаголы *бахвалиться*, *глумиться* — это слова, имеющие внешнюю отрицательную оценку, которая, как правило, фиксируется словарями с помощью помет (Богданова 2017).

«Внутренняя» оценка инкорпорирована в глагольную семантику. При этом слова «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики по Ю.Д. Апресяну (Апресян 1995): русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств (так, например, *хвастаться*, *зазнаваться* — это слова высокой внутренней самооценки субъекта и одновременно слова низкой внешней коллективной оценки). Таким образом, и внутренние, и внешние оценки будут предметом рассмотрения в настоящей работе.

3.1. Эмоциональные и ментальные глаголы в русском языке: грустные размышления о прошлом

В ценностно-смысловой универсум русского языка обоснованно включается такая семантическая характеристика, как **эмоциональность**, понимаемая как свободное изъяснение чувств (Вежицкая 2001; Ионова, Ларина 2015; Alba-Juez, Larina 2018 и др.). Как уже неоднократно отмечалось, русский язык, в отличие от английского, богат «активными» эмоциональными глаголами, а для английского языка, напротив, более характерна адъективная или причастная модель. В этом, по словам Анны Вежицкой, проявляется особенность русской культуры относить «вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой

речи» (Вежбицкая 1996: 43). В русском языке многие эмоции осмысляются как внутренние действия, а не состояния (Wierzbicka 1999: 18).

Анной Вежбицкой было замечено, что многие «эмоциональные глаголы» — в отличие от прилагательных — способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом *о* (*об*, *обо*). Этот факт служит аргументом в пользу того, что эмоциональные глаголы связаны с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс (Вежбицкая 1996: 42).

Наличие данной связи получило интересную интерпретацию в следующем примере, демонстрирующем национальные особенности проявления грусти, имеющей характер размышления:

— *Чего загрустил?* — *Я не грущу, я просто думаю.* — *Он рассмеялся.* — *Почему у нас, если кто-нибудь задумается, считается, что он грустит?* (К. Симонов, ССин).

Рассмотрение глаголов эмоциональной сферы позволяет установить, что в русском языке интеллектуальные и эмоциональные оценки нередко взаимосвязаны и взаимообусловлены, что, в частности, проявляется и в синтагматическом поведении глаголов. Так, например, оценка событий прошлого как отрицательных основана не только на эмоции, но и включает в себя интеллектуальный элемент, именно поэтому глаголы указанной группы так же оформляют позицию актанта-каузатора эмоции (и одновременно ее содержания), как и глаголы ментально-речевой сферы:

горевать о случившемся — думать о случившемся;
грустить о прошлом — размышлять о прошлом;
печалиться об утратах — рассуждать об утратах.

Это наблюдение подтверждают и многочисленные примеры из художественной литературы:

Она со страстной осязательностью сокрушается о прошлом (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Я не крушуся о былом, — *Меня оно не усладило, Мне нечего запомнить в нем, Чего б тоской не отравило* (М. Лермонтов, РСС).

В наш век расплодилось множество плакс, которые обо всем горюют и скорбят (А. Герцен, ССин).

Душа грустит о небесах (С. Есенин).

Обо мне не тужи (Л. Толстой).

Негативное эмоциональное состояние по поводу прошлых событий, которое передается в русском языке с помощью лексически богатого и стилистически разнообразного ряда глаголов (*грустить*, *печалиться*, *тосковать*, *сокрушаться*, *кручиниться*, *горевать*, *скорбеть*, *тужить*, *страдать* и др.), может быть вызвано как ситуацией прошлого со знаком минус, так и ситуацией со знаком плюс, обозначающей то, что безвозвратно утеряно и, следовательно, может приводить к печальным размышлениям (Зализняк 1992: 115—116).

Оформление актанта позиции объекта-содержания при глаголах негативного эмоционального чувства-размышления о событиях прошлого и лексическое

заполнение этой позиции с помощью слов, отражающих негативную оценку случившегося, иллюстрируют следующие примеры:

Когда я вошла в комнату, Ирина Николаевна сокрушалась о своей беде, случившейся с ней накануне (ТИСРГ).

Не могу сказать, очень ли тужила она о разрушившихся мечтах насчет Лизаветы Николаевны (Ф. Достоевский, Бесы).

Я не видел кузнеца, когда он сидел на крыльчке в тоске, печалась об ушедшей силе (О. Шестинский, ССин).

Однако в позиции, обозначающей каузатора эмоционального состояния, могут быть слова, называющие не только негативные, но и позитивные события, качества, периоды жизни. Ср.:

грустить о счастье — грустить о несчастье;
скорбеть о молодости — скорбеть о старости;
горевать о красоте — горевать об уродстве.

Такая «двойная» сочетаемость обусловлена глубиной концептуализацией каузатора, которая на поверхностном уровне оформляется одинаково благодаря компрессии. «Хорошие» качества, явления вызывают грустные размышления, если они неповторимы, уникальны и утрачены безвозвратно:

грустить о прошедшей молодости — грустить о молодости;
тосковать о былом счастье — тосковать о счастье.

Ср. также:

...Петр Александрович вечно тоскует о ней, о ее душевном спокойствии (Ф. Достоевский).

Чаще всего слова позитивной семантики, замещающие объектную валентность содержания данных глаголов, нуждаются в определении, подчеркивающим, что это «хорошее» осталось в прошлом:

тосковать об утраченном душевном спокойствии;
страдать об ушедшей любви;
горевать о пролетевшей юности;
скорбеть о несбывшихся мечтах.

Глаголы *скучать* и *тосковать* содержат в своей семантике компонент ‘испытывать дискомфорт от отсутствия **контакта** с тем, что субъект оценивает в целом как *что-то хорошее для себя*’, поэтому объектная валентность при этих глаголах не может заполняться словами негативной семантики. Ср. невозможно: **скучать о несчастье* (при возможном: *горевать о несчастье*); **тосковать о старости* (ср. *сокрушаться о старости*).

Глаголы данной группы допускают вариативное оформление объектной позиции (с предлогом *по* или с предлогом *о*):

Катерина о муже горевала, плакала (И. Бунин).

Ср.: Катерина **по** мужу горевала.

Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Нице (Л. Толстой, Анна Каренина).

Ср.: Оказавшись в городе, он **скучал о деревне**, о деревенской жизни, свободной от условностей и формализма.

Однако необходимо отметить, что оформление объектной позиции с помощью предлога **по** более выразительно, чем вариант **о ком**, если речь идет о неразделенной любви, об умершем человеке, об особой интенсивности или уникальности эмоционального переживания:

*Разве не видит она, как он **томится по ней*** (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

*Вдова дяди Акима Марья Петровна, **убивавшаяся по мужу**, ... подводила к гробу гостей* (Соколов-Микитов, Детство).

*Помрешь, — соберут наскоро, чужой рукой..., никто-то не благословит тебя, никто-то **не вздохнет по тебе*** (Ф. Достоевский, Записки из подполья).

*Я думаю, что ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет **изнывать по тебе*** (В. Набоков, Дар).

Значительно большую выразительность и значимость предлога **по** (в сравнении с предлогом **о**) в данном случае частично объясняет тот факт, что при глаголах со значением ‘плакать ритуально’ (при старинном обряде похорон) оформление объекта с помощью предлога **по** является единственно возможным способом выражения данной актантной позиции, вариативность исключается: *голосить* (разг.) *по покойнику*; ср. *голосить о покойнике* — в значении ‘кричать, сообщать’; *причитать* (разг.) *по почившему* (ср. в другом значении *причитать о пропаже денег*); *вить* (разг.) *по умершему* (в XIX веке была возможна сочетаемость с предложным падежом — *по покойном, по умершем*):

*Родные **по Прокле завыли**, по Прокле семья **голосит*** (Н. Некрасов, Мороз, Красный нос).

***Вить по мертвому**, или **причитать**, считалось тогда необходимостью, долгом* (С. Аксаков, Детские года Багрова-внука).

*Женщины **голосили по обреченным на гибель кораблям**, как по покойникам* (К. Паустовский, Черное море).

Вопили** в деревне охотно..., у баб много было причин **голосить и плакать (Ф. Гладков, РСС).

Сопоставление двух отрывков из произведений А.С. Пушкина и В.В. Набокова также указывает на экспрессивность предлога **по**, способного выразить интенсивность чувства.

*Под небом Африки моей **вздыхать о сумрачной России*** (А.С. Пушкин, Евгений Онегин).

*В горах Америки моей **вздыхать по северной России*** (В.В. Набоков, Другие берега).

Для Владимира Набокова возвращение на родину было невозможно, поэтому свидание с Россией для него было так же нереально, как встреча с умершим человеком. Выбор формы обозначения объектной позиции здесь далеко не случаен, в строке В. Набокова подчеркивается интенсивность эмоционального переживания. Ср. также:

*И **тоскуют** впадины ступней **по земле** пронзительной твоей* (В.В. Набоков, К родине).

3.2. Глаголы, обозначающие кратковременные эмоции: синтагматическая проекция

Как доказано многочисленными лингвистическими исследованиями, отрицательные эмоции чаще являются предметом обозначения в языке, чем положительные. Тем не менее, положительное эмоциональное отношение к событиям прошлого, конечно, находит отражение в русском языке, при этом характерным является то, что глаголы указанной семантики, как правило, не могут присоединять соответствующий актанта в форме **О + предложный падеж** при обозначении событий, относимых к прошлому. Ср. невозможно:

*радоваться о случившемся; *веселиться об успешном завершении дела; *ликовать о победе.

По-видимому, радость столь мимолетна и скоротечна, что не может служить объектом для глубокого анализа и размышления. Ср. высказывание Виктора Астафьева:

Радость кратка, преходяща, обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна... Радость всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше ее (В. Астафьев, *Царь-рыба*).

Эмоциональное состояние человека может быть не только длительным, протяженным во времени переживанием — размышлением (ср. *горевать, тосковать*), но и непродолжительным, импульсивным, кратковременным актом (ср. *удивляться, поражаться, огорчаться, радоваться*). Такое эмоциональное состояние субъекта вызвано, как правило, каким-либо неожиданным для него событием, имеющим характер приятного или неприятного «сюрприза».

Объект — каузатор при данных глаголах ‘удивления’ оформляется с помощью **дательного падежа без предлога**: *удивляться другу, письму, терпению; поражаться переменам в жизни; изумляться новостям; умиляться детской любознательности* и т.д. В объектной позиции происходит компрессия, свертывание пропозиции неожиданной для субъекта ситуации. Примеры из НКРЯ демонстрируют эту закономерность:

Я обрадовался встрече, потому что давно уже хотел познакомиться с настоящим филологом, у меня, сына учительницы русского языка, обнаружили провалы в знаниях (Анатолий Азольский. *Диверсант* // «Новый Мир», 2002).

Ср. Я обрадовался тому, что встретил его...

Однако Щукин несколько не удивился вопросу, он и сам давно думал о том же (Сергей Носов. *Грачи улетели*, 2005).

— *Господи, когда это ты успела? Поражаюсь твоей энергии* (В.П. Аничков. Екатеринбург—Владивосток, 1934).

И она не удивилась появлению самого Сандрика, будто они встречались тут каждый день (Анатолий Приставкин. *Дядя Тумба магазин*, 1992).

Подруга, недавно получившая пенсионный расчет, так изумилась запечатленной в нем цифре, что немедленно прислала эсэмэску: «На памперсы хватит, на костыли уже нет» (Александр Тимофеевский. *Пенсия* // «Русская жизнь», 2012).

По пути домой я вспоминала встречу, сценарий и изумилась фамилии режиссера — Аскольдов, забавно... «Аскольдова могила» (Нонна Мордюкова. Казачка, 2005).

Потом Матильда пригласила их на террасу, они выпили кофе с засахаренными фруктами, и снова Армик Тиграновна умилилась детским воспоминаниям об этом сухом варенье (Людмила Улицкая, Медея и ее дети, 1996).

Я не очень огорчился подобной проволочке, так как люблю этот городок, его мирную и ясную жизнь (Н.С. Гумилев. Африканский дневник, 1913).

Оформление объектной позиции (дательный падеж без предлога) в данном случае не зависит от того, является ли эмоциональное состояние, вызванное тем или иным неожиданным событием, позитивным или негативным. Ср.: *огорчаться неудачам* и *радоваться успехам*. Однако различия в синтагматическом поведении «позитивных» и «негативных» глаголов все же имеются. Так, в частности, если глагол обозначает негативное импульсивное состояние, то объектная позиция при нем не может заполняться словами, обозначающими лицо: нельзя **огорчиться другу, брату, девушке*, хотя можно *обрадоваться другу, брату, девушке*, т.е. их приходу.

Один и тот же глагол эмоциональной сферы может выступать в разных значениях, т.е. обозначать и длительный процесс, и кратковременный акт. Ср.: *печалиться о прошлом* и *печалиться известиям из дома*, при этом некорректно **печалиться прошлому* или **печалиться об известиях из дома*. Разные значения «разводятся» не только с помощью разной сочетаемости, но и с помощью словообразовательных средств, в частности префиксов *за-* и *-о* со значением начала:

печалиться — опечалиться новостям, но печалиться — запечалиться о прошлом.

Ср. также вполне корректное высказывание: *Она всю зиму прогоревала о пропаже* и некорректное обозначение ситуации: **Она всю зиму проогорчалась пропаже*.

Значение ‘импульсивности’, как правило, препятствует свободному выражению идеи «начинаемости» (лексический параметр Incer — в терминологии словаря ТКС) при глаголах с таким семантическим признаком. Ср.: *Она начала сокрушаться об этом*, но нельзя **Она начала огорчаться этому*; *Она начала горевать об этом* при невозможности **Она начала поражаться этому*. Некорректно также **заизумляться*, **заогорчаться*, **запоражаться* чему-н. при нормативных *загрустить*, *затужить*, *затосковать* о чем-н.

3.3. «Статусность» в культуре и ее отражение в актантной рамке глагола

Грамматика, «вписанная» в широкий культурный контекст, способна обнаружить закономерности, скрытые от прямого наблюдения. Ряд параметров «измерения» культур, выдвинутых в рамках изучения культурного разнообразия, может оказаться полезным при наблюдении за синтагматическим поведением глаголов. При создании активной грамматики, на наш взгляд, важно учитывать косвенное воздействие на грамматику социальных и ценностных характеристик, выявленных в классификациях культур Герта Хофстеде (Hofstede 1984, 1991), Эдварда Холла (Hall 1976), Флоранс Клакхон и Фреда Стродбека (Kluckhohn,

Strodtbeck 1961) и реализованное, в частности, в сопоставительных исследованиях Т.В. Лариной (Ларина 2013, Larina 2015).

Один из значимых параметров в этом аспекте — Дистанция Власти (PD), проявляющаяся во всех типах взаимоотношений (дети — родители, ученики — учителя, подчиненные — руководители). Практически во всех культурах эти отношения асимметричны, но степень асимметрии может быть разной. Согласно теории Г. Хофстеде, культуры могут иметь высокую вертикальную дистанцию, при которой отношения строятся на подчинении, с учетом статуса по возрасту и социальному положению, и низкую вертикальную дистанцию, когда существующее неравенство минимизируется в коммуникации (Hofstede 1991). Русская культура в этом плане может быть охарактеризована как «статусная», с высокой вертикальной дистанцией. Этот культурно значимый признак получает косвенное отражение в русском языке. Семантика глагола, демонстрируя иерархию социальных, статусных отношений в обществе, в проекции на его синтагматические свойства дает интересные результаты.

Эмоциональное отношение к людям в русской культуре нередко определяется статусом лиц, вступающих во взаимодействие. Глаголы эмоциональной сферы могут иметь семы «снизу — вверх» и «сверху — вниз», которые находят отражение в грамматике, так как влияют на выбор формы актанта. Отношение к человеку в соответствии с иерархией по статусу, таким образом, оказывается важным признаком, релевантным для синтагматики. Если субъект воспринимает лицо, каузирующее его эмоциональное состояние, как человека, стоящего в каком-то смысле выше, чем он, то отношение к такому лицу можно условно обозначить как отношение «снизу — вверх», при этом объектная актантная позиция, открываемая данным глаголом, будет выражаться с помощью предложно-падежной формы **перед кем**: *благоговеть; неметь; трепетать, склоняться, падать ниц, преклоняться перед кем — чем*.

При высокой самооценке субъекта отношение к лицу-каузатору можно определить как отношение «сверху — вниз». Наличие в значении глагола данного дифференциального семантического признака требует оформления соответствующей актантной позиции (для обозначения лица с более низким статусом) с помощью предложно-падежной формы **над кем**: *смеяться, подсмеиваться, насмехаться, насмешничать* (разг.), *иронизировать, подшучивать, издеваться, глумиться, изыматься, изгаляться* (разг.) *над кем — чем*. Синтаксическое поведение данных глаголов организуется, по словам Б.Ю. Нормана, в соответствии с первоначальной метафорой иерархии: кто-то ощущает себя выше кого-то/чего-то (Норман 2013: 49). Несмотря на значимость статусных отношений, в позиции объекта насмешки может оказаться и лицо, обладающее в социальной или возрастной иерархии более высоким статусом, чем субъект. Так, например, дети могут смеяться над стариками, ученики — насмехаться над учителем, подчиненные — над начальником:

Зачем ты часы у страны отобрал? Шантан смеялся над властью... (Александр Кабаков, Путешествие экстрополятора, НКРЯ).

Объектом насмешки, как нетрудно предположить, чаще всего бывает отрицательно оцениваемое субъектом явление, качество, человек. Однако заполнять эту позицию могут как слова отрицательной, так и положительной оценки. Согласно идее Анны Вежбицкой, оценочные наименования, которые обладают функцией «прагматических операторов», можно рассматривать как инородные элементы по отношению к структуре высказывания. Это своего рода скрытые цитаты, отсылки к прошлым высказываниям: «существенная часть содержания этих предикатов затрагивает не обозначаемое лицо, а отношение между этим лицом и говорящим, а точнее говоря, отношение говорящего к тому лицу, о котором идет речь» (Вежбицкая 1982: 244).

В данных примерах из НКРЯ отрицательная оценка частично или полностью эксплицирована в лексическом наполнении актантной позиции объекта насмешки:

Он смеялся над дураками, которые не знали Лорку (Галина Щербакова. *Кровать Молотова*, 2001).

Не получив никакого образования, он оставался полным невеждой во всех науках, в том числе и в науке светской жизни — двор смеялся над грубостью его манер и языка (С. Цветков. *Железная маска* // «Наука и жизнь», 2007).

Смеялся над узкими специалистами — исследователь левой ноздри усоногого рака (Даниил Гранин. *Зубр*, 1987).

Гумилев имел большое влияние на мое творчество, он смеялся над моими робкими стихами и хвалил как раз те, которые я никому не смела показывать (Александр Ласкин. *Ангел, летящий на велосипеде* // «Звезда», 2001).

В отцовской библиотеке, в значительной степени утраченной, было множество книг по истории медицины, и он всегда любил остатки этой милой рухляди: радовался, изумлялся, иногда смеялся над фантастическими суждениями своих давно умерших коллег... (Людмила Улицкая, *Казус Кукоцкого* // «Новый Мир», 2000).

В следующих примерах в актантной позиции объекта насмешки представлены слова с общей положительной оценкой:

Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... (Борис Акунин. *Чайка* // «Новый Мир», 2000);

Гаврилов откровенно смеялся над вынужденной вежливостью коллег (Петр Акимов. *Плата за страх*, 2000).

Общая положительная оценка слов, входящих в позицию объекта насмешки (*мечты, вежливость*), отражает оценку не субъекта данного высказывания, а объекта или коллектива в целом. Вектор оценки субъекта и объекта высказывания может не совпадать и создавать конфликт оценок.

В лексическом составе позиции объекта при глаголах насмешки оценка, положительная или отрицательная, далеко не всегда выражена:

Вернулся он без денег, поселился в уединенном месте, занимался непонятными науками и смеялся над людьми, которые ищут счастья в чем-то другом (М.Л. Гаспаров. *Занимательная Греция*, 1998).

Это он, кстати, сказал мне не в Тегеране, где часто смеялся над англичанами, а в Крыму (Нодар Джин. *Учитель*, 1980—1998).

Никто не смеялся над ней, никто иронически не комментировал ее слезы соседу на ухо (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт», 1999).

В объектной позиции могут быть представлены слова, обозначающие различные социальные роли:

Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839—1841).

Он свободно вел себя во время поминальных служб, насмеялся над священниками, смеялся и громко разговаривал (Игорь Андреев. Путь к трону // «Знание — сила», 2012).

Объектом иронично-критического отношения, насмешки нередко становится сам субъект:

Как всякий интеллигент после скандала, он уже упрекал себя, насмеялся над собой, жалел о своих дурных качествах, спровоцировавших на грубости, очевидно, усталого рабочего человека (Ф. Горенштейн, Куча, 1982 // «Октябрь», 1996).

Я смеялся над собой и над ними (Даниил Гранин, Месяц вверх ногами, 1966).

Обезоруживая других, он смеялся над собой, но не слишком любил, когда это делали другие (Александр Генис, Довлатов и окрестности, 1998).

Ты расхохотался, смеялся над собой — сколько можно позволять надувать тебя, всему ты верил и веришь (О. Глушкин, Пути паромов, 1990—1999).

Глаголы издевательства имеют по сравнению с глаголами насмешки более отчетливо выраженную «внешнюю» отрицательную оценку. «Стереоскопичность» их семантики (Падучева, Зализняк 1982: 142—149) приводит к тому, что использование этих глаголов в первом лице, особенно в перформативном употреблении, равносильно «иллюкутивному самоубийству» (Вендлер 1985). Ср. некорректность высказываний типа: **Я измываюсь над вами*; **Я глумлюсь над тобой*.

Ярко выраженная отрицательная внешняя оценка, представленная в значении этих глаголов, объясняет и тот факт, что в лексическом заполнении объектной позиции преимущественно представлены слова либо без оценочного компонента, либо с положительной оценкой. Трудно считать корректными высказывания типа: **Он глумится над мерзавцами*; **Он издевался над негодяем*; **Он измывался над жестокостью* и т.п. Подтверждение этому находим в многочисленных примерах из Нового объяснительного словаря синонимов (НСС):

Его пугал и смущал беспощадно злорадный тон старика, и было странно и страшно вато: разве можно ли так издеваться над человеческой нуждой и слабостью (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей; НСС-3).

Он, глумясь над цивилизацией, порицал патриотизм и начала национальные (Н.С. Лесков, Соборяне; НСС-3).

Измываясь над всякой новизной, оставивший от жизни Чернышевский отводил душу на всех новаторах, чудаках и неудачниках мира (В. Набоков, Дар; НСС-3).

В данных примерах в объектной позиции мы видим слова, предполагающие либо положительную общественную оценку (*цивилизация, новизна*), либо лексические единицы, значение которых предполагает в качестве общественной реакции в русской культуре сочувствие, жалость, но не издевательство (*нужда, слабость*).

Дифференциальный признак (ДП) ‘отношение к лицу **снизу** — **вверх**’ объединяет глаголы разных лексико-семантических групп (ЛСГ): от глаголов ‘прекло-

нения' (*преклоняться, благоговеть*) — до глаголов 'самоунижения' (*унижаться, лебезить, заискивать, угодничать*). Выделенный ДП определяет форму актантной позиции со значением лица, которая выражается с помощью именной группы **перед кем**.

Глаголы со значением '**преклонения**' маркированы стилистически. Семантика данных глаголов предполагает высокую степень уважения субъекта эмоции к лицу, являющемуся источником эмоционального отношения, причем «источник эмоции воспринимается субъектом как стоящий неизмеримо выше его в человеческом, нравственном, интеллектуальном или творческом отношении» (НСС: 125):

*...с тех пор он еще более считал себя недостойным ее, еще ниже **нравственно склонялся перед нею*** (Л. Толстой).

Эмоциональное состояние субъекта, выражающееся в преклонении перед другим лицом, не исключает осознанного, контролируемого, логически обоснованного отношения к этому лицу:

*Версикову она служила, как раба, и **преклонялась** перед ним, как перед папой, но **по убеждению*** (Ф. Достоевский).

В позиции субъекта при глаголах данной подгруппы могут быть как слова со значением конкретного лица, так и слова, относящиеся к морально-интеллектуальной сфере человека:

*Все лучшие **умы России благоговеют перед Вашим талантом*** (из телеэфира).

При глаголах со значением '**самоунижения**' источником эмоции является преимущественно лицо, причем, лицо, занимающее более высокое положение в обществе по сравнению с субъектом. Субъект является лицом морально униженным. В соответствии с законом наивной этики, выделяемым Ю.Д. Апресяном (Апресян 1995: 351), обществом осуждаются лица, забывающие о собственном человеческом достоинстве: все глаголы данной подгруппы содержат в своем значении отрицательную оценку, в отличие от глаголов 'преклонения'.

*<...> сдавшись, возненавидел всю эту муть с диссертацией, говорил, что лучше честно получить сто тридцать целковых, чем мучиться, надирать здоровье и **унижаться перед нужными людьми*** (Юрий Трифонов. Обмен, НКРЯ).

Несмотря на имеющиеся различия, глаголы 'самоунижения' и 'преклонения' объединяет общий элемент сознательного отношения к лицу-каузатору, проявляющийся в допустимости осознанного, часто намеренного самоуничижительного поведения:

*Как могли вы так **добровольно** унизиться перед выскочкой, перед жалким подростком!* (Ф. Достоевский).

Эта семантическая особенность рассматриваемых глаголов синтагматически выражается в их способности сочетаться с причинным предлогом **из**, который может вступать во взаимодействие только с глаголами, обозначающими контролируемые действия (Иорданская, Мельчук 1996). Ср. *унижаться перед начальником **из** желания занять хорошую должность*.

3.4. Роль коллектива в оценке и самооценке личности: синтагматический аспект

Не менее важным параметром, чем дистанция власти, является и связанный с ним параметр, отражающий разделение культур на индивидуалистические и коллективистские (Hofstede 1984, Hofstede 1991). Этот параметр, как показано исследователями, связан с разным восприятием человеком своего собственного образа — «образа себя»: в культуре индивидуалистического типа это «Я — образ», в культуре коллективистской — «Мы — образ» (Ларина, Озюменко 2016; Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017). В соответствии с этим делением русская культура характеризуется чертами, свойственными в большей степени коллективистскому типу культуры, чем индивидуалистическому.

Это утверждение имеет несколько важных следствий, которые находят отражение в языке и коммуникации. В культуре коллективистского типа «Мы» стоит выше, чем «Я», ценность человеческой личности низкая. Гораздо выше ценятся человеческие взаимоотношения, которые строятся на соблюдении принципов возрастной и социальной иерархии, взаимозависимости и взаимопомощи. Высокая значимость человеческих взаимоотношений создает условия для того, что культура приобретает черты контактной (Hall 1976), в которой, согласно Э. Холлу, высоко ценятся общительность, искренность, открытость (Вежбицкая 1996, 2005; Зализняк 2005, Ларина 2013, Larina 2015). Все эти качества способствуют формированию культуры, в которой роль контекста в коммуникации оказывается очень высокой (разграничение культур по Э. Холлу на *high-context cultures* / *low-context cultures*).

Коллективистские черты проявляются в русской культуре еще и в том, что для русских оказывается очень важным мнение других — очень важен взгляд со стороны, особенно при оценке и самооценке личности. Чтобы лучше понять суть какого-либо явления или даже значимость собственной личности, человеку нужен Другой человек, нужен авторитетный оценщик, нередко коллективный арбитр, справедливый судья. В трудные минуты жизни человек особенно нуждается в поддержке. Испытания легче переносятся не в одиночестве, а «на миру». Об этом говорит известная русская пословица, которая подчеркивает важную роль коллектива, общества в жизни человека: *На миру и смерть красна* (Даль 2000). В этой пословице слово *мир* употребляется в значении ‘все люди, весь свет, род человеческий’ (Даль 1999). Пословица имеет варианты: *На людях и смерть красна; В семье и смерть красна* (Даль 2000). Смысл пословицы и ее вариантов сводится к тому, что любые испытания и трудности переносятся легче, когда человек не в одиночестве преодолевает тяжелые жизненные ситуации, а разделяет трудности с другими. На глубинном уровне смысл пословицы состоит в том, что страдания и даже смерть ради жизни и блага других людей, которые видят, ценят и понимают это, можно легко перенести:

Пусть бы он умер со славою на ратном поле: на людях и смерть красна, а то, подумаешь, умереть одному, под ножом разбойника (М.Н. Загоскин, Юрий Милославский).

Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствие может принести. А впрочем... Извольте; останусь. На людях и смерть красна (И.С. Тургенев, *Новь*).
Не надо! Давай тут останемся... На миру, знаешь, и смерть красна... (М.А. Шолохов, *Тихий Дон*).

Подтверждение мысли о значимости коллектива для самосознания человека можно найти во многих произведениях русской литературы. Так, например, в повести Н.В. Гоголя показано, как перед мученической смертью Остап *«хотел бы увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил и утешил его при кончине»* (Н.В. Гоголь, *Тарас Бульба*).

Любому человеку в принципе важно осознавать, что его «видят»: замечают, знают, ценят. Не случайно значение глагола *обидеть* изначально в русском понимании — это «обвидеть», обвести взглядом, не увидеть, ‘не заметить’. Быть «пустым местом» особенно обидно для русского человека, поэтому значимость визуальной составляющей, фактор «замеченности» человека другими людьми нередко подчеркивается в русской культуре и иногда приобретает трогательные формы:

...Я прошу Вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, Ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Пётр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Пётр Иванович Бобчинский (Н.В. Гоголь, *Ревизор: Бобчинский — Хлестакову*).

Важность и значимость этого параметра находит отражение в грамматике. В тех случаях, когда человек, пытаясь оценить себя, обращается к мнению других, появляется актантная позиция ПЕРЕД КЕМ (ЧЕМ). Релевантным для синтагматики фактором оказывается оценка субъектом своих качеств, поступков, вещей, объектов разного рода, входящих в его личную сферу. Такая самооценка может быть высокой и низкой.

3.4.1. Высокая самооценка

Если субъект высоко оценивает относящиеся к его личной сфере объекты (Апресян 1995) и испытывает потребность продемонстрировать их или рассказать о них другим людям для того, чтобы они их тоже высоко оценили или испытали зависть к субъекту оценки, то эта ситуация описывается с помощью конструкции **кто / чем (кем) / перед кем**, где *кто* — субъект оценки, *чем (кем)* — объект оценки, *перед кем* — адресат, реализующийся в семантическом плане как аудитория или зритель, чье мнение в определенном смысле важно субъекту. Указанные позиции необходимы для полного, развернутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении некоторые позиции, потенциально входящие в актантную рамку глагола, могут остаться незаполненными.

Рассматриваемый признак высокой самооценки входит в значение глаголов разных семантических групп: 1) глаголов чувства (*гордиться, кичиться*), 2) глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), 3) глаголов поведения (*рисоваться, щеголять*). Границы между этими группами не являются жесткими:

значение глаголов, относимых к глаголам чувства (*кичиться, чваниться*) может реализовываться в речевом и неречевом поведении субъекта.

1. Высокая самооценка в глаголах чувства. Среди глаголов чувства с высокой самооценкой обращают на себя внимание глаголы *гордиться* и *кичиться*, к ним примыкает *чваниться*. Согласно определению Ю.Д. Апресяна, приведенному в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, глаголом *гордиться* обозначается «приятное чувство, возникающее от сознания того хорошего, что сделано или достигнуто самим человеком или кем-то из близких ему людей» (НСС-1: 61), что подтверждается примерами из НСС и НКРЯ:

И прадеда скрипкой гордился твой род... (О. Мандельштам, НСС-1).

Прекрасной дочерью своей гордится старый Кочубей (А.С. Пушкин, НСС-1).

Та русская, советская наука, которую он оставлял в полном расцвете, которой привык гордиться, пропагандировал ее на Западе... (Д. Гранин, Зубр, 1987; НКРЯ).

Только тогда все будет хорошо, когда люди начнут гордиться своей страной (А. Балабанов: Я снимаю не для вечности, 2002; НКРЯ).

И пред твоими слабыми сынами / Еще порой гордиться я могу, / Что сей язык, завещанный веками, / Любовней и ревнивей берегу (В. Ходасевич, НСС).

Позиция «зрителя» далеко не всегда открывается при глаголе *гордиться*, но потенциально она заложена в его значении, особенно когда гордость проявляется в словах и поступках, т.е. тогда, когда ее можно «увидеть»:

Перед кем гордишься? Перед матерью гордишься? (из разговорной речи).

Глаголом *кичиться* обозначается не только приятное ощущение, возникающее у субъекта от того, что у него есть нечто, особенно ценное людьми (НСС-1: 61), но и более отчетливое желание продемонстрировать свое преимущество перед другими:

Есенин слагал острые песни хулигана. Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но надо всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души (Л.Д. Троцкий, Памяти Есенина, НСС-1).

Я далек от мысли, господа, кичиться перед вами (А. Куприн, МАС).

Глагол *чваниться* имеет, как и глагол *кичиться*, резко отрицательную внешнюю оценку:

А нужно ли было чураться, / И чваниться напропалую, / И лавры, кичась, пожинать, / И всю беззаботность былую / Предательски не вспоминать? (Ю. Даниэль, НСС-1).

2. Высокая самооценка в глаголах речи. Развернутое (нередуцированное) оформление актантной структуры соответствующих глаголов будет однотипным и предсказуемым: *кто / перед кем / чем*:

Костя, мальчик лет 14, чтобы похвастать своей храбростью перед матерью и сестрой, нырнул и поплыл дальше (А.П. Чехов, НСС).

Раз я хотел похвастаться перед ними своими знаниями в литературе ... и завел разговор на эту тему (Л.Н. Толстой, НСС);

Плотно поев, бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою, ... кто донским скакуном (А.Н. Толстой, НСС).

Позиция адресата (аудитория и зритель), однозначно понимаемая из ситуации, из контекста, может оставаться формально нереализованной (в стандартном формате *перед кем*):

[Демьян] пришел к Юткиным **похвалиться** своими **покупками** (Марков, ССин).

Закурив папиросу и привалившись к стенке стула, он закидывал голову назад, выпускал из носа дым, ... все **хвастаясь** своими **удачами** и словно пьянея от хвастовства (Новиков-Прибой, ССин).

Если в ситуации делается акцент на единичный речевой акт, то позиция адресата заполняется с помощью дательного падежа без предлога, что характерно для большинства глаголов речи (Гловинская 1993), при этом стоит отметить, что отрицательная оценка в такой конструкции снижается:

Фёдор Карлович **мне похвастался**, что у него есть новый фрак, синий, с золотыми пуговицами (А.И. Герцен, НСС-2).

Могут **Вам похвастаться**, что мы закончили работу в срок, несмотря на тяжелейшие условия (НСС-2).

Как отмечает Ю.Д. Апресян, в таких ситуациях основным импульсом к действию может послужить «вполне простительное желание поделиться с собеседником своей радостью» (НСС-2: 380).

Актантная позиция, предназначенная для объекта оценки, предъявляемого зрителям, может также опускаться:

Это вы, стало быть, свою эрудицию хотите показать? Нашли **перед кем похваляться** (А. Райкин, НСС).

Глаголы этого ряда описывают речевое поведение, нарушающее одно из традиционных правил поведения в русском социуме — правило скромности. Именно поэтому данные глаголы речи, содержащие ДП «внутренней» высокой самооценки, одновременно являются в русском языке словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, по Ю.Д. Апресяну.

Естественно было бы предположить, что объект со значением содержания положительной самооценки должен выражаться при этих глаголах с помощью слов позитивной семантики: *хвалиться победами, успехами, званиями, титулами, наградами* и т.п. Но здесь также может произойти описанный ранее конфликт оценок:

Были офицеры, которые **хвалились жестокостью** своего обхождения с солдатами, именно в этом видя истинную дисциплину (Е. Тарле, НСС-2).

Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, **хвастаем** своим **кабачным героизмом** (А.Н. Островский, МАС);

[Юшка] стал открыто **хвастаться** своим **бездельем** и **похотливостью**, курить и пить, сколько влезет (И.А. Бунин, НСС-2)

3. Глаголы поведения с высокой самооценкой субъекта. Позиция «зритель» требуется для глаголов поведения разной стилистической окраски: *выпендриваться перед кем, выставляться, понтоваться, рисоваться, красоваться, щеголять, форсить, бравировать, пижонить, распускать хвост; ходить гоголем; позировать, кокетничать; задаваться, важничать, фанфаронить* и др.

В качестве зрителя (аудитории) иногда может выступать и сам субъект:

*...у недалеких и самолюбивых людей бывают моменты, когда сознание, что они несчастны, доставляет им некоторое удовольствие, и они даже **кокетничают перед самими собой** своими **страданиями** (А.П. Чехов).*

В ряде случаев объект оценки может быть инкорпорирован в семантику глагола:

*...сначала они оба **важничали и дулись друг перед другом** нестерпимо (Н.В. Гоголь).
...ему досталось наследство..., а так как у нас все почти были бедные, то он **перед нами стал фанфаронить** (Ф.М. Достоевский).*

3.4.2. Низкая самооценка и ее отражение в актантной рамке глагола

Негативная «внутренняя» самооценка требует иного оформления объектной позиции («причины стыда»): **кто стыдится чего (за что) перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться чего-н. перед кем-н.; конфузиться (чего-н.) перед кем-н.:**

*А тут и та и другая не нарушаются: **совеститься перед обществом** нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч (Л.Н. Толстой. Крейцера соната).*

Совеститься перед уголовным законом или бояться его тоже нечего (Л.Н. Толстой. Крейцера соната, НКРЯ).

Позиция адресата может при этом не замещаться, но семантически она значима:

*...после рыданий, **стыдясь** красных глаз, я отыскивал такого старца... (В. Набоков).*

*Я подозревал, что поручик **стесняется** старушки-матери, ее старомодного пальто и ее беспомощности (К. Паустовский).*

При глаголах со значением '**моральной неудачи**' (срамиться / осрамиться, оскандалиться, ославиться, обесчеститься, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься (разг.), замараться, скомпрометировать себя, сесть в лужу перед кем) важную роль играет социальный статус лица-каузатора эмоций (командир, начальник, отец). Ср. примеры из НКРЯ:

*На всю жизнь у меня осталось яркое воспоминание о том, как я однажды **оскандалился перед отцом** во время чтения стихотворения Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (А.Л. Чижевский. Вся жизнь).*

*На одном занятии по физподготовке Перепелица так **оскандалился перед командиром роты**, что вспоминать стыдно (И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица).*

Значимой для ситуации «позора» может оказаться степень знакомства или гендерный фактор:

*Как бы не **осрамиться** ему **перед новым человеком!** (Л. Толстой, Анна Каренина).*

*И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своей красотой, парадной и **кокетливой дамой**, — как он **опозорился перед ней!** (Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь).*

Александрова в ужасе переводила затравленный взгляд с меня на Позднякова, который невозмутимо сидел у двери на табурете и внимательно рассматривал свои ботинки, будто больше всего на свете боялся сейчас опростоволоситься перед лаборанткой, представ перед ней в забрызганных башмаках, что было бы недопустимым разгильдяйством и недисциплинированностью (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха).

Все эти факторы далеко не всегда играют решающую роль. Можно сказать, что степень морального падения субъекта тем ниже, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем *опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая неизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо:

Я ее оконфужу!... перед публикой оконфужу! (А. Писемский, Тысяча душ).

И тот смоленский паренек, прокладывавший тридцать лет назад первую борозду в Казахской степи, делал это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец (Владимир Захаренков. Спешите к своей ветле // «Природа и человек», 1983).

При подчеркивании визуальной составляющей «морального падения» позиция адресата/зрителя *Перед кем* может заменяться позицией *На глазах у кого* или *На виду у всех*:

Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны (Анастас Микоян, Так было, НКРЯ).

Другая вариативная возможность для оформления данной позиции состоит в том, что при указании на конкретное место, где было много людей, может использоваться предложно-падежная форма *на + вин. падеж*: *на всю страну, на весь город* и т.п.:

Ее муж опозорился на весь Судан — украл экзаменационную тему, чтобы помочь дочери поступить в колледж (Ю.М. Нагибин, Дневник).

Мое самолюбие было жестоко уязвлено, я понимал: даже если следствие не поднимется, оскандалился на весь лестромхоз (С.М. Голицын, Записки уцелевшего).

Низкая оценка субъектом своих поступков может послужить причиной для **раскаяния**, при этом позиция лица, перед которым субъект чувствует свою вину (валентность адресата/аудитории), выражается при глаголах «раскаяния» (*каяться, виниться, повиниться*) также с помощью предложно-падежной группы **перед кем** (*кто кается в чем перед кем*). Значение данных глаголов предполагает, что, совершив плохой поступок и испытывая неприятное чувство из-за этого, субъект говорит лицу, которое пострадало от его действий, что он совершил плохой

поступок, причем; он говорит это, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за свои деяния (НСС-3: 146):

*А как хорошо после ссоры помириться, самой **перед ним повиниться*** (Ф.М. Достоевский, Записки из подполья).

*Во всем я **передо всеми повинилась*** (Н.С. Лесков, Некуда).

Действие, связанное с раскаянием, может быть в какой-то степени ритуализовано. «Оно предполагает определенные внешние формы выражения, например, покаянные слова, особую жестикуляцию и т.п. Кающийся человек, особенно испытывая бурные чувства или при большой аудитории, может бить себя в грудь, громко себя ругать, давать клятвы, обещать исправиться и т.п.» (НСС-3: 147):

*Он страшно **каялся**, падал на колени и рвал на себе волосы* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

*Баглюк, конечно, **покаялся**, бил себя в грудь, **извинялся*** (А. Маринина, НСС-3).

*Я маленький, я, бедный слепец, ныне прозревший, падаю на колени и **каюсь перед тобой*** (В. Набоков, Истребление тиранов).

Поскольку значение данных глаголов предполагает речевую реализацию раскаяния, то позиция адресата может оформляться и стандартным способом, то есть с помощью дательного падежа без предлога (*покаяться, повиниться кому*):

*Мне нужно **покаяться именно вам!** — Что я вам, поп? — Выше! Бог!* (Б. Штерн).

*Ревнив я, как собака. **Каюсь тебе**, как другу моему* (А.П. Чехов, Хитрец)

Если предполагаемый адресат «речевого раскаяния» — коллективный, то соответствующая актантная позиция оформляется только в виде **перед кем**:

*...И Бухарин поверил, оживился, охотно **каялся перед Пленумом**, тут же снял голодовку* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Ср. *Он охотно каялся Пленуму...

*И вот — я должен **покаяться перед человечеством**: эта злосчастная вилла была снята не только при моем участии, но даже по моему настоянию* (В. Ходасевич, Горький).

Ср. *Я должен покаяться человечеству...

Близкими по значению к глаголам «раскаяния» оказываются глаголы со значением ‘**признания**’ и ‘**оправдания**’: *признаваться, сознаваться, открываться, исповедоваться, оправдываться в чем перед кем* и др. При этом объектная позиция «содержания вины» далеко не всегда представлена в реальных высказываниях, что подтверждают примеры из НСС и НКРЯ:

*Еще бы, какая наглость! **Оправдываются! Перед пролетарским судом** можно только **признаваться, разоружаться и просить пощады*** (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

*Ну вот, теперь, когда я совершенно **открылся перед** моим предполагаемым, воображаемым **читателем**, можно и **продолжать*** (Ю. Даниэль, Говорит Москва).

*Ольга Яновна Стаклэ... **исповедовалась перед дядей Костей и тетей Мери*** (Л. Успенская).

*Объяснять этот случай нежеланием **признаться в своем бессилии перед властями** нельзя: Горький в ту пору даже любил рассказывать о таком бессилии* (В. Ходасевич, Горький).

*Я должен **перед вами сознаться*** (А. Вампилов, Прощание в июне).

Адресатом признания нередко становится сам субъект:

*Зачем она с таким упорством не желала **сознаться перед собою** в том, что с самого начала ей ясна была причина его приезда?* (В. Каверин).

*С папенькой твоим мне меньше пришлось возиться, и **открылся он** в конце концов, а ты **выкручиваешься перед сами собой!*** (Ю. Алешковский).

Таким образом, можно заключить, что негативная самооценка, представленная в значении глагола, так же, как и позитивная, требует для своей реализации «взгляда со стороны» — позиции адресата, которая может конкретизироваться как позиция Зрителя, Аудитории, Судьи.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что данный подход к изучению глаголов эмоционального отношения выявляет «оценочную ориентацию» языка. Изучение глагольной семантики в ее проекции на синтагматические свойства позволяет приблизиться к пониманию «сценария» развития и проявления эмоции, дает новый ракурс для раскрытия национально-специфического мировидения. «Эмоциональность» как компонент смыслового универсума русского языка проявляется в грамматической структуре языка, в частности, в том, что русские «эмоциональные» глаголы, обозначающие отрицательные эмоции по поводу прошлых событий, сближаются с ментальными глаголами, т.е. связываются с чувством через продолжительный мыслительный процесс, что находит отражение в синтагматике — в способе обозначения актантной позиции объекта при глаголе.

Было бы безусловной натяжкой и преувеличением считать, что во всех случаях поверхностного оформления актантных позиций проявляется национальный способ мировидения, отражаются те или иные культурные ценности, тем не менее, общеизвестен и тот факт, что коллективная личность проявляется в языке, прежде всего в системе идей и оценок. Оценка, как положительная, так и отрицательная, не может не влиять на грамматическую оформленность высказываний. Нетрудно заметить, что релевантной в указанном смысле может быть и «внешняя», и «внутренняя» оценка. «Внутренняя» оценка проявляется, в частности, в глаголах, выражающих отношение к собственным поступкам, качествам. Характерно то, что в актантную рамку таких глаголов включается позиции не только объекта оценки (самооценки), но и позиция для обозначения «аудитории», вернее, «зрителя», перед которым как бы разворачивается «представление». Очевидно, что человек может высоко оценивать свои собственные поступки, действия, качества. Но в этом случае ему бывает недостаточно собственной высокой оценки, требуются восхищенные (или завистливые) взгляды других людей, и тогда возникает потребность *хвалиться удачной сделкой перед соседями, хвастать своими доходами перед коллегами, кичиться своими победами перед знакомыми, бахвалиться богатством перед родственниками* и т.п. Разумеется, правила, которые могут быть сформулированы в этой сфере, не далеко не всегда имеют абсолютно жесткий характер, поскольку в лексическом значении слова взаимодействуют разные семантические признаки, выводящие на различные синтагматические модели. Однако данный

подход может предложить достаточно точные ориентиры выбора способа оформления актантных позиций при глаголах самооценки.

Продолжение исследования в выбранном направлении могло бы способствовать развитию «сравнительной аксиологии» и, в конечном счете, привести, по мысли В. Гумбольдта, к созданию всемирной истории мыслей и чувств человечества, в которой было бы отражено, как разум и мировосприятие народов земли находят способы для решения важных языковых задач.

© Л.И. Богданова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. [Apresyan Yu.D. (1967) *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* (Experimental study of the semantics of the Russian verb) Moscow: Nauka (In Russ)].
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Том 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995 [Apresyan, Yuriy D. (1995). *Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* (Integral description of the language and systemic lexicography). *Izbr. trudy v dvux t.t. Tom 2.* Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» (In Russ).].
- Апресян Ю.Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresyan, Yu.D. (2010) *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* (Theoretical problems of Russian syntax. Interaction of grammar and vocabulary) Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (In Russ)].
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. [Arutyunova, Nina D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka* (Language and world of man). Moscow: Yazyki russkoj kultury (In Russ)].
- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л. Языковое сознание: региональный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 232—250. [Balyasnikova, O.V., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A., Chulkina, N.L. (2018). *Language and Cognition: Regional Perspective. Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 232—250. (In Russ)].
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. / Перевод с польского. Составитель и отв. редактор С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. [Bartmin'skiy, E. (2005). *Yazykovoj obraz mira: ocherki po etnolingvistike* (Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics) / *Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i otv. redactor S.M. Tolstaya.* Moscow: Indrik. (In Russ)].
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 20. № 4. С. 729—748. [Bogdanova, L.I. (2017). *The Reflection of Estimations and Values in Russian Language Dictionaries. Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 729—748. (In Russ)].
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // *Логический анализ языка. Язык речевых действий* / Под ред. Арутюновой Н.Д. М.: Наука, 1994. С. 49—59. [Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1994). *Otsenochnyie rechevyie akty izvne i iznutri* (Speech acts from outside and from within). In N.D. Arutyunova (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevyh deystviy.* Moscow: Nauka, 49—59 (In Russ)].

- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М.: Прогресс, 1982. С. 237—262. [Wierzbicka, Anna (1982) Deskriptsiya ili tsitatsiya (Descriptiveness or citation). In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. XIII. М.: Progress, 237—262 (In Russ)].
- Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 303—341. [Wierzbicka, Anna (1985) The Case of the Surface Case. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, XV, 303—341. М.: Progress (In Russ)].
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. [Wierzbicka, Anna (1996). *Language. Culture. Cognition* / М.А. Krongauz. М.: Russkie slovari (In Russ)].
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. [Wierzbicka, Anna (1999). *Semantic universals and description of languages* / Pod red. T.V. Bulyginoi. М.: Yazyki russkoi kul'tury (In Russ)].
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2001. [Wierzbicka, Anna (2001). *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* (Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics). М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur (In Russ)].
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М., 2005. С. 467—499. [Wierzbicka, Anna. (2005). *Russkie kulturnyie skripty i ih otrazhenie v yazyke* (Russian cultural scripts and their reflection in the language) In Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelyov A.D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. М., 467—499. (In Russ)].
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250 [Vendler, Zeno (1985). *Illokutivnoe samoubiistvo* (Illocutionary suicide) *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Вып. 16. Moscow: Progress, 238—250 (In Russ)].
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. [Volkova, Yana A., Panchenko, Nadezhda N. (2018). *Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 175—194. (In Russ)].
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002 [Volf, E.M. (2002). *Funktionalnaya semantika otsenki*. (Functional evaluation semantics). М.: Editorial URSS (In Russ)].
- Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993 [Glovinskaya, M.Ya. (1993). *Semantika glagolov rechi s tochki zreniya rechevykh aktov* (Semantics of verbs of speech from the point of view of speech acts) In *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow (In Russ)].
- Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen: Sagner, 1992 [Zaliznyak, Anna A. (1992). *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* (*Studies on the semantics of inner state predicates*). Munchen: Sagner (In Russ)].
- Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М., 2005. С. 280—288. [Zalizniak, Anna A. (2005). *Zametki o slovah: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva*. In Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Kljuchevye idei russkoy jazykovoj kartiny mira*. Moscow, 280—288. (In Russ)].

- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов // *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М., 1996. С. 162—211. [Iordanskaya, L.N., Mel'chuk, I.A. (1996). K semantike russkikh prichinnykh predlogov (To the semantics of Russian causal prepositions). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 2. 162—211 (In Russ)].
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории — к практике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 7—10. [Ionova, Svetlana and Larina, Tatiana (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*, (1), 7—10. (In Russ)]
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. РАН, 1998 [Karaulov, Yuriy N. (1998). *Aktivnaya grammatika I assotsiativno-verbal'naya set'* (Active Grammar and Associative-Verbal Network). Moscow: Vinogradov Russian language Institute. (In Russ)].
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб: Петербургское востоковедение, 2004 [Kolesov, V.V. (2004). *Jazyk i mental'nost'*. (Language and mentality). SPb: Peterburgskoe vostokovedenie (In Russ)].
- Лангаккер Р.В. Модель, основанная на языковом употреблении // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1977. № 4. С. 160—174. [Langacker, Ronald W. (1977). A model based on language use. *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology* (4), 160—174. (In Russ)].
- Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 193—204. [Larina, Tatiana (2013). Communicative ethnostyle as a way of systematizing ethno-cultural features of behavior. *Cuadernos de Rusística Española*, (9), 193—204. (In Russ)]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 57—68. [Larina, Tatiana V., Ozjumenko, Vladimir I. (2016). Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*, (12), 57—68. (In Russ)].
- Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. [Miloslavsky, Igor G. (2015). *Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo jazyka* (Practical Grammar of the Russian Language). Moscow: Librokom. (In Russ)].
- Милославский И.Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 373—388. [Miloslavsky, Igor G. (2018). Russian Grammar for Reception and Production: Main Differences. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 373—388. (In Russ)]
- Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: СПбГУ, 1994. [Norman Boris Yu. (1994). *Grammatika govoryashchego* (Grammar of the speaker) SPb: SPbGU (In Russ)].
- Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта. Наука, 2013. [Norman, Boris Ju. (2013). *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka*. (Cognitive syntax of the Russian language). Moscow: Flinta. Nauka. (In Russ)].
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // В кн.: *Анна Вежбицкая «Язык. Культура. Познание*. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. С. 5—32. [Paducheva, E.V. (1996) Fenomen Anny Wierzbickoj (The phenomenon of Anna Wierzbicka) In *Anna Wierzbicka «Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Отв. ред. М.А. Krongauz. М.: Russkie slovari. 5—32 (In Russ)].
- Падучева Е.В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*. Сб. статей к 60-летию Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 142—149 [Paducheva, E.V., Zalizniak, Anna A. (1982). Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa (Semantic phenomena in statements from the first person). In: *Finitis duodecim lustris*. Sb. statei k 60-letiyu Yu.M. Lotmana. Tallinn, 142—149 (In Russ)].

- Талми Л. Отношение грамматики к познанию // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1999. № 1. С. 91—115. [Talmy, Leonard (1999). Otnoshenie grammatiki k poznaniyu (The ratio of grammar to cognition). *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology*, (1), 91—115 (In Russ)].
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Школа «Языки русской культуры». [Telija, V.N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspektu* (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects). M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ)].
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988 [Tesniere, Lucien (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* (The Basics of Structural Syntax). Moscow: Progress (In Russ)].
- Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж, 2001. С. 65—71. [Ufimtseva, N.V. (2001). Sopostavitel'noe issledovanie jazykovogo soznanija slavjan (Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs) In *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*. Voronezh. P. 65—71. (In Russ)].
- Филлмор Ч. Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495. [Fillmore, Charles J. (1981) Case about the case. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, issue X. Moscow: Progress. 369—495. (In Russ)].
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. [Shherba, Lev V. (1974). *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* (Language system and speech activity). L.: Nauka (In Russ)].
- Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.
- Evans, Vyvyan (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh University Press, 2006.
- Fillmore, Charles J. (1969). Types of lexical information. In *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht.
- Fillmore, Charles J., Atkins, B. (1992). Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors. In A. Lehrer, E. Kittay (eds.). *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum. 75—102.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520.
- Hall, Edward (1976). *Beyond Culture*. N.Y., Doubleday.
- Heringer, H.J. (1984) Neues von der Verbscene. In *Pragmatik in der Grammatik*. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 1983. Düsseldorf, 34—64.
- Hofstede, Gerard Hendrik (1984). *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*. Beverly Hills.
- Hofstede, Gerard Hendrik (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Jackendoff, Ray (2007). *Language, consciousness, culture: essays on mental structure*. N.Y.
- Kintsch, Walter (1977). *Memory and Cognition*. N.Y.: Wiley.
- Kluckhohn, Florence, Strodtbeck, Fred (1961). *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Lakoff, George (1986). Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago. 152—167.

- Langacker, Ronald Wayne (1991). *Concept, Image, and Symbol. The cognitive Basis of Grammar*. Berlin—N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald Wayne (2000). *Grammar and Conceptualization*. Berlin; N.Y., 2000.
- Lange, K.-P. (1985). *Language and Cognition*. Tübingen, 1985.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. In *International Review of Pragmatics, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres*, 195—215.
- Larina, Tatiana, Mustajoki, Arto, Protassova, Ekaterina (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London / New York: Routledge, 7—19.
- Larina, Tatiana, Ozyumenko, Vladimir and Kurteš, Svetlana (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 2017, 109—128.
- Minsky, Marvin (1975). Framework for Representing Knowledge. In: Patrik Henry Winston (ed.). *The Psychology of Computer Vision*. McGraw-Hill, New York.
- Schwarz-Friesel, Monika (2015). Language and Emotion. The cognitive linguistic perspective. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins, 157—173.
- Wierzbicka, Anna (1988). *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamin's.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna and Goddard, Cliff (2014). *Words and Meanings: Lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- Даль 1999 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. т. М.: Русский язык, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka*. V chetyryokh tomakh. Moscow: Russkij jazyk, 1999].
- Даль 2000 — Даль В.И. Пословицы русского народа (1853 г.). М.: Эксмо-Пресс, 2000 [Dal' 2000 — Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda (1853 g.)*. М.: Eksmo-Press, 2000].
- МАС: Словарь современного русского литературного языка в четырех томах. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1999 [MAS: *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v chetyrekh tomakh*. Т. 1—4. Moscow: Russkiy yazyk, 1999].
- НСС: Новый объяснительный словарь синонимов: концепции и типы информации. Проспект. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Русские словари», 1995. NSS: [Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov: kontseptsii i tipy informatsii. Prospekt. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Russkie slovari», 1995].
- НСС-1: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999 [NSS-1: *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Pervyi vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999].
- НСС-2: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. [NSS-2: *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Vtoroi vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Aprenyana. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000].

- НСС-3: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. [NSS-3: Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Tretii vypusk. Pod obshchim ruk. akad. Yu.D. Apresyana. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003].
- РСС: Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб: ИЛИ РАН, 1996. [RSS: Gorbachevich K.S. Russkii sinonimicheskii slovar'. SPb: ILI RAN, 1996].
- ССин: Словарь синонимов современного русского литературного языка. Отв. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1—2. М.: Астрель, АСТ, 2001 [SSin: Slovar' sinonimov sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Otv. red. A.P. Evgen'eva. T. 1—2. Moscow: Astrel', AST, 2001].
- ТИСРГ: Толковый идеографический словарь русских глаголов. Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: УрГУ, 1997. [TISRG: Tolkovyi ideograficheskii slovar' russkikh glagolov. Pod red. L.G. Babenko. Ekaterinburg: UrGU, 1997].
- ТКС: Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. [TKS: Mel'chuk I.A., Zholkovskii A.K. Tolkovo-kombinatornyi slovar' russkogo yazyka. Vena: Wiener Slawistischer Almanach, 1984].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru *NKRYa* — Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // www.ruscorpora.ru.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 августа 2018

Дата принятия к печати: 03 октября 2018

Article history:

Received: 01 August 2018

Revised: 07 September 2018

Accepted: 03 October 2018

Для цитирования:

Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 844—873. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873.

For citation:

Bogdanova, Liudmila (2018). Evaluative Senses in Russian Grammar (on the Basis of Verbs of Emotional Attitude). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 844—873. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-844-873.

Сведения об авторе:

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА БОГДАНОВА, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доктор филологических наук, профессор; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета. Серия: Лингвистика». *Сфера научных интересов*: грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий

Контактная информация: libogdanova1@mail.ru

Bionote:

LIUDMILA I. BOGDANOVA, Professor of the Department of Comparative Studies of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; Doctor of Philology, Professor.

Contact information: libogdanova1@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894

Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация

Л.А. Козлова

Алтайский государственный педагогический университет
656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Данная статья относится к области этнограмматики, основателем которой по праву является Анна Вежбицкая, впервые высказавшая мысль о том, что не только лексикон, но и грамматика языка принимает активное участие в детальной репрезентации тех концептов, которые имеют особую значимость для определенного лингвокультурного сообщества. Исходя из этого основная задача этнограмматики состоит в реконструкции специфики культуры на основе анализа грамматических явлений и выявлении способов кодирования культурно-специфического семантического содержания в грамматике языка. Анализ фактов грамматики в данном ракурсе позволяет выявить этнокультурные факторы, которые могли лежать в основании формирования некоторых грамматических категорий, а также объяснить изменения в грамматике языка, которые происходят сегодня. В задачи статьи входит анализ средств выражения залоговых значений в этнокультурном ракурсе и выявление факторов этнокультурного характера, которые влияют на их выбор в различных видах дискурса. Выбор категории залога в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, по мнению многих исследователей, она относится к числу наиболее культурно-чувствительных и отражает особенности менталитета нации, культурные ценности и специфику этностиля коммуникации. В статье показана эволюция взглядов на сущность категории залога в контексте меняющихся парадигм научного знания, изложена сущность залоговых отношений с позиции функционального и когнитивного-дискурсивного подходов и сделана попытка выявления этнокультурных факторов, которые обуславливают выбор категориальных и некатегориальных залоговых форм в разных видах дискурса. К числу таких факторов относится деятельностный характер англоязычной культуры, в котором человеку отводится роль деятеля, творца своей судьбы, что находит свое отражение в особой значимости концепта АГЕНТИВНОСТЬ и во многом определяет выбор залоговых форм. В числе факторов, обуславливающих необходимость и целесообразность использования пассивных конструкций, выделяются следующие: 1) намеренное желание не называть деятеля в соответствии с принципом вежливости; 2) попытка уйти от ответственности за свои действия; 3) стремление придать генерализованный смысл своему личному мнению, выдавая его за общепринятое. И хотя названные функции пассивного залога характерны не только для англоязычного дискурса, в них, как показано на конкретном фактическом материале статьи, также находят свое отражение культурные ценности и особенности англоязычного стиля коммуникации.

Ключевые слова: *этнограмматика, этнокультурный потенциал, английский язык, залог, функционально-семантическое поле, дискурсная вариативность*

The Ethnocultural Potential of Voice Forms and Its Discourse Actualization

Lyubov A. Kozlova

Altai State Pedagogical University
Molodyezhnaya street, 55, Barnaul, Russia, 656031

Abstract

The article belongs to the field of ethnogrammar, a branch of linguistics founded by Anna Wierzbicka, and the main goal of which is the reconstruction of cultural specificity on the basis of grammatical analysis. The analysis of grammar in the ethnocultural aspect enables us to reveal the ethnocultural factors which might have served as the backbone of certain grammatical categories or might explain the grammatical changes happening here and now. The aim of the article is the analysis of the category of voice in the ethnocultural aspect and elucidation of the ethnological factors which determine the choice of voice forms in various types of discourse. The choice of this category as the object of study is determined by the fact that it presents one of the most culture-sensitive categories and it reflects most fully the specificity of the nation's mentality, its cultural values as well as the specificity of communication ethnostyle. The author shows the evolution of views on the essence of the category of voice in the context of changing paradigms of scientific knowledge, presents the essence of voice relations viewed from the functional and cognitive-discursive points of view and attempts to elucidate the ethnocultural factors which determine the choice of both categorical and noncategorical voice forms in various types of discourse. One of these factors is the 'doing' type of Anglo culture, and especially American culture in which a human being is presented as an active agent, a creator of his/her destiny and it finds reflection in the language consciousness and in the language units, including the choice of voice forms. Among other important factors which determine the necessity and expediency of using the passive constructions the author points out the following: 1) a deliberate wish not to point out the agent of the action in accordance with the politeness principle; 2) an attempt to avoid responsibility for one's actions; 3) the intention to impart a generalizing meaning to one's own opinion by disguising it as a general rule. All this enables the author to make a conclusion about the significance of discourse culture for the realization of voice forms as well as about the discourse variability of voice functions.

Key words: *ethnogrammar, ethnocultural potential, the English language, voice, functional-semantic field, discourse variability*

1. ВВЕДЕНИЕ

Из истории развития лингвистики известно, что каждая новая парадигма вносит свои коррективы в изменение канона описания различных явлений языка. Интенсивное развитие когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых фактов ставит новые задачи перед исследованиями в области грамматики. Основная задача грамматических исследований заключается сегодня не в систематизации различных грамматических явлений (тем более, что это уже успешно сделано в рамках системоцентрической парадигмы), а, во-первых, в выявлении тех ментальных структур и тех когнитивных механизмов, которые лежат в их основе, и, во-вторых, в изучении грамматических единиц и категорий в процессе их функционирования в различных видах дискурса.

Указывая на изменение канона грамматических исследований, В.А. Гуреев подчеркивает, что современные грамматики становятся все более и более дискурсивно-ориентированными (Гуреев 2009: 232).

Как отмечает С.Б. Уланова, в грамматике дискурса проводится изучение грамматических явлений в различных типах контекстов, что позволяет исследовать грамматические явления в их взаимодействии со стилистическими приемами, позволяющими оценить роль грамматики в создании и понимании художественных миров (Уланова 2017: 833).

Одним из таких важнейших контекстов, влияющих на становление грамматических категорий и выбор грамматических форм, несомненно, является контекст культуры. Как отмечал В.А. Виноградов, когниция человека всегда культурно обусловлена, и когнитивной основой классификации является этнокультурная категоризация мира (Виноградов 2000: 420). Поэтому многие вопросы грамматической теории не могут получить адекватного объяснения без обращения к фактам, связанным со спецификой мировосприятия, особенностями менталитета, национального характера, культурных ценностей и социального строя того или иного лингвокультурного сообщества. Мысль о том, что различия в грамматическом строении языков являются результатом различий мировосприятия, характера нации, была впервые высказана в трудах В. фон Гумбольдта, который писал: «В соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер. <...> Образ мысли и мироощущение народа, придающие <...> окраску и характер его языку, с самого начала действуют на этот последний» (Гумбольдт 2000: 162—163).

Однако наиболее последовательное развитие эти идеи получили только в конце XX века в работах А. Вежбицкой (Wierzbicka 1988; 1992; 2006 и др.), которые заложили основу для создания нового направления грамматики, получившего название этнограмматики.

Оценивая вклад А. Вежбицкой в мировую лингвистику, А. Гладкова и Т. Ларина подчеркивают, что, выдвинув смысл в качестве важнейшего объекта лингвистического анализа, А. Вежбицкая разработала собственный подход к изучению смысла — естественный семантический метаязык (ЕСМ), который успешно применяется для изучения различных языков (Gladkova, Larina 2018: 509).

Используя данный метод, Вежбицкая показала возможность его применения при изучении вопросов манифестации культуры как в лексике, так и в грамматике языка. Как отмечает Н.Ф. Энфилд (Enfield 2004) в предисловии к коллективной монографии “Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture”, “*Grammar is thick with cultural meaning. Encoded in the semantics of grammar we find cultural values and ideas, we find clues about the social structures which speakers maintain, both historically relevant and otherwise, of social organization of speech communities*” (Enfield 2004: 1). (Грамматика изобилует культурными значениями. В семантике грамматики мы обнаруживаем закодированные в ней культурные ценности и идеи, сведения о поддерживаемых говорящими социальных структурах, которые имеют историческое и иное значение, о социальной организации сообществ, говорящих на том или ином языке (здесь и далее перевод мой — Л.К.). Эту же мысль высказывает К. Годдард, отмечая тот факт, что, находясь на пересечении грамматики, семантики и культуры, этносинтаксис интегрирует данные этих наук и занимается

изучением того, как синтаксические структуры предложения кодируют культурно-специфическое семантическое содержание (Goddard 2004: 52—53).

Если понимать культуру, вслед за Э. Сепиром, как то, «что данное общество делает и думает», а язык — как «то, как думает» (Сепир 1993: 193), то следует признать, что именно в грамматическом строе языка в первую очередь отражается то, *как* думает то или иное языковое сообщество, *как* оформляется мысль в том или ином языке. Несмотря на очевидность данного утверждения, количество исследований, посвященных изучению этнокультурного потенциала грамматики, все еще сравнительно невелико. Р. Лэнекер отмечает, что если лексикон языка безоговорочно признается хранилищем культурной информации, то тот факт, что подобная информация может получать выражение в грамматике языка, не имеет еще такого однозначного признания (Langacker 1997: 241). По мнению Т.М. Николаевой, полное описание картины мира, стоящей за системой грамматических категорий того или иного языка, еще не сделано ни для одного языка (Николаева 2000: 435).

Язык, рассматриваемый в когнитивном ракурсе, метафорически определяется как окно в сознание, и задача когнитивной лингвистики состоит в реконструкции работы сознания на основе анализа языковых фактов. Используя данную метафору, можно считать, что задача этнограмматики как части общей теории этнолингвистики состоит в реконструкции специфики национальной ментальности на основе анализа грамматических явлений. Лингвистам хорошо известно утверждение Э. Сепира о том, что каждый язык имеет свой особый «покрой» (*a certain cut*) (Sapir 1949: 120).

Анализ фактов грамматики в этнокультурном ракурсе позволяет выявить причины этнокультурного характера, которые могли лежать в основании этого «покроя», служить стимулом для формирования некоторых грамматических категорий, становления тех или иных синтаксических структур, а также для объяснения некоторых изменений в грамматике языка, которые происходят сегодня. С другой стороны, исследователь, работающий в этой области, может также идти в направлении от определенных концептов к поискам средств их репрезентации в грамматике языка и специфики в выборе этих средств, обусловленной факторами этнокультурного характера.

За последние годы появилось значительное число работ, в которых рассматриваются отдельные вопросы, связанные с этнокультурной спецификой различных грамматических явлений (Гак 2000; Джиеова 1995; Карасик 2002; Озюменко 2015; Dirren, Verspoor 1998; Palmer 1996 и др.). Вместе с тем следует признать, что вопросы, связанные с этнокультурной специфичностью грамматического строя языка, требуют дальнейшего изучения и систематизации, что подчеркивает актуальность данной проблематики и необходимость работы в этом направлении грамматических исследований. Как подчеркивает А. Вежбицкая, *“It is a commonplace to say that every language embodies in its very structure a certain worldview, a certain philosophy. To prove it in a rigorous and verifiable way, however, is quite a different matter”* (Wierzbicka 1988: 169). (Утверждение, что каждый язык

воплощает в своей структуре определенное мировидение и определенную философию, стало уже привычным, но представить точные и убедительные доказательства этого — совершенно иное дело.)

Наиболее убедительным подтверждением данного тезиса может быть только обращение к эмпирии языка, к конкретным языковым фактам сквозь призму этнограмматики. Соответственно, анализ категории залога в настоящей работе проводится с целью выявления факторов этнокультурного характера, которые влияют на выбор средств выражения залоговых различий в англоязычном дискурсе. По мнению многих исследователей, категория залога, в основе которой лежат отношения между действием и его участниками, относится к числу наиболее культурно-чувствительных (*culture-sensitive*), что и обусловило наш выбор данной категории для рассмотрения этнокультурного потенциала грамматического строя языка. Так, характеризуя специфику категории залога, Т. Гивон отмечает, что залог относится к числу наиболее сложных категорий, поскольку он характеризуется широким семантическим и прагматическим диапазоном (Givon 1995: 71—72). Понимание того, что именно в прагматике, выражающей отношения между языковым знаком и его пользователем, находит свое отражение специфика этнокультурного сознания говорящих, позволяет рассматривать категорию залога как одну из наиболее культурно-чувствительных.

При рассмотрении сущности залоговых отношений мы исходим из ее трактовки с позиции функциональной грамматики (Бондарко 1972; Мустайоки 2006; Givon 1995, Halliday 1994 и др.), в рамках которой категория залога описывается как функционально-семантическая категория, построенная по полевому принципу и объединяющая все способы передачи залоговых отношений, включая грамматические, т.е. категориальные, и некатегориальные (синтаксические, лексические, словообразовательные) формы выражения залоговых значений. Более подробно мы остановимся на этом в следующем разделе статьи.

Материалом для анализа послужил корпус примеров, отобранных методом целенаправленной выборки из текстов британских, американских и канадских авторов, представляющих различные виды дискурса: научный, политический и художественный. Основанием для использования различных вариантов английского языка в материале исследования послужило понятие '*Anglo English*' как часть более широкого понятия '*Anglo culture*', под которыми, вслед за А. Вежбицкой, мы понимаем английский язык, на котором говорят в тех странах, где он является основным, и единое англосаксонское культурное наследие, на основе которого развивались национальные культуры англоговорящих стран (Wierzbicka 2006: 5—7).

2. МЕСТО КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ЕЕ СУЩНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩИХСЯ ПАРАДИГМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Категория залога, в основании которой лежат отношения между действием, его агенсом и объектом действия, относится к числу наиболее ранних языковых категорий и имеет статус языковой универсалии, поскольку лежащие в ее основе

отношения имеют большое значение в жизнедеятельности человека и характере взаимоотношений человека с окружающим миром, что имеет большое значение для всех культур. Залоговые отношения находят свое выражение в той или иной форме, грамматической или неграмматической, во всех языках мира (Плунгян 2003: 191—224; Холодович 1979). На значимость залоговых отношений в языке и их важное место в языковой картине мира указывает и тот факт, что как в русском, так и в английском языках залоговые значения имеют множественные способы языковой репрезентации и включают не только морфологические, но и лексические и словообразовательные средства, вся совокупность которых образует функционально-семантическое поле залоговости (Бондарко 1972; Медведева 1983).

На важное место категории залога в теоретическом осмыслении языка указывает и тот факт, что она занимает одно из центральных мест в грамматических исследованиях, выполненных в контексте различных исследовательских парадигм, при этом каждая парадигма высвечивает тот или иной аспект залоговых отношений. В рамках традиционной грамматики залог рассматривался, прежде всего, как морфологическая категория, но при этом исследователи указывали на тот факт, что залоговые отношения носят морфолого-синтаксический характер, так как изменение грамматической формы глагола влечет за собой изменение всей структуры предложения, ср. *Он написал свою первую картину в 6 лет — Его первая картина была написана им в 6 лет. He painted his first picture at the age of 6. His first picture was painted by him at the age of six.*

В семантическом синтаксисе залог определяется в терминах диатезы, т.е. как морфологически маркированные отношения между семантикой и синтаксисом предложения: форма активного залога маркирует параллелизм между семантической и синтаксической функциями подлежащего, а форма пассивного залога — отсутствие такого параллелизма (Холодович 1979: 284). Я.Г. Тестелец определяет залог как диатезу, грамматически выраженную в глаголе (Тестелец 2001: 411).

В функциональной грамматике, в основе которой лежит тезис об объяснении языковой формы прежде всего ее функциями, залог рассматривается как одна из наиболее комплексных категорий, охватывающая целый спектр функциональных и дискурсивно-прагматических вопросов, которые взаимодействуют между собой, и граница между которыми нередко оказывается довольно диффузной (Givon 1995: 3—4). Важным в данной точке зрения является, на наш взгляд, тезис о значимости дискурсивно-прагматических факторов, оказывающих влияние на выбор залоговой формы.

Основным постулатом функциональной грамматики, в основе которого лежит ономаσιологический подход, является постулат о существовании в языке множественных средств языковой репрезентации одного и того же мыслительного содержания. Совокупность этих средств образует функционально-семантическую категорию, устроенную по полювому принципу: в ее центре находится соответствующая грамматическая категория, которая является прототипическим средством передачи данного содержания, а на периферии, на разном расстоянии от центра, в зависимости от «чистоты» передаваемого смысла и частотности употребления,

находятся лексические, синтаксические и словообразовательные средства передачи данного смыслового содержания, или данной функции (Бондарко 2002: 289—359; Мустайоки 2006: 18—148). Как подчеркивает А.В. Бондарко, грамматика, построенная по полевому принципу, позволяет интегрировать те языковые средства, которые не удавалось интегрировать в традиционной грамматике, в рамках которой классификация языковых единиц осуществляется по принципу их принадлежности к определенному языковому уровню (Бондарко 2002: 290).

Взгляды, довольно близкие этим, содержатся в основе теории оптимальности, разрабатываемой американскими исследователями в рамках генеративного подхода (Prince, Smolensky 1993). В центре данной теории также находятся проблемы поиска оптимальных средств передачи содержания. Анализ различных средств выражения залоговых отношений с позиций теории оптимальности позволяет ранжировать их по степени оптимальности представления активной/пассивной перспективы высказывания (Legendre, Raymond, Smolensky 1993). Несмотря на различия в терминологии, между данными подходами имеется много общего в концептуальном плане.

Рассматриваемая с позиций функциональной грамматики, вся совокупность языковых средств выражения залоговых различий может быть представлена как функционально-семантическое поле, в центре которого находится грамматическая категория залога глагола как прототипический способ выражения залоговых отношений, а периферия представлена комплексом непрототипических разноразноуровневых (словообразовательных, лексических и синтаксических) средств, объединенных общим значением залоговости (Бондарко 1972). Данное поле может быть также представлено в виде двух микрополей активности и пассивности, отражающих сущность семантико-синтаксической оппозиции «актив::пассив». Так, в английском языке значение залоговости, помимо грамматических, или категориальных форм залога, может регулярно выражаться некатегориальными средствами — единицами других частей речи: существительными (*an employer — an employee*), прилагательными (*unreadable, unputdownable*), модальными словами с пассивным значением (*allegedly, presumably*), глагольными и именными лексемами со значением активности/пассивности (*to suffer a defeat, to undergo a test, a war victim, an object of attention*). Например:

- (1) *In business you were sometimes the pusher and sometimes **the pushee*** (I. Shaw. Evening in Bysantium) (В бизнесе иногда ты выгалкивал других, а иногда другие **выгалкивали тебя**).
- (2) *I'll arrange it, if it is **arrangeable*** (H. Wouk. The Winds of the War). (*Я организую это, если это **можно организовать***).

Значение пассивности в предложениях (1), (2) подтверждается возможностью замены существительного и прилагательного прототипическим средством передачи залоговых отношений — глаголом в форме пассивного залога: *In business you sometimes **pushed** (others) and sometimes **were pushed**. I'll arrange it, if it **can be arranged**.*

Совокупность всех способов выражения залоговых отношений в английском языке образует широкое функционально-семантическое поле залоговости, в котором

неграмматические средства передачи залоговых отношений занимают значительное место. Так, по данным Л.М. Медведевой, они составляют 30% от общего числа всех средств выражения залоговости в английском языке (Медведева 1983: 23). По данным нашего корпуса примеров в количестве 2000 единиц, прототипические средства, т.е. формы пассивного залога личных и неличных форм в микрополе пассивности составляют 68%, глагольные формы активного залога, выражающие пассивное значение в результате нейтрализации оппозиции «актив—пассив» — 7%, прилагательные с суффиксом *able/ible* — 14%, наречия типа *allegedly, supposedly* — 7%, глагольные и именные лексемы с пассивным значением — 4%.

Таким образом, с учетом сказанного, в нашей работе принимается функциональный подход к сущности категории залога, которая понимается нами как функционально-семантическая категория, включающая как прототипическое средство выражения залоговости — грамматическую форму залога глагола, так и единицы других уровней: словообразовательные, лексические и синтаксические, передающие значение залоговости. Еще одним аргументом в пользу такой трактовки залоговости служит тот факт, что подобное объединение этих средств в составе единого функционально-семантического поля максимально точно отражает способ их организации в языковом сознании, где они группируются не по уровневому принципу, как в языковой системе, а по общности смысла, т.е. вокруг концептов. Этот факт, по сути, сближает функциональный и когнитивный подходы к анализу залоговых отношений.

Значительный вклад в выявление сущности залоговых различий внесли работы, выполненные с позиции когнитивной грамматики, рассматривающей грамматические явления в связи с ментальной деятельностью человека. Как отмечает В.А. Плуныян, «выбор одной граммы залога вместо другой отражает не столько изменения реального мира..., сколько изменения в отношении того, как говорящий *хочет представить* соответствующую ситуацию и ее участников» (Плуныян 2003: 194).

О.К. Ирисханова рассматривает залоговые преобразования как результат когнитивных операций фокусирования/дефокусирования. Дефокусирование определяется автором как когнитивная операция, или «мыслительный процесс, направленный на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» (Ирисханова 2007: 72), в данном случае речь идет о выведении из фокуса внимания агенса действия, что может быть продиктовано определенными прагматическими факторами, о чем подробнее пойдет речь далее. К этой точке зрения близка трактовка сущности пассивного залога как процедуры, направленной на «подавление» (*demotion*) подлежащего, т.е. на превращение подлежащего из обязательного актанта в факультативный (Grimshaw 1990: 109—118). Эту же мысль образно формулирует С. Пинкер, говоря о том, что варьирование залоговых форм позволяет автору направлять взгляд читателя от агенса к объекту, подобно тому, как это делает кинооператор, меняя фокус своей камеры (Pinker 2015: 55)

Рассматриваемые в когнитивно-дискурсивном ракурсе, залоговые формы трактуются как особый формат знания, отражающий разные способы языковой

репрезентации одной и той же пропозициональной структуры, или образ-схемы ситуации действительности, которые являются результатом фокусирования/дефокусирования внимания говорящего/слушающего на субъект или объект действия, что обусловлено комплексом факторов структурного, семантического и прагматического характера.

При анализе категории залога в этнокультурном ракурсе в фокусе внимания исследователя находятся вопросы этносоциокультурного характера, особенности национального характера и культурные ценности, которые оказывают влияние на выбор залоговых форм.

Следует отметить, что точки зрения исследователей и преподавателей при этом могут быть кардинально противоположными. Так, во многих американских пособиях для начинающих писателей и редакторов, в лекционных и практических курсах по обучению письменной речи авторы настоятельно рекомендуют употреблять преимущественно формы активного залога и избегать пассивных конструкций. Из опыта профессионального общения с американскими коллегами я знаю, что в некоторых колледжах преподаватели нередко вычеркивают формы пассивного залога из эссе студентов, предлагая заменить их формами активного залога.

В многочисленных пособиях по обучению письменной речи пассивные конструкции нередко наделяются такими негативными характеристиками, как *'hazy, distant, watery and evasive'* (туманные, слабые, бесцветные и уклончивые), и, напротив, формы активного залога характеризуются как *'more effective, adding a feeling of liveliness and vigor to the sentence'* (более эффективные, добавляющие предложению живость и энергию) (Цит. по: Baron 1989: 19—20). Как считает В. Зинссер, *"the difference between an active verb style and a passive verb style — in pace, clarity and vigor— is the difference between life and death for a writer"* (разница между стилями с глаголом в активном и пассивном залоге — это разница между жизнью и смертью для писателя) (Цит. по: Baron 1989: 20).

Можно предположить, что в этом предпочтении форм активного залога находит свое отражение динамический, деятельностный тип англоязычной, прежде всего американской культуры, в которой, в отличие от русской, человеку отводится роль деятеля, творца своей судьбы (см., например, [Larina, Mustajoki, Protassova 2017; Visson 2013, Wierzbicka 1997] и др.). Это не может не находить своего выражения в языковом сознании и в языке, в том числе в выборе залоговых форм.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в английском языке число существительных с суффиксом *-er*, обозначающих агенса/деятеля, значительно превышает число существительных с суффиксом *-ee*, называющих объект воздействия, и число лексических оппозиций типа *an examiner:: an examinee; an interviewer:: an interviewee* невелико. Конечно, ограниченное число существительных с суффиксом *-ee* в английском языке частично обусловлено и его франкофонным происхождением, но это отнюдь не умаляет значимости этнокультурного фактора, в данном случае деятельностного типа культуры, что, наряду с другими свидетельствами, находит подтверждение и в высокой продуктивности суффикса *-er* в английском языке.

Следствием доминирования принципа агентивности в языковом сознании носителей английского языка является и тот факт, что свойством агентивности в англоязычном дискурсе наделяются не только одушевленные, но и неодушевленные сущности. Это находит свое синтаксическое выражение в том, что позицию подлежащего в английском предложении часто занимают существительные, обозначающие явления природы, транспортные средства, болезни, времени суток, части тела. Например:

- (3) *A taxi brought him there* (F. Forsyth). (*Они приехали туда на такси.*)
- (4) *The tickets got us inside the door. No farther* (E. Bombeck). (*Предъявив билеты, мы смогли только войти. Но не продвинуться дальше.*)
- (5) *His look traveled over the room* (J. Galsworthy). (*Он обвел взглядом комнату.*)

Синтаксическая позиция подлежащего, прототипической функцией которого является функция агенса, придает таким существительным агентивный характер. Данное явление получило название анимизма (*animacy*), т.е. одушевления неодушевленного, а частотность его употребления, как отмечает Т. Гивон, обусловлена спецификой культуры и мировосприятия этноса (Givon 1984: 106—107). Перевод подобных предложений на русский язык обычно требует изменения синтаксической структуры предложения и употребления в функции подлежащего агенса действия.

Вместе с тем следует признать, что приводимая выше трактовка преимуществ активного залога по сравнению с пассивным представляется нам несколько упрощенной и утилитарной. Гораздо более убедительным кажется мнение тех исследователей, которые полагают, что запрет на употребление форм пассивного залога лишает авторов свободы выражения мысли. Так, например, Д. Бэрн считает, что “*The Passive voice can be your friend*” (*Пассивный залог может стать Вам другом*), подчеркивая тем самым, что формы пассивного залога становятся абсолютно необходимыми в определенных условиях дискурса (Baron 1989: 17).

Значимость этнокультурного фактора в выборе и частотности употребления залоговых форм становится особенно очевидной при сопоставлении функционирования залоговых форм в английском и русском языках. Так, в русском и южнославянских языках широко распространена конструкция «дательный падеж с рефлексивом» типа:

- (6) *В Тетерках мне хорошо писалось* (Г. Горбовский).
- (7) *Что-то мне никак не умирается* (Л. Дуров).
- (8) «Чего же ты побежал?» — возмутился Кузнечик. «Не знаю», радостно признался Горбач. «Как-то **побежалось**» (М. Петросян).

Подобные конструкции, определяемые как модально-деагентивные (Князев 2007: 298), используются для описания физического или психического состояния человека и передают, передавая при этом дополнительные модальные значения неожиданности, удачи, случайности, неполной контролируемости описываемого действия.

Указание на лицо, испытывающее данное состояние или выполняющее действие, в таких предложениях присутствует, но его грамматическое выражение

формой дательного падежа лишает его статуса агенса, т.е. активного участника действия. Определяя безличность/неагентивность как специфическую черту синтаксиса русского языка, Н.Д. Арутюнова особо подчеркивает тот факт, что в данной категории проявляется концептуальная (когнитивная), т.е. отражающая особенности мировосприятия специфика русского языка (Арутюнова 1998: 794). Этнокогнитивная сущность данной конструкции состоит в том, что для русского этнического сознания естественно полагать, что, хотя любое действие имеет своего субъекта, не всякий субъект при этом активен, а потому действие может проходить помимо или вопреки воле и желания субъекта.

Как отмечает Е.А. Режабек, подобные представления восходят к архетипу человеческого сознания (Режабек 2006: 38—39). Представление о вмешательстве внешних сил сохранилось в русском языке при описании рефлексии личности над своим психическим или физическим состоянием.

Примечательно, что подобные конструкции типа *me thinks* имели место в английском языке, но были постепенно вытеснены активными конструкциями, и в современном языке они представлены ограниченным числом случаев типа *it occurred to me, it appeals to me*.

Как показывает наблюдение над функционированием залоговых конструкций в различных типах дискурса, их выбор обусловлен значительным числом факторов, в том числе особенностями построения дискурса в разных языках, а также типом дискурса и его прагматическими функциями. Так, характерной структурной особенностью развертывания дискурса в английском языке является сохранение одного и того же подлежащего в рамках одного предложения и или последовательности предложений (*subjecthood rule*). В тех случаях, когда в ходе развертывания дискурса семантическая роль подлежащего меняется от агенса к объекту действия, это неминуемо приводит к необходимости изменения залоговой формы. Например:

- (9) *He came up to the door and was **nodded through** with a smile* (S. Faulks. A Week in December). (Он подошел к двери, и его пригласили войти кивком головы и улыбкой.)

Тип дискурса и его основные функции также оказывают решающее влияние на выбор залоговых форм, о чем пойдет речь в следующем разделе статьи.

3. ДИСКУРСНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ И ИХ ФУНКЦИЙ

Современные грамматические исследования становятся все больше и больше дискурсно-ориентированными. Функции залоговых форм в различных типах англоязычного дискурса достаточно подробно представлены в целом ряде работ (Givon 1995: 45, 71—107; Berk 1999: 119—121; Biber, Johansson, Leech, Conrad, Finegan 1999: 935—943 и др.), при этом в фокусе внимания авторов находятся прежде всего дискурсивные факторы, такие, как топикализация, которые определяют выбор залоговых форм. Рассматривая дискурсивную вариативность залоговых форм, мы попытаемся выявить этнокультурные факторы, которые находят свое отражение в их выборе.

Как показывают специальные исследования, наибольшей частотностью употребления пассивных конструкций характеризуется научный дискурс. Так, по данным авторов *Longman Grammar of Spoken and Written English*, в научном дискурсе формы пассивного залога составляют 25% от общего количества глагольных форм, а в устной речи — 2% (Biber, Johansson, Leech, Conrad, Finegan 1999: 476). Это объясняется тем, что основной функцией научного дискурса является информативная, и потому в фокусе внимания чаще всего находится не агенс, а объект исследования, что и обуславливает более высокую частотность употребления пассивных, как правило, безагенсных конструкций, по сравнению с другими видами дискурса. Например:

- (10) *The use of 'they' in such sentences is frowned upon in formal English* (D. Bolinger. *Language — the Loaded Weapon*). (*Употребление местоимения they в подобных предложениях встречает неодобрение в официальном английском.*)

В тех случаях, когда возникает необходимость указания на агенса действия, он вводится в конце предложения, что повышает его салиентность. Например:

- (11) *Another such construction is one in which is followed by a prepositional phrase* (W. Chafe. *Discourse, Consciousness, and Time*). (*Еще одной конструкцией такого типа является конструкция, в которой за глаголом следует предложная фраза.*)

В англоязычном научном дискурсе широко используются также некатегориальные средства выражения пассивной перспективы. К их числу относятся, прежде всего, прилагательные с суффиксом *-able/-ible*, обладающим высокой продуктивностью, что находит свое выражение в том, что данный суффикс используется для создания новых производных, например, *transferable*, *transmittable*, *inferable*. Данные прилагательные настолько близки по своей семантике к морфологическому пассиву, что могут, подобно ему, сочетаться с предлогом *by*, вводящим агенса действия. Например:

- (12) *PIE, for example, was interpretable by Time Readers as 'throw a pie in the face of' only because it appeared in a story about a pie-throwing* (E. Clark & H. Clark. *When Nouns Surface as Verbs*). (*PIE был интерпретирован читателями TIME как 'бросаться пирогами в лицо' только потому, что он встретился в рассказе о бросании пирогами.*)

Близость данных прилагательных к морфологическому пассиву дает основания Д. Болинджеру рассматривать их как «любопытную форму имплицитного пассива» (*curious implicit passive*) (Bolinger 1980: 87).

Высокая продуктивность и частотность употребления данного подкласса прилагательных обусловлена их компактностью в сочетании с большой семантической емкостью. Именуя качество, которое обеспечивает потенциальную возможность выполнения действия по отношению к предмету или лицу (1) *acceptable* — *good enough to be used for a particular purpose or to be considered satisfactory*; 2) *recognizable* — *able to be recognized or identified from previous knowledge*; 3) *distinguishable* — *clear enough to be recognized or identified as different*; 4) *understandable* — *able to be understood*), эти прилагательные представляют собой гибридные, семантически емкие образования, совмещающие в себе

категориальные значения качества, залоговости и деонтической модальности, и потому максимально отвечающие требованиям компактности, точности и краткости, которые являются основными критериями хорошего стиля в британской культуре (Wierzbicka 2006: 26). Именно эти качества данного подкласса прилагательных обеспечивают их высокую продуктивность и частотность употребления во всех типах дискурса, и особенно в научном.

Несмотря на то, что достаточно высокая частотность употребления безагенсных пассивных конструкций характерна как для русскоязычного, так и для англоязычного научного дискурса, следует отметить, что в англоязычном научном дискурсе гораздо чаще, чем в русском, находит свое проявление такая черта английского языка, как *'me-first-orientation-principle' (MFOP)* (Cooper, Ross 1975), что связано с индивидуалистским типом англоязычной культуры. Так, излагая собственную точку зрения, англоязычный автор обычно начинает предложение с фразы *I suppose (think, presume)*, в то время как для русскоязычного научного стиля в подобных случаях более характерно употребление местоимения множественного числа *мы*, а также форм страдательного залога *думается, что; представляется более корректным* и т.д. (См., например, [Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017]). Как отмечает Анна Вежбицкая (Wierzbicka 2006), широкое употребление эпистемических фраз в целом является одной из характерных черт современного английского языка (Wierzbicka 2006: 2014).

Безагенсные пассивные конструкции (а их число составляет около 85% всех пассивных конструкций) (Berk 1999: 12) широко используются не только в научном, но и в других видах дискурса, прежде всего в бытовом и художественном, что также нередко обусловлено факторами этносоциокультурного характера.

Прямое указание на агенса действия представляется говорящему нежелательным с учетом социокультурных норм поведения, принятых в обществе, в частности, фактора вежливости. Отмечая данный факт, И. А. Зимняя высказывает мысль о том, что высокая частотность употребления безагенсного пассива может быть связана с определенными нормами викторианской эпохи, предписывающими сдержанность суждений, отстраненность, неявную эксплицитированность мысли. Безагенсный пассив представляет собой способ уклонения от прямого наименования субъекта действия, продиктованный особенностями этносоциокультурных норм поведения в обществе (Зимняя 1993: 56). Именно в таких случаях используется пассивная конструкция без указания на субъект действия, который умалчивается либо из необходимости следовать правилам вежливости, которая является основным регулятором коммуникативного поведения, предопределяющим стиль коммуникации (Larina 2015; Leech, Larina 2014), либо в целях уклонения от ответственности за действия, о которых идет речь. При этом могут использоваться как морфологические, так и неморфологические средства передачи пассивного значения. Приведем примеры.

- (13) *“Why am I born who I am? Why am I not born Miss Freeman?” — “That question were better not asked”* (J. Fowles. The French Lieutenant’s Woman). (Почему я родилась тем, кто я есть? Почему я не родилась Мисс Фримен? — Этот вопрос лучше не задавать.)

- (14) *Con wanted some changes; if I agreed, the film would be doable* (A. Miller. *Timebends*). (Кон хотел внести кое-какие изменения, и, в случае моего согласия, фильм можно будет делать.)
- (15) *'Well, may we see Bruno?' 'Bruno isn't very seeable today'* (I. Murdoch. *Bruno's Dream*). (Можно нам сегодня повидать Бруно? Бруно не в том состоянии, чтобы с кем-то повидаться.)

В примере (13), используя морфологическую форму пассива, говорящий намеренно фокусирует внимание на вопросе, а не на лице, которое задает вопрос, из соображений вежливости. В примере (14), который представляет собой фрагмент разговора между сценаристом и продюсером, продюсер намеренно фокусирует внимание на фильме, а не на собственной личности, тем самым снимая с себя ответственность за его производство. В примере (15) говорящий, следуя правилам вежливости, смягчает свой отказ, переводя фокус внимания от себя к объекту действия, представляя его как каузатора отказа.

Подчеркнем, что, как показывает анализ фактического материала, в выборе залоговых форм большую роль играют не только этнокультурные, но и социокультурные факторы. Этническое и социальное постоянно взаимодействуют в культуре и языке (Копыленко 1997). Нам представляется убедительной точка зрения тех исследователей, которые считают, что в грамматике находят отражение как этноспецифические, так и социоспецифические факторы: условия жизни и воспитания, характер и условия трудовой деятельности и даже формы политического устройства общества (Зубкова 1998: 207—208). Достаточно вспомнить мнение М.М. Бахтина, считавшего, что стиль — это не только человек, но и режим, а грамматике принадлежит важная роль в формировании стиля.

Безагенсные пассивные конструкции широко используются в политическом дискурсе в качестве эффективного приема ухода или снятия с себя ответственности, как, например, в следующем прецедентном высказывании, приписываемому и Р. Никсону, и Р. Рейгану:

- (16) *Mistakes were made*. (Были допущены ошибки.)

Приведем еще один пример. Отвечая на запрос члена комиссии по вопросам 11 сентября 2001 года о том, что было сделано администрацией Буша по координации действий ФБР и ЦРУ, К. Райс, государственный секретарь администрации Буша, сказала:

- (17) *We were in office for 233 days. And the kind of structural changes that had been intended by this country for some time **did not get done** in that period of time* (www.post-gazette.com). (Мы были членами администрации 233 дня. И за это время те структурные изменения, которые должны были быть сделаны в этой стране, не были сделаны.)

Использование пассивной конструкции обусловлено прагматическим принципом снятия ответственности: деятель намеренно не назван, поскольку К. Райс не желает эксплицировать свою причастность к этому факту.

Безагенсные пассивные конструкции обладают свойством придавать высказыванию генерализованный характер, как в примере (18):

- (18) *Hungry people **are easily led*** (K. Mansfield. *A Cup of Tea*). (Голодного человека очень легко увести.)

Эта особенность пассивных конструкций нередко используется с прагматической целью выдать собственное мнение за общепринятое, что придает высказыванию универсальный характер. Такие высказывания можно квалифицировать как псевдоуниверсальные, и они относятся к средствам т.н. лингвистической демагогии, т.е. приемам убеждения коммуниканта (Николаева 2000: 155—161). Этот прием часто используется в аргументативных речевых актах как в политическом, так и в бытовом дискурсе. Так, говорящий может выразить собственное неодобрение чьего-либо поступка, используя при этом безагенсный пассив и таким образом выдавая свое личное мнение за общепринятое:

- (19) *Such a behaviour is strongly **disapproved of** in our society* (J. Austen). (Такое поведение не одобряется в нашем обществе.)

Богатый прагматический потенциал пассивных конструкций, обусловленность их употребления комплексом этносоциокультурных факторов позволяет использовать их в художественном дискурсе в качестве эффективного стилистического приема для воссоздания определенного социально-политического климата в обществе и описания пассивной, подавленной личности. Так, в своем знаменитом романе «1984» Дж. Оруэлл умело использовал потенциал пассивных конструкций для раскрытия темы подавления свободы личности в условиях тоталитарного общества. Хотя концепт СВОБОДА является универсальным, для западных культур свобода личности, возможность выразить собственное мнение является одной из основных культурных ценностей, и ее отсутствие приводит к подавлению личности. Используя широкий арсенал языковых средств выражения пассивности при их чрезвычайной плотности, автор показывает, как тоталитарный строй подавляет личность, лишая ее активности, желая принимать решения и нести ответственность за их выполнение.

Основной фон романа задается повествованием от 3-го лица, которое ограничено сознанием главного персонажа романа Винстона. Именно с помощью этого приема разворачивается тема ограниченности свободы мыслей и поступков главного героя. При чтении романа читатель воспринимает события только так, как они были восприняты сознанием Винстона, что дает возможность понять, насколько подавленной оказывается личность при тоталитаризме. Приведем несколько примеров.

- (20) *You had to live — did live, from habit that became instinct — in the assumption that **every sound** you made **was overheard**, and, except in darkness, **every movement scrutinized*** (G. Orwell. 1984). (Вы вынуждены были жить и жили, по привычке, которая стала инстинктом, осознавая тот факт, что каждый произносимый вами звук прослушивался, и каждое движение, если только его не скрывала темнота, внимательно разглядывалось.)
- (21) ***He could be heard**, of course, but so long as he stayed in his present position **he could not be seen*** (G. Orwell. 1984). (Его было слышно, но до тех пор, пока он оставался в этом положении, его не было видно.)

Пассивные конструкции являются также одним из эффективных способов создания образа безвольной, пассивной, ведомой личности. Так, протагонистом романа Джона Фаулза “*The French Lieutenant’s Woman*” является Чарльз Смит-

сон — молодой аристократ, ученый-палеонтолог, человек, который на протяжении всей своей жизни являлся постоянным объектом внимания со стороны родственников, друзей семьи и многочисленных молодых особ. Создавая этот образ, Джон Фаулз широко использует пассивные конструкции:

- (22) ...*he never entered society without being ogled by the mamas, clapped on the back by the papas and smiled at by the girls* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Он ни разу не появлялся в обществе без того, чтобы на него нежно не поглядывали мамыши семейств, не похлопывали по спине папашки, и ему не улыбались девушки.)

Достигнув зрелого возраста, Чарльз продолжает оставаться человеком, за которого принимают решения другие люди, и даже решение о женитьбе принимает не он, а особа, которая его выбрала, и это положение его вполне устраивает:

- (23) ...*he was happy to be adulated, fussed over, consulted, deferred to* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Он был доволен тем, что ему льстили, его окружали чрезмерной заботой, его интересы принимались во внимание, с его мнением считались.)

Неизбежным итогом такой позиции является то, что он становится жертвой обстоятельств, запросов, манипулирования чувствами, и его вынуждают подписать документ, подтверждающий его вину в расторжении помолвки, что заставляет его вынести себе приговор:

- (24) *I am marked and defiled to the end of my life* (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*). (Мое имя и моя репутация запятнаны навсегда.)

Широкое использование пассивных конструкций позволяет сделать вывод об их роли в создании художественного образа безвольной, ведомой личности.

Как грамматические, так и лексические средства выражения залоговых различий характеризуются частой совместной встречаемостью, что способствует созданию стилистического приема антитезы. Например:

- (25) *There are two people involved in boredom, not just one: the borer and the boree* (M. Atwood. *Bodily Harm*). (За состояние скуки всегда отвечают двое, а не один: тот, кто нагоняет скуку, и тот, кто ее испытывает.)
- (26) *It had been the imperative of their years together. He lived to serve her. She lived to be served* (E. George. *Careless in Red*). (Это было обязательным условием их совместной жизни. Он жил для того, чтобы служить ей. Она жила для того, чтобы ей служили.)

Данные примеры позволяют говорить о значительном экспрессивном потенциале залоговых форм, однако следует отметить, что этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвинув в качестве основного положения тезис о том, что в грамматическом строе языка находят своеобразное отражение особенности менталитета нации, ее культурные ценности, особенности национального характера и коммуникативные конвенции, мы ставили своей задачей найти подтверждение этому тезису на мате-

риале анализа функционирования категориальных и некатегориальных залоговых форм английского языка в различных типах дискурса. Проведенный анализ показывает, что категория залога, будучи одной из наиболее сложных антропоцентрических категорий, в основе которой лежат отношения между действием, его агенсом и его объектом, относится к числу наиболее культурно-чувствительных. Анализ функционирования категориальных и некатегориальных залоговых форм в различных типах дискурса позволил выявить как отражение определенных норм англоязычной культуры, так и те специфические функции, которые реализуются залоговыми формами в разных типах дискурса. Все сказанное позволяет сделать вывод о значимости дискурса культуры для реализации залоговых форм и их дискурсной вариативности

Таким образом, подтверждая идею этнограмматики Анны Вежбицкой, данная работа свидетельствует, что в рамках антропоцентрической лингвистики назрела насущная необходимость дальнейшего расширения исследований на стыке грамматики и культуры.

© Л.А. Козлова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1998. [Arutyunova, N.D. (1998). *Yazik i mir cheloveka*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.)]
- Бондарко А.В. К теории поля в грамматике — залог и залоговость (на материале русского языка) // *Вопросы языкознания*. 1972. № 3. С. 20—35. [Bondarko, A.V. (1972) K teorii polya v grammatike — zalog i zalogovost. *Voprosi yazikoznaniya*, 3, 20—35 (In Russ.)]
- Бондарко А.В. *Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki. Na materiale russkogo yazika*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Виноградов В.А. Классификационные типы в движении // *Res Linguistica: сборник статей к 60-летию профессора В. П. Нерознака*. М.: Academia, 1999. С. 420—423. [Vinogradov, V.A. (1999) Klassifikatsionnye tipy v dvizhenii *Res Linguistica: sbornik statei k 60-letiyu professora V.P. Neroznaka*. Moscow, Academia, 420—423 (in Russ.)]
- Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // *Язык как средство трансляции культуры*. М.: Наука, 2000. С. 54—68. [Gak, V.G. (2000) *Yazyk kak forma samovyrazheniya naroda. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury*. Moscow: Nauka, 54—68. (In Russ.)]
- Гумбольдт фон В. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Под ред. и с предисл. д-ра филол. н., проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. [Humboldt, W. von (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Гуреев В.А. Изменение канона грамматического описания // *Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство*. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 225—238. [Gureev, V.A. (2009) *Izmenenie kanona grammaticheskogo opisaniya Gorizonty sovremennoi lingvistiki. Traditsii i novatorstvo*. Sbornik v chest' E.S. Kubryakovoi. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 225—238. (in Russ.)]
- Джиоева А.А. *Синтаксизация имени и номинативность английского языка*. М.: МААЛ, 1995. [Dzhioeva, A.A. (1995) *Sintaksizatsiya imeni i nominativnost' angliiskogo yazyka*. Moscow, MAAL. (In Russ.)]

- Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 51—59. [Zimnyaya, I.A. (1993) Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 51—59. (In Russ.)]
- Зубкова Л.Г. Языковое содержание и языковая картина мира (к постановке вопроса) // *Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты*. Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х т. Бийск, 1998. Т. 1. С. 205—210. [Zubkova, L.G. (1998) Yazykovoe sodержanie i yazykovaya kartina mira (k postanovke voprosa). *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskii i kul'turologicheskii aspekty*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh t. Biisk. T. 1, 205—210. (In Russ.)]
- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования*. Сборник научных трудов. М.: Эйдос, 2007. [Iriskhanova, O. K. (2007) Kontseptual'nyi analiz i protsessy defokusirovaniya *Kontseptual'nyi analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya*. Sbornik nauchnykh trudov. Moscow, Eidos (in Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev, Yu.P. (2007). *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazik v tipologicheskoi perspektive*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russ.)]
- Копыленко М.М. Социальное и этническое в языке (очерк взаимодействия) // *Облик слова: сборник статей*. РАН. Институт русского языка. М.: 1997. С. 354—359. [Kopylenko, M.M. (1997) Sotsial'noe i etnicheskoe v yazyke (ocherk vzaimodeistviya) // *Oblik slova: sbornik statei*. Moscow: RAN. Institut russkogo yazyka, 354—359. (in Russ.)]
- Медведева Л.М. *Части речи и залог*. Киев: Вища школа, 1983. [Medvedeva, L.M. (1983) *Chasti rechi i zalog*. Kiev: Vishcha shkola (In Russ.)]
- Мустайоки А. *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Mustajoki, A.(2006). *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (In Russ.)]
- Николаева Т.М. *От звука к тексту*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Nikolaeva, T.M. (2000) *Ot zvuka k tekstu*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)]
- Озюменко В.И. Выражение эмоций грамматическими средствами в английском дискурсе. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 126—143. [Ozyumenko V. (2015). Grammatical means of expressing emotions in English discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 126—143. (In Russ.)]
- Плунгян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику*: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku*: Uchebnoe posobie. 2 ed-n. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Режабек Е.Я. Культурные границы языкового сознания. О вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006. № 3. С. 28—43. [Rejabeck, E.J. (2006). Culture Limits of Language Consciousness. The Inclusiveness of Grammatical Categories in Evolution of Culture. *Issues of Cognitive Linguistics*, 28—43 (In Russ.)]
- Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Пер. с англ. М.: Прогресс-Универс, 1993. [Sapir, Edward (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. Moscow: Progress-Univers. (In Russ.)]

- Тестелец Я.Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2000. [Testelecs, Ya.G. (2000) *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: RGGU. (In Russ.)]
- Уланова С.Б. От грамматической семантики к грамматике дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 833—843. [Ulanova, S. (2017). From Grammatical Semantics to Grammar of Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 833—843. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-833-843. (In Russ.)]
- Холодович В.В. Залог. Определение. Исчисление // *Проблемы грамматической теории*. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. С. 277—292. [Kholodovich, V.V. (1979). Zalog. Opredelenie. Ischislenie. In *Problemy grammaticheskoi teorii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1979, 277—292. (in Russ.)]
- Baron, Denis (1989). *Declining Grammar and Other Essays on the English Vocabulary*. National Council of Teachers. Urbana, Illinois.
- Berk, Lynn M. (1999). *English Syntax. From Word to Discourse*. Oxford University Press.
- Biber, Douglas; Johansson, Stig; Leech, Geoffrey; Conrad, Susan; Finegan, Edward (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, Essex: Pearson Education Ltd.
- Bolinger, Dwight (1980). *Language — the Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today*. London, New York: Longman.
- Cooper, William E., Ross, John Robert (1975). World Order. Grossman, R.E., San, L.J., Vance, T.J. (eds.) *Papers from the parasession on functionalism*. Chicago, Chicago Linguistic Society, 63—111.
- Dirren, Rene, Verspoor, Marjolijn (1998). *Cognitive Explorations of Language and Linguistics. (Cognitive Linguistics in Practice)*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing Company.
- Givon, Talmy (1984). *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Volume I. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Givon, Talmy (1995). *Functionalism and Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff (2004). Ethnosyntax, Ethnopragmatics, Sign-functions, and Culture. *Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture*. Ed. By N.L. Enfield. Oxford University Press, 52—73.
- Grimshaw, Jane (1990). *Argument Structure*. Cambridge, Ma. The MIT Press.
- Halliday, Michael (1994). *An Introduction to Functional Grammar*. 2-nd ed-n. Lnd., E. Arnold.
- Enfield, Nick, F. (2004). Ethnosyntax: Introduction. *Ethnosyntax: Explorations in Grammar and Culture*. Oxford University Press, 1—30.
- Kies, Daniel (1992). The Uses of Passivity: Suppressing Agency in “Nineteen Eighty-Four”. *Advances in Systemic Linguistics*. London, New York.: Pinter Publishers, 229—250.
- Langacker, Ronald. W. (1997). The Conceptual Basis of Cognitive Semantics. *Language and Conceptualization*. Ed. by Jan Nuyts and Eric Pederson. Cambridge University Press, 229—252.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, Volume 7, number 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
- Larina, Tatiana, Arto Mustajoki, and Ekaterina Protassova (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London/New York: Routledge, 7—19.

- Larina, Tatiana V., Ozyumenko, Vladimir I., Kurteš, Svetlana. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 2017, 109—128.
- Leech, Geoffrey; Larina, Tatiana (2014). Politeness: East and West. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9—34.
- Legendre, Geraldine; Raymond, William; Smolensky, Paul (1993). An Optimality-theoretic Typology of Case and Grammatical Voice Systems. *Proceedings of the 19th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Ed. by Joshua S. Guenter, Barbara A. Kaiser, and Cheryl Zoll. Berkeley: University of California, Berkeley Linguistics Society.
- Palmer, Gary B. (1996). *Towards a Theory of Cultural Linguistics*. Austin, University of Texas Press.
- Pinker, Steven (2015). *The Sense of Style. The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century*. Penguin Books.
- Prince, Alan & Smolensky, Paul (1993). *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Rutgers University Center for Cognitive Science.
- Sapir, Edward (1949). *Language. An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.
- Visson, Lynn. (2013): *Where Russians Go Wrong in Spoken English. Words and Phrases in the Context of Two Cultures*. R.VAlent. Moscow.
- Wierzbicka Anna (1988). *The Semantics of Grammar*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wierzbicka Anna (1992). *Semantics, Culture and Cognition*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2006). *English. Meaning and Culture*. Oxford: Oxford University Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 июля 2018

Дата принятия к печати: 03 сентября 2018

Article history:

Received: 29 July 2018

Revised: 27 August 2018

Accepted: 03 September 2018

Для цитирования:

Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 874—894. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.

For citation:

Kozlova, Lyubov (2018). The Ethnocultural Potential of Voice Forms and its Discourse Actualization. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 874—894. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-874-894.

Сведения об авторе:

КОЗЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета. *Сфера научных интересов*: когнитивная семантика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация,

сопоставительная прагматика. Основные публикации: *Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке (монография)*. Барнаул, 1997; *Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего (монография)*. Барнаул, 2009; The Modality of Speech Acts as Manifestation of Communication Ethnostyle. *The European Proceedings of Social and Behavioral Studies EpSBS*. Volume XXXIX, (30 April 2018). pp. 205—212. doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.30>.

Контактная информация: lyubovkozlova@list.ru

Bionote:

LYUBOV KOZLOVA is a full professor of the Altai State Pedagogical University. Her research interests embrace cognitive semantics, ethnolinguistics, intercultural communication, comparative pragmatics. Key publications: *Problemy funktsional'nogo sblizheniya chastei rechi v sovremenom angliiskom yazyke* (The Problems of Functional Interaction of Parts of Speech in Contemporary English). Barnaul, 1997; *Etnokul'turnyi potentsial grammaticheskogo stroya yazyka i ego realizatsiya v grammatike govoryashchego* (The Ethnocultural Potential of the Grammatical Structure of Language and its Actualization in the Speaker's Grammar). Barnaul, 2009; The Modality of Speech Acts as Manifestation of Communication Ethnostyle *The European Proceedings of Social and Behavioral Studies EpSBS*. Volume XXXIX, (30 April 2018), 205—212. doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.30>.

Contact information: lyubovkozlova@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918

Алгоритмы построения комических текстов

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
ул. Академика Волкова, д. 6, Москва, Россия, 117485

Тяньцзиньский университет иностранных языков
ул. Мачандао, д. 117, Тяньцзинь, Китай, 300204

Семантика есть наука о понимании, а для того, чтобы что-то понять, мы должны свести неизвестное к известному, темное к ясному, требующее толкования к самоочевидному.

А. Вежбицкая

Цель данной статьи состоит в рассмотрении семиотических характеристик интерпретации комических текстов, в обсуждении семантических, прагматических и синтаксических признаков таких вербальных образований. Юмористическое общение становится возможным, если актуализируются три условия: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре. Для выявления таких моделей — алгоритмов построения комических текстов — были проанализированы размещенные в интернете шутки разных типов на русском языке (около 1000 анекдотов, шутливых афоризмов, демотиваторов).

Семантические механизмы образования комического текста проявляются в карикатурной презентации предметов, пространственных и временных координат, позиций персонажей и осмысливаются как смешная двусмысленность высказывания, имеющая денотативное и сигнификативное измерения.

Прагматические механизмы построения подобных комических текстов — это оценочные и выводные несоответствия между положениями дел, эти несоответствия представляют собой столкновения несовместимых сценариев интерпретации. Синтаксический аспект комических текстов представляет собой их соотнесенность с определенными повествовательными, описательными и аргументативными жанрами речи.

Выделено две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности, представляющих собой диктальное и модусное осмысление факта, вызывающего улыбку или смех. Диктальная модель включает комическое повторение, комическое противопоставление и комическое переворачивание позиций персонажей. Модусная модель прослеживается в шутливых перифразах, пародировании прецедентных текстов и комических аллюзиях. В современной коммуникативной практике часто используются шутливые высказывания с целью самопрезентации. Для таких комических текстов характерны аллюзии и различные виды интертекстуальных связей, построенные на рассогласовании между темой и ремой, текстуальным и иконическим содержанием сообщения.

Ключевые слова: *комический текст, юмор, интерпретация, смысловое рассогласование, аллюзии*

Algorithms of comic texts construction

Vladimir I. Karasik

Pushkin Russian Language Institute
Akademika Volkova St., 6, Moscow, Russia, 117485

Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Road, HeXi District, TianJin, People's Republic of China, 300204

Abstract

The paper deals with semiotic characteristics of comic texts construction. It is aimed at analyzing semantic, pragmatic and syntactic properties of jokes so as to find out models of comic texts comprehension. The material for the analysis comprises ca. 1000 jokes of various kinds including funny short narratives (in Russian these are named 'anecdotes'), humorous aphorisms and demotivators as a new genre of internet communication. Semantic and pragmatic mechanisms of comic texts differ, though methodologically they make inseparable unity, according to A. Wierzbicka. Semantically, comic texts represent caricature pictures of the reality concerning objects, time and space dimension of events and positions of agents. They may be described in terms of denotative and significative incongruences. Pragmatically, such mechanisms form evaluative and argumentative divergence between usual and given states of affairs which manifest themselves as collisions of interpretation scripts. Syntactically, comic texts may be interpreted in terms of their narrative, or descriptive or argumentative correlation with corresponding non-comic texts. Two models of such texts interpretation are discussed. The first one is dictal in its essence and is based on disagreement between the planes of reality as shown in the text, whereas the second one is modal and it reflects an incongruity between reality and the view of it. The dictal model includes such techniques as repetition, juxtaposition and reversing of agents positions, the modal model can be traced in jocular periphrasis, precedent text parodies, and comic allusions. The dictal model is oriented towards semantic disagreement between various aspects of reality, the modal model concerns mostly pragmatic and syntactic aspects of a comic world view. Modern communicative practice as represented in the Internet network communities is focused on self-representation and various jokes are inherent part of this objective. The jokes are often based on incongruity between theme and rheme in the message content and disagreement between image and text in its form.

Keywords: *comic text, humor, interpretation, meaning incongruity, allusion*

1. ВВЕДЕНИЕ

Осмысление и понимание комического строится по общим закономерностям постижения реальности и предполагает выявление событий либо ситуаций, вызывающих улыбку или смех, и способов их построения. Предполагается, что существуют определенные алгоритмы построения комических текстов. Такие алгоритмы представляют собой сценарии интерпретации того, что подается и воспринимается как смешное. Понятно, что существует множество коммуникативных ситуаций рассогласования между замыслом и воплощением идеи, с одной стороны, и между позициями говорящего и адресата, с другой стороны. В данной работе рассматриваются те ситуации, в которых такого рассогласования нет. Комическое понимается в статье как родовой термин по отношению к юмору, сатире, иронии и сарказму, шутки, анекдоты, забавные афоризмы, смешные демотиваторы рассматриваются как жанры комического дискурса.

Все комические тексты можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник. Выделяются бытовые, политические, медицинские, армейские, театральные анекдоты, анекдоты о пьяницах, неверных супругах,

о животных, олицетворяющих те или иные человеческие качества, о представителях определенных национальностей и социальных групп, с одной стороны, и английские, французские, русские, украинские, еврейские анекдоты, — с другой. Заслуживает внимания монография В.Г. Раскина «Семантические механизмы юмора» (Raskin, 1985), где предпринята попытка построить целостную теорию юмора на основе достаточно обоснованной гипотезы, суть которой состоит в том, что текст, содержащий шутку, сориентирован на два различных скрипта (обобщенных представления действительности), эти скрипты находятся в оппозитивных отношениях, и основные типы оппозиции сводятся к противопоставлениям «реальное/нереальное», «нормальное/неожиданное», «возможное/невозможное». Автор противопоставляет юмор и остроумие (т.е. спонтанный и неспонтанный юмор), анализирует имеющиеся в лингвистической науке классификации юмористических ситуаций и текстов (например, любое нарушение привычного порядка вещей, замену одних вещей другими, игру слов, бессмыслицу, замаскированные оскорбления и т.д.).

По мнению В.Г. Раскина, выделяются восемь типов юмористических высказываний: 1) намеренное высмеивание (*Кто тот джентльмен, с которым я видел тебя вчера вечером? — Это был не джентльмен, а сенатор*); 2) мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена (*Мама, я ухожу в армию. — Ладно, только не приходи домой поздно*); 3) смех над самим собой (*Преступник, которого ведут на казнь в понедельник, говорит: «Неплохо начинается неделя!»*); 4) пренебрежительный смех над собой (*Медсестра: «У вас сильный кашель. Что вы принимаете от него?» — Пациент: «А вы что мне предложите?»* — (Буквально: *Make me an offer!* — Так часто говорят во время коммерческих сделок. — В.К.); 5) загадка (*Какой рукой нужно помешивать кофе — левой или правой? — Нужно пользоваться ложкой*); 6) головоломка с каламбуром (*Почему вырванный зуб похож на позабытую вещь? — Потому, что из головы вон*); 7) чистый каламбур (*Первое, что поражает новичка в Нью-Йорке, это наехавший на него автомобиль*); 8) юмор как сублимация протеста (*Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз — 25 лет в колонии строгого режима*) (Raskin, 1985, p. 25—26).

В основу приведенной классификации положены, как мы видим, различные критерии: степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологическая мотивировка речевого действия. Все эти критерии, несомненно, существенны, но представляется, что можно предложить классификацию комических текстов на основании иных признаков в составе единой концептуальной схемы. Такой схемой мы считаем семиотическую модель. Разумеется, эта модель не претендует на всеобъемлющий охват объекта, но, как нам представляется, обладает достаточно мощной объяснительной силой.

Знаковое пространство образуется тремя общесемиотическими координатами — отношениями знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика) (Моррис, 1983, с. 42). Известно, что имело место

некое событие. Это событие соотносится с объективным миром — известными фактами, вероятными фактами, знаниями о фактах и связях между явлениями, отношениями людей к этим фактам и т.д. У говорящего и слушающего есть общий фонд знаний, поведенческих установок и ценностей. Далее, текст анекдота накладываемся на некую первооснову, которая выступает в качестве точки отсчета, это текстовый тип анекдота, его зачин и завершение, динамическая модель анекдотического развития действия. И, наконец, событие, о котором идет речь, излагается определенными языковыми средствами (отношение к самому способу выражения).

Следует отметить, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения. Эта идея получила программное выражение в известной книге А. Вежбицкой «Кросс-культурная прагматика» (Wierzbicka, 2003): Linguistic semantics and pragmatics are one. What applies to colour semantics, kinship semantics, speech-act semantics, to the semantics of natural kinds, cultural kinds, emotions and so on applies also to the semantics of interpersonal attitudes (Wierzbicka, 2003: 18).

В данной статье рассматриваются семиотические характеристики интерпретации комических текстов и обсуждаются семантические, прагматические и синтаксические признаки таких вербальных образований. В качестве материала для изучения были взяты комические тексты разных жанров на русском языке, размещенные в сети Интернет — анекдоты, смешные афоризмы и демотиваторы. Выборка производилась с 2000 г. по настоящее время. Основанием для отнесения текста к числу комических было его размещение на сайтах anecdot.ru и anekdotov.net. На этих сайтах приводятся не только анекдоты в узком смысле слова — короткие комические нарративы, — но и смешные афоризмы, забавные истории и подобные тексты.

2. КОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Коммуникативное намерение играет важнейшую роль в построении юмористического дискурса, при этом существенным оказывается противопоставление спонтанной и подготовленной речи. Это противопоставление релевантно для отправителя речи, поскольку стремление рассказать свежий анекдот или сообщить о смешном происшествии оказывается нередко движущим мотивом разговора. В меньшей мере таким мотивом является спонтанное юмористическое речевое действие. Для адресата же важен процесс коммуникативного взаимодействия, а не внутренняя мотивировка поведения со стороны отправителя речи.

С позиций отправителя речи юмористическая интенция определяется типом личности (известно, что есть люди, склонные к шутливому общению в любой ситуации) и сферой общения (существует определенная градация уместности шуток в той или иной сфере общения: встреча старых друзей предполагает взаимную настроенность на шутки, в то время как дача свидетельских показаний почти исключает такую настроенность).

Для того чтобы коммуникативное намерение реализовалось, оно должно быть подкреплено реакцией адресата. Говорящий пользуется определенными сигналами в поведении для проверки уместности шутки в той или иной ситуации общения.

В социолингвистике известно, что инициатива в шутке принадлежит, как правило, вышестоящему, т.е. человеку с более высоким социальным статусом. Таким образом, статусное неравенство выступает в качестве возможной предпосылки для шутки со стороны начальника: этот вид шуток можно отнести к разряду манипуляций, осуществляемых для демонстрации своего статуса наряду с указаниями, отчитыванием, поучением и т.д. Сигналом для шутливого общения может быть отсутствие явно выраженных знаков запрещения такого общения (торжественность обстановки, глубокие отрицательные эмоциональные переживания адресата, страх, испытываемый самим отправителем речи, и т.д.).

Коммуникативное намерение проходит несколько стадий в своей реализации: желание пошутить, оценка адекватности ситуации, вербальное выражение шутки, оценка реакции адресата. Следует отметить, что реализация юмористического коммуникативного намерения осуществляется мгновенно, и поэтому выделение стадий носит условный характер. Кроме того, оценка ситуации и реакции адресата происходит на невербальном уровне: это взгляд, мимика, жестикация, определенные характеристики тембра голоса. В письменной речи юмористическая интенция до последнего времени не выражалась. Считалось, что содержание текста должно дать читателю возможность оценить намерение автора.

Юмористическая тональность представляет собой эмоциональную атмосферу общения, которая характеризуется дружелюбным отношением участников общения друг к другу, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны.

Юмористическая тональность по своей сущности — это взаимная настроенность участников общения на юмор, это смеховое осмысление всего происходящего, готовность шутить и смеяться. Если юмористическая интенция — это характеристика коммуникативного поведения говорящего, желание организовать юмористическую ситуацию, т.е. активная позиция субъекта речи, то юмористическая тональность — это установка коммуниканта на ситуацию, которая изначально отмечена юмором, т.е. в данном случае позицию субъекта речи можно определить как относительно пассивную. Например, так ощущают себя люди, пришедшие на эстрадное выступление юмориста, читающие юмористические рассказы, слушающие анекдоты. В лингвистике текста различаются два типа адресатов: адресат-критик и адресат-эмпатик (Мышкина, 1991, с. 96). Первый стремится бесстрастно оценить события, а второй вовлечен в эти события и сопереживает их участникам.

Адресат-критик, услышав шутку, должен сначала оценить, смешна ли она, а затем, возможно, прореагировать на нее. Адресат-эмпатик заранее находится как бы на стороне говорящего, ассоциирует себя с ним и готов рассмеяться, даже не дослушав шутку до конца. Разумеется, эти типы, как и многие другие, достаточно условны, но для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что юмористическую тональность общения формируют адресаты-эмпатики.

С позиций прагмалингвистического анализа юмора понимание механизма той или иной смеховой реакции (а тем более отсутствие таковой, если она предполагалась) неизбежно предполагает выход на исследование юмористической эмпатии. Здесь речь идет о культурно-психологических характеристиках юмористического общения. Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре. В этом смысле уместно говорить о юмористической тональности, присущей различным лингвокультурам. На наш взгляд, юмористическая интенция в меньшей мере характеризуется лингвокультурной спецификой — желание пошутить интернационально и зависит от индивидуальных особенностей личности, в то время как понимание шутки вплетено в общий контекст культуры. Изучение этнокультурной специфики комического (чаще всего рассматривается юмор) неоднократно привлекало к себе внимание исследователей (см. [Alba-Juez 2014; Alba-Huez, Attardo 2014; Alba-Huez, Larina 2018; Gornostaeva 2016; Goddard, 2006, 2009, 2016; Haugh, 2017a, 2017b; Soussa, Bazenga, Antunes, 2009] и др.).

Соотношение между критическим и эмпатическим восприятием юмора соответствует соотношению между интеллектуально обработанным и более простым видами юмора. Остроумное высказывание рассчитано не только на смеховую реакцию, но и на оценку интеллектуальных способностей автора. По мере возрастания интеллектуальности юмора возрастает и вероятность перехода юмористического высказывания в иную плоскость, с одной стороны, за рамки юмора в серьезное общение, и, с другой стороны, за рамки юмора в недружелюбное общение, в сатиру, сарказм, издевку или розыгрыш.

Смех, по мнению А. Бергсона (Бергсон, 1992, с. 20—21), возникает как реакция общества на механическую косность характера, ума и даже тела. Косность и гибкость — официальная и карнавальная культура, таковы философские основания смеха. Анекдот — это своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, при этом мы понимаем, что без стабилизации, определенности, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество нормально функционировать не может. Вместе с тем в стабилизации есть угроза развитию, и самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым. При этом важно отметить, что диалектика косности и гибкости в человеческом поведении соответствует общему закону номинации — чем актуальнее для говорящих является тот или иной комплекс идей, тем большее количество языковых единиц используется для обозначения соответствующего круга понятий. Расширим эту корреляцию — чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более

вероятна вариативная детализация норм, связанных с этой ценностью, и соответственно появление различных карикатурных изображений этих норм. Не случайно идея ценности здравого смысла, лежащая в основе английской культуры, привела к расцвету абсурда как критики здравого смысла. Это наблюдается в традиционных английских шутках, лимериках, классических английских и квази-английских анекдотах:

- (1) — *Сэр, вчера я проходил мимо Вашего дома.*
— *Спасибо.*

Для лингвистического осмысления шутки важным является введенное Д. Хаймсом понятие «ключ общения» — манера передачи сообщения; например, лекция может читаться математически точно или же с веселой легкостью (Белл, 1980, с. 111). Ключ общения определяется статусно-ролевыми и межличностными отношениями между участниками коммуникации. Можно выделить несколько ключей общения: обычное (нейтральное), торжественное, официально-деловое, дружеское, шутливое общение. Разумеется, список можно продолжить. Важно отметить, что шутливое общение не сводится только к поддержанию близкой, дружеской дистанции между партнерами, хотя именно на такой дистанции шутка наиболее уместна.

Дж. Лич в своей работе «Принципы прагматики» анализирует постулаты общения и выделяет «принцип иронии» и «принцип добродушной шутки» как особые условия «межличностной риторики» (Leech, 1983, p. 149). Действительно, в общении весьма часто складывается ситуация, когда говорящий вольно или невольно заставляет слушающего усомниться в абсолютной серьезности того, о чем идет речь. Это могут быть мимические знаки, оттенки интонации, выбор слов, общая тональность высказывания.

Модели смехового поведения включают типичные дебюты и эндшпили шуток, типичные смеховые реакции и типичные жанровые структуры определенных юмористических речевых действий, например анекдотов. Дебют смехового поведения — это переход от несмехового общения к смеховому. Такой переход осуществляется посредством косвенных и прямых сигналов юмористического общения; к первым относятся значимое изменение голоса и мимики, ко вторым — выраженное извещение о том, что следует ждать смещения тональности общения. Возвращение к серьезной тональности также сопровождается определенными знаками, например, фразой «Ну, ладно, а теперь ...». Говоря о типичных смеховых реакциях, мы имеем в виду прежде всего принятую в той или иной культуре степень эмоционального самоконтроля. Если адресат пытается сдержать свой смех либо, наоборот, демонстрирует безудержное веселье, мы сталкиваемся с той или иной типичной смеховой реакцией, которая подчиняется статистическим обобщениям.

Заслуживает внимания работа Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева (1999), в которой анализируется рассказывание анекдота в современной русской культуре. Прежде всего, отмечается, что рассказывание анекдота — это представление,

в котором интонация, мимика и жесты играют весьма часто ведущую роль. Вместе с тем выделяются метатекстовые вводы, т.е. фразы, которые обеспечивают переход к непосредственному тексту анекдота: «*Кстати, знаете анекдот?..*» Метатекстовые вводы неоднородны: здесь фигурирует явно выраженная коммуникативная задача либо приводится аллюзия, либо заранее дается оценка анекдоту, либо анекдот выдается за случай из жизни и т.д.

Комические высказывания при всем их разнообразии строятся по определенным канонам, в основе которых лежат несоответствия между интенциями и результатом, ожиданием и реальностью, содержанием и формой его выражения (Горностаева, 2016, 2018; Дмитриев, 1996; Еленевская, 2014; Козинцев, 2007; Кулинич, 2004; Минский, 1988; Норман, 2003; Плотникова, 2003; Пропп, 1999; Attardo, 1994, 2001; Chiaro, 1992; Dynel, 2008; Giora, 1991; Janes, Olson, 2015; Kotthof, 2006; Kuiper, McNale, 2009; Kuiper, Leite, 2010; Raskin, 1985; Soussa, Bazenga, Antunes, 2009; Vandaele, 2002; Yus, 2018). Такие несоответствия вызывают удивление и улыбку.

Формализовать и исчислить способы построения комических текстов вряд ли возможно, но можно предложить критерии классификации таких текстов. Наиболее общей исследовательской схемой является, на наш взгляд, семиотическая модель шуток, в рамках которой выделяются семантические, прагматические и синтаксические классы комических текстов. В первом случае мы улыбаемся по поводу несоответствия объекта и реальности (разные виды нонсенса), во втором случае — по поводу несоответствия поведения субъекта и ситуации (нелепое или претенциозное поведение персонажей), в третьем случае — по поводу несоответствия жанрово-стилистической организации речи и реальных обстоятельств (шутливое изменение кода, имитация чужой речи, понижение регистра и т.д.). В данной работе предлагается сценарная модель построения комических текстов, которая базируется на типе обманутого ожидания: смешные повторы, смысловые ловушки, неожиданная перефокусировка и т.д. Такие способы создания комического эффекта представляют собой своеобразные алгоритмы. Кульминационная точка комического текста (пуант) представляет собой совмещение несовместимого. Смешным оказывается только то, что актуально для коммуникантов, и, соответственно, можно рассматривать шутки как индикаторы ценностей, которые могут быть специфичными для разных этнокультурных или социокультурных групп.

Юмористические нарративы, в особенности анекдоты, образуют весьма частотный жанр текстов, в которых выражены ценности в виде смеховой критики различных нелепых ситуаций (Габидуллина, 2000; Норман, 2003; Курганов, 1997; Месропова, 1997; Щурина, 2014).

- (2) — *Папа, я большие никогда не пойду с тобой на санках кататься!*
— *Хватит ныть! Вези давай!*

Первая реплика соответствует типичному высказыванию капризного ребенка, недовольного тем, что ему не дали получить удовольствие от катания на санках.

Вторая реплика распадается на две части, инициальная часть выражает предсказуемую раздраженную реакцию взрослого, а финальная часть резко меняет всю ситуацию: папа сел на санки и требует от сына, чтобы тот вез его, т.е. взрослый человек ведет себя, как ребенок, это выглядит нелепо и смешно.

В следующем анекдоте мы сталкиваемся с диалогом врача и пациента:

- (3) — *Доктор, я постоянно разговариваю сам с собой.*
— *Вы мешаете домашним?*
— *Нет, я живу один.*
— *Так и разговаривайте себе на здоровье.*
— *Да, но я такой зануда...*

Пациент жалуется на то, что разговаривает сам с собой, полагая, что это свидетельствует о психическом расстройстве. Врач выясняет, что такие диалоги никому не мешают и пытается успокоить своего собеседника, но тот неожиданно дает оценку своим разговорам, демонстрируя явное расщепление личности. Финальная реплика превращает диалог в смешной абсурд.

В шутках и анекдотах высмеиваются те ситуации, которые значимы для социума:

- (4) *Полиция повязала группу мошенников, продающих дипломы в метро. «Нам пришлось их отпустить», — заявил доктор экономических наук сержант Иванов.*

В приведенном тексте высмеивается коррупция в российской системе высшего образования. Мы понимаем, что диплом доктора наук в данном случае является фальшивым, а полиция на самом деле не пресекает преступные деяния, а использует преступников для своего обогащения. По способу подачи такой текст пародирует новостные сводки.

Современные анекдоты как жанр городского фольклора возникли как курьезные истории из жизни известных людей:

- (5) *На перроне крупного вокзала ожидает отправления поезда пожилая дама с большим чемоданом. Она явно растеряна и не знает, как ей самой справиться с ним, но тут мимо нее проходит какой-то высокий бородатый мужик.*
— *Любезный, а помоги мне с чемоданом. Занеси-ка его в поезд, а я тебе заплачу!* — *говорит дама.*
Этот мужик молча берет чемодан, относит его в вагон, забирает из рук дамы монетку и выходит из поезда. В этот момент к даме обращается ее сосед:
— *Да вы знаете, кто это? Сам Лев Толстой! Писатель! Граф!* — *говорит он с ужасом в голосе.*
Дама выскакивает из поезда и изо всех сил бежит к удаляющемуся с перрона писателю. Наконец она догоняет его и говорит:
— *Извините меня, пожалуйста, Лев Николаевич, не признала! Верните мне монетку, — лепечет дама, немного растерявшись и желая хоть как-то исправить свою оплошность.*
— *Нет, не верну!* — *говорит ей в ответ граф. — Я ее заработал честным трудом и вам обратно не отдам!*

Перед нами занятный случай, поведение персонажей весьма правдоподобно, его фигурантом является известная личность. В этом повествовании можно найти совет людям, попавшим в нелепую ситуацию и испытывающим от этого чувство конфуза — попытки оправдаться и объясниться приводят в таких случаях еще к большей потере лица. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Смерть чиновника», в котором повествуется о человеке, чихнувшем в театре на лысину сидящего впереди важного сановника и тщетно пытавшемся извиниться.

Анекдот является одним из жанров юмористического дискурса. Жанр дискурса (или жанр речи) трактуется вслед за М.М. Бахтиным как относительно устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение. Характерной особенностью речевого жанра является ситуативная повторяемость, ведущая к клишированию как конкретных языковых средств, принятых в соответствующих речевых произведениях, так и к структурной инвариантности смыслового ядра этих произведений. Жанр предполагает знакомство коммуникантов с жанровым каноном, т.е. с требованиями к тексту, который попадает в тот или иной жанровый разряд. Если адресат не знает, к какому жанру относится текст, то определение жанровой принадлежности осуществляется на основании двух важнейших критериев: ситуативная привязка речи и жизненный опыт получателя сообщения.

Речевые жанры неоднородны в различных отношениях, в частности, они неоднородны по глубине: тот или иной жанр речи может распадаться на разновидности (субжанры), которые также могут оказаться достаточно сложными.

А. Вежбицкая предлагает моделирование жанров речи на специальном семантическом языке, строго кодифицированном, но не искусственном, при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания (Вежбицка, 1997, с. 103). Сравним две модели, приведенные цитируемым автором (с.108):

Шутка: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что я говорю X.

Думаю, что ты понимаешь, что я этого не говорю.

Говорю то, что говорю, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Анекдот: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X.

Думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось.

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться.

Анекдот в трактовке А. Вежбицкой отличается от шутки по признакам нарративности (повествовательности) «Случилось X» и жанрового канона («люди говорят это друг другу»). Соглашаясь с этой идеей, хотел бы внести небольшое уточнение: не все анекдоты являются повествованиями (сюда, например, не входят анекдоты-классификации), в таком случае шутка выступает в качестве родового понятия по отношению к анекдоту. Если принять такой подход, то шутка — это общее наименование жанров юмористического дискурса, включающего анекдоты и другие тексты.

3. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В плане семантики двуплановость анекдота проявляется в карикатурном изображении предметов (нарушение образов), пространственно-временных координат (высмеивание привычных фактов), взаимных позиций персонажей (высмеивается непонимание партнера), а также в обыгрывании двусмысленности или неопределенности ключевого понятия анекдота. Иначе говоря, семантическая двуплановость анекдота имеет денотативное (референциальное) и сигнификативное измерения.

Самое простое нарушение привычной картины мира — это нарушение семантики образов:

- (6) — *Мне явно подменили рубашку в прачечной, — пожаловался муж. Воротник так мал, что я просто задыхаюсь. Это не моя рубашка.*
— *Ничего подобного, — ответила жена, — рубашка твоя. Не будь таким рассеянным. Ты продел голову в петлю для пуговицы.*

Ряд анекдотов построен на нарушении семантики координат (например, пространственных):

- (7) *В кабину водителя метро в Москве врывается пьяный с пистолетом в руке:*
— *Гони в Хельсинки!*
— *Это же метро!*
— *В Хельсинки, а то пристрелю!*
Водитель объявляет:
— *Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция — Хельсинки.*

К числу фреймовых нарушений относится конфликт представлений: в анекдоте сталкиваются диаметрально противоположные пресуппозиции персонажей. Например:

- (8) — *Скажите, доктор, а Вам всегда удается вырвать зуб без боли?*
— *К сожалению, нет. Вчера я, например, вывихнул себе руку...*

Более сложное семантическое нарушение связано с неопределенностью ключевого понятия:

- (9) — *Я достала прекрасное лекарство.*
— *От чего?*
— *Точно не знаю, но говорят, очень помогает!*

Многие анекдоты строятся на двусмысленности интерпретации ключевого понятия. Можно выделить по меньшей мере две разновидности таких анекдотов. К первой группе мы относим расширение либо сужение понятия:

- (10) — *Папа, я не могу выйти замуж за Константина! Он — атеист и не верит, что существует ад.*
— *Ничего, дочка. Смело выходи за него. Ты и твоя мамочка очень скоро сумеете убедить его, что он глубоко заблуждается!*

Вторая группа — это анекдоты с идиоматическим переосмыслением ключевого понятия. Как правило, такие семантические сдвиги требуют фоновых знаний и закрыты для представителей иной культуры:

- (11) — *Есть ли в СССР бедняки?*
— *Есть. Это те, у кого нет ничего своего. Квартира — государственная, дача — государственная, машина — государственная.*

Прагматическая двуплановость анекдота гораздо сложнее, чем карикатурное представление семантики в смешном повествовании. Представляется возможным выделить оценочные и выводные несоответствия в анекдотах. Первые выражаются в виде высмеивания персонажа (речь идет не о простом высмеивании, а о понижении статуса того, кто претендует на высокий статус) и в виде шуточного переворачивания общепринятых норм, а вторые представляют собой насмешку над стандартной логикой.

Оценочные несоответствия затрагивают разные характеристики людей. Например, внешность:

- (12) — *Каждый раз, когда вижу что-нибудь смешное, не могу удержаться от смеха!*
— *И как же тебе удастся бриться?*

Весьма часто высмеивается интеллектуальная несостоятельность:

- (13) *Объявили о выставке ослов. Отвели площадку, отгородили веревкой и со всех входящих брали плату. Народ ходил, ходил, смотрели друг на друга и спрашивали:*
— *А где же ослы?*

Выделяются анекдоты с общеоценочным смыслом:

- (14) — *Сэр, поддержите мою лошадь, я скоро вернусь.*
— *Но, помилуйте, я член парламента!*
— *Это меня не пугает, у вас вид честного человека!*

Нарушения общепринятых ценностей можно разделить на два класса: высмеивание утилитарных и моральных норм, с одной стороны, и насмешка над рациональным поведением как таковым, с другой стороны. Нарушая утилитарные нормы, персонаж причиняет вред себе:

- (15) *Полицейский:*
— *Опишите мужчину, ранившего вас ножом.*
— *Это длинный тип с круглой физиономией, примерно такой же, как у вас, господин комиссар.*

Мы говорим о высмеивании моральных ценностей, если персонаж ставит под сомнение нормы общества:

- (16) *Один жалуется другому:*
— *Такой сейчас некультурный народ пошел! Вчера, когда я выходил из пивной, мне все руки отдавали.*

Разновидностью нарушения моральных норм общества является их открытая подмена утилитарными ценностями:

- (17) *«Ваши творческие планы?» — спросили у писателя NN.*
«Собираюсь написать повесть, рублей на триста».

Насмешка над рациональным поведением выражается как абсурд:

- (18) *В поезде едут два англичанина. Один из них очищает бананы, солит и выбрасывает в окно.*
— *Простите, сэр, зачем вы это делаете?*
— *Не люблю соленые бананы.*

Несоответствие вывода в анекдоте проявляется как ловушка, в которую попадает один из персонажей либо адресат, и как высмеивание чересчур правильных логических построений. Разновидностью несоответствия вывода является понижение ожиданий персонажа либо адресата:

- (19) — *Любимая, хочешь, я прокачу тебя до моря на огромной машине с мощным мотором?*
— *Конечно, дорогой.*
— *Тогда пошли на остановку автобуса.*

Можно выделить указательные и аргументативные несоответствия в логических построениях, которые высмеиваются в анекдотах. Указательное несоответствие иллюстрирует нарушение коммуникативного постулата релевантности:

- (20) — *Наш воздушный шар потерял управление! Нас куда-то унесло. Где мы находимся?*
— *Мы находимся в кабине воздушного шара.*

Приведем пример аргументативного несоответствия:

- (21) *На таможне.*
— *Откройте свой чемодан.*
— *Но у меня нет чемодана!*
— *Это не важно. Порядок для всех один.*

В комическом сюжете имеет место столкновение двух планов интерпретации той или иной ситуации, причем второе осмысление никак не вытекает из первого, часто противоречит ему и поэтому вызывает улыбку.

В прагмалингвистическом плане важным представляется учет интенций трех сторон при интерпретации юмора: говорящего, слушающего и более широкой аудитории, имеющей доступ к общению (Аттардо, 2003, с. 12). Существуют определенные сочетания сюжетных линий, своеобразные алгоритмы порождения смешных ситуаций: отзеркаливание поступка, переворачивание позиций, упреждение вероятного поступка и др.

Отзеркаливание — это копирование поведения партнера в диалоге, оно становится комичным, если ожидалось другое действие:

- (22) *Подсудимому не нравится, как с ним обращаются в суде, поэтому он ведет себя вызывающе.*
Судья: «Где вы работаете?»
Подсудимый: «Тут и там».
Судья: «Как вы зарабатываете себе на жизнь?»
Подсудимый: «Так и эдак».
Судья: «Уведите его».
Подсудимый: «Постойте, а когда меня выпустят?».
Судья: «Раньше или позже».

Неожиданный ответ судьи копирует манеру подсудимого и создает комическую ситуацию. Назидательный смысл анекдота адресован тем, кто считает себя умнее других.

Типичным является неожиданное отзеркаливание поведения в ситуации, когда партнеры находятся в ситуации статусного неравенства:

(23) *Я остановился в зоомагазине перед клеткой с попугаем. Мы смотрели друг на друга несколько минут, и затем он сказал: «А говорить ты не умеешь?»*

Посетитель магазина и попугай меняются ролями. Предполагается, что человек, венец творения, интеллектуально выше других существ, но попугай опровергает это мнение. Прозаическое объяснение ситуации состоит в том, что птицу научили произносить эту фразу автоматически, но все владельцы попугаев знают, что их любимцы могут неожиданно произнести высказывания, в полной мере соответствующие положению дел, всем видом показывая, что понимают смысл произносимого. Эта комическая миниатюра напоминает нам, что не следует преувеличивать свою значимость.

Заслуживает внимания неожиданное переворачивание позиций партнеров по общению, когда один из них считает, что другой ведет себя нелепо, а затем выясняется, что это вовсе не так:

(24) *«Бедный старый дурак», — подумал хорошо одетый джентльмен, глядя на старика, который ловил рыбу в луже возле пивной. Он пригласил этого рыбака в паб, чтобы угостить его выпивкой. Они пригубили немного виски, джентльмен решил пошутить и спросил своего партнера: «Ну и сколько ты поймал сегодня?» — «Ты восьмой», — ответил старик.*

Приятно помочь нуждающемуся, но ситуация становится напряженной, когда некоторые добавляют к своему благодению насмешку. Но оказывается, что насмешник становится жертвой розыгрыша, поскольку старик оказался хорошим психологом и точно рассчитал эффект своего нелепого поведения. Подобное переворачивание позиций напоминает нам о том, что не следует подшучивать над людьми.

Переворачивание позиций может носить абсурдный характер:

(25) *Поздно вечером в одной квартире раздается телефонный звонок. Тут же трубку берет маленький мальчик и тихим-тихим шепотом говорит в нее:*

— Алло.

— Мальчик, а ты не мог бы позвать к телефону своего отца?

— Ой, а он сильно занят, — все так же тихо отвечает мальши.

— Ладно, тогда пригласи к телефону маму.

— А мама тоже занята.

— Ох, а еще кто-нибудь из взрослых дома есть?

— Ага, у нас тут МЧС и полицейские...

— Мальчик, ну хотя бы их позови!

— А эти дяденьки тоже очень-очень заняты.

— Да что у вас там происходит? Чем таким заняты твои мама с папой, спасатели и полицейские, мальчик?

Мальши едва слышно:

— А они все ищут меня. Уже восьмой час пошел.

Точкой пересечения двух интерпретативных сценариев является ситуация занятости: в обиходном понимании, когда люди заняты, они решают какие-либо важные вопросы, но в данном случае им всем приходится разыскивать малолетнего шутника, устроившего себе забавное представление.

Интересный вариант комического переворачивания взглядов на мир содержится в следующем тексте:

- (26) *Умирает гуру. Вокруг него собрались его ученики. И вот, набравшись смелости, его любимый ученик задает умирающему вопрос: «Учитель, к чему Вы пришли в конце жизни?». Мудрец изрекает: «Жизнь — это река». Ученики задумались и говорят: «Как мудро, как глубоко!». Но через некоторое время они стали спорить о том, как следует понимать это высказывание, и любимый ученик вновь беспокоит гуру: «Мы запутались, какой смысл содержится в этом наблюдении?». Вздохнув, мудрец сказал: «Или не река...».*

Метафорические сравнения допускают множественную интерпретацию. Ошибка учеников состоит в том, что они считают возможным только одно истолкование этой фразы. И тогда гуру отказывается от своих слов, и мы понимаем, что его ученики так и не усвоили уроков мудрости, которые он стремился им преподать. Отсюда следует, что истина относительна и смешны те, кто пытается найти простые решения в вопросах миропонимания.

В ряде случаев комический эффект строится на неожиданной перифразе:

- (27) — *Прошу разрешения на создание ситуационно-аналитического, спортивно-развлекательного, событийно-культурного, торгово-делового, учебно-благотворительного некоммерческого центра.*
— *А если кратко?*
— *Прошу разрешить установить пивной ларек.*

Публика, которая собирается у пивных ларьков, действительно, склонна к общению на разные темы. Не вполне соответствует реальности в данном контексте словосочетание «некоммерческий центр» применительно к ларьку, но в целом подобные шутки отражают типичную ситуацию высокого наименования явлений или событий, которые ассоциируются со сниженной обстановкой.

Особый тип комической перифразы образуют наименования с эмфатическим замещением обозначения того или иного явления или события:

- (28) *Мама: Китти, что делает Ада?*
Китти: Ну, если лед такой толстый, как она думает, то она катается на коньках, но если лед такой тонкий, как думаю я, то она плавает.

Перед нами витиеватое обозначение позиций субъектов речи и действия: Китти полагает, что Ада ошибочно считает лед на пруду или на реке достаточно крепким для катания на коньках. Приведенный текст является весьма своеобразным примером черного юмора, назначение которого — констатировать печальные события с веселой усмешкой.

Кульминация комического нарратива происходит в точке резкого смещения предсказуемых линий развертывания сюжета:

- (29) *Директор звонит секретарше:*
— *Света, напиши объявление, что во вторник состоится совещание начальников отделов!*
— *Николай Михайлович, а как пишется: вторник или вторнек?*
— *Ладно, Света, пиши, что в среду!*

Ответ директора вызывает улыбку: мы понимаем, что либо его уровень грамотности предельно низок, либо руководитель осознает, что секретарша в любом случае сделает ошибку, и поэтому выбирает беспроигрышный вариант поведения. Выдвижение формы сообщения на первый план за счет содержания выглядит комично.

Комично выглядит неожиданное упреждение того или иного поступка:

- (30) *Большинство покупателей в нашем магазине музыки рассказывают о том, что случилось с их коллекцией виниловых пластинок. Однажды один из них заинтересовался, сколько стоит пластинка. Мой сотрудник назвал ему цену, а затем добавил: «Но у нас есть наценка, если нам придется слушать, как ваша мама заставила когда-то выбросить все ваши старые виниловые пластинки».*

Понятно, что такие наценки не устанавливаются, но вызывает улыбку форма выражения просьбы не повторять надоевшую историю вновь.

Существуют определенные технические способы создания комического эффекта, известные в стилистике. Показательно шутовское стихотворение Михаила Волкова «Монолог матроса спасательной шлюпки»:

- (31) *Если б можно было как-то, чтобы, главное, не очень, —
Да и тоже, в общем, знаете ли, честно говоря.
Ну а вдуматься, к примеру: в самом деле, между прочим, —
Даже если по порядку, — явно, стало быть, не зря.
Впрочем, сами посудите: это, в принципе, не так уж.
Да и тут, как говорится, ни прибавить, ни отнять.
И, тем более, признаться, главным образом, однако ж, —
Правда, строго между нами, — это к слову, так сказать.
Ну и ладно. Значит, стало быть, опять же как бы вкратце,
То есть в частности. И кстати — если уж на то пошло,
В смысле, мягко выражаясь, чтобы зря не повторяться,
Не в обиду будет сказано — не трогайте весло!*

В этом замечательном монологе нанизывается большая цепочка смягчающих, уточняющих, отвлекающих вводных образований, информативное содержание которых равно нулю, и это вызывает улыбку. Мы понимаем, что лирическому герою неудобно прямо сказать слушателям то, что нужно, но его попытка подойти к сути дела окольными путями оказывается абсурдной.

Комические тексты могут быть противопоставлены друг другу по семиотическому признаку отношения знака к другим знаковым системам (синтактика), т.е. по отношению к определенным текстотипам, наиболее часто выступающим в качестве формальной основы анекдота. Поскольку анекдот представляет собой короткий текст, можно выделить три базовых типа коротких анекдотических текстов (по признаку композиционно-речевой формы): повествование, описание, рассуждение. Анекдот-повествование (анекдот-нарратив) представляет собой рассказ о некотором происшествии, его главной характеристикой является сценарность, т.е. последовательность событий, при этом последнее из событий оказывается неожиданным и поэтому смешным. Особенность анекдота как нарратива состоит в том, что обычно в нем используется настоящее время, даже если речь идет о последовательности событий в прошлом: «*Приходит поручик Ржев-*

ский на бал...» Отметим, что вводной фразой может быть и предложение, содержащее глагол в прошедшем времени: «*Поспорили заяц, медведь и лиса. Заяц говорит...*» Статистически анекдоты-нарративы являются преобладающими, и это не удивительно, поскольку текстотип анекдота как жанра — это рассказ о некотором смешном событии. Анекдоты-повествования могут быть очень короткими:

(32) *Нашла бабушка в огороде бумеранг и замучилась его выбрасывать.*

Этот текст интересен еще и потому, что в нем обыгрывается весьма важный для нашей лингвокультуры концепт: мучительно совершать одну и ту же ошибку (сравните: *наступать на грабли*).

Анекдоты-описания представляют собой различные виды смешных классификаций:

(33) *В военный универмаг поступили на продажу три вида кубика Рубика: обычный — для солдат, одноцветный — для офицеров и монолит — для генералов.*

Анекдоты-рассуждения — это аргументативные высказывания, часто в диалогической форме, раскрывающие в смешном виде причинно-следственную связь между явлениями (таковы многие анекдоты из серии «армянское радио»):

(34) *Можно ли убить человека газетой? — Можно, если завернуть в нее утюг.*

Очень часто композиционно-речевые формы текстов сочетаются и взаимопересекаются в конкретных анекдотах:

(35) *Правда ли, что врач Тяпкин выиграл в лотерею тысячу рублей? — Правда, но не врач Тяпкин, а слесарь Хряпкин, не в лотерею, а в карты, не тысячу, а трояк, и не выиграл, а проиграл.*

Синтаксический критерий классификации анекдотов есть признак их интертекстуальности. В жанровом отношении анекдоты как тип текста могут быть противопоставлены смешным афоризмам, шуткам, загадкам, дразнилкам, пустоговоркам, частушкам, лимерикам и другим фольклорным и литературным жанрам. В ряду фольклорных жанров анекдот характеризуется анонимностью, как и другие произведения фольклора, но отличается от частушек своей формой и принадлежностью к городскому фольклору. От дразнилок и пустоговорок анекдот отличается по признаку типового возраста рассказчиков (анекдот — сфера взрослой жизни, хотя есть и детские анекдоты, в то время, как дразнилки и многие пустоговорки — сфера сугубо детского дискурса). Некоторые анекдоты-классификации сходны с афоризмами, но афоризмы в отличие от анекдотических определений и классификаций обычно бывают авторскими и предполагают более глубокий смысл. Сравним распространенный анекдот-классификацию и афоризм:

(36) *Чем отличаются дипломаты от девушек? — Если дипломат говорит «да», это значит «может быть», если говорит «может быть», это значит «нет», а если он говорит «нет», то какой же он дипломат? Если девушка говорит «нет», это значит «может быть», если она говорит «может быть», это значит «да», а если она говорит «да», то какая же она девушка?*

(37) *Дурак — это тот, кто не понимает, чем он нам мешает, негодяй — понимает (А. Брейтер).*

Мы видим, что анекдот более тривиален, чем афоризм, сфера анекдота значительно уже (запретная тема), а соответственно круг людей, которым этот текст покажется смешным, значительно шире, чем текст афоризма. Анекдот демократичен по своей природе, афоризм же рассчитан на избранных. Разумеется, есть маргинальные анекдоты и достаточно банальные афоризмы.

Анекдот-повествование, на наш взгляд, представлен двумя основными видами — рассказом о некотором событии и коротким диалогом остроумного содержания. Рассказ о смешном событии может быть классическим нарративом, включающим экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме:

- (38) *Рассказывают, что Ходжа Насреддин предложил эмиру за двадцать лет обучить осла арабской грамоте.*
— *Ты с ума сошел!* — *сказали люди.* — *Это невозможно. Эмир казнит тебя.*
— *За двадцать лет,* — *ответил Ходжа,* — *кто-нибудь из нас умрет — или осел, или эмир, или я.*

Короткий диалог представляет собой повествование о речевых действиях, при этом кульминация действия может заключаться как в ответной реплике, так и в описании этой реплики. Например:

- (39) — *А собственное мнение у вас есть?*
— *Есть, но я его не разделяю.*

Описание реплики противоречит ее содержанию, и в этом состоит соль анекдота:

- (40) — *Как живете, товарищи?*
— *Хорошо!* — *шутят колхозники.*

Анекдот-загадка формально соответствует вопросу с ответом, который известен адресату, но в анекдотичном ответе сталкиваются два текста — первичный и вторичный, при этом первичный текст может остаться в пресуппозиции и может быть выражен частично либо полностью:

- (41) *У Армянского радио спросили:*
— *Есть ли жизнь на Марсе?*
— *Тоже нет.*

Анекдот-афоризм занимает пограничное положение между прототипным анекдотом и остроумным авторским высказыванием, имеющим глубокий смысл. С формальной точки зрения такие анекдоты построены как философские суждения, дефиниции, классификации:

- (42) *Настоящий джентльмен — это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он об нее споткнулся и упал.*

В отличие от настоящего афоризма анекдот-афоризм характеризуется не глубиной смысла, а легким, веселым остроумием. Анекдоты полны оптимизма, в то время как афоризмы могут быть пессимистичными:

- (43) *Подражая человеку, обезьяна еще больше становится обезьяной* (Г. Малкин).

Анекдот-пародия строится по аналогии с каким-либо стандартным текстом, это может быть объявление, лозунг, рецепт, техническая инструкция и т.д. Например:

(44) *На первом этаже круглосуточно работает зеркало.*

Интернет-общение вносит существенные инновации в систему жанров, обозначающих ценностно-маркированные ситуации. Наиболее ярко это отражается в репликах, которые тиражируются в социальных сетях и приобретают статус мемов — единиц культурной информации (идей, образов, мелодий, модных словечек), транслируемых в общении и оказывающих воздействие на широкую аудиторию.

Приведу некоторые вербальные мемы.

(45) — *Признайся, скучала?*
— *Очень! А кто спрашивает?*

В разговоре друзей или знакомых такой вопрос и первая часть ответа на него выглядят вполне естественно, но вторая часть ответа резко меняет всю ситуацию общения, превращая ее в абсурд. Девушка не знает, с кем она общается в сети или по телефону. Перед нами пример встречи людей, один из которых является виртуальной личностью. Растворение личности в подобном общении превращает жизнь в маскарад, в котором возможно всё, и граница между реальным и фикциональным мирами стирается.

Некоторые мемы представляют собой психологически верные наблюдения:

(46) *Когда к тебе обращаются с просьбой: «Скажи мне, только честно!», с ужасом понимаешь, что сейчас придется много врать.*

Нас просят честно сказать о чем-то, предполагая, что нам нечто не нравится. В таком случае человек оказывается в затруднении: с одной стороны, не хочется лицемерить, особенно, если есть основания считать, что нас разоблачат, и, с другой стороны, не хочется портить отношения с людьми. Такое положение приводит к личностному конфликту («с ужасом понимаешь»), но тем не менее вся эта ситуация представляется в чем-то комичной.

Отметим, что многие высказывания, которые участник интернет-дискурса использует в качестве эпиграфов для самопрезентации) выражают иронию или самоиронию:

(47) *Кактус — это глубоко разочаровавшийся в жизни огурец.*

В этой шуточной сентенции прослеживается метафорически выраженное объяснение своего неуживчивого нрава — человеку пришлось столкнуться с разными неприятными людьми, в результате чего доброе и хорошее существо обзавелось для защиты колючками. Шуточные афоризмы часто строятся по определенным моделям метафорического переосмысления реальности:

(48) *Люди делятся на тех, кто карабкается по служебной лестнице, и тех, кто едет на лифте.*

Под лифтом в данном случае понимается знакомство с нужными людьми. Афористы любят аллюзии:

(49) *Сколько яблок промахнулось, упав не на те головы* (Б. Крутиер).

Очевидна ссылка к известной байке о яблоке, упавшем на голову Ньютона, в результате чего был открыт закон всемирного тяготения. Игровое сочетание прямого и переносного значений слова активно используется в подобных высказываниях:

(50) *Всадник без головы особенно опасен во главе эскадрона* (Б. Крутиер).

Название известной книги Т. Майн Рида переосмысливается в виде иронического комментария о действиях власти. Яркие и запоминающиеся образы представлены в жизненных наблюдениях Станислава Ежи Леца:

(51) *Есть фабрики гениев. Нет только сырья*.

Под сырьем понимаются люди, способные к порождению новых идей, значимых для человечества.

Новым жанром интернет-дискурса является демотиватор — пародийный креолизованный текст, в котором приводится высказывание или изображение, включающее вербальный компонент, и краткий комментарий к изображению (Голиков, Калашникова, 2010; Лутовинова, 2016). Демотиваторы иронически откликаются на различные актуальные для современников ситуации. Демотиватор диалогичен: изображение представляет собой аналог первой реплики в диалоге, а комментарий к нему является второй репликой, и именно в комментарии выражается смеховая оценка нелепого положения дел. Интересен следующий текст:

(52) Приводится фотография газетного заголовка *«Групп террориста взяли живьем»*. Снизу подпись: *Я горжусь нашим спецназом*.

Заголовок представляет собой оксюморон, а подпись иллюстрирует ироническую оценку подобных неудачных фраз.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сценарный подход к изучению комических текстов позволяет сделать вывод о том, что комический эффект в них состоит в совмещении несовместимого. Можно выделить две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности. Первая модель включает комическое повторение, комическое противопоставление и комическое переворачивание позиций персонажей, вторая модель прослеживается в шуточных перифразах, пародировании прецедентных текстов и комических аллюзиях. В современной коммуникативной практике часто используются шуточные высказывания с целью самопрезентации. Юмористический либо иронический эффект таких речевых образований выражен в финальной части текста, выполняющей функцию комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аттардо С. Миф о непреднамеренном юморе // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 4—14. [Attardo S. (2003). The myth of unintended humor. In V.I. Karasik, G.G. Slyshkin (eds.) *Axiological Linguistics: ludic and comic in communication: collection of articles*. Volgograd: Peremena, 4—14. (In Russ.)]
- Белл Р. Социолингвистика. М.: Междунар. отношения, 1980. 320 с. [Bell R. (1980). *Sociolinguistics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia. (In Russ.)]
- Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с. [Bergson H. (1992). *Laughter*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с. [Wierzbicka A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 99—111. [Wierzbicka A. (1997). *Speech genres*. *Speech genres*, 99—111. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с. [Wierzbicka A. (1999). *Semantic universals and language description*. Moscow: School “Russian Culture Languages”. (In Russ.)]
- Габидулина А.Р. Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000. С. 295—302. [Gabidullina A.R. (2000). Anecdote from pragmalinguistic point of view. *East Ukrainian Linguistic Collection of articles*. 6, 295—302. (In Russ.)]
- Голиков А.С., Калашникова А.А. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология // Вестник Харьковского государственного университета. 2010. Вып. 16. С. 124—130. [Golikov A.S., Kalashnikova A.A. (2010). Demotivators in internet communication: genesis, meanings, typology. *Kharkov State University Journal*. 16, 124—130. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 57—76. [Gornostaeva A.A. (2016). Irony in speech portraits of modern politicians. *Russian Journal of Linguistics*. 1, 57—76. (in Russ.)]
- Горностаева А.А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С.108—125. [Gornostaeva A. (2018). Ironic Metaphors in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125. (In Russ.)]
- Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. С. 107—118. Grishaeva L.I. (1998). Anecdote as means of social norms and moral values fixation. In: *Problems of Philology and Foreign Languages Teaching Methods*. Omsk: Omsk University Publishers, 107—118. (In Russ.)]
- Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки / Отд. филос., социол., психол. и права РАН. М., 1996. 214 с. [Dmitriev A.V. (1996). *Sociology of Humour: Essays*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Dept. of Sociology, Psychology and Law. (In Russ.)]
- Еленевская М. Двухязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 3. С. 7—27. [Elenevskaya M. (2014). Bilingual humour of immigrants: language play and social adaptation (the case of ludic culture of Russian speaking Israelis). *Russian Journal of Linguistic*, 3, 7—27. (In Russ.)]

- Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с. [Kozintsev A.G. (2007). *Man and laughter*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)]
- Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): монография. Самара: Изд-во Самарск. гос. пед. ун-та, 2004. 264 с. [Kulinich M.A. (2004). *Linguistic Culturology of Humour (on the material of English): monograph*. Samara: Samara University Publishers. (In Russ.)]
- Курганов Е.Я. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с. [Kurganov E.Ya. (1997). *Anecdote as a genre*. Saint-Petersburg: Academic project. (In Russ.)]
- Лутовинова О.В. Демотиватор как вид сетевого творчества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». 2016. № 3. Т. 15. С. 28—36. [Lutovinova O.V. (2016). Demotivator as a kind of network creativity. *Volgograd University Journal*, Vol. 15. 3, 28—36. (In Russ.)]
- Месропова О.М. Прагмасемантическая классификация текстов шуток и анекдотов // Языковая система и социокультурный контекст. СПб., 1997. С. 166—168. [Mesropova O.M. (1997). Pragmasemantic classification of jokes and anecdotes. *Language system and sociocultural context*. Saint-Petersburg, 166—168. (In Russ.)]
- Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281—309. [Minsky M. (1988). Jokes and the logic of cognitive unconscious. *Modern Linguistics Abroad*. Vol. 23. *Cognitive aspects of language*. Moscow: Progress Publishers, 281—309. (In Russ.)]
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. проект, 2001. С. 45—97. [Morris Ch. (2001). Semiotic Theory Foundations. *Semiotic: Anthology*. Ed. By Yu.S. Stepanov. Moscow: Academic Project, 45—97. (In Russ.)]
- Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 212 с. [Myshkina N.L. (1991). *Dynamic and systemic investigation of text meaning*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishers. (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого общения // Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С. 283—290. [Norman B.U. (2003). On anecdote as a genre of indirect communication analysis. *Direct and indirect communication: collection of articles*. Saratov: College, 283—290. (In Russ.)]
- Плотникова С.Н. Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 162—172. [Plotnikova S.N. (2003). Comic discourse. *Axiological Linguistics: ludic and comic in communication: collection of articles*. Ed. by V.I. Karasik, G.G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 162—172. (In Russ.)]
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. 256 с. [Propp V.Ya. (1999). *Problems of comism and laughter. Ritual laughter in folklore (about the fairy tale Nesmeyana)*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.)]
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. С. 133—145. [Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. (1999). Anecdote presentation as a modern Russian speech genre: problems of variation. *Speech Genres: Collection of articles*. Saratov: College, 133—145. (In Russ.)]
- Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.

2014. № 2. C.39—43. [Schurina Yu.V. (2014). Comic speech genres classification in the Internet communicative space. *Volgograd State Pedagogical University Journal*. 2, 39—43. (In Russ.)]
- Alba-Juez L. (2014). Irony as Inferred Contradiction. *Russian Journal of Linguistics*. 4, 140—153.
- Alba-Juez L., Attardo S. (2014). The evaluative palette of verbal irony. In L. Alba-Juez & G. Thompson (eds.) *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins. 2014.
- Alba-Juez L., Larina T. (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*. 2018. 22 (1), 9—37.
- Attardo S. (1994). *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Attardo S. (2001). *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Chiaro D. (1992). *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. London, N.Y.: Routledge.
- Dynel M. (2008). Introduction to special issue on humour: A modest attempt at presenting contemporary linguistic approaches to humour studies. *Lodz Papers in Pragmatics*. 4 (1), 1—12.
- Gornostaeva A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 179—196.
- Giora R. (1991). On the Cognitive Aspect of the Joke. *Journal of Pragmatics*. 16, 465—485.
- Goddard C. (2016). Ethnopragmatic perspectives on conversational humour, with special reference to Australian English. *Language & Communication*, 1—14.
- Goddard C. (2009). Not taking yourself too seriously in Australian English: Semantic explications, cultural scripts, corpus evidence. *Intercultural Pragmatics*. 6 (1), 29—53.
- Goddard C. (2006). Lift your game, Martina! — Deadpan jocular irony and the ethnopragmatics of Australian English. In C. Goddard (ed.). *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 65—97.
- Haugh M. (2017a). Mockery and (non-)Seriousness in initial interactions amongst American and Australian speakers of English. In Donald Carbaugh (ed.). *The Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective*. New York, United States: Routledge, 104—117.
- Haugh M. (2017b). Jocular language play, social action and (dis)affiliation in conversational interaction. In Nancy Bell (ed.). *Multiple perspectives on language play*. Boston, MA, United States: De Gruyter Mouton, 143—168.
- Janes L.M., Olson J.M. (2015). Humor as an abrasive or a lubricant in social situations: Martineau revisited. *Humor: International Journal of Humor Research*. 28 (2), 271—288.
- Kotthof H. (2006). Pragmatics of performance and the analysis of conversational humor. *Humor: International Journal of Humor Research*. 19 (3), 271—304.
- Kuiper N.A., McHale N. (2009). Humor styles as mediators between self-evaluative standards and psychological well-being. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 143 (4), 359—376.
- Kuiper N.A., Leite C. (2010). Personality impressions associated with four distinct humor styles. *Scandinavian Journal of Psychology*. 51, 115—122.
- Leech G.N. (1993). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
- Raskin V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel.
- Soussa A., Bazenga A., Antunes L. (2009). Cross-cultural humour: Humor that divides, humour that unites. An introduction. *Journal of Linguistics and Intercultural Education*, 2 (2), 9—11.
- Vandaele J. (2002). (Re-)Constructing Humour: Meaning and Means *The Translator: Studies in Intercultural Communication*. 8 (2), 149—172.

Wierzbicka A. (2003). *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. New York, Berlin: Mouton de Gruyter.

Yus F. (2018). Attaching feelings and emotions to prepositions. Some insights on irony in internet communication. *Russian Journal of Linguistics*. 1, 94—107.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 июля 2018

Дата принятия к печати: 15 сентября 2018

Article history:

Received: 19 July 2018

Revised: 29 August 2018

Accepted: 15 September 2018

Для цитирования:

Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 895—918. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.

For citation:

Karasik, Vladimir (2018). Algorithms of Comic Texts Construction. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 895—918. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.

Сведения об авторе:

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ КАРАСИК — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина / профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, прагмалингвистика, антропологическая лингвистика, теория дискурса.

Контактная информация: vkarasik@yandex.ru

Bionote:

VLADIMIR I. KARASIK is Dr., Professor, Dept. of General and Russian Linguistics, Pushkin Russian Language Institute / Professor, Tianjin Foreign Studies University. His research interests include Social Linguistics, Pragmalinguistics, Linguistic Anthropology, Theory of Discourse.

Contact information: vkarasik@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944

Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре

В.В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, Саратов, Астраханская, 83, Россия

Национальное своеобразие русской не прямой коммуникации анализируется по лингвокультурологической модели А. Вежбицкой, в которой конкретные характеристики языка и речи осмысливаются через культурные сценарии. Модель А. Вежбицкой была отчасти модернизирована для целей настоящего исследования. Во-первых, опираясь на теорию культурно обусловленных сценариев, мы предлагаем в качестве такого сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, оппозицию персональности ~ имперсональности, представляющую собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи. Во-вторых, в отличие от А. Вежбицкой, считающей целесообразным отказаться от использования понятия косвенности в лингвистических исследованиях, мы считаем целесообразным использовать понятие не прямой коммуникации, определяя ее как явление коммуникативно-интерпретативное (через дополнительные интерпретативные усилия адресата речи). Косвенность в работе трактуется как одна из разновидностей не прямой коммуникации: планируемая не прямая коммуникация. При этом детально анализируем причины, побуждающие русских обращаться к ней (прежде всего косвенным директивным РА и манипуляции). Связываем данные причины, прежде всего, с культурным сценарием — оппозицией персональности ~ имперсональности. С этой точки зрения обсуждается ряд актуальных процессов современной русской речи, обуславливающих обращение к планируемой не прямой коммуникации и изменения в способах такого обращения: разное представление о не прямой коммуникации как средстве повышения вежливости высказывания у представителей разных поколений, а также нежелательность излишней вежливости в некоторых ситуациях и обращение к не прямой коммуникации с целью избежать ее.

Ключевые слова: *А. Вежбицкая, косвенность, планируемая и непланируемая не прямая коммуникация, культурные сценарии, оппозиция персональность ~ имперсональность*

Indirect Communication in the Russian Speech Culture

Vadim V. Dementyev

Saratov State University
Astrakhanskaya, 83, Saratov, 410012

Abstract

The national specificity of the Russian indirect communication is analyzed according to Anna Wierzbicka's linguocultural model in which the specific characteristics of language and speech are interpreted through cultural scenarios. Wierzbicka's model was partially modified for the purposes of this study. Firstly, we suggest to use the opposition of personality ~ impersonality. Secondly, unlike A. Wierzbicka, we consider

it appropriate to use the concept of indirect communication, defining it as a communicative-interpretive phenomenon (through additional interpretative efforts of the addressee of speech). Indirectness itself is defined as one of the types of indirect communication: the planned indirect communication. We analyze in detail the reasons for it to be a part of Russian communicative style (primarily indirect directive speech acts and manipulation), associating these reasons with the cultural scenarios and the opposition of personality ~ impersonality. From this point of view, a number of actual processes in modern Russian speech are discussed, such as planned indirect communication and its: a different understanding of indirect communication as a means of increasing the politeness of statements by different generations, as well as the undesirability of excessive politeness in some situations and appeal to indirect communication in order to avoid it.

Keywords: *A. Wierzbicka, indirectness, planned and unplanned indirect communication, cultural scenarios, opposition "personality ~ impersonality"*

1. ВВЕДЕНИЕ

Систематическое исследование косвенных высказываний, косвенных речевых жанров и косвенности в целом в отдельных культурах (в частности, в русской) до сих пор не было осуществлено, не разработана «теория национальной косвенности», несмотря на то, что данные проблемы относятся к наиболее актуальным в теории и практике лингвистики и культурологии. Большое количество теоретических работ по косвенности (без преувеличения — тысячи) появилось в последние три десятилетия в рамках прагмалингвистики и теории речевых актов (косвенных речевых актов), в последние пятнадцать-двадцать лет, прежде всего в отечественной лингвистике, к ним добавился ряд работ по косвенным речевым жанрам. Много исследований (включая сопоставительные) осуществлено по отдельным аспектам косвенности (см. обзор в: [Дементьев 2014]).

Главными препятствиями в адекватной и всеобъемлющей трактовке феномена косвенности следует признать отсутствие в современной лингвистике, филологии, культурологии единого и общепризнанного определения *косвенности / непрямо́й коммуникации*. Нет однозначных ответов на ряд вопросов. Существует ли непря́мая коммуникация (далее — НК) только в паре с соответствующей прямой коммуникацией (далее — ПК), как ее ситуативная функционально нагруженная «замена», то есть всегда ли НК вторична, возможны ли другие отношения НК ~ ПК, например, вторична и даже вообще необязательна может быть не НК, а ПК? Существуют ли закономерности, общие для всех структурных типов и жанров непря́мой коммуникации, и, если да, могут ли они быть сформулированы в терминологии, сопоставимой по строгости с традиционной структурно-лингвистической? Существуют ли такие же универсальные закономерности для национально-культурной непря́мой коммуникации, и, если да, входят ли они в единую систему правил и норм соответствующей речевой коммуникации или же системы «русской косвенности», «английской косвенности», «японской косвенности» и т.д. существуют по отношению к данной общей системе изолированно и автономно?

В решении этих и других проблем, связанных с уточнением теории национальной косвенности, о которой мы говорим, на наш взгляд, принципиальное значение имеют работы А. Вежбицкой и созданной ею школы по проблемам сопоставительной лингвокультурологии. Подтверждением этому могут служить

работы по некоторым частным вопросам косвенности в разных культурах, в которых используется методика национально-культурных сценариев, метаязыка семантических примитивов и т.п. (Wierzbicka 1983; 1987; 1990; 1991; 2005; 2006; 2009; Goddard & Wierzbicka 1997; Peeters 2009; 2016; Besemeres 2004). Кроме того, осуществлялись исследования отдельных аспектов и единиц русского языка и речи по методике А. Вежбицкой (Гладкова 2010; Gladkova 2013a,b; Шмелев 2018), ряд работ был посвящен коммуникативным правилам и нормам (Карасик 2013), а также описанию прямолинейности и косвенности как доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации (Ларина 2009; Larina 2015). Однако русская косвенность еще не становилась объектом специального исследования.

Сказанное выше определило **цель** настоящей статьи — проанализировать национальное своеобразие не прямой коммуникации в русской культуре по лингвокультурологической модели А. Вежбицкой, которая предполагает осмысление конкретных характеристик языка и речи через культурные сценарии. Особенности русской НК осмысляются нами через культурную оппозицию имперсональности ~ персональности, представляющую собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи. В частности, нами проверяется распространенная гипотеза об ограниченном использовании или даже противопозанности не прямой коммуникации / косвенности в русской речи (Ларина 2005: 254; 2009: 432; Прохоров, Стернин 2006: 159; Стернин 2001: 187; Ключев 1999: 24, 155) на **материале косвенных директивов и манипуляций**, взятых из современной русской речи XX века — материалом послужили отчасти оригинальные записи устной речи (опубликованные и записанные автором и другими русистами-коллоквиалистами (Китайгородская, Розанова 1999; Норман 1987; Сиротинина 1999 и др.), отчасти — стилизованные диалоги русской художественной литературы. В отдельных случаях, с целью сравнения, приводятся данные из других языков (прежде всего английского), а также русской литературы XIX века.

Поскольку в настоящей статье предлагается начальная апробация модели А. Вежбицкой, отчасти модернизированной для новой цели — изучения национального своеобразия НК в русской культуре, — более четкая **структуризация материала**, в частности точные количественные характеристики, не представляются на этом этапе существенными. В будущем на основе предлагаемой модели может быть осуществлено исследование на более четко очерченном по объему и более гомогенном материале, например, разработаны параметры обращения к текстовым корпусам для поиска и обработки адекватного исследованию материала.

2. КОСВЕННОСТЬ ПО А. ВЕЖБИЦКОЙ: МЕТОДИКА НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа сравнительного исследования косвенности в разных культурах разработана Анной Вежбицкой (главы в книге: “Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction” (Wierzbicka 1991: 67—72, 88—104);

русский перевод был опубликован в виде статьи А. Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий „прямота“ vs. „непрямота“» (Вежбицкая 2003); в дальнейшей странице приводим по русскому изданию).

А. Вежбицкая исходит из того, что в разных культурах конкретные речевые формы находятся под регулирующим влиянием разных норм, в результате передаваемые при их помощи значения и смыслы тоже являются разными. Культурно обусловленные сценарии наполняют данные значения и смыслы ценностным содержанием, например, в разных культурах существуют разные представления о табуируемом и, наоборот, предписываемом для обязательного выражения в речи. Поэтому исследователь может оценивать какое-либо коммуникативно-речевое явление той или иной культуры только в рамках данной культуры, но не с точки зрения другой культуры. В частности, было бы неверно определять какое-либо высказывание как «косвенное» только по той причине, что оно является таким в другой культуре.

Перечислим основные положения А. Вежбицкой, высказанные в этой и других ее работах, на которые мы прежде всего будем опираться при анализе русской непрямой коммуникации.

1. Конкретные языковые и речевые категории, нормы использования тех или иных средств находятся под сильным влиянием сценариев национальной культуры, которые наполняют данные категории, конкретные языковые и речевые единицы содержанием (прежде всего оценочным), регулируют правила и ограничения на их использование в речевой коммуникации.

2. Исследование непрямоты/косвенности, претендующее на адекватность, можно осуществлять только с учетом особенностей данной национальной культуры, сложившихся в ее рамках ценностных норм, приоритетов, регулятивов. При описании конкретных явлений той или иной национальной коммуникации следует, с одной стороны, отказаться от универсалистских претензий, с другой — избегать этноцентризма (попыток объяснять явления одной культуры с точки зрения того, что они означают в другой культуре).

3. Недопустимо смешивать (и называть одним и тем же термином «непрямота») явления, проистекающие из действия разных культурных сценариев. Особенно на это следует обращать внимание при сравнении разных культур, но и внутри одной и той же культуры недопустимо смешивать такие явления. Это хорошо показала А. Вежбицкая на материале японской культуры, исследователи которой часто определяют как (одну и ту же) «непрямоту», например, 1) стремление не сообщать в разговоре о том, чего человек хочет: вместо этого он произносит «скрытые» высказывания, надеясь, что адресат поймет его правильно и даст желаемый ответ или совершит желаемое ответное действие; 2) манеру японцев использовать неопределенные выражения, содержащие числа. Например, покупая яблоки, японец скорее скажет: *Mittsu-hodolgurailbakari kudasai* ('Пожалуйста, дайте мне около трех штук') вместо *Mittsu kudasai*: это, подчеркивает А. Вежбицкая, уже другая японская культурная ценность — *enryo*, которую нельзя смешивать, например, с ценностью личной автономии, принятой в англо-американской культуре (Вежбицкая 2003: 148).

4. Не являются универсальными понятия вежливости, гармонии, солидарности, непосредственности, искренности, интимности, самовыражения и самоутверждения и т.д., как и в целом представления о «хорошей речи», «образцовой», через которые некоторые исследователи пытались объяснять косвенность. Тем более не являются универсальными традиции и нормы обращения к непрямым средствам для достижения вежливости, гармонии, самовыражения и т.д.

5. Нормы, регулирующие использование тех или иных речевых средств (в том числе косвенных), являются исторически подвижными. А. Вежбицкая хорошо показала этапы развития косвенности в английской культуре (этап I — свободное использование императивов и перформативных глаголов «требования» (*I pray thee, do it*); этап II — рост ограничений на использование императивов, распространение “whimperatives” (*Could you/ would you do it?*), отказ от перформативного использования глаголов «требования»; этап III — распространение «предложений» (suggestions) разных типов (*I would suggest... / Perhaps you could... / You might like to...*); этап IV — дальнейшая эволюция suggestions: от *I would suggest* до *I was wondering if*). По мнению А. Вежбицкой, главной движущей силой данной эволюции выступила содержательная категория “*Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people*”, понимаемая как культурный «англо-саксонский» запрет на «давление» на людей (Wierzbicka 2006).

Данные положения А. Вежбицкой представляются весьма существенными для настоящего исследования русской не прямой коммуникации и используются в нем в отчасти переосмысленном виде.

В качестве культурного сценария (коммуникативной ценности), в значительной степени регулирующего многие нормы и категории русского языка и речи, в том числе — значение и правила использования не прямой коммуникации (**первое** положение А. Вежбицкой), рассматривается оппозиция персональности ~ имперсональности.

Второе и четвертое положения представляются очень важными: влияние этноцентризма и универсализма испытал и ряд отечественных работ по косвенным высказываниям, где исследователи пытались объяснять явления русской речевой культуры в рамках теории, методики и терминологии, разработанных для других культур (прежде всего англоязычной), объясняя значение и причины обращения к ним теми же факторами, что соответствующие англоязычные выражения в западной прагмалингвистике. Мы попытаемся исправить это ограничение, проанализировав в рамках русских культурных сценариев ряд явлений (косвенные директивы, манипуляцию), показав их настоящее значение.

На **третье** положение Вежбицкой мы опираемся, противопоставляя два вида не прямой коммуникации в русском языке и речи: присущую системе русского языка *непланируемую НК* и регулируемую культурными сценариями *планируемую НК* (оппозиция персональности ~ имперсональности проявляется и в языке, и в речи, но по-разному — см. ниже).

Верность **пятого** положения А. Вежбицкой полностью подтверждается тем, что оппозиция персональности ~ имперсональности значительно меняется, наполняясь новым содержанием в связи с событиями русской/российской истории

(ср. события только новой истории: имперский период, особенно царствование Петра I, сопровождающееся большим количеством заимствований в сфере управления государством, социальных иерархий по типу западных; царствование Николая I с его разросшимся бюрократическим аппаратом; революция и последующее развитие «канцелярита»; постсоветский период с педализацией левого члена оппозиции персональности ~ имперсональности как реакция на советский официоз (Сиротина 2013).

Сформулированные таким образом положения лежат в основе следующих параметров методологической модели:

1. В качестве базовой содержательной категории используется сценарий по А. Вежбицкой — «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, — мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению. <...> они представляют собой некую „наивную аксиологию“, запечатленную в языке» (Вежбицкая 2002: 6).

2. Коммуникативные сценарии, так же как все культурные сценарии, формулируются, прежде всего, на основе лексики (наличие в языке ключевых слов, прямо связанных с формулируемым сценарием, — для русской культуры на эту роль, вероятно, лучше других подходят *общение, отношения, справедливость, душа и по душам*) (включая метафорические модели), фразеологии, паремииологии, прецедентных текстов. Особенно значимыми представляются те лексические, фразеологические и т.д. единицы, посредством которых описываются не прямые способы коммуникации и которые при этом являются отчетливо оценочными. Много информации дает рефлексия внутрикультурных наблюдателей и аутсайдеров, а также отражение информации такого рода в названиях, объявлениях, лозунгах, слоганах, рекламе и т. п.

3. На основе данных источников информации формулируются русские сценарии в виде разных типов высказываний, с использованием в данных формулировках лингвистической терминологии либо без ее непосредственного использования. Ср., например, отраженное в лексике и фразеологии представление о русской гармоничной коммуникации, сформулированное Л.В. Балашовой: «В идеале говорящий, по мнению языкового коллектива, должен быть откровенным, открытым, искренним или отказаться от общения (ср.: *говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить*). Наиболее гармоничная форма общения — это разговор по душам, когда каждый не только и не столько сообщает правдивую или полезную информацию, сколько открывает свою душу, сердце, то есть говорит о самом сокровенном прямо и открыто (ср.: *открыть душу; как на духу; по душам; открывать сердце, положить руку на сердце, с открытым сердцем, с чистым сердцем*)» (Балашова 2003: 106).

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин выделяют среди особенностей русского коммуникативного поведения общительность, эмоциональность (неэмоциональность в общении считается плохим качеством, отражением равнодушия к проблемам

других людей и осуждается), искренность и откровенность в общении, приоритетность неформального общения (формальное <...> в русской культуре рассматривается как менее искреннее, менее эмоциональное, оно рассматривается как церемонное, не ведущее к реальному установлению контакта с собеседником, и в силу этого оценивается русским коммуникативным сознанием негативно), косвенность (Прохоров, Стернин 2006: 155—160; Стернин 2001: 180—217).

4. В качестве сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, в настоящем исследовании используется (пересекающаяся с данными Л.В. Балашовой, И.А. Стернина и др.) оппозиция персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P]), представляющая собой глобальную языковую и речевую категорию, охватывающую большинство уровней и сфер русского языка и речи.

5. Общее пространство не прямой коммуникации членится, в связи с параметрами коммуникативной ситуации, на *планируемую* и *непланируемую*, с неравномерным распределением действия сценариев, описываемых в (1)—(3). На данном начальном этапе работаем с наиболее показательной разновидностью не прямой коммуникации — планируемой (= косвенностью), где сценарии проявляются особенно явно и сознательно, поскольку существуют и могут быть эксплицированы причины обращения к НК. В частности, анализируются такие важнейшие жанры и типы русской планируемой не прямой коммуникации, как косвенные директивы и манипуляция. На данном материале и на данном этапе считаем нецелесообразным полностью отказываться от понятия косвенности, как предлагает А. Вежбицкая (Вежбицкая 2003: 142).

6. Отличие от А. Вежбицкой проявляется также в том, что мы не формулируем значения оппозиции [P] ~ [-P] и ее членов на языке семантических примитивов. Нам представляется, что они в целом малопригодны для этого. Во-первых, за исключением ограниченного количества русских лексических, грамматических и прагматических единиц, описанных, например, А.Н. Гладковой, Т.В. Лариной (Gladkova, Larina 2018; Gladkova 2013a,b), не сложилось устойчивой традиции использовать их для описания явлений русской культуры; а для русской косвенности — фактически никогда. Во-вторых, левому (главному) члену оппозиции [P] ~ [-P] присуща значительная содержательная сложность и многоаспектность (имплицитируются непосредственные отношения с миром без промежуточного социального института, связь с системой этических норм, личностные и психологические характеристики человека — см. ниже). Однако при этом именно он является немаркированным, т.е. подчеркнуто содержательно простым, его значение, с точки зрения универсального семантического метаязыка гораздо более сложное, в русском как раз обычно не эксплицируется, выступая как самопонятное, и с его помощью эксплицируются другие значения.

Конечно, это не уникальный случай среди мировых культур. Многие подобные случаи (и оппозиции) эксплицирует А. Вежбицкая и ее школа. Вероятно, это в принципе возможно и для [P] ~ [-P], но уже на следующем этапе исследования.

3. ПЛАНИРУЕМАЯ НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СОСРЕДОТОЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ ПО А. ВЕЖБИЦКОЙ

Представляется, что избежать противоречий, выявленных А. Вежбицкой, поможет использование противопоставления двух типов не прямой коммуникации: НК-1 и НК-2. Основания противопоставления — непосредственно-коммуникативные.

Непрямая коммуникация в целом определяется нами как содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата (Дементьев 2006: 5).

Различаются два типа использования НК в речи:

1) НК-1 (непланируемая не прямая коммуникация) как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего (а также вследствие недостаточной четкости и однозначности языковой системы, того, что язык «пронизан» НК, — ср. понятия: *актуализация* ⇒ *вариативность* (Ш. Балли), *смысл* ≠ *значению* (Г. Фреге, К. Бюлер), *асимметрия языка* (С. Карцевский), *семантическая* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В.В. Налимов), *фасцинация* (Ю.В. Кнорозов), *неформализованность* (А. Соломоник));

2) НК-2 (планируемая не прямая коммуникация, собственно косвенность) как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это сознательное использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях. Во всех речевых культурах существуют особые риторические приемы использования не прямой коммуникации, эксплуатации ее свойств для достижения различных эффектов. Именно такие эффекты, т.е. приоритеты в коммуникации и способы их достижения при помощи косвенных средств (а точнее, языковых средств, считающихся косвенными в данной культуре) исследует А. Вежбицкая и ее школа. Ср. приводимые ими данные о культурных сценариях, требующих использования средств НК-2: английские *moderate expressing opinions, shared dislike for going to extremes*, японское *enryo*, яванское *etok-etok* и др. (Wierzbicka 1991: 67—72, 88—104; Blum-Kulka & Danet & Gherson 1985; Mizutani & Mizutani 1987, Honna & Hoffer 1989).

НК-1 — преимущественно языковое явление, НК-2 — коммуникативно-речевое. Эти положения подробно изложены нами в (Дементьев 2006). В данном случае считаем уместным выделить наиболее значимые позиции по ним, поскольку они хорошо сочетаются с методикой А. Вежбицкой и позволяют, с одной стороны, эффективно анализировать НК в национальных культурах (прежде всего русской), с другой — избегать недостатков и ограничений, присущих распространенной в современной прагмалингвистике традиции описания косвенных речевых актов в разных культурах. Так, полагаем, что данное определение НК и противопоставление НК-1 и НК-2 позволяет не отказываться полностью от использования понятия косвенности, как предлагает А. Вежбицкая, а существенно уточнить его, как и понятие не прямой коммуникации. Только по отношению

к НК-2 мы предлагаем использовать термин *косвенность*, тем самым, с одной стороны, показывая место косвенности в общем пространстве НК, с другой — обозначая недостатки и ограничения в традиции его изучения в современной прагмалингвистике, исправить которые помогает обращение к модели А. Вежбицкой.

Хотя НК-1, как и все языковые и речевые феномены в рамках той или иной национальной культуры, тоже испытывает влияние национально-культурных сценариев, о которых говорит А. Вежбицкая, только в случае НК-2 существуют непосредственные коммуникативные причины обращения к непрямым (неконвенциональным) средствам, в результате сценарии А. Вежбицкой проявляются особенно наглядно. Все случаи «непрямоты» в разных культурах, критически обсуждавшиеся в вышеназванных работах А. Вежбицкой, относятся, в нашей классификации, к НК-2.

Мы не рассматриваем НК-1 в русском языке, хотя в конечном счете данный аспект не менее важен. Однако выполнение данной задачи предполагает решение ряда общих вопросов, таких как особенности концептуализации и картирования неязыковой действительности через посредство русского языка, информационные структуры в русском языке и т.д., которые еще далеко не решены: большое систематическое исследование ждет своего исследователя. Мы сосредоточиваем внимание на русской НК-2, прежде всего, двух наиболее распространенных и показательных типах: *косвенных директивных речевых актах* и *манипуляции*, анализ которых проводим по методике А. Вежбицкой с учетом важнейших, актуальных для НК сценариев русской культуры, особо отмечая национальное своеобразие (безэквивалентность) их содержательных компонентов, отчасти в сопоставлении с другими языками. При изучении НК-2 мы принципиально отказываемся, в соответствии с данными А. Вежбицкой, от описания и объяснения всех явлений через одни и те же содержательные категории, имеющие «наднациональный» характер. Для каждого явления по отдельности мы стараемся найти регулирующий национально-культурный сценарий или норму.

Наиболее распространенная функционально-целевая классификация типов и жанров речевой коммуникации, опирающаяся на идею В.В. Виноградова о трех важнейших общественных функциях языка — общении, сообщении, воздействии, — позволяет выделять прямые и косвенные речевые средства трех типов. Соответственно, при изучении непрямого общения в разных национальных культурах на первый план выходят жанры *непрямого общения*, *непрямого сообщения*, *непрямого воздействия*, а при изучении данных жанров — факторы, побуждающие адресанта выражаться таким образом. (Конечно, без *воздействия* как такового не обходится ни один коммуникативный акт, оно есть и при общении, и при сообщении, но мы имеем в виду воздействие в более традиционном (и одновременно несколько более искусственном) значении, восходящем к В.В. Виноградову: в таком значении воздействие по сути приравнивается к побуждению (директиву, императиву).)

Рассмотрим подробнее виды и жанры непрямого воздействия, где обращение к средствам НК-2 наиболее очевидно. (О видах и жанрах непрямого общения

(косвенные извинения, комплименты и оскорбления; системы организации неинформативного фатического общения типа *small talk* и т.п.) и сообщения (эвфемизмы и криптонимы) см.: (Дементьев 2006: 189—232; 2014.)

Наиболее значимый и распространенный аспект непрямого воздействия в русской культуре (как и многих других) связан с вежливостью. Данный аспект также является и наиболее культурно обусловленным, на что указывает А. Вежбицкая. Поэтому логично, что именно ему мы уделяем самое большое внимание. Конечно, есть и другие причины возможного обращения к непрямым средствам, но они являются в гораздо большей степени универсальными — ср. *косвенный приказ убить*, относящийся к наиболее распространенным сюжетам мировой литературы. Повторяем, под непрямотой здесь подразумеваем только направление интерпретации высказывания, отличное от простого конвенциональной идентификации знака, а не сложности, возникающие, например, из противоречия между действием разных культурных сценариев, от чего справедливо предостерегала А. Вежбицкая.

Многие исследователи данного явления (например, Храковский, Володин 1986; Рисинзон 2010) указывают на то, что содержание языковых и речевых формул, организующих воздействие на адресата речи (особенно директивных), изначально противоречит требованию вежливости, поэтому практически во всех культурах данные формулы обнаруживают значительную неустойчивость, тенденцию к замене эвфемистическими выражениями.

В современной прагмалингвистике сложилась устойчивая тенденция связывать семантику косвенных директивов с вежливостью. Хотя вежливость сама по себе не является объектом настоящего исследования, следует отметить, что подход к определению и изучению вежливости, который первоначально был преимущественно логическим и универалистским (Leech 1977; Brown and Levinson 1978), в последнее время стараются дополнить учетом национальных особенностей, что сближает данный подход с А. Вежбицкой. Так, выделяются разновидности вежливости: вежливость абсолютная/семантическая и относительная/прагматическая (разделяемая представителями данного социума, более чувствительная к контексту, частным биполярным шкалам) (Leech 2005; Leech, Larina 2014). Но при этом, несмотря на названные уточнения, говоря о значении косвенных РА для вежливости, как представляется, данные и некоторые другие авторы еще недостаточно видят возможное разнообразие функций косвенных РА и причин обращения к ним (т.е. НК-2, в нашем понимании). Например, на шкале «абсолютной вежливости» Лича (весьма показательно, что он иллюстрирует степени абсолютной, т.е. *универсальной*, вежливости только *английскими* идиомами и коллокациями) степень вежливости увеличивается прямо пропорционально повышению степени косвенности:

1) *Will you stand over there?*

2) *Would you stand over there?*

3) *Would you mind standing over there?*

4) *Would you mind standing over there for a second?*

5) *I wonder if you'd mind just standing over there for a second?* (Leech 2005; Leech, Larina 2014: 12).

Лич добавляет, что для китайской и японской культур шкала могла бы быть продолжена за счет большей косвенности, а значит, и большей вежливости, а для русской — наоборот, сокращена (Там же). Тем самым данная модель Лича выгодно отличается от преимущественно универсалистского и англоцентричного подхода, который был присущ, например, ранним работам того же Лича. Однако чисто количественное обозначение отличий (*greater length, shorter*) представляется все же недостаточным.

Мы полагаем, что описываемое Личем соотношение имеет место далеко не всегда, более того: повышение косвенности может использоваться не для повышения, а для понижения вежливости — см. примеры из русской речи ниже.

Может ли вежливость, «дополнительная свобода для адресата речи» (Searle 1975: 60—69) и т.п. проистекать из простого неразграничения смыслов, которое, по сути, является главным семиотическим механизмом и главной отличительной особенностью всех косвенных директивных речевых актов (косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу, по крайней мере теоретически, и в этом — и только в этом — состоит их бóльшая, чем у прямых директивных речевых актов, вежливость)? Очевидно, что нет: в самом по себе отсутствии четкого разграничения смыслов нет ничего вежливого. Прагматика в данном случае обуславливает направления их интерпретации исследователем, а также ряд сложностей интерпретации. Так, действие сценариев проявляется и в НК-1, и в НК-2 (является постоянным), что затрудняет выявление непосредственных причин обращения к НК (НК-2). При этом адекватное материалу изучение предполагает выделение сознательно используемых не прямых средств (НК-2) в связи с конкретным сценарием и только в рамках данной культуры.

Собственно, логичнее было бы (логичнее, конечно, не с точки зрения той или иной конкретной культуры: в каждой культуре «логичнее то, что привычнее», а с точки зрения простой экономии речи, интерпретативных усилий) выражать вежливость, уважение к адресату, предоставление ему некоторых дополнительных прав, удобств и т.п. неиспользованием косвенных средств, которые вообще-то требуют от него некоторых дополнительных интерпретативных усилий для правильного понимания (и тем самым добавляют к побуждению, уже содержащемуся в директивном косвенном РА, побуждение совершить дополнительное действие), а как раз использованием прямых, «простых» средств, не требующих никаких дополнительных интерпретативных усилий. Кстати, именно так обстоят дела в израильской культуре, где «прямота» выступает как коммуникативная ценность, — см. данные об этой культуре, которые приводят А. Вежбицкая и др. (Вежбицкая 2003: 142—143; Blum-Kulka & Danet & Gheron 1985: 129).

Все это позволяет выделить, с точки зрения возможной неопределенности высказывания (точнее — неопределенности коммуникативного намерения адресанта и его интерпретации адресатом), три разновидности непрямого воздействия: (I) не прямое воздействие как НК-1; не прямое воздействие как НК-2 двух типов, а именно: (II) косвенные директивные РА; (III) манипуляция.

(I) **НК-1:** неопределенность присуща и коммуникативному намерению адресанта, и его интерпретации адресатом, например:

(1) (А. *ВХОДИТ В КОМНАТУ, ГДЕ НАХОДЯТСЯ Б. И В., ПОГРУЖЕННЫЕ В РАБОТУ*)

А. *Кто как хочет / но время обеденное //*

Б. *Угу //* (А. *МОЛЧА СОБИРАЕТСЯ И УХОДИТ ОБЕДАТЬ*) (Китайгородская, Розанова 1999: 360).

Является ли высказывание *Кто как хочет / но время обеденное* предложением пойти пообедать вместе или простым сообщением информации, утверждать можно лишь предположительно, причем уверенности не добавляют ни непосредственные речевые реакции собеседников, ни их последующие действия. В высшей степени неопределенной является ответная реплика Б. *Угу* (ее можно понимать и как согласие пойти пообедать вместе — но потом Б. никуда не идет, — и как отказ, и как сигнал о том, что информация получена, — если реплика А. понимается как простое сообщение информации), при этом данная ответная реплика как будто бы вполне удовлетворяет инициатора разговора А, которая не предпринимает попыток ни уточнить ее, ни уговорить коллег.

Возможность неоднозначного и расширительного толкования и инициальной реплики, и реактивных (включая нулевые) реплик делает коммуникацию содержательно многомерной, тем самым дает нам некоторые основания называть ее непрямой, но не позволяет говорить о конкретных коммуникативных причинах обращения к таким средствам (скорее всего, они не ясны самим говорящим). Поэтому можно лишь опосредованно (и предположительно) говорить о наличии культурных сценариев, регулирующих такого рода общение, например, некоторой нормы русской коммуникации, побуждающей отвечать что-то на реплики (хотя бы «угу»), а не молчать. Кроме того, анализ таких ситуаций противоречил бы нашему подходу, поскольку в традиционных исследованиях косвенности коммуникация, подобная приведенному примеру, хотя несомненно опирается на неконвенциональное использование и прочтение знаков, никогда не квалифицировалась как «косвенная», и полемический пафос А. Вежицкой направлен не на корректировку понимания таких ситуаций. Мы предлагаем применить сценарный подход А. Вежицкой к двум другим разновидностям НК-2 (далее им будет посвящен параграф 3).

(II) **Косвенные директивные РА:** высказывания такого рода с уверенностью определяются как воздействие/директивы и адресантом, и адресатом, интенциональным состояниям которых не присуща неопределенность, множественная интерпретация не нужна, но возможна с точки зрения формы высказывания (свойственной средствам НК). Такая форма косвенных директивных РА, как уже было сказано, используется по ряду причин, где важнейшей является вежливость, точнее — представление о вежливости, существующее в данной культуре (в данном случае — возможность двойкой интерпретации высказывания, между формой и содержанием которого существует рассогласование):

(2) (А. *повесила в ванной новую клеенку*)

А. *А ванна все равно подтекает //* **Не посмотришь?**

Б. *(муж) Угу //* *Слив смотреть надо.*

- (3) *(Жена — мужу):*
А. *Жень / тебе к сколько?*
Б. *Мне к десяти // А что?*
А. *Котлет бы вот надо //*
Б. *Ну я схожу //*
А. *Не успеешь //*
Б. *Успею / почему // Ну опоздаю / господи немного // Что случится //* (Примеры М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой).

(III) Манипуляция:

Начнем с рабочего определения манипуляции. В современной психологии, социологии, лингвистике существует несколько десятков дефиниций данного термина-понятия. Мы берем за основу определение психолога Е.Л. Доценко: «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко 1997: 59), уточненное лингвистом К.Ф. Седовым: 1) это воздействие при помощи средств коммуникации (вербальных и невербальных); 2) это скрытое воздействие на собеседника; 3) речевая манипуляция направлена на изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения коммуникативного партнера (Седов 2016: 104).

Наиболее принципиальными признаками манипуляции, отраженными в данных определениях, с нашей точки зрения, являются следующие: во-первых, на адресата оказывается воздействие, а именно: манипуляция — способ побудить адресата совершить действия, не совпадающие с его первоначальными интенциями (в том числе — противоречащие им); во-вторых, воздействие имеет скрытый характер: адресант делает вид, что не только адресат свободен в своем действии или бездействии (т.е. по сути исполнении или неисполнении), но и воздействия нет. Таким образом, неопределенность присуща интенциональному состоянию адресата в случае успеха манипуляции — в этом заинтересован адресант, интенциональному состоянию которого присуща как раз полная определенность: он знает, что это воздействие, — но который при этом делает вид, что воздействия нет. Поэтому, кстати, в случае манипуляции невозможна экспликация «условий успешности», которая характерна для косвенных директивных РА, даже неконвенциональных типа *Ой, как дует!*

Следующий пример из повести А. Рыбакова «Приключения Кроша» хорошо показывает различия между косвенными директивными РА и манипуляцией. Здесь на Игоря осуществляется не прямое воздействие сначала через посредство косвенного директивного РА (Вадим) (безуспешно), потом через посредство манипуляции (Петр Шмаков) (успешно):

- (4) — *В какие края? — покровительственно спросил он <Игорь> нас.*
— *На пляж, в Химки.*
— *Нашли куда ехать! — засмеялся Игорь. — Толкучка! Я еду в Серебряный бор. Пляж — мечта! У меня там встреча с друзьями.*
Вадим вздохнул:
— *Тебе хорошо — у тебя машина.*

В голосе Вадима слышалась просьба взять и нас с собой. Игорь сделал вид, что не понял.

Чего не сумел добиться Вадим, сразу добился Шмаков Петр. Что значит практическая сметка! Шмаков Петр иногда просто меня поражает.

— Не доедешь, — равнодушно проговорил Шмаков.

— Почему?

— Бензопровод засорится.

— Ты думаешь? — встревоженно спросил Игорь и поехал медленнее.

Я сразу понял тактику Шмакова Петра и подхватил:

— Конечно. В баке мусор. Где гарантия, что опять не забьется?

Игорь ничего не ответил. Молча ехал до самого метро. С одной стороны, ему не хотелось брать нас с собой. С другой стороны, боялся ехать один. Вдруг что в дороге случится? Что он будет делать без нас? То, что делают все неумехи. Останавливают проходящую машину и просят шофера помочь.

В то же время косвенные директивные РА и манипуляция, относясь к НК-2, обнаруживают между собой гораздо больше общего, чем с непрямым воздействием как НК-1, где неопределенность присуща интенциональным состояниям и адресанта, и адресата, и наблюдателя.

4. ИЗУЧЕНИЕ ПЛАНИРУЕМОЙ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ В СВЯЗИ С ОППОЗИЦИЕЙ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ ~ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Относим к культурным сценариям, сильно обуславливающим использование косвенных речевых средств в русской планируемой коммуникации, оппозицию **персональности ~ имперсональности**. Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного — и начала социального, неличностного (официального, ритуального). Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, P (personal), то наличие P [P] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие P [-P] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллеktуал; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...*

При всем разнообразии и разнородности есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные. Резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами. Правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю. Левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным. Правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда ~ истина, душа ~ разум, воля ~ свобода*. В то же время не все понятия, именуемые этими лексемами, встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими понятиями / лексемами — например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* — двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство, корпоративность* — малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, в данную оппозицию вступают речевые жанры: так, значимой для русского языка и речи является речевая оппозиция *разговора по душам и светской беседы*. Члены данной оппозиции — антонимичные в русской речевой культуре жанры, — представляя разные нормы выраженного гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речевых картин мира» (подробнее см. в наших работах: (Деметьев 2013; 2016а; 2016б; Dementyev 2016)).

Представляется, что русская культурная оппозиция [P] ~ [-P] имеет большое значение для понимания оппозиции прямоты ~ непрямоты русской коммуникации, хотя, конечно, данные оппозиции далеко не совпадают. К сожалению, этот аспект прямоты ~ непрямоты русской коммуникации почти не затрагивался исследователями (за редкими исключениями: см., например, работы (Ларина 2009; Прохоров, Стернин 2006)). Иногда отмечалась нежелательность подчеркнутой искусности,

риторической изощренности речи в гармоничной русской фатике и ее жанрах, особенно в *разговоре по душам* (Стернин 2003; Фенина 2005), отражение такого отношения находим в русской лексической (прежде всего метафорической), фразеологической и паремиологической картинах мира (ср. *душевный, душа в душу, открыть душу, резать правду-матку* и подоб.) (Балашова 2003; 2017).

Если вернуться к идее о культурных сценариях, обуславливающих выбор тех или иных форм речи (в том числе косвенных), развиваемой А. Вежбицкой, можно сказать, что русская оппозиция [P] ~ [-P] обнаруживает много общего с такого рода сценариями, а именно: то значение, которое в конкретных ситуациях приобретает обращение к косвенным средствам речи, часто естественным образом ассоциируется с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P], а тем самым может вызывать некоторое недоверие, причем это касается не только, например, манипуляции, но и «безобидных» косвенных речевых актов.

По-видимому, именно оппозиция [P] ~ [-P] создает условия, при которых использование косвенных средств ограничивается в русской речи, более того: средства, изначально являющиеся косвенными (вопрос в качестве просьбы и подоб.), подвергаются модификации, в результате чего их степень косвенности значительно уменьшается (иногда доходя до нуля). Это хорошо подтверждает тот факт, что, например, ближайший русский аналог известного примера из англоязычной теории косвенных речевых актов (Дж. Серль): *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’ имеет вопросительную форму: *Не могли бы вы открыть окно?* (могут использоваться и фразы типа *Вы можете открыть окно?*, *Можете ли вы открыть окно?*, *Могли бы вы открыть окно?*, но гораздо реже). Сам по себе этот факт уже является достаточно ярким доказательством неуниверсальности причин обращения к косвенности, выявляемых исследователями. В результате нельзя говорить о выполнении одного из наиболее важных требований, предъявляемых к косвенным РА: адресат не имеет даже теоретической возможности реагировать на высказывание *Не могли бы вы открыть окно?* как на вопросительное, а не директивное, поскольку вопросительное высказывание имеет другую форму. Это настолько жесткое правило в русской речи, что ошибки, «неправильное понимание» фактически исключены и используются только в юмористических, пародийных текстах, вызывающих смех, как, например, в рассказе М. Зубкова «Трешка», который начинается так:

- (5) *Вот подходит недавно один:*
 — *Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?*
 — *Мог бы, — говорю. И иду своей дорогой. <...>*

Предполагаем, что такое распределение отрицательной и неотрицательной формы между директивным и вопросительным иллокутивными высказываниями в русском языке имеет целью сделать невозможным спутать их. Тем самым имеющее вопросительную отрицательную форму директивное иллокутивное высказывание становится в меньшей степени косвенным. Это имеет значение, если, как было сказано выше, в русской культуре действительно существует некоторое недоверие к косвенным РА.

Общая картина (она и есть результат «исправления» Серля концепцией Вежбицкой) в англо-американской коммуникации рисуется следующим образом: косвенные директивы все время расширяют сферу своего употребления, постепенно вытесняя прямые формы, а в последние два-три десятка лет уступают место, как показывает А. Вежбицкая, “suggestions” типа *I would suggest*, и это соответствует выявленному А. Вежбицкой сценарию “*Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people*” (Wierzbicka 2006). В русской, наоборот, косвенные средства дополнительно маркируются как «невопросы», сфера их употребления подчеркнуто закрепляется за побуждениями и тем самым сужается, и это соответствует выявленной нами тенденции ассоциировать косвенные средства с правым членом оппозиции персональности ~ имперсональности. Все это, как представляется, служит хорошей иллюстрацией применения положения А. Вежбицкой о национально-культурных сценариях в сравнении культур.

Более того, в русской коммуникации косвенные просьбы (конечно, вежливые) могут обижать адресата речи. Обычно это происходит, когда общаются представители разных поколений: с точки зрения пожилых людей, косвенные побуждения типа: *За хлебом бы сходить; Форточку бы открыть* (их английские соответствия, по-видимому, *I wonder if you would like to..*, о которых говорит А. Вежбицкая) являются более вежливыми, чем соответствующие прямые, тогда как их собеседники — молодые люди — иногда воспринимали данные формы как «изошренный диктат» (Сиротинина 1999: 27). Ни в англо-американской, ни, вероятно, вообще в западной коммуникации такое положение дел, скорее всего, невозможно¹.

Подчеркиваем, что в данном случае имеется в виду современное состояние русской речевой коммуникации и речевой культуры в целом. Как справедливо указывает А. Вежбицкая, коммуникативные нормы являются исторически подвижными (Wierzbicka 2006). Например, в России XIX века распространенным явлением, насколько можно судить по дошедшим до нас материалам, были коммуникативные конфликты, возникающие по причине использования говорящим не прямой коммуникации в ответ на прямую собеседника в качестве демонстрации социального неравенства, — этот имеющий классовую основу вид использования НК, вероятно, ушел из русской коммуникации вместе с классом аристократии. Ср. пример из «Бесов» Ф. Достоевского:

(6) *Николай Всеволодович зевнул.*

— Надоел я вам, — вскочил вдруг Петр Степанович, схватывая свою круглую, совсем новую шляпу и как бы уходя, а между тем все еще оставаясь и продолжая говорить беспрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнате и в одуше-

¹ У Деборы Таннен комментируется пример, который показывает, что и американцев могут раздражать и обижать косвенные РА, когда в них прочитывается возможное «скрытое неодобрение». Молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» — «Нет, нет, — отвечает ей мать, — просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она рассказала, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама сказала, что она сделала бы это по-другому?» (Tannen 2010: 311).

ленных местах разговора ударяя себя шляпой по коленке. — Я думал еще повеселить вас Лембками, — весело вскричал он.

— *Нет уж, после бы. Как однако здоровье Юлии Михайловны?*

— *Какой это у вас у всех однако светский прием: вам до ее здоровья все равно, что до здоровья серой кошки, а между тем спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и вас уважает до суеверия...*

Добавим, что коммуникативная неудача, возникшая в общении Ставрогина и Верховенского, представляет более общий конфликт России XIX века, протекающий из оппозиции [Р] ~ [–Р]: противопоставление дружеского и светского типов общения, — к которому довольно часто обращался Достоевский в своем творчестве (показательно, что Верховенский называет «светским приемом» Ставрогина не только этикетный вопрос, но и, вероятно, зовок, причем на словах хвалит это, а на деле, как вскоре станет ясно из романа, сильно обижается). Ср. еще один пример из «Бесов»:

(7) — *Я уважения прошу к себе, требую!* — кричал Шатов, — *не к моей личности, — к чорту ее, — а к другому, на это только время, для нескольких слов... Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим. Я не для себя, а для вас. Понимаете ли, что вы должны простить мне этот удар по лицу уже по тому одному, что я дал вам случай познать при этом вашу беспредельную силу... Опять вы улыбаетесь вашей брезгливою светскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите же, что я этого требую, требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!*

Что же касается манипуляции (см. определение выше), она, будучи близка к косвенным РА с точки зрения интерпретативных, семиотических механизмов выведения имплицитных смыслов, резко противопоставлена им в этическом плане. Косвенные РА (по крайней мере, те косвенные директивные РА, о которых мы говорили) являются более вежливыми и в этом отношении более этичными, тогда как манипуляции присуща абсолютная этическая недобросовестность (см. обзоры литературы в: (Дементьев 2006: 15—55; Налимов 2003: 14—46)); при этом запрет на манипуляцию в русской культуре сильнее, чем в других культурах.

Использование косвенных средств является национально специфичным также в русской диссонансной, или конфликтной, фатике и ее жанрах. Особенно это касается ситуаций, когда «грубые слова» используются без агрессии к собеседнику, более того: с симпатией. Такие ситуации оцениваются положительно (*Милые бранятся — только тешатся*).

В русской диссонансной фатике также действует оппозиция [Р] ~ [–Р]. В данном случае с левым членом оппозиции ассоциируется прямая непосредственная (а значит, искренняя) агрессия, с правым — косвенная, предполагающая нанесение ущерба адресату без непосредственного, искреннего чувства к нему у адресанта. Такое отношение широко отражено в русской лексике, идиоматике, паремиологии (Балашова 2003; 2017). В русской литературе находим много ситуаций, когда

прямая непосредственная («человеческая») агрессия (включая даже рукоприкладство) оказывается предпочтительнее «бездушного» обращения к властным институтам, суду и т.п.:

- (8) — *Вы же не слышали, как он тут обзывался...*
— *Это ваше мужское дело! <...> Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка...* (В. Шукшин. Печкилавочки);
- (9) *Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:*
— *Оно бы — по-доброму, по-соседски-то — к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все!* (В. Шукшин. Суд).

Все это обуславливает и дополнительное отрицательное отношение к манипуляции — как к разновидности косвенного агрессивного речевого поведения: манипуляция оценивается даже более отрицательно, чем открытая агрессия. Поэтому манипулятивное коммуникативное поведение может быть лишь относительно успешным, на ограниченных временных отрезках. В любом случае для манипуляции — это пиррова победа.

Кроме того, с правым членом оппозиция персональности ~ имперсональности начинает ассоциироваться вежливость как таковая. Более того: в обществе, где хорошим тоном стало «педалировать» левый член оппозиции (это начинает происходить как своеобразная реакция на официоз в конце советского периода и в начале постсоветского и проявляется например, в распространении нарочито сниженного, вульгаризованного стиля журналистов, артистов, политиков и т.д. (Сиротина 2013)), соблюдение вежливости начинает восприниматься как слабая позиция говорящего, зависимость, ею начинают тяготиться. Но поскольку прямое нарушение вежливости может восприниматься как призыв к конфликту, для того, чтобы избежать вежливости, могут использовать непрямую коммуникацию. (Другую точку зрения см. в (Ларина, Козырева, Горностаева 2012; Харлова 2014 и др.)).

Действительно, замена прямой формы высказывания косвенной далеко не всегда означает смягчение смысла — ср. косвенный (конечно, неконвенциональный) речевой акт *Часов нет?* в качестве вопроса о времени². Косвенные, завуалированные формы побуждения позволяют избежать зависимости, присущей позиции адресанта прямых просьб: *Вы мне не покажете книгу?; Не знаете ли, кто это там, в светлой блузке?; А когда будут носить чай?* На это указывает Б.Ю. Норман еще в конце 1980-х гг., когда говорит о так наз. «парикмахерской

² Это довольно странное по форме выражение было впервые зафиксировано автором настоящей статьи в начале 2000-х гг. в Саратове, где впоследствии получило широкое распространение, в то же время, насколько мне известно, регулярно приводя в веселое недоумение гостей Саратова — москвичей и петербуржцев.

вежливости): «Височки брить *будем?*» (Норман 1987: 120—122). Говорящему «не очень нравится эта зависимость, и косвенные средства <косвенность здесь в выборе формы 1 л. мн. числа вместо требуемой по ситуации 2 л. мн. числа. — *В.Д.*> помогают выровнять позиции собеседников, нейтрализовать различие между ними» (Там же: 120). «Конечно, сказать: „На следующей остановке выходишь?“ — получится грубо. Но спросить: „На следующей выходите?“ — значит продемонстрировать, пусть даже только в речи, свою зависимую позицию. В то же время форма 1 л. мн. ч. <т.е. „На следующей остановке *выходим?*“ — *В.Д.*> как будто бы, по мнению говорящего, позволяет обойти эти сложности» (Там же).

Это соотносится с положениями А. Вежицкой о том, что, во-первых, являются бесперспективными попытки искать универсальные соответствия между понятиями «вежливости» и «косвенности», а во-вторых, и «косвенность», направленная на уменьшение степени вежливости, регулируется культурными сценариями — а именно: оппозицией персональности ~ имперсональности, точнее, педалированием ее левого члена, характерным для русской речи конца советского периода и начала постсоветского.

Добавим, что менее наглядно и более сложно проявляются культурные сценарии (в частности, [P] ~ [-P]) в ситуациях **непрямого общения** в русской коммуникации, например светской беседе, хотя они, несомненно, действуют и здесь. Это непрямота особого рода: нельзя называть все значимые компоненты содержания (в частности, характеризовать межличностные отношения, роль которых для любого фатического общения наиболее велика), но, например, для инициативной фразы светской беседы типа *Хорошая погода сегодня* не существует «прямого» соответствия. При этом в русском языковом сознании светская беседа явно тяготеет скорее к правому члену оппозиции [P] ~ [-P], а тем самым воспринимается в каком-то смысле отрицательно довольно большой частью носителей русского языка, в отличие, например, от *small talk* в английском языке (Стернин 2003; Фенина 2005).

Подобным образом определяется в русской культуре отношение к таким жанрам фатики, как прямые и не прямые комплименты. Как справедливо отмечает М.Ю. Федосюк, «осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации» <прямого комплимента — *В.Д.*>, было бы равносильно утверждению «о возможной неискренности оценки» (1997: 113), что, добавим, противоречит левому члену оппозиции [P] ~ [-P] и тем самым накладывает ограничения на использование прямых комплиментов, заставляя предпочитать им не прямые.

5. ВЫВОДЫ

Нами были рассмотрены несколько аспектов изучения не прямой коммуникации/косвенности в русской культуре, а также выделены и обсуждались некоторые пути их будущего развития в сопоставительной лингвокультурологии на теоретической основе, которая была разработана в трудах А. Вежицкой и ученых ее Семантической школы.

Модель А. Вежбицкой была отчасти модернизирована нами для целей настоящего исследования: во-первых, принимая общую идею А. Вежбицкой о необходимости учитывать культурные сценарии при анализе конкретных языковых и речевых явлений в разных культурах, мы предлагаем в качестве такого сценария, в значительной степени обуславливающего использование косвенных речевых средств, оппозицию персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P]). (Конечно, оппозиция сама по себе не является сценарием, однако значение членов оппозиции по отдельности, в частности правого члена, предполагающего наличие социального института, а отсюда — выбор конкретных языковых средств, по нашему мнению, близко к культурному сценарию в понимании А. Вежбицкой.)

Во-вторых, только отчасти соглашаемся с идеей А. Вежбицкой о том, что нецелесообразно использовать понятие косвенности, от него лучше отказаться (причем А. Вежбицкая подразумевает, очевидно, и косвенность, и непрямую коммуникацию: как известно *indirectness* с английского может быть переведено и как косвенность, и как непрямота). Мы же считаем целесообразным использовать понятие *непрямой коммуникации*, определяя ее как явление прежде всего коммуникативно-интерпретативное (через дополнительные интерпретативные усилия адресата речи). *Косвенность* определяем как одну из разновидностей не прямой коммуникации: планируемую непрямую коммуникацию, — и при ее рассмотрении (а рассматриваем особенно подробно такие виды планируемой не прямой коммуникации в русской культуре, как *косвенные РА* и *манипуляция*) даем оценку конкретным высказываниям с точки зрения оппозиции персональности ~ имперсональности, в результате, как представляется, вносим определенный вклад и в понимание вежливости в русской культуре. Особое внимание при этом уделяем причинам, побуждающим русских обращаться к косвенным директивным РА.

Сфера непрямого воздействия (НК-2), рассмотренная нами, представляет собой, вероятно, наиболее наглядное сосредоточение культурных сценариев по А. Вежбицкой, хотя, конечно, на данном ограниченном материале можно обсуждать лишь часть таких сценариев (и лишь отдельные проявления в рамках одного и того же сценария, например, проявление оппозиции персональности ~ имперсональности ([P] ~ [-P])).

К перспективам исследования относятся другие сферы, такие как художественная коммуникация (НК там является преобладающей) и официально-деловая коммуникация (там доля НК минимальна, но отнюдь не равна нулю, тем самым ее роль и специфические характеристики особенно показательны), а также, вероятно, появление новых аспектов НК в новых (техногенных и т.п.) сферах общения.

© В.В. Дементьев, 2018

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту 34.8128.2017/8.9.

Автор выражает благодарность коллективу рецензентов журнала, которые внесли очень много труда в эту работу.

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

This work was financially supported by the Ministry of Education of Russia within the base portion of the state task within the scientific activities according to the Order number 34.8128.2017/8.9.

I also express my gratitude to the team of reviewers of the journal, who contributed a lot of work to this article.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балашова Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 93—108. [Balashova, L.V. (2003). Verbal'naya kommunikatsiya i ee otrazhenie v idiomatike russkogo yazyka (Verbal communication and its reflection in the idiomatics of Russian). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov, 93—108. (In Russ.)]
- Балашова Л.В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*. 2017. № 1(15). С. 6—29. [Balashova, L.V. (2017). Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Zhanry rechi* (Speech genres), 1 (15), 6—29. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 136—159. [Wierzbicka, A. (2003). Kul'turnaya obuslovlennost' kategoriy «pryamota» vs. «nepryamota» (Cultural conditionality of the categories of “directness” vs. “indirectness”). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov: College, 136—159. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 2(4). С. 6—34. [Wierzbicka, A. (2002). Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke (Russian cultural scripts and their reflection in the language). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* (Russian language in scientific coverage), 2 (4), 6—34. (In Russ.)]
- Гладкова А. *Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010. 304 с. [Gladkova, A. (2010). *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennyye ustanovki* (Russian cultural semantics: emotions, values, life attitudes). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис, 2006. 376 с. [Demytyev, V.V. (2006). *Nepryamaya kommunikatsiya* (Indirect communication). Moscow. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике*. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica). [Demytyev, V.V. (2013). *Kommunikativnyye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* (Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics). Moscow. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. Актуальные проблемы не прямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // *Жанры речи*. 2014. № 1—2 (9—10). С. 22—49. [Demytyev, V.V. (2014). Aktual'nyye problemy nepryamoy kommunikatsii i yeye zhanrov: vzglyad iz 2013 (Actual problems of indirect communication and its genres: the view from 2013). *Zhanry rechi* (Speech genres), 1—2 (9—10), 22—49. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи*. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с. [Demytyev, V.V. (2016a). *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoj rechi* (Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)]

- Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речезанровых заимствований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Том 20. № 1. С. 7—24. [Demytyev, V.V. (2016b). Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovyykh zaimstvovaniy (Some methodological principles for the study of vocabulary borrowings). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 7—24. (In Russ.)]
- Доценко Е.Л. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с. [Dotsenko, Ye.L. (1997). *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* (Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection). Moscow: CheRo, Izd-vo MGU. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. М.: Гнозис, 2013. 320 с. [Karasik, V.I. (2013). *Yazykovaya matritsa kul'tury* (The language matrix of culture). Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект*. М.: Русские словари, 1999. 396 с. [Kitajgorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (1999). *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* (Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect). Moscow. (In Russ.)]
- Клюев Е.В. *Риторика (Извенция. Диспозиция. Элокуция)*. М.: ПРИОР, 1999. 272 с. [Klyuev, E.V. (1999). *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)* (Rhetoric (Invencion. Disposition. Elokucion)). Moscow. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 251—262. [Larina, T.V. (2005). Angliyskiy stil' faticheskoy kommunikatsii (English style of phatic communication). *Zhanry rechi* (Speech genres). Saratov: ITS "Nauka", Vol. 4, 251—262. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с. [Larina, T.V. *Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* (Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions). Moscow. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2012. № 2. С. 126—133. [Larina, T.V., Kozyreva, M.M., Gornostaeva, A.A. (2012). O grubosti i kommunikativnoy etike v mezkul'turnom aspekte: postanovka problemy (On coarseness and communicative ethics in the intercultural aspect: problem statement). *Russian Journal of Linguistics*, 2, 126—133. (In Russ.)]
- Налимов В.В. *Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков*. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. 368 с. [Nalimov, V.V. (2003). *Veroyatnostnaya model' yazyka: O sootnoshenii yestestvennykh i iskusstvennykh yazykov* (Probabilistic model of language: On the ratio of natural and artificial languages). Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers. (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. *Язык: знакомый незнакомец*. Минск: Вышэйшая школа, 1987. 222 с. [Norman, B.Yu. (1987). *Yazyk: znakomuyu neznakomets* (Language: familiar stranger). Minsk: Vysheyshaya shkola. (In Russ.)]
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта, 2006. 193 с. [Prokhorov, Yu.Ye., Sternin, I.A. (2006). *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* (Russians: communicative behavior). Moscow: Flinta. (In Russ.)]
- Рисинзон С.А. *Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: дис. ... докт. филол. наук*. Саратов, 2010. 420 с. [Risinzon, S.A. (2010). *Obshcheye i etnokul'turnoye v russkom i angliyskom rechevom etikete* (General and ethnocultural in Russian and English speech etiquette: dis. ... dr. filol. sciences). Saratov. (In Russ.)]

- Седов К.Ф. *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. М.: Языки славянских культур, 2016. 440 с. (Studia philologica). [Sedov, K.F. (2016). *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* (General and anthropocentric linguistics). Moscow. (Studia philologica). (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 26—31. [Sirotinina, O.B. (1999). Nekotoryye razmyshleniya po povodu terminov «rechevoy zhanr» i «ritoricheskiy zhanr» (Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”). *Zhanry rechi* (Speech genres). Saratov, Vol. 2, 26—31. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с. [Sirotinina, O.B. (2013). *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* (Russian language: system, usus and created by them risks.). Saratov. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Введение в речевое воздействие*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 191 с. [Stermin, I.A. (2001). *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* (Introduction to speech influence). Voronezh. (In Russ.)]
- Стернин И.А. Почему русский человек не любит светское общение? // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 278—283. [Stermin, I.A. (2003). Pochemu russkiy chelovek ne lyubit svetskoye obshcheniye? (Why Russian people do not like secular communication?). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (Direct and indirect communication). Saratov: Kolledzh, 278—283. (In Russ.)]
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102—120. [Fedosyuk, M.Yu. (1997). Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov (Unsolved problems in the theory of speech genres). *Voprosy yazykoznaneya* (Topics in the study of language), 5, 102—120. (In Russ.)]
- Фенина В.В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук*. Саратов, 2005. 253 с. [Fenina, V.V. (2005). *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* (Speech genres ‘small talk’ and ‘svetskaya beseda’ in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.). Saratov. (In Russ.)]
- Харлова М.Л. Концептуализация невежливости в английском и русском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4. С. 119—131. [Kharlova, M.L. (2014). Kontseptualizatsiya nevezhlivosti v angliyskom i russkom yazykakh (Conceptualization of impoliteness in English and Russian). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 119—131. (In Russ.)]
- Храковский В.С., Володин А.П. *Семантика и типология императива: Русский императив*. Л.: Наука, 1986. 270 с. [Hrakovsky, V.S., Volodin, A.P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* (Semantics and typology of the imperative: Russian imperative). Leningrad: Science. (In Russ.)]
- Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. № 22 (3). С. 675—700. [Shmelev, A.D. (2018). Yeshche raz o russkikh slovakh svoboda i volya (Once again about the Russian words of freedom and will). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 675—700. (In Russ.)]
- Besemeres, Mary. (2004). Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 25, # 2 and 3, 140—158.
- Blum-Kulka, Shoshana and Danet, Brenda and Gherson, Rimona (1985). *The language of requesting in Israeli society*. Forgas (ed.), 113—139.

- Brown, Penelope and Levinson, Stephen (1978). 'Universals in language usage: politeness phenomena. Esther N. Goody, ed., *Questions and Politeness*, 56—310. Cambridge: Cambridge University Press. (Reissued 1987 with corrections, new introduction and new bibliography, as a book entitled *Politeness: Some Universals in Language Usage*.)
- Dementyev, Vadim (2016). Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 103—121. DOI 10.22363/2312-9182-2016-20-4-103-121.
- Gladkova, Anna. (2013a). 'Intimate' Talk in Russian: Human Relationships and Folk Psychotherapy. *Australian Journal of Linguistics*, 33:3, 322—343.
- Gladkova, Anna. (2013b). "Is he one of ours?" The cultural semantics and ethnopragmatics of social categories in Russian. *Journal of Pragmatics*, 55, 180—194.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World // *Вестник Российской государственной академии гуманитарных наук. Серия: Лингвистика*. 2018. № 22(3). С. 499—520. [Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520.] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff and Wierzbicka, Anna (1997). Discourse and Culture. Teun A. van Dijk (ed.) *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. L.: Sage, Vol. 2, 231—259.
- Green, Georgia M. (1975). How to get people to do things with words. *Syntax and semantics*. N. Y., Vol. 3: Speech acts, 107—141.
- Honna, Nobuyuki and Hoffer, Bates L. (Eds.). (1989). *An English dictionary of Japanese ways of thinking*. Yuhikaku.
- Larina, Tatiana. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7, 195—215.
- Leech, Geoffrey (1977). *Language and Tact*. LAUT. Series A, paper no. 46.
- Leech, Geoffrey (2005). Politeness: Is there an East-West Divide? *Journal of Foreign Languages*. General serial № 160. 文章编号: 1004—5139 (2005) 06-0024-08 中图分类号: H043 文献标识码: A.
- Leech, Geoffrey (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford / New York: Oxford University Press.
- Leech, Geoffrey., Larina, Tatiana (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9—34.
- Mizutani, Osamu and Mizutani, Nobuko (1987). *How to be polite in Japanese*. Tokyo: Japan Times.
- Peeters, Bert (2009), Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*. Vol. 4, iss. 1, 90—117.
- Searle, John R. (1975). Indirect Speech Acts. Cole Peter, Morgan Jerry L. (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts. N.Y.; S.F.; L.: Academic Press, 59—82.
- Tannen, Deborah (2000). Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy* / ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, N.J.: Hampton Press, 189—212.
- Tannen, Deborah (2010). Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*, 42, 307—316.
- Wierzbicka, Anna (1983). Genry mowy. In T. Dobrzyńska, E. Janus (eds.) *Tekst i zdanie*. Wrocław itd.: PAN, 125—137.
- Wierzbicka, Anna (1987). *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.

- Wierzbicka, Anna (1990). Podwójne życie człowieka dwujęzycznego. *Język polski w świecie*. Warszawa, 71—104.
- Wierzbicka, Anna (1991). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 67—72; 88—104.
- Wierzbicka, Anna (2005). In defense of ‘culture’. *Theory and Psychology. Special issue on ‘culture’ edited by H.J. Stam*. 15 (4).
- Wierzbicka, Anna (2006). Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations. Cliff Goddard (ed.) *Ethnopr pragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Mouton de Gruyter, 31—63.
- Wierzbicka, Anna (2009). Overcoming Anglocentrism in Emotion Research. *Emotion Review*. Vol. 1, 1, 21—23.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 июня 2018

Дата принятия к печати: 25 октября 2018

Article history:

Received: 07 June 2018

Revised: 19 July 2018

Accepted: 25 October 2018

Для цитирования:

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 919—944. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.

For citation:

Dementyev, Vadim (2018). Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 919—944. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.

Сведения об авторе:

ДЕМЕНТЬЕВ ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ — доктор филологических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; *сфера научных интересов*: теория дискурса, коммуникативная аксиология, теория речевых жанров.

Контактная информация: dementevvv@yandex.ru

ORCID ID 0000-0002-7532-5788

Bionote:

VADIM DEMENTYEV is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Saratov State University. His research interests are focused on theory of discourse, communicative axiology, theory of speech genres.

Contact information: dementevvv@yandex.ru

ORCID ID 0000-0002-7532-5788

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-945-965

Listomania, Or Catalog as Technique (With Examples from Poetry and Prose, Classical and Modern, Western and Russian)¹

Alexander Zholkovsky

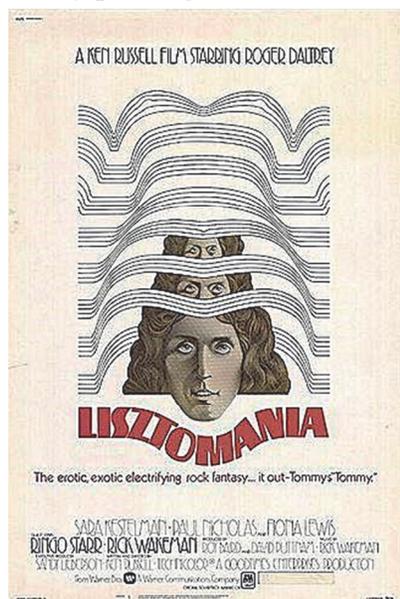
University of Southern California
Los Angeles, CA, USA

Спискомания, или Каталоги как прием (с примерами из поэзии и прозы, классической и современной, западной и русской)

А.К. Жолковский

Университет Южной Калифорнии
Лос-Анджелес, США

Disclaimer: *Lisztomania*, a 1975 film by Ken Russell, drawn from a biography of Franz Liszt, has nothing to do with this paper and is brought up solely to justify my catchy punning title.

1. One of the staple quotables from Vasiliï Akseïnov's *The Island of Crimea* (*Ostrov Krym*, written in 1979, published 1981, English translation by Michel Heim, 1983; very much in the news as we speak in 2014) is the list of goods the protagonist Andrei Luchnikov failed to bring along to the 1970s' Moscow from Paris.

«Не купил: двойных бритвенных лезвий, цветной пленки для мини-фото, кубиков со вшышками, джазовых пластинок, пены для бритья, длинных носков, джинсов — о, Боже! — вечное советское заклятье — джинсы! — маек с надписями, беговых туфель, женских сапог, горных лыж, слуховых аппаратов, „водолазок“, лифчиков с трусиками, шерстяных колготок, костяных шпилек, свитеров из ангоры и кашмира, таблеток алка зельцер, переходников для магнитофонов,

¹ An invited lecture at UC Berkeley, Monday March 31, 2014.

бумажных салфеток, талька для припудривания укромных местечек, липкой ленты „скоч“, да и виски „скоч“, тоника, джина, вермута, чернил для ручек „паркер“ и „монблан“, кожаных курток, кассет для диктофонов, шерстяного белья, дубленок, зимних ботинок, зонтиков с кнопками, перчаток, сухих специй, кухонных календарей, тампекса для менструаций, фломастеров, цветных ниток, губной помады, аппаратов hi-fi, лака для ногтей и смывки, смывки для лака — ведь сколько уже подчеркивалось насчет смывки! — обруча для волос, противозачаточных пилюль и детского питания, презервативов и сосок для грудных, тройной вакцины для собаки, противоблошиного ошейника, газовых пистолетов, игры „Монополь“, выключателей с реостатами, кофемолок, кофеварок, задымленных очков, настенных открывалок для консервов, цветных пленок на стол, фотоаппаратов „поляроид“, огнетушителей для машины, кассетника для машины, насадки STR для моторного масла, газовых баллонов для зажигалок и самих зажигалок с пьезокристаллом, клеенки для ванны — с колечками! — часов „кварц“, галогенных фар, вязаных галстуков, журналов „Vogue“, „Playboy“, „Downbeat“, замши, замши и чего-нибудь из жратвы...»

“Failed to buy double razor blades, color film for mini-photos, flash-bulbs, jazz records, shaving cream, long socks, jeans — Oh, God! The eternal Soviet swear word jeans! — T-shirts with logos, running shoes, women’s boots, downhill skis, sound systems, skivvies, bras and panties, woolen pantyhose, ivory hairpins, angora and cashmere sweaters, Alka-Seltzer tablets, power cables for tape-recorders, paper napkins, talcum powder for secluded spots, Scotch tape and Scotch whisky, tonic, gin, vermouth, ink for Parker and Mont Blanc pens, leather jackets, Dictaphone cassettes, woolen underwear, sheepskin coats, winter boots, foldaway umbrellas, gloves, dried spices, kitchen calendars, tampons, flow-masters, colored thread, lipstick, hi-fi apparatus, nail polish and nail polish remover — how this was underlined! — hair-bands, contraceptive pills and children’s food, condoms and teats for babies’ bottles, triple vaccines for dogs, a flea collar, air pistols, Monopoly games, electric switches and rheostats, coffee grinders, coffee urns, dark glasses, wall-mounted can openers, colored stick-on veneers for tables, Polaroid cameras, car fire extinguishers, car cassette players, STP nozzles for auto grease, gas cylinders for cigarette lighters and piezo-electric lighters, shower curtains with rings, quartz watches, halogen headlamps, knitted ties, *Vogue*, *Playboy*, *Downbeat*, suede leather, and any kind of food he could lay his hands on.”

The list is of historical and ethnographic interest but rather long, deploying as it does about 200 words and over 70 items. It is hard to read through the end, — which, of course, is not necessarily bad. The progenitor of all such catalogs, the list of Achaean ships in Canto II of the *Iliad*, is way longer (around 300 hexameter verses). Small wonder Osip Mandel’shtam confessed reaching only its middle.

There exists a respectable set of studies of Homeric and similar catalogs and, most recently, an impressive piece on Russian literary catalogs with special reference to the poetry of Mikhail Kuzmin by Stanislav Shvabrin (*Svabrin 2011*). In light of this scholarship, I was enticed to look at the traditional roots of Akhmatov’s list of *desirabilia*.

Homer’s catalog is not just a list but a list of lists, and it inventories not so much ships as the names of the commanders from different areas of Greece and the nameless soldiers led by them, whose numbers are suggested by the number of vessels.

The readability of this catalog has been debated since Aristotle, the argument hinging on the role it can be shown to play in the narrative design of the entire epic (and I’ll skip this).

Be that as it may, the catalog remains a huge chunk of static, un-emplotted material, — unlike the portrayal of Achilles' shield in Canto XVII, which was glorified by Lessing for presenting not merely a picturesque list of ornaments but rather the story of its manufacture by Hephaestus.

A history of creating — rather than a list of the created — opens the Bible (post-dating the *Iliad* by only a couple of centuries). Heaven, earth, day, night, land, water, grass, trees and so on — all the way to man, are shown emerging in a six-stage narrative of their creation.

In Homer, unlike Mandel'shtam's very dynamic picture:

...Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладаю **когда-то поднялся**,

Как журавлиный клин в чужие рубежи —

На головах царей божественная пена —

Куда плывете вы? <...>

И море, и Гомер — все **движется** любовью <...>

(Мандельштам, «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»),

the ships do not fly or sail, but are simply listed as having arrived.

2. To be sure, the literary value of a catalog cannot be confined to its dynamism. Inserting a catalog into a literary text is a special case of the splicing “Operation Intertext”. It involves an interaction of the main, literary, text with an “alien” object: a quote from the classics, description of a painting (*ekphrasis*), a philosophical paradigm, a fragment of non-fiction². The mechanism of such transplantation includes a range of options: from a mere copying of the inserted piece to its radical reformatting.

Literary appropriation of a catalog (= a specimen of nonliterary, everyday, business prose) creates tension between loyalty (naive or deliberate) to its extant parameters and their purposeful transformation. The length, order and uniformity of practical inventories are welcome in their literary versions, as they help create a semantic halo of memory and authenticity, but as a rule, they need further, fictional, “fine-tuning”.

The “**memory**” element is well served by the very principle of itemizing, preferably exhaustive: the longer the list, the more convincing it is. In texts designed for oral performance, the mnemonic aspect plays a special role. As human memory prefers storing narratives, rather than inventories, delivering catalogical passages is much harder than retelling even complicated plots; as a result, these passages become a sort of high-wire act. They require the use of special mnemonic techniques, thus enriching the text with additional artistic patterns — semantic, narrative, spatial, phonetic etc. (Minchin 1996).

² To be sure, in actual literary practice, the catalog that is to be “inserted” in the text is quite often not brought in “from the outside” but rather, like everything else there, is created by the author and thus is also a literary artefact. But for the sake of presentation I allow myself this oversimplification — similar to the way in narrative studies the “story” (the Russian Formalists’ *fabula*) is often considered as “raw material” subject to compositional reworking that turns it into “discourse” (*siuzhet*), whereas in fact it is also a product of certain creative devices.

As for the aura of **authenticity**, literary catalogs owe it to the same diligent enumeration, claiming, as it were, no artistic boldness or narrative interest. However, such a lack may conflict with the desirability of entertainment value, — a contradiction that generates a variety of artistic solutions. The linear order inherent in catalogs is quite welcome in poetic texts, as it fits naturally their “successive” format, to use Iurii Tynianov’s signature formula (*suktsessivnost’ stikhovogo riada*); it also helps with verse’s mnemonic function. It is more of a problem for prose and other storytelling genres, which have had to develop multiple techniques of narrativizing their lists.

In turn, the uniformity, that is, the initial **equality** of listed items, potentially contradicts the task of promoting the catalog’s “sponsor”. There are various gradations of **hierarchical orientation** toward the top. For instance, Homer’s ships are, of course, geared to the victory over Troy, but their list is quite extensive and thus horizontal. On the other hand, each verse of Ezekiel’s biblical “Lament over Tyre” either glorifies Tyre’s greatness or prophesies its fall³.

Verticality reaches its maximum in those texts where the listed items are not simply subordinated to the one at the top (as its possessions, tools or other attributes), but are its inalienable characteristics, manifestations, names. Such are the multiple names of gods and titles of monarchs, e.g.:

Титулатура Николая II:

«Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая».

(Nicolas II, Emperor and Autocrat of all the Russias, of Moscow, Kiev...)

Scholars distinguish between simple **lists** and more detailed, so to speak, annotated, **catalogs proper**. I would also separate “real” lists/catalogs from other enumerative constructions widely used in literature. The ones I’ll be focusing on are characterized by:

- countability, that is, a clear tendency to exhaust the entire set;
 - use of numerals and proper names;
 - mention of a written or otherwise compiled and physically existing inventory;
 - foregrounding of its textuality, verbal nature, i.e. its role as “a text inside a text”;
 - and dialogic presentation, emphasizing the status of a list as a social document.
- As we proceed to consider samples of literary catalogs, we will be paying attention to the **paradoxical reconfiguration** of their main parameters, that is, the way
- enumeration mutates into narrative;
 - factography turns virtual and fictional;
 - the horizontal becomes vertical;
 - and the purely informational is textualised, so that matter-of-fact data about persons and objects begin to look like a collection of exotic appellations.

³ See Ch. 27 of the Biblical Book of Ezekiel (6th c. BCE), another early and influential specimen of catalogical (cum naval) discourse.

3. Among Russian classics, Gogol is known for having styled himself as a Homer. *Taras Bulba*, his attempt at a national epic, abounds in catalog sequences, whose memorial character is often emphasized by the motif of **death in battle**.

In *Dead Souls*, some catalog passages sound quasi-Homeric, for instance the list of Sobakevich's dead serfs in Chapter V.

«— Вот, например, каретник **Михеев**! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные <...> [П]рочность такая, сам и обобьет, и лаком покроет! <...> А **Пробка Степан**, плотник? я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика <...> Служи он в гвардии, ему бы Бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом! <...> **Милушкин**, кирпичник! мог поставить печь в каком угодно доме. **Максим Телятников**, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо <...> Да, конечно, мертвые <...> Впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди <...>

Чичиков попросил **списочка крестьян**. Собакевич <...> собственноручно принялся **выписывать** всех не только **поименно**, но даже с означением похвальных качеств <...> [Чичиков] <...> подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно **прописано** ремесло, звание, лета и семейное состояние, но даже **на полях** находились особенные **отметки** насчет поведения, трезвости, — словом, любо было глядеть».

The nostalgic memorial note is trumpeted ironically as Sobakevich, trying to inflate the price, extolls their virtues. Eventually it comes to the actual writing out of the list and commenting on its physical and textual characteristics. Hagglng over the dead's professional merits and monetary value transforms a mere list onto a protracted comic scene.

4. A famous, strictly female list is “The Ballad of the Ladies of Yore” by Francois Villon.

François Villon, “Ballade des dames du temps jadis”:

Dictes moy ou, n'en quel pays,
Est Flora, la belle Romaine;
Archipiada, ne Thaïs
Qui fut sa cousine germaine;
Echo, parlant quand bruyt on maine
Dessus riviere ou sus estan,
Qui beaulté ot trop plus qu'umaine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

Ou est la tres sage Heloÿs,
Pour qui fut chastré et puis moyne
Pierre Esbaillart a Saint Denis?
Pour son amour ot ceste essoïne.
Semblablement, où est la royne
Qui commanda que Buridan
Fust gecté en ung sac en Saine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

La royne Blanche comme lis,
Qui chantoit a voix de seraine;
Berte au grant pié, Bietris, Allis;
Haremburgis qui tint le Maine,
Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Englois brulerent a Rouan;
Ou sont ilz, ou, Vierge souveraine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

Prince, n'enquerrez de sepmaine
Ou elles sont, ne de cest an,
Qu'a ce reffrain ne vous remaine:
Mais ou sont les neiges d'antan?

François Villon, “The Ballad of Dead Ladies” (transl. D.G. Rossetti):

Tell me now in what hidden way is
Lady Flora the lovely Roman?

Where's Hipparchia, and where is Thais,
Neither of them the fairer woman?

Where is Echo, beheld of no man,
Only heard on river and mere, —
She whose beauty was more than human? ...
But where are the snows of yester-year?

Where's Héloïse, the learned nun,
For whose sake Abeillard, I ween,
Lost manhood and put priesthood on?
(From Love he won such dule and teen!)
And where, I pray you, is the Queen
Who willed that Buridan should steer
Sewed in a sack's mouth down the Seine? ...
But where are the snows of yester-year?

White Queen Blanche, like a queen of lilies,
With a voice like any mermaid, —
Bertha Broadfoot, Beatrice, Alice,
And Ermengarde the lady of Maine, —
And that good Joan whom Englishmen
At Rouen doomed and burned her there, —
Mother of God, where are they then? ...
But where are the snows of yester-year?

Nay, never ask this week, fair lord,
Where they are gone, nor yet this year,
Save with this much for an overword, —
But where are the snows of yester-year?

This catalog of names associated with legendary stories about love and death basically sticks to the enumerative pattern. To narrativise it at least in part, the poet introduces a series of refrains — rhetorical questions he asks and answers himself (*Where...? — Alas, where...?*), simulating a sort of a roll call. This involves the reader in interactive participation and enhances the credibility of the discourse, which is delivered in the modest format of shared sorrowful meditation.

The credibility of the list is also certified by the indisputable cultural status of the stories/legends and the social prestige of their heroines (goddesses and queens). As for the note of memorial nostalgia, it naturally emanates from the temporal gap in dealing with figures of a distant past plus the cruelty of the fate that befell them even then. This central theme of martyrdom clearly dominates the rather diverse list.

5. A quite different catalog of women is the so-called **Don Juan list** that appears in Mozart's *Don Giovanni* (libretto by Lorenzo da Ponte).

Lorenzo da Ponte, Leporello's "Catalog Aria" from Mozart's *Don Giovanni*

Madamina, il catalogo è questo
delle belle che amò il padron mio;
un catalogo egli è che ho fatt'io.
Osservate, leggete con me.
In Italia seicento e quaranta,
in Allmagna duecento e trentuna,
cento in Francia, in Turchia novantuna,
ma in Spagna son già mille e tre!
V'han fra queste contadine,
cameriere e cittadine,
v'han contesse, baronesse,
marchesane, principesse,
e v'han donne d'ogni grado,
d'ogni forma, d'ogni età.
Nella bionda egli ha l'usanza

di lodar la gentilezza,
nella bruna la costanza,
nella bianca la dolcezza.
Vuol d'inverno la grassotta,
vuol d'estate la magrotta;
è la grande maestosa,
la piccina è ognor vezzosa ...
Delle vecchie fa conquista
per piacer di porle in lista;
ma passion predominante
è la giovin principiante.
Non si picca se sia ricca,
se sia brutta, se sia bella;
purché porti la gonnella,
voi sapete quel che fa!

"Catalog Aria", transl. from New York City Opera Project: Don Giovanni:

My dear lady, this is a list
Of the beauties my master has loved,
A list which I have compiled.
Observe, read along with me.
In Italy, six hundred and forty;

In Germany, two hundred and thirty-one;
A hundred in France; in Turkey, ninety-one;
In Spain already one thousand and three.
Among these are peasant girls,
Maid-servants, city girls,

Countesses, baronesses,
Marchionesses, princesses,
Women of every rank,
Every shape, every age.
With blondes it is his habit
To praise their kindness;
In brunettes, their faithfulness;
In the very blond, their sweetness.
In winter, he likes fat ones.
In summer, he likes thin ones.

He calls the tall ones majestic.
The little ones are always charming.
He seduces the old ones
For the pleasure of adding to the list.
His greatest favorite
Is the young beginner.
It doesn't matter if she's rich,
Ugly or beautiful;
If she wears a petticoat,
You know what he does.

The catalog of the protagonist's amorous conquests is sung by his trusted valet Leporello and addressed to one of the abandoned women, Elvira. In many ways the catalog is quite traditional: it features 5 toponyms and 5 respective numerals, totaling 1865 females, 16 types (peasant girls... a blonde... a plump one... a debutante), and 11 additional features crowned with the most generic twelfth (skirt wearing).

The list is clearly vertical and remarkably includes no proper names (of women) — only categories. This plays into the image of Don Juan, who is after sheer numbers and variety as tokens of his power, and lends the structure of the catalog an innovatively **impersonal, anonymous** character.

The catalog is physically embodied in an impressive text object (*questo non picciol libro* [this not minuscule book]), compiled by Leporello and shown to Elvira in response to her reproaches. As a result, it is not so much declaimed monologically as enacted dialogically, which is particularly appropriate in a work for the stage.

The list is also animated by its gradually increasing structural complexity. It begins with impersonal numbers, proceeds to social categories of women, then to the types of their assets (like the wintertime advantages of fatties); also mentioned is the protagonist's metatextual care for constantly increasing the length of the list.

The structural development is accompanied by a sequence of three different musical sections of the aria. Joseph Losey, in the film-opera "Don Giovanni" he directed (1979), found a felicitous spatial counterpart to these effects. The mise-en-scene features Leporello and his assistants carrying heavy scrolls which they gradually roll down the steps of castle's wide external staircase. Elvira follows the scrolls, now reading the text, now covering her face in despair.

In this way, the dramatic and musical dynamisation of the list is supported by its graphic spatialization.

The Don Juan list has a Homeric prototype: the catalog of the former lovers of Zeus which he includes in his declaration of love for Hera (*Iliad*, Canto XIV). Her acceptance of this strange courtship is skilfully naturalized — not so much by the list's being strictly virtual (all the affairs are in the past), but above all by the fact that it is Hera that is slyly seducing her husband in order to distract him while Poseidon assists the Achaeans.

6. A Don Juan list narrativized into a short story format underlies the plot of Nabokov's "Skazka" (1930; "Nursery Tale", 1975).

The protagonist, Erwin, encounters the Devil in the shape of a middle-aged German woman who tells him he can have all the women he can "collect" in a day, provided the number is odd. By midnight he has exactly a dozen, then makes the point of adding the thirteenth only to discover that she is the same as the very first one and so has to admit defeat.

The catalogical skeleton of the story is obvious. It comprises:

- formation of a virtual harem with numeric parameters;
- abundance of numeric objects (a dial with four hands; a street and a streetcar, both involving numbers);
- fixation on other numbers, in particular archetypal ones (a dozen and a baker's/devil's (*chertova*) dozen).

Plots based on a gradual unfolding of a list are a common type of narrative. The list can be a set of similar characters (*Ten Little Indians* by Agatha Christie, "The Darling" by Chekhov) or of similar inanimate objects ("Six Napoleons" by Conan Doyle, *The Twelve Chairs* by Ilf and Petrov).

7. Next come lists of **role models**. We can begin with the genre of **genealogy**, dating back all the way to the epic and biblical tradition, in particular, the Gospel genealogies of Jesus. Pushkin authored two specimens of the genre, *Moia rodoslovnaia* (My genealogy) and *Ezerskii*, both saturated with toponyms and names of the protagonist's ancestors and other historical figures.

Then there are the lists of **cultural heroes** or their **works**, mostly **books**, which influenced a literary character.

Pushkin, in his meta sonnet,

Суровый **Дант** не презирал сонета;
В нем жар любви **Петрарка** изливал;
Игру его любил **творец Макбета**;
Им скорбну мысль **Камюэс** облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор **Тавриды** отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы,

annotated and narrativised a gallery of the genre's classics. Such parading of role models and their key properties/attributes was later parodied in Kozma Prutkov's "Честолюбие" (*Дайте силу мне Самсона ...* ["Ambition": *Give me the strength of Samson ...*]).

In the 20th century, the tradition of playing with poets' attributes included, among others:

Mandel'shtam's

«Стихи о русской поэзии» ("Verses about Russian poetry")

«Дайте Тютчеву стрекозу...» ("Give Tjutchev a Dragonfly...")

and Kushner's:

«Наши поэты» (*Конечно, Баратынский схематичен...* ["Our Poets": Of course, Baratynsky is schematic...])

«Кто с чем» (*Мандельштам придет с шубой...* ["Who [Comes] with What": *Mandelstam will come with a fur coat...*])

In such catalogs of role models, the poet often reserves a place for him/herself. The motif of **joining** a coveted **circle of greats** can be quite modest, as in Kushner's «Мне приснилось, что все мы сидим за столом...» (I Dreamed that We All Sat at the Table...). But it can also be defiantly laid bare, as in

Dmitrii Prigov's «В Японии я б был Катулл...» (In Japan, I Would be a Catullus...) and «Там, где с птенцом Катулл, со снегирем Державин...» ("Where Catullus is with a Chick and Derzhavin with a Bullfinch...") — in the footsteps of Khodasevich's «Памяти кота Мурра» (In Memory of Cat Murr).

A classical prototype of such self-promotional catalog poems was of course the episode in Canto IV of the "Inferno", where Dante is accepted as "the sixth among the wise ones," that is, acknowledged as one of their own by Homer, Horace, Ovid, Lucan and Virgil.

A modernist variation on this Dantesque theme yielded, on Russian soil, the format of "**There-are-so-many-of-us**" (**Нас было столько-то**) poems.

It was originated by Pasternak's «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (We Are Few. There Are Perhaps Three of Us...). The title line goes back to the words of Pushkin's Mozart: *Нас мало избранных, счастливых праздных* (We are few, the chosen lucky idlers), which inaugurated focusing **not on the dead classics but on the author's living fellow poets** (Pasternak implies the three are himself, Mayakovsky and Aseev). Later Akhmatova came up with a variation: «Нас четверо. *Комаровские наброски*» (We Are Four. *Komarovo sketches*), where the other three are Mandel'shtam, Pasternak and Tsvetaeva. This was followed up by Andrei Voznesensky's «Нас много. Нас может быть четверо...» ("We Are Many. There Are Perhaps Four of Us...), referring to Akhmadulina, Yevtushenko and Robert Rozhdestvensky.

The above poems share a characteristic lack of direct naming of the — unlisted — names: readers are invited to figure out on their own who belongs to the in-group. Thus, the list is not spelled out but pointedly implied, offering one more variation on the theme of catalog's virtualness. On the contrary, Mayakovsky's «Юбилейное» (The Anniversary Poem), which parodies the most authoritative type of catalog, the encyclopedia, is quite explicit on the subject of naming.

Александр Сергеевич,
 разрешите представиться.
Маяковский <..>
 да и разговаривать не хочется
ни с кем.
 Только
 жабры рифм
 топырит учащенно
у таких, как мы,
 на поэтическом песке.
Мне приятно с вами, —
рад,
 что вы у столика.
Муза это
ловко
за язык вас тянет <..>
 Мне
при жизни
 с вами
 сговориться б надо <...>
 После смерти
 нам
 стоять почти что рядом:
 вы на **Пе,**
 а я
 на **ЭМ.**
Кто меж нами?
 с кем велите **знать**ся?! <...>
 Чересчур
 Страна моя
 поэтами
 нища.
 Между нами
 — вот беда —
позатесался Надсон.
 Мы попросим,
 чтоб его
куда-нибудь
на Ща!
А Некрасов
Коля,
сын покойного Алеши, —
 он и в карты,
 он и в стих,
 и так
 неплох на вид.

Знаете его?
 вот он
 мужик хороший.
Этот
нам компания —
пускай стоит.
 Что ж о **современниках?!**
 Не просчитались бы,
 за вас
 полсотни отдав.
 От зевоты
 скулы
 разворачивает аж!
Дорогойченко,
Герасимов,
Кириллов,
Родов —
 Какой
 однообразный пейзаж!
 Ну **Есенин,**
мужиковствующих свора.
 Смех!
Коровою
в перчатках лаечных.
 Раз послушаешь...
 но это ведь из хора!
Балалаечник! <..>
 Ну, а что вот **Безыменский?!**
 Так...
 ничего...
морковный кофе.
 Правда,
 есть
 у нас
Асеев
Колька.
 Этот может.
 Хватка у него
 Моя <...>
 Были б живы —
 стали бы
 по Лёфу соредатор <...>.
Вы б смогли —
у вас
хороший слог <...>

Mayakovsky turns Dante's formula inside out — futurist-style: the poet does not seek approval from the elect, but on the contrary, condescendingly accepts classics such as Pushkin and Nekrasov into the inner circle of his LEF buddies. At the same time,

a number of “outsiders” are blatantly deleted from the encyclopedia. Thus, Mayakovsky, who started out by tampering with the encyclopedia’s alphabetical order, i.e. its verbal aspect, proceeds to revising its backbone — the list of entries (словник).

8. From metaliterary catalogs, let us now move to metalinguistic ones, those that foreground the verbal aspect of the inventory.

Chekhov’s «Свадьба с генералом» (“Wedding with a General”) reads like a naval phrasebook.

«— Да-с <...> **В старину всё просто было** <...>

Адмирал <...> увидел молодого гардемарина <...>

— Чай, **теперь всё <...> не так, как при нас было** <...> Всякое незначительное слово имеет <...> свое таинственное... ээ... недоумение. Например, **марсовые к вантам, на фок и грот. Что это значит? Это значит, что <...> Иначе надо командовать: саленговые к вантам! Тут уж другой смысл <...> А вот ежели: на брамсели и бом-брамсели! Тут марсовые, которые назначены для отдачи марселей и бом-брамселей, что есть духу бегут с марсов на салинги и бом-салинги, потом... дай бог память... расходятся по реям и раскрепляют означенные паруса, а <...> люди, которые внизу, становятся на брам и бом-брам-шкоты, фалы и брасы <...> Мало ли разных команд <...> Брам и бом-брам-шкоты тянуть, фалы поднимаай! <...> Потравливают брасы <...> а когда уж <...> шкоты натянуты и фалы все до места подняты, то брам и бом-брам-брасы вытягиваются и реи брасуются соответственно направлению ветра...**

— Дядюшка! <...> Это непонятно гостям и... скучно.

[Д]ядюшка не унимался. Он **выкрикивал команду за командой** и <...> **пояснял длинным комментарием** <...>

— И ведь все это **надо помнить!** <...> Вы не понимаете, потому что... **термины!** <...> А молодой человек понимает... Да. **Старину с ним вспомнил** <...> **Пла... плачу... Рад...**».

The focus is once again on ships, however, this time not on *realia*, but on verbal formulas. The text is saturated with terms for sailors’ specialized functions, parts of the rigging and respective actions. The sheer quantity of these items is complemented by the density of the professional lexicon, which calls for *commentaries*, which in turn lead to nonsensical repetitions of the exotic terms. This makes the pile-up of barbarisms even more comic and concentrates attention on the mnemonic and meta-verbal motifs: the ex-admiral emphasizes the need to understand every minor term and remember every command verbatim.

In a sense, we are exposed live to one of those feats of memory that are characteristic of the oral performance of ancient catalog passages. Enhancing the effect is the puzzling — tongue twisting — phonetic similarity of many of the borrowed terms (*марсы, марсовые, марсели, брамсели, бом-брамсели, бом-брам-брасы, брасуются*). The theme of memory is treated both comically (as the forgetful old man keeps saying *дай Бог память* [God grant me memory]), and with touching nostalgia (as he longs for the past: *В старину все просто было; Пла... Плачу... Рад* [In olden times it was all simple; Cry...crying... Glad]).

9. A plethora of verbal lists is found in Ilf and Petrov, whose interest in catalogs lies at the intersection of their two recurrent motifs: mocking Soviet bureaucratic culture and parodying linguistic clichés.

The two are often combined, for example, in Polykhayev's universal stamp, which is a materialized set of directives cast in stone — typographic ink, and in the parodic lessons Ostap Bender gives the foreign specialist:

«— Шрайбен, ириб, геирибен. Писать. Понимаете? <...> Мы, вы, они, оне пишут жалобы и кладут в сей ящик <...> И никто их не вынимает. Вынимать! Я не вынимаю, ты не вынимаешь...» [The verb *to write*, see? <...> *We, you, they write* complaints and put in this box <...> And nobody takes them out. *To take out. I do not take out, you do not take out...*).

But a metalinguistic list can also be indifferent to the theme of bureaucracy, as, for instance, the 30-word long vocabulary of Ellochka Shchukina.

10. To return to lists of real items, so far we have discussed only lists of persons — military men, lovers, poets. But along with those, texts often feature the heroes' geographical — toponymical — coordinates and surrounding objects: in Homer, ships, horses, fields; in Gogol, coaches, stoves, boots and other products of Sobakevich's dead serfs; in Prutkov, the symbolic attributes of the greats.

A major group of listable objects comprises **accessories of everyday human use**. A hilarious case is the **list of anus-wipers** in Rabelais' *Gargantua and Pantagruel* (Book One, Chapter 13). It features 64 kinds, some just listed, some developed into annotations or even mini-plots, and topped off at the end by the utensil Gargantua finds to be the best: a fluffy gosling. The comic effect is achieved, of course, by a carnivalesque parody of epic catalogs.

A widespread type are **loading lists** for various transportation vehicles, predominantly ships, of course.

Each of the four parts of *Gulliver's Travels* begins with the protagonist leaving England and ends with his return, so that, overall, he goes through at least eight major departures. But Jonathan Swift indulges in a loading protocol only once, when Gulliver is to sail home from Blefuscu.

"I stored the boat with the carcasses of a **hundred oxen**, and **three hundred sheep**, with **bread** and **drink** proportionable, and as much **meat** ready dressed as **four hundred cooks** could provide. I took with me **six cows** and **two bulls** alive, with **as many ewes and rams**, intending to carry them into my own country, and propagate the breed. And to feed them on board, I had a good **bundle of hay**, and a **bag of corn**. I would gladly have taken a **dozen of the natives**, but this was a thing the emperor would by no means permit; and, besides a diligent search into my pockets, his majesty engaged my honor "not to carry away any of his subjects, although with their own consent and desire."

Jonathan Swift, *Gulliver's Travels into Several Remote Nations of the World* (Chapter VIII)

The scale of the list (*one hundred... three hundred... four hundred...*) is justified by the minuscule size of the cattle (which will help Gulliver to convince his compatriots of the veracity of his story).

A long delay also precedes the appearance of a loading list in Daniel Defoe's *Robinson Crusoe*. Prior to his main shipwreck, Robinson undertakes several voyages,

which are not inventoried. It is only in Chapter 6 that a catalog appears, unfolding gradually as Robinson looks for and finds various useful items on board the semi-sunken ship and transfers them onto his raft to take to the island.

“My raft was now strong enough <...> My next care was **what to load it with** <...> I got **three of the seamen’s chests**, which I <...> lowered <...> down upon my raft; the first of these I filled with **provisions — viz. bread, rice, three Dutch cheeses, five pieces of dried goat’s flesh** <...> and a little **remainder of European corn** <...> some **barley and wheat** <...> As for **liquors**, I found **several cases of bottles** <...> and, in all, **about five or six gallons of rack** <...>

The tide beg[a]n to flow <...> and I had the mortification to see **my coat, shirt, and waistcoat** <...> swim away. As for my **breeches** <...> I swam on board in them and my **stockings** <...> I had others things which my eye was more upon — as, first, **tools** to work with <...> After long searching <...> I found out the **carpenter’s chest** <...>

My next care was for some **ammunition and arms**. There were **two** very good **fowling-pieces** in the great cabin, and **two pistols**. These I secured first, with **some powder-horns** and a **small bag of shot**, and **two old rusty swords** <...> There were **three barrels of powder** <...> **two of them** dry <...> the **third** had taken water <...> And now I thought myself pretty well **freighted** <...> and began to think how I should get to shore with them”.

Both ship lists are pointedly borderline — and thus smack of virtuality — as they hover between the worlds of the Lilliputians and Robinson’s compatriots, the ship and the uninhabited island, presence and absence, life and death, reality and fiction.

A list of items to be transported by train appears — as a refrain with variations — in Samuil Marshak’s poem «Багаж» (Baggage):

Дама сдавала в багаж
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
 И маленькую **собачонку**.

Выдали даме на станции
Четыре зеленых **квитанции**
 О том, что получен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
 И маленькая **собачонка**.

Вещи везут на перрон.
 Кидают в открытый вагон.

Готово. Уложен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
 И маленькая **собачонка**.

Но только раздался звонок,
 Удрал из вагона щенок.
 Хватились на станции Дно:
 Потеряно место **одно**.
 В испуге считают багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка...
 — Товарищи! Где **собачонка**?

Вдруг видят: стоит у колес
Огромный взъерошенный пес.
Поймали его — и в багаж,
Туда, где лежал **саквояж**,
Картина,
Корзина,
Картонка,
Где прежде была **собачонка**.
Приехали в город Житомир.
Носильщик **пятнадцатый** номер
Везет на тележке багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку,
А сзади ведут **собачонку**.
Собака-то как зарычит,
А барыня как закричит:
— Разбойники! Воры! Уроды!

Собака — не той породы!
Швырнула она **чемодан**,
Ногой отпихнула **диван**,
Картину,
Корзину,
Картонку...
— Отдайте мою **собачонку**!
— Позвольте, мамаша! На станции,
Согласно багажной **квитанции**,
От вас получили багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.
Однако
За время пути
Собака
Могла подрасти!

One item — the only animate one, a little doggie concluding the list, — disappears in the course of the voyage and is replaced with a different one. This enlivens the narrative and prompts the introduction of a nostalgic, Villon-like rhetorical question: — *Товарищи! Где собачонка?* (— Comrades, where is the doggie?).

One of the earliest loading catalogs was, of course, the list of persons and animals to be saved on Noah's ark, which recurs six times, with variations, in the Book of Genesis, chapters 6—8, as God formulates and repeats his instructions to Noah, who then is reported to carry them out (6. 18—20, 7: 1—3, 7—9, 13—16, 8: 15—17, 18—19). Here is the first of these fragments, but the next time the list appears (in the beginning of Chapter 7) the numbers are modified.

Genesis, 6. 18—20:

18. ...and thou shalt come into the ark, **thou, and thy sons, and thy wife, and thy sons' wives with thee**.

19. And of every **living thing** of all flesh, **two** of every sort shalt thou bring into the ark, to keep them alive with thee; they shall be **male and female**.

20. Of **fowls** after their kind, and of **cattle** after their kind, of every **creeping thing** of the earth after his kind, **two** of every sort shall come unto thee, to keep them alive.

Genesis, 7: 2—3:

2. Of every clean beast thou shalt take to thee by sevens, the male and his female: and of beasts that **are not clean** by two, the male and his female.

3. Of fowls also of the air by sevens, the male and the female; to keep seed alive upon the face of all the earth.

Overall, the list is rather abstract: even the members of Noah's family are not named personally, but referred to by their terms of kinship. And the animals are mentioned only at the level of classes, not particular species; most prominent are numerals (twos and sevens).

11. Another traditional type of catalog is a **list of goods offered/ordered as a purchase, gift, ransom**. Such lists are usually presented and repeated only to be rejected.

Sometimes the order itself begins with a formulaic rejection, as, for instance, in Sergei Aksakov's «Аленький цветочек» (The Scarlet Flower), where, incidentally, the coveted objects are **заморские, from overseas**. First, the oldest sister rejects a standard set of gifts, and then each of the younger ones in succession rejects the previous sister's list and offers her own.

The motif of a gift/ransom list also goes back to the *Iliad*, Canto IX, where Agamemnon decides to appease Achilles with gifts. He sends him a list of them with Odysseus, but Achilles rejects it. Agamemnon's list boasts many of the typical parameters of a catalog: the verb "to count, enumerate", and several numerals; toponyms and other proper names; a ship to carry the stuff. Compared to most later gift lists, this one dazzles by including women (among them not only the future Trojan captives but also some of Agamemnon's own daughters) and entire cities.

Literary catalogs can also use as their sources **other types of registers**: train schedules, passenger lists, library catalogs, restaurant menus, class registers etc.

12. As far as **menus** are concerned, worth mentioning are:

Eugene Onegin's Chapter One, stanza XIV, flaunting chic barbarisms:

К *Talon*⁴ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его **Каверин**.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавленный,

И **трюфли**, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И **Стразбурга пирог** нетленный
Меж **сыром Лимбургским** живым
И **ананасом** золотым.

and the episode of Sasha Sokolov's *Palisandria/Astrophobia* where the title narrator-protagonist reports having had dinner with Samuel Beckett and pastes into the text a full menu in Danish, without translation or comments, — in an in-your-face laying bare of the catalog technique.

MENU

Forretter:

Klar Suppe med Kød og Melboller 12.50 kr
Hønsesuppe med Aspires 13.75 kr

Hovedretter:

Medisterpølse med Kartoffler, sovs og Rødbeder 18.50 kr
Frikadeller med sovs, Kartoffler og Rødkål 20.50 kr
Boller i Karry med Ris 16.50 kr
Wienerschnitzel med sovs, Kartoffler og Grøntsager 22.50 kr
Dansk Bøf med Kartoffler, sovs, Bønner og Bløde Løg 25.00 kr

Efterretter:

Vanilleis med Chokoladecreme 8.50 kr.
Fromage med Karamelsauce og Sukater 12.50 kr
2 Pandekager med Hjemmelavet Syltetøj 10.50 kr

The **class list** format was used by Nabokov in *Lolita* (I, 11). Humbert Humbert discovers Lolita's class list on the back of a USA map (a bow to the geographical motif) and engages in a close reading of this *poem*, its *semitranslucent* mystery and the semantic and onomastic connotations of a dozen of the forty names. Nabokov succeeded in provoking a prolific industry of scholarly commentaries to the list, impressive, but of course not authorized, thus creating an additional **virtual** counterpoint to the **quasi**-documentary register.

13. In Soviet literature, the virtual aspect of catalogs gained a new poignancy owing to a sweeping loss of cultural wealth and creature comforts in the course and aftermath of the Bolshevik revolution. An early example of a **list of losses** was Mikhail Kuzmin's 1922 poem «„А это — хулиганская“, — сказала...» (And this one is a hooligan's, — she said...). In it, the poet recalls with bittersweet nostalgia a number of pre-revolutionary realities. The poem features: a set of Russian imperial toponyms; memories of the past; a collector's taste for the names of objects; and an embodied catalog (*Страницы из «Всего Петербурга» ... за 1913 год* [Pages from 'All of Petersburg' [a phone directory]... for the year 1913]).

A similar case is the inventory of Vorobianinov's chairs and other such lists which are physically there in the form of *ордера* (orders) accumulated by the registrar Korobeinikov in Ilf and Petrov's *Twelve Chairs* (1927). Prominent is also the element of meta-verbal attention to exotic names, naturalized by the alphabetical structure of the archive:

«— Есть буква В, — охотно отозвался Коробейников. — Сейчас. Вм, Вн, Ворлицкий <...> Воробьянинов, Инполит Матвеевич» (— Here is letter V, — willingly responded Korobeinikov. — Вм, Вн, Voritsky... Vorobyaniinov, Ippolit Matveevich).

Four years later a list of vanished, scarce, *defitsitnyi* values informs Mandel'shtam poem

Я пью за **военные астры**, за **все**, чем **корили** меня:
За **барскую шубу**, за **астму**, за **желчь петербургского дня**.

За **музыку сосен савойских**, **Полей Елисейских бензин**,
За **розы в кабине ролльс-ройса** и **масло парижских картин**.

Я пью за **бискайские волны**, за **сливок альпийских кувшин**,
За **рыжую спесь англичанок** и **дальних колоний хинин**,

Я пью, но еще не придумал — из **двух** выбираю **одно** —
Душистое **асти-спуманте** иль **папского замка вино**...

Cataloging is prompted by the poet's invariant motifs of separation **from** and longing **for** world values, their obsessive contemplation and mental leafing through. The nostalgic theme finds an ingenious expression in a pointed demarcation of borders: historical (as at first, in the footsteps of Kuzmin, the values listed are pre-revolutionary) and then geographical (the list that follows is of foreign values).

Nostalgic collectors of pre-revolutionary artefacts are at the center of the novels of Konstantin Vaginov, beginning with his 1928 *Kozlinaia pesn'* (The Goat Song). Their collections and catalogs are desperately virtual, as the men are bent on preserving such

evanescent values as old-time culinary recipes or completely ephemeral objects like dreams or scraps of human nails; sometimes the men themselves disdain their bizarre collections.

A likely classic prototype of such catalogs of losses was the list of Peter Grinev's stolen belongings submitted to Pugachev by Savel'ich.

«В это время <...> вижу <...> мой Савельич подходит к Пугачеву и подает ему **лист бумаги** <...> — Это что? — спросил важно Пугачев. — **Прочитай**, так изводишь увидеть <...>

Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. — Что ты так **мудрено пишешь?** <...> Наши светлые очи не могут тут ничего **разобрать**. Где мой обер-секретарь? <...> **Читай вслух** <...>

Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь <...> стал по складам читать следующее: — **Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.** — Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев. — Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич <...> — **Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей. Штаны белые суконные на пять рублей. Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами** <...> **Погребец с чайною посудю** <...>

— Это, батюшка <...> **реестр** барскому добру, **раскраденному** злодеями... — Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев. — Виноват <...> Злодеи не злодеи, а твои ребята <...> порастаскали <...> Прикажи уж **дочитать**. — **Дочитывай** <...> — **Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге четыре рубля. Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей. Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости** <...> **15 рублей.**

— Это что еще! <...> — вскричал [Пугачев], **выхватя бумагу** из рук секретаря и **бросив ее в лицо** Савельичу <...> Заячий тулуп! <...> Да <...> я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы <...>

[Но] Пугачев был, видно, в припадке великодушия <...> Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой **держал в руках свой реестр** <...> — Смейся, сударь, <...> смейся; **а как придется нам сызнова заводится всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет**».

The episode boasts a number of rhetorical effects: a defamiliarized perception of its unfolding by Grinev the narrator; the handing over of an actual list; the twists and turns of its reading (featuring manifestations of Pugachev's thinly disguised illiteracy); and, to top it off, the inclusion of the famous hare skin coat, which was given to Pugachev, not stolen by his underlings, thus firmly rooting Savel'ich's petition in the core plot of *The Captain's Daughter*. Its ironic invoice style —

“Two dressing gowns, one cotton, the other striped silk, six roubles... One uniform of fine green cloth, seven roubles; one pair trousers, white cloth, five roubles; twelve shirts of Holland shirting, with cuffs, ten roubles; one box with tea service, two-and-a-half roubles...”

(Pushkin, *The Daughter of the Commandant*, transl. Mrs. Milne Home)

— is pressed in the service of portraying irrevocable losses in the midst of a social upheaval.

14. The theme of *defitsit*, or manmade scarcity, flourished in the dissident literature of the so-called period of Soviet stagnation. By combining two extant catalog formats, the nostalgic and the trade/gift ones, often with an “overseas” flavor, the popular motif of **an order for a supply of imported goods** (списка-заказа на привоз дефицитных товаров) was created.

Vladimir Vysotsky, the dissident bard, has a song titled “A Trip to the City” («Поездка в город», 1969; listen on-line <http://www.youtube.com/watch?v=4wTOlj15WDw>):

Я самый непьющий из всех мужиков,
Во мне есть моральная сила.
И наша семья большинством голосов
Снабдив меня **списком на восемь листов**,
В столицу меня снарядила,
Чтобы я привез **снохе**
С ейным **мужем по дохе**,
Чтобы **брату с бабой — кофе растворимый**,
Двум невесткам по ковру,
Зятю черную икру,

Тестю — что-нибудь армянского разлива.
Я ранен, контужен, я малость боюсь
Забывать, что кому по порядку.
Я список вещей заучил наизусть,
А деньги зашил за подкладку.

Ну, значит, **брату — две дохи**,
Сестрин **муж**, — ему **духи**,
Тесть сказал: — Давай бери, **что попадется!**
Двум невесткам по ковру,
Зятю беличью икру,
Куму водки литра два, — пускай зальется.

Я тыкался в спины, блуждал по ногам,
Шел грудью к плащам и рубахам,
Чтоб **список вещей** не достался врагам,
Его **проглотил** я без страха.

It tells the story of a redneck whose extended family entrusts him with buying all possible kinds of scarce goods while on his trip to the city. The list is physically there, on paper, he memorizes it by heart and later on swallows it “guerrilla”-style in order to avoid detection by the imaginary enemy — and soon to forget it — in a variation on the themes of memory, virtualness, and nostalgia. Structurally, the text recalls Marshak’s “Baggage”, especially as the variations in the refrain lead to a gradual garbling of the list.

In fact, Vysotsky goes much further, as he keeps slightly rearranging the items. Instrumental in this is the tripartite structure of the item descriptions (“what kind of object” — “with what specific properties” — “for which family member”); the three positions have only to be scrambled. As a result, superimposing, for instance, item: *зятю черную икру* (for the son-in-law black caviar) onto: *брату с бабой — кофе раствори-*

Но помню: **шубу** просит **брат**,
Куму с бабой — все подряд,
Тестю — водки ереванского разлива,
Двум невесткам взять **махру**,
Зятю заячью **нору**,
А сестре — плевать чего, но чтоб красиво.

Да что ж мне, пустым возвращаться назад?
Но вот я набрел на товары.
— Какая валюта у вас? — говорят.
— Не бойсь, — говорю, — **не доллары!**

Так что, отвали мне ты **махры**,
Зять подойдет без **икры**,
Тестю, мол, даешь **духи** для **опохмелки**,
Двум невесткам — все равно,
Мужу сестрину — вино,
Ну, а **мне**, — вот это **желтое в тарелке**.

Не помню про фунты, про стерлинги слов,
Сраженный ужасной догадкой.
Зачем я тогда проливал свою кровь,
Зачем ел тот **список на восемь листов**,
Зачем мне рубли за подкладкой?

Все же надо взять **доху**,
Зятю кофе на меху,
Куму — хрен, а **тесть** и **пивом** обойдется,
Также взять **коньяк в пуху**,
Растворимую **сноху**,
Ну а **брат** и **самогоном** перебьется.

мый (for the brother and his woman instant coffee) and onto: *снохе С ейным мужем по дохе* (to the daughter-in-law and her husband each a deer fur-coat) yields the completely absurd: *зятю кофе на меху* (for the son-in-law coffee with fur lining).

Indeed, the phonetic similarity of many of the keywords predisposes to such confusion, which is reminiscent of the tongue-twisting pile-up of naval terms in Chekhov's "Wedding with a General". In a sense, Vysotsky's move is doubly innovative: the nostalgic yearning for the scarce values is exacerbated by the destruction and forgetting of the list itself. Meanwhile the rearrangement of the list's components pushes the play with textuality to the point of absurdity, in a nod to the mnemonic challenges faced by the ancient bards. But then, Vysotsky *is* a modern-day bard.

Chronologically even closer to Luchnikov's list was the *defitsitnyi* list in Evgeny Yevtushenko's 1977 narrative poem *Северная надбавка* (The Northern Mark-Up). It has a list of orders that the protagonist in the end refuses to fulfill, deciding to give the whole pile of easy money to his struggling sister and her husband who need a better apartment. His decision is inspired by exclusively noble motives, and dubious Western references (such as the "Beryozka" hard-currency store, the dollars and pounds sterling in the Vysotsky song) are completely absent from the text.

15. It is time to return to Aksenov — and start with his general love of catalogs.

In *Затоваренная бочкотара* (1968; Surplussed Barrelware), there is first and foremost the list of all the places, persons and things Haligaliyan that Vadim Drozhzhinin the expert knows only from afar. And then, of course, there is also a ship being loaded with humanitarian assistance for Haligaliya, prompting a register of goods:

«— Короче, Вадик, был я там <...> В шестьдесят четвертом году <...> оформился плотником на теплоход „Баскунчак“, а его в Халигалию погнажи, понял?

— Это было единственное европейское судно, посетившее Халигалию за последние сорок лет, — прошептал Вадим Афанасьевич.

— Точно, — подтвердил Володя. — Мы им **помощь везли** по случаю землетрясения.

— Правильно, — еле слышно прошептал Вадим Афанасьевич, его начинало колотить неслыханное возбуждение. — А не помните ли, **что конкретно вы везли?**

— Да там **много чего** было — **медикамент, бинты, детские игрушки, сгущенки**, хоть залейся, всякого **добра** впрок на **три землетрясения** и **четыре картины** художника **Каленкина** для больниц.

Вадим Афанасьевич с удивительной яркостью вспомнил счастливые минуты **погрузки** этих огромных, добротнo сколоченных **картин**, вспомнил массовое ликование на причале по мере **исчезновения этих картин в трюмах „Баскунчака“**».

The most dramatic turn of events in that plotline is the coming true of Drozhzhinin's platonic dream-lists in the real life of Volod'ka Teleskopov, who actually lands in Haligaliya, personally meets all of Drozhzhinin's pen pals and even gets to have sex with Sylvia Chesterton, inaccessible to Drozhzhinin.

«— Да ничего особенного, — махнул ручкой Володя. — Стою я раз в **Пуэрто**, очень скучаю <...>. Смотрю, симпатичный **гражданин** идет, познакомились — **Мигель Маринадо**. Потом еще один **работяга** появляется, **Хосе-Луис**...

— **Велосипедчик?** — задохнулся Дрожжинин.

— Он. Завязали дружбу **на троих**, потом **повторили**. Пошли к **Мигелю** в гости, и сразу **девчонок сбежалась куча** поглазеть на меня, как будто я павлин **кавказский** из **Мурманского** зоопарка <...>

— Кто же там был из девушек? — трепетал Вадим Афанасьевич.

— **Сонька Маринадова** была, **дочка Мигеля** <...>, затем, значит, **Маришка Рохо** и **Сильвия**, фамилии не помню, ну а потом **Хосе-Луис** на велосипеде за своей **невестой** съездил, за **Роситой**. <...> Ну, **Вадик**, ты пойми <...> я же не железный, верно? Влюбился начисто в **Сильвию**, а она в меня».

Thus, a spectacular narrativization is combined with the nostalgic component of the catalog discourse — in its Soviet version.

The fantastic “island” of Crimea never conquered by the Bolsheviks is, in terms of Mandel’shtam’s demarcation contours, a two-in-one package: a place that is both pre-revolutionary and foreign. Luchnikov’s list comes up as he realizes, in Paris and about to fly to Moscow, that he has bought none of the things unavailable over there (*ничего не купил из того, чего там нет!*), thus articulating precisely an **order for overseas defitsit** (заказ на заморский дефицит), and a still-born one, because of his forgetfulness, as well.

The list that follows (see in the beginning of the paper) is pointedly long, syntactically monotonous, strictly matter-of-fact, as it were, rhetorically modest; Aksenov clearly refrains from the playful relishing of details overdone by Yevtushenko. But he saturates his list with borrowed, markedly foreign words, such as:

мини-фото, джинсы, ангора, кашмир, алка зельцер, «скок», виски, тоник, джина, вермута, «паркер», «монблан», кассета, диктофон, специи, тампекс, менструации, фломастеры, hi-fi, презервативы, вакцина, «Монополь», реостаты, «поляроид», кассетник, STR, баллоны, пьезокристалл, «кварц», галогенный, «Vogue», «Playboy», «Downbeat»,

showing how little has changed since Pushkin’s complaint: *Но панталоны, фрак, жилет — Всех этих слов на русском нет* (... none of these words exist in Russian).

Only occasionally does he interrupt his enumeration with emotional outbursts and repetitions of especially endearing denominations or punctuates it with dry humor:

— **джинсов** — о, Боже! — вечное советское заклатье — **джинсы!**

— **лака** для ногтей и **смывки**, **смывки** для **лака** — ведь сколько уже подчеркивалось насчет **смывки!**

— **клеенки** для ванны — с **колечками!**

— **замши**, **замши...**

— липкой ленты «**скок**», да и виски «**скок**»;

— **противозачаточных пилюль** и **детского** питания, **презервативов** и **сосок** для грудных.

The list does not pretend to narrativity, but on the contrary sticks to factual itemizing, and in this way it lays bare its textuality, being, as it is, a list of words as much as a list of objects. All the same, the overriding theme of *defitsit* is omnipresent.

To conclude, Luchnikov’s list, as ostensibly matter-of-fact as Lolita’s class register, feigns imitating serious catalogs like Homer’s or Robinson Crusoe’s, but does so playfully, à la Gargantua, lovingly threading exotic barbarisms in the spirit of Chekhov’s

ex-admiral and Onegin's and Palisander's menus, Ilf and Petrov's meta-textuality and mock bureaucratise, of Kuzmin and Mandel'shtam's poignant nostalgia and Vysotsky's and Yevtushenko's orders for *zamorskii defitsit*.

© Alexander Zholkovsky, 2018

REFERENCES

- Aksenov, Vasilii (1981). *Ostrov Krym*. Ann Arbor, Michigan: Ardis. (In Russ.)
- Yampol'skii, Mikhail. 2013. *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii*. SPb.: Seans. (In Russ.)
- Minchin, Elizabeth (1996). The Performance of Lists and Catalogs in the Homeric Epics. In Ian Worthington (ed.) *Voice into Text: Orality and Literacy in Ancient Greece*. Leiden: E.J. Brill, 3—20.
- Shvabrin, Stanislav (2011). "The Burden of Memory": Mikhail Kuzmin as Catalog Poet. In Lada Panova (ed.) *The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany*. Bloomington, Ind.: Slavica, 3—25.

For citation:

Zholkovsky, Alexander (2018). Listomania, or Catalog as Technique (with Examples from Poetry and Prose, Classical and Modern, Western and Russian). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 945—965. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-945-965.

Для цитирования:

Zholkovsky, Alexander (2018). Listomania, or Catalog as Technique (with Examples from Poetry and Prose, Classical and Modern, Western and Russian) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 945—965. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-945-965.

Bionote:

ALEXANDER ZHOLKOVSKY (b. 1937; Moscow) has taught at Cornell University (1980—1983) and is a Professor of Slavic Languages and Literatures and Comparative Literature (USC, Los Angeles). A graduate of MGU (1959), he holds a PhD in African linguistics (1970) and has published on linguistic theory (in collaboration with Professor Igor Mel'chuk) and on Russian literature and literary theory (partly in co-authorship with Professor Yurii Shcheglov). He is the author of 30 books, some 300 scholarly articles and several collections of fiction and memoiristic prose. Among his latest books: *Futile Perfections and Other Vignettes* (Moscow, 2015) and *Selected Passages, or Miscellaneous Plots* (Moscow, 2016).

Contact information: Website: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/>
e-mail: alikh@usc.edu

Информация об авторе:

ЖОЛКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ (р. 1937; Москва) — филолог, прозаик. Окончил филфак МГУ (1959), работал в области структурной и компьютерной лингвистики (с И.А. Мельчуком) и африканистики (язык сомали). Эмигрировал (1979), профессор Корнелльского Университета (1980—1983) и Университета Южной Калифорнии (1983—). Автор трех десятков книг и трех сотен статей по литературоведению (в том числе в соавторстве с Ю.К. Щегловым) и нескольких сборников мемуарных вишнеток. Среди последних книг: *Напрасные совершенства и другие вишнетки* (М.: АСТ, 2015) и *Выбранные места, или Сюжеты разных лет* (М.: КоЛибри, 2016).

Contact information: Website: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/>
e-mail: alikh@usc.edu

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987

Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой

С.В. ИONOVA, В.И. ШАХОВСКИЙ

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400131, Россия, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27

Данная статья представляет обзор актуальных аспектов лингвокультурологической теории эмоций А. Вежбицкой, составляющей важнейшую часть ее научных воззрений. В работе прослеживается динамика развития взглядов ученого на проблему эмоций в культуре и языке начиная с 70-х гг. XX в. по настоящее время; актуализируется значительный по объему пласт публикаций А. Вежбицкой, демонстрирующих универсальность и объяснительную силу ее исследовательского метода, системность лингвокультурных, семантических и прагмалингвистических исследований. В статье отмечается широта и многоплановость изучаемых ученым аспектов, включающих эмоциональную семантику слова, эмоциональную прагматику речи, эмоциональные концепты как ключевые слова культуры, эмоциональные средства их вербализации в разных языках, переводоведческие аспекты, способы описания эмоциональных сценариев, разработку универсального матаязыка семантического описания с применением эмоционального оператора «чувствовать» и др. В задачи авторов данной статьи не входит критический анализ спорных положений теории А. Вежбицкой, делался акцент на беспрецедентной новизне и актуальности научных идей А. Вежбицкой, новаторском характере ее исследовательского метода, невероятной работоспособности, честности и корректности ученого в отстаивании своей научной позиции.

Ключевые слова: эмоция, концептуализация эмоций, культурологическая теория эмоций, ключевые слова культуры, эмоциональная семантика, эмоциональный сценарий, метод толкования эмоций, динамика научных взглядов

Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics

S.V. Ionova, V.I. Shakhovskiy

Pushkin Russian Language Institute
Russia, 117485, Moscow, Akademika Volgina st., 6

Volgograd State Social Pedagogical University
V.I. Lenin prospect, 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract

The article overviews the most significant aspects of the linguocultural theory of emotions developed by Anna Wierzbicka. The scientist's outlook on emotions in the context of language and culture is discussed in its dynamic consistency, starting with the 70-s of the XX century up to the present. The voluminous set

of Anna Wierzbicka's published works on emotions demonstrates the universal and explanatory power of her research method and the systematic character of her linguocultural, semantic and pragmalinguistic studies. The article overviews the vastness and diversity of the issues analysed by the linguist, among which are the emotive semantics of the word, emotional pragmatics of speech, emotional concepts as cultural key words, emotional means of their verbalization in different languages, translation issues, ways of describing emotional scenarios, working out the metalanguage of semantic analysis by using the emotional operator "to feel", etc. The article does not aim to provide a critical analysis of Anna Wierzbicka's theory; its unprecedented novelty and topicality as well as the linguist's innovative method of research, unbelievable hard work, honesty and correctness in defending her scientific views are emphasised.

Keywords: *emotion, emotion conceptualization, culturological theory of emotions, cultural key words, emotive semantics, emotional scenario, the method of interpreting emotions, the development of scientific views*

Языковые различия, вероятно, в какой-то мере формируют эмоциональную жизнь, но (...) роль языка часто переоценивается, не говоря уже о том, что его также часто недооценивали

Wierzbicka A. Emotion and Culture: Arguing with Martha Nussbaum

1. ВВЕДЕНИЕ

Имя Анны Вежбицкой устойчиво ассоциируется с ее работами в области межкультурной лингвистики и понимания культур через их ключевые слова. Общепризнанным является тот факт, что А. Вежбицкая — наиболее известный в России ученый, разрабатывающий лингвистические проблемы соотношения языка и культуры, русского языка и языковой картины мира в сопоставлении разноструктурных языков, зарубежный исследователь, пытающегося вскрыть специфику русского менталитета посредством ключевых слов культуры.

В то же время обращение к любым аспектам ее научной концепции неизбежно приводит к рассмотрению взглядов ученого на лингвистическую природу эмоций: эмоциональную семантику слова, эмоциональную прагматику, эмоциональные концепты, проблему их инвентаризации и перевода, асимметрии средств их вербализации в разных языках, способов универсального описания эмоциональных сценариев и т.д. Эмоции, пронизывая язык, речь, коммуникацию и все виды человеческой деятельности, сегодня для любого лингвиста являются принципиально важным объектом научного исследования: «Какой бы проблемой ни занимался лингвист, можно с уверенностью сказать, что на каком-то этапе исследования он сталкивается с определенным аспектом проявления в языке эмотивной функции» (Филимонова 2007: 36). Но когда речь идет о научной концепции А. Вежбицкой, то становится очевидным, что эмоции не случайным образом вошли в систему ее научных интересов и пронизывают все этапы ее научной деятельности.

2. ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ А. ВЕЖБИЦКОЙ

Уже первые из известных работ А. Вежбицкой, вышедшие в начале 70-х гг. прошлого века, демонстрируют, что вопросы эмоционального языка как репрезентации картины мира с неизбежностью возникают и теснейшим образом вплетаются

ются в ткань ее лингвистической концепции. В 1973 году, вслед за выходом в свет книги «*Semantic Primitives*» (Wierzbicka 1972), автор публикует статью «*The semantic structure of words for emotions*» (Wierzbicka 1973), которая сегодня не является частотно цитируемой, однако остается значимой для интерпретации научных взглядов А. Вежбицкой: она знаменует собой этап постановки вопроса о месте эмоций в актуальной для нее тематике и обосновывает область языковых обозначений эмоций в качестве особого предмета исследования.

Действительно, являясь частью референцируемой действительности, эмоции представляют собой особое психологическое явление, наделенное рядом специфических качеств (кластерностью, динамичностью, континуальностью, дифференцируемостью, имплицитностью протекания, субъективностью восприятия и интерпретации и др.), которые позволяют говорить об эмоциях как о сложном лингвистическом объекте (Barrett 2006; Ekman 1999, Izard 2009), сочетающем в себе целый комплекс значимых признаков.

Указанная статья и последующие за ней публикации А. Вежбицкой, как и другие лингвистические работы того времени, были посвящены структурно-семантическим проблемам лексики эмоций, метаязыку их описания, накоплению частноязыковых наблюдений над единицами с эмотивной семантикой в разноструктурных языках (см., например: Шаховский 1987). В русле структурно-системного языкознания необходимо было решить задачу исследования наряду с логико-понятийными компонентами субъективных компонентов значения единиц языка, сформировать знания об эмотивном коде языка. Для науки 70—80-х гг., когда только начали зарождаться контуры новой, гуманистической лингвистической парадигмы, с пристальным вниманием к носителю и пользователю языка, к его психологии, было актуальным и новым обоснование системных свойств семантических элементов языка, кодирующих фрагменты субъективной сферы личности (Ионова 2004; Ионова, Ларина, 2015). Начало работы, направленной на внесение категориальной четкости в мало формализованное тогда пространство эмоциональных смыслов, определяет актуальность и новаторство научной концепции А. Вежбицкой.

Мотивом для обращения ученого к данной проблематике послужила продолжающаяся работа А. Вежбицкой над семантическим метаязыком описания (Wierzbicka 1972; 1994в; 1996; 2009в), в ходе которой был неизбежно актуализирован вопрос о возможности представления эмоциональных концептов посредством универсального семантического языка, а также об использовании в нем элементов с эмоциональной семантикой для наиболее точного и адекватного описания «универсального алфавита человеческих мыслей» (Wierzbicka 1990б; 1992б; 1994; 1996; 2009в; 2010б, 2010в).

В 80-е годы в трудах А. Вежбицкой активизируется аспект исследования эмоций, который можно охарактеризовать формулировкой одной из ее статей: различия в языках, речевых актах, культурах (Wierzbicka 1985). Именно в этот период оформляется основной тезис семантической теории ученого: утверждение о существовании универсальных понятий человеческой культуры, где эмоциональные концепты занимают значительное место и могут быть представлены

в качестве элементарных семантических компонентов (примитивов), при помощи которых возможно описание межкультурных различий языков и их носителей.

Интеркультурный анализ и полученные к этому времени первоначальные результаты описания А. Вежбицкой эмоциональных единиц в разных языках потребовал от нее обращения к традиционной, однако до сих пор не решенной в лингвистике проблеме — вопросу о соотношении языка и мышления, универсального и культурно специфического, рационального и эмоционального в языковой репрезентации мира. См. Ее работы: *Human Emotions: Universal or Culture-Specific?* (1986); *L'amour, la colere, la joie, l'ennui: La semantique des emotions dans une perspective transculturelle* (1988); *Semantic primitives and lexical universals* (1989); *Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History* (1989).

Данный период разработки эмоциональной концепции А. Вежбицкой можно охарактеризовать как этап постановки проблем, научных дискуссий и апробации важнейших теоретических вопросов ее концепции, выделения наиболее продуктивных подходов к их решению. В публикациях исследователя универсальная релевантность «семантических примитивов» подается в качестве гипотезы, демонстрация его применимости делается главным образом на материале английского и некоторых славянских языков, метаязыком описания также является преимущественно английский язык.

В 90-е годы лингвистические подходы А. Вежбицкой в ряде работ языковедов, культурологов и психологов обозначается в качестве «теории семантических универсалий» (Wierzbicka 1999; Emotions 2001), обоснованной междисциплинарной позиции ученого, нашедшей подтверждение и одобрение в концепции других исследователей (Фрумкина 1994; Шаховский 1996; Падучева 1996; Goddard 1997).

Данная тема стала поистине теоретической скрепой всей научной деятельности А. Вежбицкой, сохраняющейся на протяжении десятков лет, возникающей вновь и вновь практически в каждой значимой публикации автора, получающей развитие в связи с постановкой новых исследовательских задач всемирно известного ученого.

В применении к языку эмоций основной тезис А. Вежбицкой сводится к следующему: язык является ключевым вопросом в понимании человеческих эмоций, и вопрос метаязыка является ключевым в методологии исследования эмоций (Wierzbicka 2009в). У большинства лингвистов и психологов разных стран в 90-х гг. это положение уже не вызывает возражений и используется в качестве отправной точки для дальнейших рассуждений. Теоретические выводы А. Вежбицкой в работах этого периода в полной мере находят отклик в лингвистических и культурологических исследованиях ученых разных стран. Например: «Язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» (Шаховский 2002: 59).

Именно в этот период выходят в свет наиболее значимые теоретические работы А. Вежбицкой, посвященные исследованию эмоций: монография *Emotions*

across Languages and Cultures (1999); статьи и обзоры: *Talking About Emotions: Semantics, Culture, and Cognition* (1992); *Defining Emotion Concepts* (1992); *Kisses, Handshakes, Bows: The Semantics of Nonverbal Communication* (1995); *Reading human faces: Emotion components and universal semantics* (1993); *Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective* (1995); *The semantics of emotions: Fear and its relatives in English* (1990); *Talking about emotions: Semantics, culture, and cognition* (1992); *Russian emotional expression* (1998); “Sadness” and “Anger” in Russian: *The non-universality of the so-called “basic human emotion”* (1998); *Everyday conceptions of emotion: A semantic perspective* (1995); «Грусть» и «гнев» в русском языке: *неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций»* (1999); *Emotions across Languages and Cultures* (1999), и др. Идет активная работа над понятиями и терминами. Метаязык семантического описания в работах этого периода в качестве обязательного элемента включает универсальное понятие «чувствовать».

2000-е годы — наиболее плодотворные для А. Вежбицкой в разработке эмоциональной теории, период ее победного шествия с возможностью авторитетного и максимально аргументированного изложения позиции автора: *On Emotions and on Definitions: Language and Metalanguage: Key Issues in Emotion Research* (2009); *Overcoming Anglocentrism in Emotion Research* (2009); *The Body in Description of Emotion* (with: Enfield 2002); *Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience* (with: Besemeres, 2010); *The Concept of Frustration: A Culture-Specific Emotion and a Cultural Key Word* (with: Besemeres, 2009); *Emotions in Crosslinguistic Perspective* (with: Harkins, 2001); *A conceptual basis for research into emotions and bilingualis* (2008); *A Culturally Salient Polish Emotion: Przykro [Pshickro]* (2001), “Happiness” in cross-linguistic & cross-cultural perspective (2004).

В работах этого периода утверждается, что язык является ключевым вопросом в понимании человеческих эмоций и что рассмотрение английских терминов эмоций как действительных аналитических инструментов становится препятствием в изучении эмоций как человеческой универсалии (Wierzbicka 2008; 2009б): сложность изучения этнических ценностей, в том числе и эмоциональных, заключается в том, что *homo sentiens*, с одной стороны, является источником этих ценностей, а с другой — их инструментом (Шаховский 2008). По мнению L.F. Баррета, методология, разработанная А. Вежбицкой и ее коллегами (известная как NSM — «естественный семантический метаязык»), ставит задачу освободиться от оков английских психологических терминов и исследовать человеческие эмоции с культурно-независимой точки зрения (Barrett 2006).

Данный период научной разработки концепции эмоций А. Вежбицкой характеризуется появлением обзоров и публикаций обобщающего характера ученого; вводных статей к книгам, в которых анализируются близкие по проблематике труды ученых разных специальностей (Дж. Лайонза, Р. Диксона, П. Экмана, Ю.Д. Апресяна, А.К. Жолковского, Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука, и др.); выходом в свет работ дискуссионного характера, в которых утверждаются выводы, обоснованные в более ранние периоды, доказывающиеся справедливость базовых положений семантической концепции А. Вежбицкой, которые к этому времени

получила освещение в применении к разным языкам и лингвокультурам. В эти годы выходят остро полемические статьи ученого, сам диалогический жанр которых демонстрирует ее готовность вступать в дискуссии, терпеливо и тактично обосновывать свою позицию, которая предстает как относительно завершенная, логически выверенная и фактуально подтвержденная (см.: *Emotion and Culture: Arguing with Martha Nussbaum* (2003); *On emotions and on definitions: A response to Izard* (2010); *Introduction [to Emotions in Cross Linguistic Perspective]* (with: Harkins, J 2001)). Намечаются перспективы в исследовании эмоций: *The "History of Emotions" and the Future of Emotion Research* (2010).

Несмотря на достаточно ограниченное число работ по лингвистике эмоций, переведенных на русский язык, «эмоциональная» часть ее семантической теории входит в число наиболее обсуждаемых идей автора, получает научно-популярное изложение в СМИ, в сети Интернет (Анна Вежбицкая <https://russkiymir.ru/media/radio2/news/114079>).

3. ЭМОЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ А. ВЕЖБИЦКОЙ

Принято считать, что любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция в лингвистике еще никому не удавалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных наук (Шаховский 1996: 82). При этом в современной психологии признается, что человек не только испытывает определенные эмоции, но также и (за исключением периода младенчества) знает, что он испытывает эти эмоции (Harris, 1993: 237). Исходя из биологической теории языка (Матурана, Варела, 2001), эмоции человека составляют важнейший биологический фактор, который может формировать язык эмоций. Учитывая достижения современного естествознания, психологии, антропологии, А. Вежбицкая с самых первых своих работ всегда придерживалась мнения о ключевой роли языка в формировании представлений об эмоциях как отдельного человека, так и целых национальных культур, оставаясь последовательной в научном освещении вопроса о природе эмоций.

При этом, по мнению А. Вежбицкой, разграничение терминов *эмоции* и *чувства* для лингвиста не является принципиальным: некоторым представляется более комфортным термин *эмоция*, потому что эмоции кажутся более реальными, объективными, в то время как чувства не имеют биологического опосредования. Английское слово *эмоция* в своем содержании имеет ссылку на ‘чувство’, ‘мышление’ и ‘тело’ человека (например, можно говорить о *чувстве голода*, *чувство изжоги*, но не об *эмоции голода* или *эмоции от изжоги*), однако такое понимание эмоции, по мнению А. Вежбицкой, основано исключительно на материале английского языка и является его артефактом (Wierzbicka 1999: 24).

Обращаясь к работам психологов и философов (К. Изарда, П. Экмана, И. Бехлера, Б. Блаунта, Л. Каца, А. Ортони, Дж. Клоура, А. Коллинза, Холлпайка, Бейна и др.), анализируя их концепции, полемизируя с ними (см. тезисы о том, что эмоции являются исключительно «врожденными», «универсальными» К. Изарда

и М. Нуссбаум; тезис о биоцентризме эмоций, и их поведенческих моделях в концепции Л. Каца), А. Вежбицкая всегда остается «при своем мнении», последовательно доказывая языковую опосредованность эмоций, значимость языковых различий, которые нельзя недооценивать и нельзя переоценивать. Пафос ее научной теории состоит в выработке модели точного толкования и интерпретации языковых данных, имеющих решающее значения для носителей различных языков (Вежбицкая 1996).

На протяжении почти 30 лет своей научной деятельности (см., например, Wierzbicka 1992a; 1985; 1999; 2009) А. Вежбицкая пытается доказать тезис об неуниверсальности так называемых «базовых человеческих эмоций»: грусть, гнев и страх нельзя признать базовыми человеческими эмоциями, поскольку их осознание напрямую зависит от лексической «сетки координат», которую дает им родной язык, а значит, являются результатом интерпретации (Wierzbicka 2009: 3—14). Вопрос «каково ваше определение эмоции?», по ее мнению, уже предполагает ответ на вопрос «каково ваше определение понятия эмоции?» (Wierzbicka 2010: 379), что неизбежно приводит к субъективным толкованиям, неясным и привязанным к английскому языку — старым ловушкам этноцентризма и замкнутости (Wierzbicka 2010).

Критически осмысляя используемые ее предшественниками «измерения» (основные признаки) значения: оценка (evaluation), потенция (potency), деятельность (activity) как сложные и туманные, не имеющие никакого ясного и интуитивно воспринимаемого значения, А. Вежбицкая демонстрирует иной подход. Опираясь на мнение Дж. Брунера, она подчеркивает, что переживание базовых эмоций входит в нарративы и самосознание жизни людей, на основе которых формируется их субъективный опыт (Wierzbicka 2009б: 21—23), обобщенная форма определенных эмоциональных состояний, «прописанная» в семантической структуре эмоциональных слов, отражает накопленный опыт — и не только индивидуальный опыт отдельных лиц, но и коллективный опыт членов общества или речевого сообщества (Wierzbicka, Besemeres 2010в).

Таким образом, по глубокому убеждению А. Вежбицкой, термины эмоций всегда зависят от языка и культуры, а потому всегда имеют определенную языковую и лингвокультурную специфику. Чтобы быть действительными, научные концепции человеческих эмоций не могут опираться на этноклассификации, например, на те, которые встроены в английский лексикон (Wierzbicka 2009в: 3—14), а должны опираться на универсальные человеческие понятия, которые были бы интуитивно понятны, не являлись бы сами именами эмоций и эмоциональных состояний (Wierzbicka 2010 г: 379) и позволили бы свести к минимуму семантический коллапс, когда в разных системах терминов эмоций будут отражаться разные стороны этих явлений.

4. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ

Следует отметить, что все многообразие эмоциональных явлений и способов их вербализации в трактовке А. Вежбицкой сводится преимущественно к терминам, обозначающим эмоциональные состояния, которыми люди говорят о том,

что они чувствуют (Emotions in Cross-Linguistic Perspective 2001). Чувства противопоставляются действиям и мыслям, что видно в примерах описания:

- (1) *X чувствовал что-то
поэтому X делал что-то.*
- (2) *X думал что-то о чем-то
по этой причине X чувствовал что-то
X не мог не чувствовать это (Вежбицкая 1996: 41, 45).*

Они могут быть более конкретизированными, простыми или сложными:

Anger (знев)

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так: этот человек сделал что-то плохое

я не хочу этого

поэтому я хочу что-нибудь сделать

поэтому я бы хотел сделать что-нибудь плохое этому человеку

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее (Вежбицкая 1996: 361).

При выявлении имен эмоций в работах А. Вежбицкой обсуждается роль, которую могут играть при их понимании личные автобиографические «показания» людей, и прежде всего тех, которые одновременно пользуются двумя языками и культурами, включая и свидетельства билингатрокультурных писателей, собственный практический опыт в кросскультурном общении, непосредственные суждения носителей языка о ценностных установках культуры, пословицы, мнение историков, антропологов, культурологов. В результате такого подхода при описании и назывании анализируемых эмоций в разных языках «не остается никакого зазора между языковой картиной мира, реконструируемой исключительно на основе лингвистического анализа языковых данных, и взглядом на мир, характерным для данной культуры» (Шмелев 2005: 507], однако именно такое сочетание языка лингвистического описания и других способов репрезентации эмоциональной информации рассматривается А. Вежбицкой в качестве основного способа концептуализации эмоций — отражения определенного способа восприятия и организации (концептуализации) мира. По мнению А. Вежбицкой, свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. Согласно с положениями теории лингвистической относительности Э. Сэпира и Б. Уорфа, концепция А. Вежбицкой демонстрирует, что выражаемые в языке значения представляют собой коллективную систему взглядов, обязательную и неизбежную для всех носителей языка, представителей данной культуры.

Мысленные образования, необходимые А. Вежбицкой для того, чтобы объяснить устройство эмоциональной действительности, в ее работах обозначены как концепты эмоций, определение которых, предложенное ею, признается одним из наиболее удачных в современной лингвистике: под концептом А. Вежбицкая понимает объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-

обусловленное представление человека о мире «Действительность» (Фрумкина 1992). Когнитивная направленность данного определения обуславливает его своеобразие по сравнению с существующими дефинициями концепта и культурного концепта (Степанов, 1996).

В своих трудах А. Вежбицкая постоянно делает акцент на национальной специфике концептов (в том числе и эмоциональных концептов), что является важным для сопоставительного изучения культурного своеобразия народов, осуществления межкультурной коммуникации, переводческой деятельности.

Демонстрируя принципиальную роль языка в номинации и интерпретации эмоций для их адекватного межкультурного восприятия и понимания, автор доказывает, что язык проникает во внутреннюю структуру названий человеческих эмоций, тем самым опредмечивая, т.е. концептуализируя и лексикализируя их. В то же время именно положение о лексикализации эмоциональных концептов (вне влияния коммуникативного контекста) чаще всего вызывает критику лингвистической концепции исследователя. В ответ на эту критику А. Вежбицкая в своих публикациях отстаивает идею неразрывной связи между лексическими единицами как именами концептов и культурно специфическими сценариями (*cultural scripts*), управляющими различными аспектами дискурса (Wierzbicka 1997a; 1997b: 227—232).

Теоретик отстаивает представление о том, что в эмоциональных концептах помимо психологического содержания отражаются ключевые признаки национально языковой «картины мира». Так, слова *душа*, *тоска*, *судьба*, эмоциональный компонент содержания которых очевиден, она называет «ключевыми» для русской культуры [Wierzbicka 1990; Вежбицкая 1996], не являющимися универсалиями общезыковой эмоциональной картины мира. Несмотря на критику со стороны П. Серио и других ученых, она остается при своем мнении и демонстрирует правоту своей позиции путем сопоставления содержания важнейших эмоциональных концептов разных культур: см. характеристика человека в русскоязычной культуре при помощи словосочетания *душа и тело* (а не *ум и тело*) и при помощи словесной модели *mind and body* в английской культуре, где почти не используется модель *soul and body* (Вежбицкая 2008: 179—181).

Имена эмоциональных концептов А. Вежбицкая классифицирует в соответствии с характеристиками предмета эмоционального отношения, что демонстрирует не столько языковой, сколько ситуативный принцип их представления: 1) эмоции, связанные с «плохими вещами» (*sadness, unhappiness, distress, upset, sorrow, grief, despair*); 2) эмоции, связанные с «хорошими вещами» (*joy, happiness, content, pleasure, delight, excitement*); 3) эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки, и вызывающими негативную реакцию (*fury, anger, rage, wrath, madness*); 4) эмоции, связанные с размышлениями о самом себе, самооценкой (*remorse, guilt, shame, humiliation, embarrassment, pride, triumph*); 5) эмоции, связанные с отношением к другим людям (*love, hate, respect, pity, envy*) (Вежбицкая 2001: 241).

В то же время эмоции, по убеждению ученого, не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре

и приносят с собой культуроспецифичную точку зрения. И даже универсальные когнитивные сценарии, играющие особую роль в эмоциональной жизни всех людей, по ее мнению, необходимо идентифицировать только посредством лексических универсалий (Wierzbicka 1986; 1988, 1990б; 1994).

5. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ОПИСАНИЯ ЭМОЦИЙ

Проблема выявления истинных когнитивных различий между разными культурами, по словам А. Вежбицкой, порождает многочисленные дискуссии, поскольку всегда в значительной степени апеллирует к языку. Наиболее сложными для описания и интерпретации являются эмоциональные явления (в силу их естественной природы эмоций, роли в деятельности всех других систем жизнедеятельности человека), в связи с чем А. Вежбицкая ставит вопрос о разработке исчерпывающего, непротиворечивого, достоверного и независимого от национального языка описания сценариев эмоций. Проблематичной в этой связи оказывается интерпретация близких по содержанию эмоциональных концептов, которые сложно четко и однозначно дифференцировать семантическими методами, а также использование наименований эмоций в качестве универсальных элементов описания. Тем не менее, глагол *чувствовать*, имеющий общее содержание в разных языках, вошел в списки семантических примитивов А. Вежбицкой и используется в качестве универсалии для трактовки многообразных понятий ментальной природы. См., например, сценарий фрустрации, предложенный ученым:

Frustration

Х чувствует что-то

Иногда человек думает примерно так:

я хочу сделать что то

я не могу сделать этого

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

Х чувствует что-то похожее (Wierzbicka 1997b: 338).

В ходе семантического описания сложных ментальных явлений, к которым в первую очередь относятся эмоциональные состояния, перед ученым встал вопрос о том, что набор разработанных ею семантических примитивов (Wierzbicka 1972) является недостаточным, требующим усовершенствования системы элементов языка описания. Уже в 80-е годы состав семантических примитивов был расширен (Wierzbicka 1989a), и в научных трудах А. Вежбицкой 2000-х годов они стали использоваться в качестве мини-языка, основанного на 65 единицах (Goddard, Wierzbicka 2014), что, по мнению самой исследовательницы, является лучшим концептуальным лингва франка, наиболее правдоподобным описанием, основанным на фактических данных, приближенных к универсальному и врожденному «языку мысли» максимально «преодолевающий», по мнению ученого, влияние национального языка (Wierzbicka 2009б). Отметим, что семантические примитивы, используемые в работе А. Вежбицкой, имеют прямые соответствия в списках

семантических элементов других существующих языков описания (см. труды ученых Московской семантической школы).

Таким образом, семантический метаязык у А. Вежбицкой — результат сознательного «языкового строительства» (Падучева, 1996: 9), элементы которого переводимы на другие языки, позволяют, как из кирпичиков, складывать толкования даже таких тонких понятий, как эмоции, и тем самым обеспечивают его универсальность. Их применение позволило исследователю обнаружить и объективно зафиксировать тонкие семантические различия между понятиями *грусть* и *гнев* в русском языке (Wierzbicka 1998; 2001в), понятиями *happy* и *счастливый* в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах (Wierzbicka 2004а; 2011), описать содержание эмоциональных понятий *l'amour, la colere, la joie, l'ennui* во французской лингвокультуре (Wierzbicka 1988), ключевых эмоциональных концептов японской (Wierzbicka 1991б), польской (Wierzbicka 2001б) и ряда других культур, установить межкультурные различия в наборе эмоциональных концептов и в коммуникативном поведении носителей языка при вербализации одного и того же эмоционального сценария.

Особое место в эмоциональной концепции А. Вежбицкой занимают работы, посвященные эмоциогенным текстам, в частности священным текстам христианства (см.: Wierzbicka 2002v; 2002g; Wierzbicka 2018). В этих трудах А. Вежбицкая поднимает вопрос об эмоциях страдания, прощения, гнева в речевой и неречевой эмоциональной практике Иисуса, в попытке точного и непредвзятого анализа текста, предполагающего выход за рамки отдельных слов того или иного языка. Принципиальным для исследователя остается потребность сформулировать эмоциональные ситуации простыми предложениями, сходными с универсальными семантическими формулами (*как он относится к...; он чувствовал что-то очень плохое; кто-то может чувствовать себя; что он почувствовал, он думал так... и т.д.*).

В контексте анализа духовных текстов особенно актуальны слова А. Вежбицкой о пользе разработанного ею и ее коллегами естественного семантического метаязыка, который позволяет заменить грубые формулировки (такие, как *чувствовал ли Иисус гнев? или что Иисус говорил о гневе?*) вопросами, которые являются «гораздо более мелкозернистыми» и которые позволяют достичь гораздо более «мелкозернистого» и более значимого ответа.

На страницах своих работ исследователь уделяет значительное место рассуждениям о чистоте и корректности исследовательского метода, о роли фактуальной подтвержденности полученных выводов. Данные принципы, безусловно, в полной мере проявляются в аналитической работе самой А. Вежбицкой, беспрестанно совершенствующей свой научный инструментарий, оставаясь верной сформулированному ею теоретическому подходу. Метод семантического описания, предложенный ею, по мнению ученых, позволяет изучать человеческие эмоции с подлинно кросслингвистической, кросскультурной и психологической точек зрения и тем самым открывает новые возможности для научного понимания субъектности и психологического опыта [Goddard, 1997].

6. СЦЕНАРИИ ЭМОЦИЙ И КРОССКУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ ЭМОЦИЙ

Сопоставляя ключевые слова разных культур, А. Вежбицкая ставит вопрос, действительно ли «нет слова — нет эмоции»? и отвечает на него при помощи эмоционального концепта польской культуры *teşknota*. В английском языке нет слова для чувства, закодированного в польской лексеме *teşknota*, но означает ли это, что носители английского языка не знают (никогда не испытывают) ощущения, о котором идет речь? (Wierzbicka 1986). А. Вежбицкая показывает, что это не так: отдельные носители английского языка, несомненно, испытывали это чувство, но англосаксонская культура в целом не нашла это чувство достойным особого названия.

Действительно, отметим, что многие эмоциональные состояния не обладают языковой фиксацией в слове, они семиотичны, но не имеют постоянного означаемого. А такие свойства эмоциональных явлений, как кластерность, динамичность и континуальность, в ряде случаев делают их языковую фиксацию в слове в принципе невозможной или неоправданной. Однако художественная литература, чуткая к нюансам внутренней жизни человека, по словам А. Вежбицкой, полна успешных попыток объективации даже самых сложных чувств, для которых в языке нет простого слова (Wierzbicka 1972).

Тот факт, что язык не закодировал конкретную эмоцию в отдельном слове, по мнению ученого, не означает, что носители этого языка не могут воспринимать эту эмоцию как отдельную, узнаваемое чувство, или что они не могут об этом говорить. Однако, по наблюдениям А. Вежбицкой, в разных системах терминов, вероятно, могут отражаться разные стороны эмоционального концепта и, наоборот, при концептуализации одних и тех же эмоций могут использоваться разные способы их репрезентации, характерные для этих культур (Wierzbicka 1986). В психологии давно существует положение о том, что любой предмет отражения существует неотделимо от своих свойств и таким образом некоторые предметы и явления образуют устойчивые повторяющиеся сочетания (Ortony, Clore, Collins 1988). Поскольку опыт повторяется в некоторых ситуациях, которые становятся типичными, человек способен реагировать не только на те предметы и явления, которые появляются перед его взором в данный момент, но и на всю ситуацию в целом.

Согласно данному принципу эмоция может быть выражена в терминах личностных и культурных сценариев — скриптов. Методика толкования эмоциональных концептов, предлагаемая А. Вежбицкой, дает возможность их распредмечивать, переводя в ранг типичных ситуаций, которые, в свою очередь, могут быть максимально точно опредмечены на основе языка толкований: «Человек действительно интерпретирует свое эмоциональное состояние посредством таких сценариев, а имеющиеся в его распоряжении термины эмоций являются сокращенными обозначениями прототипических ситуаций» (Вежбицкая 1996: 337). Термины эмоций рассматриваются в качестве редуцированных обозначений прототипических ситуаций, а определенный набор таких ситуаций — как развернутая характеристика некоторого эмоционального концепта: «я чувствовал себя так же, как

чувствуют себя, когда...», «я чувствовал себя так же, как кто-нибудь себя чувствовал бы, если...» (Вежбицкая 1997: 337).

Сторонники и противники методики А. Вежбицкой, отраженной в наиболее ранних работах исследователя, ее слабой стороной называли невозможность преодоления влияния английского языка, в плену которого неизбежно находится наблюдатель, использующий семантический язык описания, предложенный А. Вежбицкой. Условием развития ею теории должно было стать, с одной стороны, расширение материала исследуемых языков и культур, с другой стороны, учет национально специфических сценариев эмоций: «В русском языке имеется культурное ключевое слово *общение* и связанные с ним слова, такие, как *общаться*, *общительный*, *необщительный* или *общительность*. В английском языке таких слов нет. С другой стороны, в английском языке есть важные культурные слова вроде *message*, *communication*, *mean* (например: “what did she mean?”) и другие, у которых нет точных эквивалентов в русском языке. Значит, нам нужно вскрыть русские культурные скрипты, которые могут объяснить существование и частое употребление таких слов, как *общение*, в русском языке; а чтобы вскрыть эти скрипты, нам нужно понять в точности смысл этих слов» (Вежбицкая, 2002: 6—7).

В работах исследовательницы последних лет значительно расширена эмпирическая база для выработки универсального семантического языка, применимого к разным лингвокультурам (*английской*, *польской*, *русской* (в том числе старославянской), *немецкой*, *французской*, *японской*, *китайской*, *тайской*; австронезийских языков — *манган-мбула* (Новая Гвинея), *ачех* (Суматра), *лонггу* (Соломоновы острова), *самоа* (Западное Самоа, Полинезия); австралийским языкам *кайардилд*, *янкунтятяра* и *аранда*, языку *калам*, упоминающимся в ее работах языкам *эве* (Западная Африка), *мискиту* (Центральная Америка) и др. На обширном материале исследования обосновывается принципиальное для А. Вежбицкой теоретическое положение об универсальности мышления и духовном единстве человечества, которые, однако, имеют национальную ограниченность. По ее мнению, все эмоции могут быть, лучше или хуже, выражены и описаны на любом человеческом языке. Но у каждого языка есть свой набор готовых слов, обозначающих те эмоции, которые члены данной культуры признают как особенно заметные. При этом отмечается, что чем ближе две культуры, тем больше совпадение между их соответствующими наборами эмоций (Wierzbicka 1986).

Предложенный А. Вежбицкой подход к описанию культурных скриптов, которые представляют «наивную аксиологию», запечатленную в языке (Wierzbicka 2002: 6), стал ее безусловным достижением, уникальность которого сохраняется и сегодня. «Наивная аксиология», запечатленная в одном языке, может отличаться от аксиологии, запечатленной в других языках, следовательно, по мысли ученого, сопоставляя культурные скрипты, можно устранить значимые различия в способах представления и нормах экспрессии эмоций, свойственных носителям разных языков, и погрешности в семантическом языке описания эмоций.

Обратившись к рассмотрению сложных понятий с асимметричной концептуализацией в разных языках (например, *тоска* и *удаль*, *авось* и *небось* в русской

культуре), А. Вежбицкая продолжает со всей тщательностью работать над установлением набора универсальных элементарных понятий, «комбинируя которые каждый язык может создавать бесконечное число специфических для данного языка и культуры конфигураций» (Шмелев 2005: 503).

Решая названную задачу, А. Вежбицкая на основе кропотливого и тщательного анализа материала, постоянного совершенствования инструментария исследования, добилась результатов, значимых для этнолингвистики и сопоставительного языкознания, для описания особенностей национальных языковых картин мира и выявления уникальных для данной культуры понятий (ключевых слов культуры) (см. Wierzbicka 1997a; Вежбицкая 2001в; 2002, и др.).

Несмотря на многочисленные примеры критики в адрес исследовательницы, касающейся наблюдений за различиями в наборе ключевых слов разных культур, данная часть ее лингвистической концепции вызывает неподдельный интерес во всех странах и культурах, восхищение точностью и меткостью ее наблюдений, многие из которых стали уже хрестоматийными, демонстрируя неисчерпаемость и неожиданность лексических различий между языками.

7. ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМОЦИИ

В условиях современной ситуации эмоциональной напряженности в мире и важности различных тактик и методик, способствующих ее ослаблению, таксономическая концепция эмоций А. Вежбицкой приобретает особую актуальность. Вне социальных контекстов концепция сценариев эмоций автора претендовала бы на место классической лексикографии, призванной фиксировать лишь результаты речевого функционирования актуальных единиц языка. Однако социальный контекст никогда не был устранен из рассуждений автора, играя в концепции ученого роль мотивационной основы для анализа языкового материала: понятия *общество*, *культура*, *речевой акт*, *дискурс*, *событие*, *межкультурная перспектива*, *межкультурные контакты*, *диалог культур*, *понимание в коммуникации*, *культурный контекст* и др. являются частотными в работах А. Вежбицкой и активно используются ею при разработке вопросов языковой прагматики начиная с 80-х гг. XX. в.

В последние десятилетия появились специальные работы ученого, посвященные анализу кросскультурной прагматики, ортологии и моральных аспектов речи (Wierzbicka 2002б; 2005; 2006). В статье (Wierzbicka 2010a), посвященной появлению новой области исследования эмоций, известной как история эмоций, А. Вежбицкая показывает, что эмоциональная жизнь людей во многом зависит от интерпретаций, которые они навязывают событиям, ситуациям и человеческим действиям. Разные культуры и разные языки способны предложить различные привычные толкования, и поскольку эти толкования меняются со временем, в результате меняются и привычные чувства.

Вежбицкая показывает, как историю эмоций можно совместить с исследованием культурной семантики и почему такое сочетание открывает новые перспективы перед всей междисциплинарной областью исследования эмоций. В этой

связи достаточно вспомнить сопоставительное изучение А. Вежбицкой эмоциональных дискурсов в разных культурах, целью которых является устранение препятствий в межкультурном общении. Так, при описании эмоциональных скриптов японской культуры исследователь отмечает нетипичные для европейских культур особенности эмоционального поведения представителей восточной культуры:

Английский сценарий «самовозвышения» хорошо часто думать так:

*я сделал нечто очень хорошее
я могу делать подобные вещи
не каждый может делать подобные вещи
другие люди не часто делают подобные вещи*

Японский сценарий «самоуничижения» хорошо часто думать так:

*я сделал нечто плохое
я часто делаю подобные вещи
не каждый делает подобные вещи
другие люди не часто делают подобные вещи* (Вежбицкая 2001: 135).

При таком подходе А. Вежбицкой учитывается существование культурной парадигмы, в рамках которой мыслит и действует человек. В этом случае нарушение коммуникативных норм, как и их сознательное соблюдение, может быть существенным для понимания специфики разных культур и устранения преград в межкультурной коммуникации. Описывая эмоциональные сценарии японской культуры (Wierzbicka 1991b; 1994b), исследователь демонстрирует, что ключевое японское слово *kokoro* (приблизительно означающее ‘сердце/ум’) имеет иное значение, нежели английское слово *mind*; слова *enryo*, *wa* или *otoiyari* (см.: Wierzbicka 1991b) проливают свет на японскую парадигму общения, что свидетельствует об особом представлении японцев о коммуникативной культуре и человеке ней. Аналог широко используемой в английском языке единицы *self-esteem* (‘самоуважение’) — японское слово *jisonshin* (приблизительно: ‘self-esteem’) имеет в языке сомнительный статус. Напротив, *self-aversion* (‘самоотвращение’) едва ли существует в английском языке, в то время как в японском *jiko-keno* (приблизительно: self-aversion) является достаточно употребительным (Wierzbicka 1991b; 1994b). Приводимые А. Вежбицкой примеры сценариев эмоций, представленных в разных культурах, демонстрируют не только различия в их номинации, но и в изучении культурной нормы, предписывающей способ эмоционального реагирования и поведения.

Записанные А. Вежбицкой и ее последователями с применением лексических универсалий эмоциональные сценарии позволили объективно зафиксировать такие особенности национальных дискурсов, которые являются неожиданными и часто непонятными представителю иной культуры, демонстрируют существующие различия в культурных нормах речевого поведения, способы эмоционального реагирования на стимул, степени эксплицированности и экспрессии эмоций. Так, автор показывает, что в японском обществе считается неправильным говорить

«я не сделал ничего плохого» или не выразить чувств сожаления по поводу доставленного волнения:

когда кто-то говорит мне что-то вроде: «ты нечто сделал из-за этого случилось нечто плохое (с кем-то/ со мной)» хорошо сказать этому человеку что-то вроде:

«из-за этого я чувствую нечто плохое» плохо сказать этому человеку что-то вроде: «я не сделал ничего плохого» (Вежбицкая 2001: 129).

Особенности национальных сценариев чувств и их проявления обнаруживаются в формах ключевых слов и часто употребляемых разговорных фраз — так называемых общепринятых приемов речи (*conversational routines*), то есть имеют объективные показатели, служащие А. Вежбицкой доводами при обосновании межкультурных различий.

Таким образом, помимо контрастивной семантики, метод семантических универсалий А. Вежбицкой является значимым в области контрастивной прагматики эмоций: он позволяет уточнить и скорректировать коммуникативные постулаты П. Грайса и принципы вежливости П. Брауна, С. Левинсона, Дж. Лича в применении к эмоциональной коммуникации в разных культурах, выделить универсальное и национально специфическое в интерпретации текстов культуры, правильно квалифицировать и оценивать особенности эмоционального поведения носителей языков с учетом культурной и исторической модификации дискурсов.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в данной статье результаты исследовательской деятельности А. Вежбицкой в области эмоций без преувеличения можно назвать депозитарием научной мысли, в котором непротиворечиво сочетаются семантические, стилистические, дискурсивные, переводоведческие, лингвокультурологические, контрастивные, методические, методологические и другие аспекты изучения эмоций. Совокупность ее работ по данным проблемам, широта их проблематики, глубина проработки материала, глобальность выводов, серьезная методологическая база в полной мере соответствуют уровню продуманной, хорошо обоснованной и представленной лингвокультурологической теории эмоций.

Перспекция идей ученого показывает, что критика в адрес основных постулатов этой теории, которой было достаточно на пути А. Вежбицкой, лишь открывала для нее новые горизонты и являлась стимулом к развитию и совершенствованию аспектов ее теории. Сама личность исследователя и ее научная деятельность есть пример преданности своей некогда непривычной для всех идее, которая сегодня уже овладели миром лингвистики.

© С.В. Ионова, В.И. Шаховский, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Barrett, L.F. (2006). Are emotions natural kinds? *Perspectives on Psychological Science*, 1 (1), 28—58.
- Crystal, D. (1987). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge University Press.

- Demijankov, V. (2001). Review of: Jean Harkins and Anna Wierzbicka (Eds.), '*Emotions in Cross-linguistic Perspective*' (413—420). Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- Ekman, P. (1999). Basic emotions. In: T. Dalgleish, M. Power (Eds.). *Handbook of cognition and emotion* (45—60). Chichester: John Wiley and Sons Ltd.
- Enfield, N. and Wierzbicka, A. (2002). Introduction: The body in description of emotion. *Pragmatics and Cognition*, 10 (½), 1—25.
- Goddard, C. (1997). Contrastive semantics and cultural psychology: 'Surprise' in Malay and English. *Culture and Psychology*, 3 (2), 153—181.
- Goddard C.C., Wierzbicka A. (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford University Press.
- Harkins, J. and Wierzbicka, A. (2001). *Emotions in Cross-Linguistic Perspective*. Mouton de Gruyter.
- Harris, P.L. (1993). Understanding Emotion. *Handbook of Emotions* (237—246). New York; London: The Guilford Press.
- Ortony A., Clore G., Collins A. (1988). *The Cognitive Structure of Emotions*. Cambridge: CUP.
- Russell, J.A. (2003). Core affect and the psychological construction of emotion. *Psychological Review*, 110 (1), 145—172.
- Izard, C.E. (2009). Emotion theory and research: Highlights, unanswered questions, and emerging issues. *Annual Review of Psychology*, 60 (1), 1—25.
- Wierzbicka, Anna (1972). *Semantic primitives*. Frankfurt: Athenäum. Linguistische Forschungen.
- Wierzbicka, Anna (1973). The semantic structure of words for emotions. In R. Jakobson, C.H. van Schooneveld and D.S.Worth (Eds.). *Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky*. The Hague: Mouton.
- Wierzbicka, Anna (1985). Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts. *Journal of Pragmatics*, 9 (2—3), 145—178.
- Wierzbicka, Anna (1986). Human Emotions: Universal or Culture-Specific? *American Anthropologist, New Series*, 88 (3 Sep.), 584—594.
- Wierzbicka, Anna (1988). L'amour, la colere, la joie, l'ennui: La semantique des emotions dans une perspective transculturelle. *Langages*, 97—107.
- Wierzbicka, Anna (1989a). Semantic primitives — the expanding set. *Quaderni di Semantica*, 10 (1), 309—332.
- Wierzbicka, Anna (1989b). Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History. *American Anthropologist*, 91 (1), 41—57.
- Wierzbicka, Anna (1990a). Dusa ('soul'), toska ('yearning'), sud'ba ('fat'): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture. In: Z.Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie jesukow slowianskish* (13—36). Bialystok: Bialystok Univ. Press.
- Wierzbicka, Anna (1990b). The semantics of emotion: Fear and its relatives in English. *Australian Journal of Linguistics (Special issue on the semantics of emotions)*, 10(2), 359—375.
- Wierzbicka, Anna (1991a). *Cross-cultural Pragmatics: the Semantics of Social Interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna (1991b). Japanese Key Words and Core Cultural Values. *Language in Society*, 20 (3), 333—385.
- Wierzbicka, Anna (1992a). Talking About Emotions: Semantics, Culture, and Cognition. *Cognition and Emotion*, 6 (3—4), 285—319.
- Wierzbicka, Anna (1992b). Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science*, 16 (4), 539—581.

- Wierzbicka, Anna (1992v). *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1993). Reading human faces: Emotion components and universal semantics. *Pragmatics and Cognition*, 1 (1), 1—23.
- Wierzbicka, Anna (1994a). Conceptual issues in the study of emotions (a semantic perspective). *Everyday conceptions of emotion: an introduction to the psychology, anthropology and linguistics of emotion* (17—47). Dordrecht: The Netherlands: Kluwer.
- Wierzbicka, Anna (1994b). Emotion, language and cultural scripts. In S. Kitayama and H. Markus (Eds.). *Emotion and Culture* (130—198). Washington: American Psychological Association.
- Wierzbicka, Anna (1994v). Semantic primitives across languages: A critical review. C. Goddard and A. Wierzbicka (Eds.). *Semantic and lexical universals* (445—500). Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, Anna (1994g). Emotion, language, and cultural scripts. Shimobu Kitayama and Hazel R. Markus (Eds.) *Emotion and Culture* (33—196). Washington, DC: American Psychological Association.
- Wierzbicka, Anna (1995). Kisses, Handshakes, Bows: The Semantics of Nonverbal Communication. *Semiotica*, 103 (3—4), 207—252.
- Wierzbicka, Anna (1996). *Semantics: primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997a). *Understanding Cultures through Their Key Words (English, Russian, Polish, German, and Japanese)*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1997 b). A response to Michael Bamberg. *The Language of Emotions. Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Wierzbicka, Anna (1998). ‘Sadness’ and ‘Anger’ in Russian: the nonuniversality of the so-called ‘basic human emotions’. Angeliki Athanasiadou and Elzbieta Tabakowska (Eds.) *Speaking of Emotional Universals 69 emotions: conceptualisation and expression* (3—28). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, Anna (1998). Russian emotional expression. *Ethos*, 26 (4), 456—483.
- Wierzbicka, Anna (1999). Emotions across Languages and Cultures. *Diversity and Universals*. Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna (2000a). Semantics of Human Facial Expressions. *Pragmatics and Cognition*, 8 (1), 147—183.
- Wierzbicka, Anna (2001b). A Culturally Salient Polish Emotion: Przykro [Pshickro]. *International Journal of Group Tensions*, 30 (1), 3—27.
- Wierzbicka, Anna (2002a). The Body in Description of Emotion. *Pragmatics and Cognition*, 10 (1), 2.
- Wierzbicka, Anna (2002b). Right and Wrong: From Philosophy to Everyday Discourse. *Discourse Studies*, 4 (2), 225—252.
- Wierzbicka, Anna (2002v). Co mówi Jezus? Objasnianie przypowieści ewangelicznych w słowach prostych uniwersalnych. *Wydawnictwo Naukowe Pwn*.
- Wierzbicka, Anna (2002g). Żydowskie skrypty kulturowe a interpretacja Ewangelii (Jewish Cultural Scripts and the Interpretation of the Gospels). *Teksty Drugie*, 76 (4), 157—176.
- Wierzbicka, Anna (2003). Emotion and culture: Arguing with Martha Nussbaum. *Ethos: Journal of the Society for Psychological Anthropology*, 31 (4), 577—600.
- Wierzbicka, Anna (2004a). ‘Happiness’ in cross-linguistic & cross-cultural perspective. *Dædalus*, 133 (2), 34—43. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/i20027906>.
- Wierzbicka, Anna (2005). Intercultural Pragmatics and Communication. Alex Barber (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 5—735.

- Wierzbicka, Anna (2006). On folk conceptions of mind, agency and morality. The interface between folk psychology and folk morality. *Journal of Cognition and Culture*, 6 (1—2), 165—179.
- Wierzbicka, Anna (2008). A conceptual basis for research into emotions and bilingualism. *Language and Cognition*, 11 (2), 193—195.
- Wierzbicka, A. and Besemeres, M. (2009a). The Concept of Frustration: A Culture-Specific Emotion and a Cultural Key Word. In Agata Blachnio and Aneta Przepiorka (ed.). *Closer to Emotions III* (211—226). Lublin: Wydawnictwo KUL.
- Wierzbicka, Anna (2009b). Overcoming Anglocentrism in Emotion. *Emotion Review*, 1 (1), 21—23.
- Wierzbicka, Anna (2009v). Language and Metalanguage: Key Issues in Emotion Research. *Emotion Review*, 1 (1), 13—14.
- Wierzbicka, Anna (2010 a). The 'History of Emotions' and the Future of Emotion. *Emotion Review*, 2 (3), 269—273.
- Wierzbicka, Anna (2010b). The semantics of emotions: Fear and its relatives in English. *Australian Journal of Linguistics*, 2, 359—375.
- Wierzbicka, A. and Besemeres M. (2010 v). Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. In S.V. Ionov (ed.). *Jazyk i emociia* (14—32). Volgograd: Volgogradskoe Nauchnoe Izdatel'stvo.
- Wierzbicka, Anna (2010g). On Emotions and on Definitions: A Response to Izard. *Emotion Review*, 2, 379. Retrieved from <http://emr.sagepub.com/content/2/4/379>.
- Wierzbicka, Anna (2011). What's wrong with 'happiness studies'? The cultural semantics of happiness, bonheur, Glück, and sčas'te. In Igor Boguslavsky, Leonid Iomdin, & Leonid Krysin (eds.), *Slovo i jazyk: Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika Ju.D. Apresjana* (155—171). Moskva: Jazyki slavjanskoj kultury.
- Wierzbicka, Anna (2000b). The salt of the earth explaining the meaning of some of Jesus' sayings in the sermon on the mount. *Slovo v tekste i slovare: Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika Ju.D. Apresjana* (61—76). Moskva: Jazyki slavjanskoj kultury.
- Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.
- Альба-Хуэс Л., Ларина Т.В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37 [Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.]
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с. [Wierzbicka, Anna (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Cognition)*. (In Russ.)]
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263—305.
- Вежицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. Монография. Пер. с англ. и предисловие А.Д. Шмелева. — Москва: Языки славянской культуры, 2001а. 272 с. [Wierzbicka, Anna (2001a). *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki Monografiya. Per. s angl. i predislovie A.D. Shmeleva (Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics)*. Translated from English by A. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)]
- Вежицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001в. С. 15—43. [Wierzbicka, Anna

- (2001v). «Grust`» i «gnev» v russkom yazy`ke: neuniversal`nost` tak nazy`vaemy`x «bazovy`x chelovecheskix e`mocij» (“Sadness” and “anger” in Russian: non-universality of the so-called “basic human emotions”). *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics* (15—43). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2(4). М., 2002. С. 6—34. [Wierzbicka, Anna (2002). *Russkie kul'turny`e skripty` i ix otrazhenie v yazy`ke. Russkij yazy`k v nauchnom osveshhenii*, 2 (4), 6—34. (In Russ.)]
- Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты речевой деятельности: сб. науч. трудов / под ред. С.В. Ионовой. Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. С. 4—24. [Ionova, S.V. (2004). *Lingvistika e`mocij: osnovny`e problemy`, rezul`taty` i perspektivy`. Yazy`k i e`mocii: lichnostny`e smy`sly` i dominanty` rechevoj deyatel`nosti: sb. nauch. trudov / pod red. S.V. Ionovoj* (4—24). Volgograd: Izd-vo CzOP «Centr». (In Russ.)]
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 1915. № 1. С. 7—10. [Ionova, S.V. and Larina, T.V. (1915). *Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—10. (In Russ.)]
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Перевод с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с. [Maturana, Humberto R. and Varela, Francisco J. (2001). *The tree of knowledge*. Translated from English by J. Danilova. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 5—32. [Paducheva, E.V. (1996). *Fenomen Anny Vezhbickoi (The phenomenon of Anna Wezhbitskaya)*. In Krongauz, M. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie. (Language. Culture. Cognition)*. Moscow: Russkie slovari (In Russ.)]
- Понятие счастья, как найти в русском языке, это уникальная концепция: Анна Вежбицкая // Радио «Русский мир» <https://russkiymir.ru/media/radio2/news/114079>. [Ponyatie schast'ya, kak najti v russkom yazy`ke, e`to unikal`naya koncepciya: Anna Vezhbiczakaya // Radio «Russkij mir». Retired from <https://russkiymir.ru/media/radio2/news/114079>].
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с. [Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty: Slovar russkoy kul'turi* (In Russ.)]
- Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с. [Filimonova, O.E. (2007). *E`mociologiya teksta. Analiz reprezentacii e`mocij v ang lijskom tekste: Uchebnoe posobie*. SPb.: ООО «Knizhny`j Dom» (In Russ.)]
- Фрумкина Р.М. Размышления на полях новой книги Анны Вежбицкой // НТИ, сер. 2, № 4, 1994. С. 26—28 [Frumkina, R.M. (1994). *Razmy`shleniya na polyax novoj knigi Anny` Vezhbiczkoj. NTI*, 2 (4), 26—28 (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Изв. РАН. М., 1987. Т. LXV: Сер. лит. и яз. С. 237—243. [Shakhovsky, V. I. (1987). *Otrazhenie e`mocij v semantike slova. Izv. RAN*, 237—243. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996. С. 80—96. [Shakhovsky, V.I. (1996). *E`mocional`ny`e kul`turny`e koncepty`: paralleli i kontrasty`. Yazy`kovaya lichnost`: kul`turny`e koncepty`* (80—96). Volgograd: Volg. gos. ped. un-t. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки, 2002. № 4. С. 59—67. [Shakhovsky, V.I. (2002). *Yazy`kovaya lichnost` v e`mocional`noj kommunikativnoj situacii. Filologicheskie nauki*, 4, 59—67. (In Russ.)]

- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shakhovsky, V.I. (2008 a). *Lingvisticheskaja teorija jemocij (Linguistic theory of emotions)*. М.: Gnozis. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы на родов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. No 1. С. 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. [Shakhovsky, V.I. (2018). The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.]
- Шмелев А.Д. Комментарии к статье Анны Вежбицкой // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 500—510 [Shmelev, A.D. (2005). Kommentarii k stat'e Anny` Vezhbiczkoj. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. *Klyuchevy'e idei russkoj yazykovoj kartiny` mira. Sbornik statej*, 500—510. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury (In Russ.)]

Для цитирования:

Ионова С.В., Шаховский В.И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 966—987. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987.

For citation:

Ionova, Svetlana, Shakhovsky, Victor (2018). Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 966—987. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987.

Сведения об авторах:

ШАХОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Он является основателем эмотиологии — нового научного направления в российской лингвистике, нацеленного на изучение эмоций в языке и коммуникаций, которой посвятил многие годы своей научной деятельности. *Сфера научных интересов*: лингвистика эмоций, категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка, эмоциональное общение, язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии, эмотивная лингвоэкология. Среди его основных публикаций монографии *Лингвистическая теория эмоций* (М.: Гнозис, 2008), *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка* (2009), *Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология* (М.: Либроком, 2009), *Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии* (Волгоград: Перемена, 2009), *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens* (М.: Либроком, 2012), *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции* (Волгоград, 2016).

Контактная информация: shakhovsky2007@yandex.ru

ИОНОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Ученый волгоградской школы лингвистики эмоций, автор ряда обзорных работ по истории развития этого направления в России, главный редактор и член редколлегий коллективных монографий, и сборников научных трудов по лингвистике эмоций. Исследует роль эмоций в текстообразовании, типы эмотивных текстов, рассматривает эмоции в языке, речи, тексте с позиции аппроксимации их вербализации. Изучает, особенности эмоциональной коммуникации в аспекте лингвоэкологии, способы выражения эмоций в разных культурах.

Контактная информация: sionova@mail.ru

Bionotes:

VICTOR I. SHAKHOVSKY is a full Professor, Doctor of Philology, an Honoured scientific researcher of the Russian Federation, a Senior Researcher at the Institute of Modern Languages of the Volgograd State Social Pedagogical University. He founded a new research field called emotiology in Russian Linguistics aimed at studying emotions in language and communication. His research interests are the theory of emotiology, categorization of emotions in language, emotions in communication, emotions in language and culture. He has authored the books *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions] (Moscow, 2008), *Kategorizatsiya emotsii v leksikosemanticheskoi sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in language] (2009), *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (2009), *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in languages and cultures] (Volgograd, 2009), *Golos emotsii v yazykovom krughe homo sentiens* (2012), *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krughe: chelovek, yazyk, emotsii* [Ecological discord in the Communicative Triangle: Human Being, Language and Emotions] (Volgograd, 2016) (all published in Russian).

Contact information: shakhovsky2007@yandex.ru

SVETLANA V. IONOVA is a full Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics at Pushkin Russian Language Institute. She is a member of the Volgograd research school *Linguistics of emotions*, author of reviews on the history of this trend in Russia, editor-in-chief and member of the editorial boards of collective monographs, and collections of scientific works on the linguistics of emotions. In her research, she examines the role of emotions in text formation, types of emotive texts, considers emotions in language, speech, text in the aspect of their verbal approximation and features of the emotional communication aspect of the linguistic ecology (all published in Russia).

Contact information: sionova@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000

Современная лингвистика в постсекулярной перспективе

Н.С. Найденова

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В фокусе настоящего научного обзора находится состояние исследований взаимодействия языка и религии в современной лингвистической науке, складывающееся в условиях постсекулярности, когда религиозный дискурс становится неотъемлемой частью дискурсивной полифонии, присущей открытому коммуникативному пространству. Обзор проводится по следующим магистральным направлениям: языковая разновидность, используемая в религиозной сфере, в социолингвистическом аспекте; теолингвистика как новая интегративная дисциплина; лингвоперсоналогия и лексикография. В каждом из упомянутых разделов рассматриваются научные работы современных авторов и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: *постсекулярное общество, множественные современности, религиозный дискурс, теолингвистика*

Modern Linguistics through Post-Secular Perspective

Natalia S. Naydenova¹

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklay Street, 6, Moscow 117198

Abstract

The research is focused on the current state of interaction between language and religion in contemporary linguistics in the post-secular environment, when religious discourse becomes an integral part of the discursive polyphony inherent in the open space of communication. The review is centered around three main pillars: the “language of religion” from a sociolinguistic perspective; theolinguistics as a new integrative discipline; linguopersonology and lexicography. Each section contains an overview of works by modern linguists and outlines further research prospects.

Keywords: *post-secular society, multiple modernities, religious discourse, theolinguistics*

1. ВВЕДЕНИЕ

Термин «постсекулярный», актуализированный в современном научном дискурсе Ю. Хабермасом (Habermas 2008), служит для обозначения современной реальности, характеризующейся возвращением религиозного измерения в общественную сферу, в результате чего в ней складываются новые сочетания религиозного и светского. Как следствие, в гуманитарных науках возникает так называемый «религиозный поворот», представляющий собой парадигмальную смену исследовательского фокуса, позволяющую преодолеть узкоспециальные понятийные

системы отдельных дисциплин и создать «питательную среду» для развития междисциплинарных предметных областей (Бахманн-Медик 2017). Складывающаяся в современном мире социокультурная реальность все более осмысливается не в духе «столкновения цивилизаций» (Huntington 1996), но с позиций парадигмы «множественных современностей» (multiple modernities), подчеркивающей факт присутствия в модернизирующихся обществах религиозных, культурных и традиционных паттернов (Eisenstadt 2000, Штекль 2012, Lehtisaari & Mustajoki 2017).

Данный концептуальный подход рассматривает современность (modernity) не в единственном числе, но во множественности форм, которые она может принимать в зависимости от конкретного цивилизационного субстрата, в результате чего возникают специфические общественные формации, имеющие «черты современности, но с сильным влиянием особых культурных предпосылок, традиций и исторического опыта» (Eisenstadt 2000; Узланер 2012).

Особенно остро полемика по данному вопросу ведется в России, где религиозный компонент является важной составляющей национальной идентичности, идея которой постулируется светскими и церковными властями (Larina, Mustajoki, Protassova 2017; Naydenova 2016; Naydenova, Ebzeeva 2017).

Складывающаяся ситуация открывает возможность проникновения в общее информационное пространство различных видов дискурса, изучение взаимодействия которых становится возможным благодаря проекции новых интерпретационных подходов. В рамках лингвистических исследований религиозный дискурс все чаще оказывается в сфере внимания современных филологов. Язык и религия рассматриваются как две «моделирующие семиотические системы», между которыми существует как прямая, так и обратная зависимости (Мечковская 1998: 3—4).

2. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ ВЕРУЮЩИХ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ, ДИСКУРС ИЛИ КОНФЕССИОЛЕКТ?

Постсекулярность становится новой оптикой, сквозь призму которой можно не только обращаться к современности, но и совершенно иначе взглянуть на прошлое (Узланер 2013). Так, в рамках традиционного учения о функциональных стилях выделяется отдельный функциональный стиль современного русского языка, обслуживающий сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящийся с религиозной формой общественного сознания (Крылова 2006: 613) — церковно-религиозный (Крылова 2006), религиозно-проповеднический (Крысин 1996), или церковно-богослужебный стиль (Бугаева 2005).

Развивается теория речевых жанров, функционирующих в рамках данной стилевой разновидности, в числе которых — жанр церковно-религиозной проповеди и церковно-религиозного послания (Расторгуева 2005; Орехова 2015). Жанровые образцы религиозного дискурса классифицируются по типу субъектно-объектных отношений, социокультурной вариативности, событийной локализации (Бобырева 2007). Следуя оппозиции М.М. Бахтина «первичный — вторичный речевой жанр», притчи, псалмы молитвы как первичные речевые жанры противо-

поставляются проповеди и исповеди как вторичным (Бобырева 2007). Речевые жанры исследуются как с позиций дискурсивных категорий, в числе которых особо отмечается диалогичность, так и с точки зрения стилевых особенностей, проявляющихся на различных языковых уровнях: фонетическом (Прохватилова 2000), лексическом и грамматическом уровнях (Бугаева 2010).

Религиозный дискурс рассматривается как одна из разновидностей институционального дискурса (Карасик 2000). В рамках данной лингвистической школы религиозный дискурс понимается как «общение, основная интенция которого — поддержание веры или приобщение человека к вере» (Бобырева 2007). Исследуется концептуальное пространство религиозного дискурса — отметим в первую очередь основополагающие труды Ю.С. Степанова (Степанов 1997; Степанов 2007). Подобные исследования, как правило, проводятся в сопоставительном ключе, и материалом исследования выступает фразеологический и паремиологический фонд языка (Семухина 2008; Базарова 2011, Передриенко 2011).

Религиозный дискурс изучается с позиций присущих ему коммуникативных стратегий, в частности персуазивной (Орехова 2015). В фокус отечественных исследователей попадает и иноязычный религиозный дискурс (Гишкаева, Сорокина 2017; Грицкова, Кулинич 2014).

Появляются работы, исследующие «язык коммуникации» в религиозной сфере, причем особое место в них уделяется изучению милитаристской и экстремистской риторики (Кнорре 2014; Борисова, Кургузенкова, Никишин 2018).

Вводится в научный оборот термин «духовная речь», под которым понимается «сосуществование элементов двух знаковых систем — древней и современной» (Прохватилова 2000). Предлагаются и термины «речь православной сферы», или «язык православных верующих», представляющие собой «самостоятельную микросистему», статус которой определяется как «формирующийся религиолект в рамках национального языка» со своими узальными единицами — религиолектизмами (Бугаева 2010).

Использование терминов «социолект» и «религиолект» вызывает у лингвистов ряд сомнений.

Так, С.Г. Павлов использует термин «конфессиолект» и трактует его как «обусловленную особенностями определенного вероучения подсистему национального языка, обслуживающую информационные и коммуникативные потребности определенного религиозного объединения» (Павлов 2015: 496). Автор оперирует и термином «концептуально-семантический язык» (КСЯ), который очевидно приравнивается им к конфессиолекту. Далее конфессиолект дифференцируется в силу его «аксиологической неоднородности» на вероучительный (догматико-канонический), патристический (святоотеческий), мирской («народная версия церковной аксиологии») и светский («ценностно своеобразный, не сводимый к атеистическому миропониманию») (Там же: 496—497). При этом исследователь не разграничивает понятия «вероучительного» и «патристического» конфессиолекта. Остается неясным и то, почему язык святоотеческого наследия, оригинальные тексты которого восходят к византийской эпохе, «геттоизируется»

в отдельный конфессиолект. Не поясняется и суть «народной версии церковной аксиологии», лежащей в основе «народно-конфессионального КСЯ», и ее отличие от «народно-секулярного КСЯ».

Л.И. Маршева характеризует термины «социолект» и «религиолект» как «искусственное построение» и отмечает их неприменимость к языку верующих людей, т.к. в Церкви отсутствует социальная дифференциация, а языком Русской Православной Церкви является церковнославянский. По мнению исследовательницы, в концепции «православного социолекта» непроработанным остается целый ряд вопросов, включая дистрибуцию социолектизмов, наличие стилистических регистров, деархаизацию церковнославянских категорий и форм. Кроме того, некоторые языковые явления (например, энантиосемия) ошибочно наделяются в религиозном дискурсе иной природой, нежели в общелитературном языке (Маршева 2010). Статья завершается примечанием редакции, констатирующим «утопичность» концепции православного социолекта как стремления «узаконить» существование «специфических „конфессиональных“ черт лубочного толка», свидетельствующих о «недостатке как речевой, так и церковной культуры» (Маршева 2010: 85).

3. ТЕОЛИНГВИСТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В свете тенденции к интегрированию, наблюдающейся в науке о языке, в современном языкознании развивается новая комплексная (синтетическая) дисциплина — теолингвистика, формирующаяся «на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики» и «направленная на изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеграции) языка и религии» (Постовалова 2014: 55).

Согласно А.К. Гадомскому, теолингвистика — это «наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина» (Гадомский 2007: 290).

А.К. Гадомский начинает свою «краткую историю русской теолингвистики» с высказывания профессора Санкт-Петербургской Императорской Духовной Академии Н.Н. Глубоковского о необходимости сотрудничества богословов и филологов при изучении греческого библейского языка (Гадомский 2010: 358). Н.А. Кравченко отмечает, что впервые термин «теолингвистика» был употреблен в научных трудах в 1976 г. бельгийским ученым Ж.-П. ван Ноппеном и впоследствии был популяризован Д. Кристалом, включившим статью *theolinguistics* в *The Cambridge Encyclopedia of Language* в 1987г. (Кравченко 2016: 28—29).

Задача теолингвистики усматривается, во-первых, в осмыслении того, как язык функционирует в разных «религиозных контекстах» или «религиозных ситуациях», и, во-вторых, в изучении так называемого «религиозного языка». Предмет теолингвистики в узком толковании — религиозная языковая личность, а в широком — религиозная коммуникация (Постовалова 2014: 60). В качестве

единицы теолингвистики предлагается термин «теонема» — «языковой знак, функциональная языковая единица, служащая для передачи теологического содержания, инвариант, реализующийся на разных уровнях (ярусах) языковой системы в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов» (Гадомский 2007: 291).

В основе теолингвистики лежит парадигма видения языка как духовной реальности. В.И. Постовалова отмечает, что центральный момент развертывания теолингвистики как самостоятельной дисциплины касается истолкования идеи взаимодействия различных сфер в духовном мире человека, развивающегося согласно трем стратегиям единения: эстетико-филологической, религиозно-богословской и радикально-философской (Постовалова 2014: 65—66). Что касается взаимосвязи собственно научных областей, то она интерпретируется по двум подходам: при первом подходе сферы языка и религии трактуются как автономные относительно друг друга образования, хотя и открытые для взаимообщения (подход А.К. Гадомского); при втором — как моменты единого целого, в качестве которого может выступать целостный духовный мир человека (подход В.И. Постоваловой).

В отличие от других научных дисциплин синтезирующего типа, в которых объединяются в одном мыслительном пространстве представления из дисциплин, принадлежащих к одной сфере познания, а именно науке, в теолингвистике объединяются представления из дисциплин, принадлежащих разным («нерядоположенным») сферам познания: с ней интегрируются лингвистические представления из сферы науки и теологические представления из сферы богословия (Постовалова 2014: 77).

В.И. Постовалова рассматривает теолингвистику как науку исключительно в русле православного учения, именуя ее «православно-христианской теолингвистикой», опирающейся на понимание религии как «всеобъемлющей жизни человека в его единении с Богом», а языка — как духовной реальности, и исходящей из принципа предельного «онтологического возвышения языка» (Постовалова 2014: 71—72). В этом ракурсе религиозное мировидение предстает как пространство жизнедеятельности самого человека и конститутивное начало его языковой активности. «Помимо речевых практик, традиционно изучаемых в науке о языке, здесь осмысливаются также сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики — соприкосновения с высшей реальностью, невыразимой в слове и словом», — отмечает В.И. Постовалова (Там же). В свою очередь, А.К. Гадомский, напротив, постулирует надконфессиональный характер теолингвистики: по мнению исследователя, «о лингвистике христианской (православной, католической, протестантской и др.) и других «лингвистиках», связанных с другими религиями и конфессиями», возможно говорить как о разделах русской теолингвистики (Гадомский 363: 2010).

Теолингвистическая программа изучения языка отказывается от принципа секуляризма и «возвращает наиболее глубокое онтологическое видение

и переживание языка как животворящей духовной силы и творчества» (Постовалова 2014: 82). Подобный взгляд на язык, по мнению исследовательницы, позволяет по-иному оценить «статус языковых модификаций в современной культуре», а именно осознать, приводят ли они к утрате человеческим словом своей духовной сущности или же являются сигналами изменений в составе реалий в пространстве цивилизации, при этом особое внимание в плане углубления видения лингвистической реальности уделяется осмыслению феномена литургического языка (Постовалова 2014: 74—76).

Сегодня теолингвистика получает дальнейшее развитие как научная дисциплина. Так, Н.А. Кравченко отмечает, что теолингвистика может подразделяться на общую и частную, синхронную и диахронную, а также может носить сопоставительный характер (Кравченко 2016: 31).

Теолингвистика получает развитие не только в России, но и на пост-советском пространстве. Помимо уже упомянутого выше украинского исследователя А.К. Гадомского, сопоставительная теолингвистика разрабатывается, например, и грузинскими исследователями (Киквидзе 2018).

4. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Значительное количество работ выполняется в русле лингвоперсонологии, основы которой были заложены Ю.Н. Карауловым. Внимание лингвистов привлекает так называемая «конфессиональная языковая личность». Так, А.Г.-Б. Салахова предлагает 3D модель языковой личности, включающую в себя три измерения: прагматическое (установки, цели, потребности), когнитивное (индивидуум, социум, культура) и языковое (фонетика, грамматика, лексика). При этом одним из маркеров религиозной картины мира автор называет ее вербализацию посредством приема аналогии. Аналогия трактуется как аргументативный прием и как когнитивный механизм, детерминирующий индивидуально-авторские и социально-культурные особенности конфессиональной языковой личности (Салахова 2016).

Ряд работ посвящен изучению идиолектов писателей, поэтов и религиозных деятелей, причем особое внимание уделяется передаче их особенностей при переводе на иностранные языки (Косицына 2011; Найденова, Сапрыкина, Демина 2018; Лабко 2017). При этом особое внимание уделяется языковой личности Святейшего патриарха Кирилла. Особенности словесной деятельности главы Русской православной церкви изучаются как с точки зрения языкового, так и структурного ее оформления (Найденова, Эбзеева, Сорокина 2017; Найденова, Сорокина 2018).

В 2016 г. под научной редакцией проф. В.И. Аннушкина вышла в свет коллективная монография «Риторика Патриарха», в рамках которой выступления Патриарха Кирилла анализируются с точки зрения классической риторики. Вместо термина «языковая личность» авторы оперируют термином «ритор», т.е. «человек, создающий аргументативные высказывания с целью убеждения аудитории» (Аннушкин 2016: 11). Тексты выступлений Святейшего Патриарха изучаются

с позиций классического риторического канона (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*) и используемых в его рамках средств смыслового и лексико-синтаксического построения текста. Особый интерес представляет раздел, посвященный реализации фигур мысли в дискурсе Предстоятеля Русской церкви (Тарасов 2016).

Отдельного внимания заслуживают попытки исследовать евангельское учение об эмоциях и непосредственно «эмоциональную практику» Христа. Опираясь на собственную концепцию естественного семантического метаязыка (ЕСМ), в основе которого лежат так называемые «семантические примитивы», А. Вежбицкая осуществляет новое прочтение евангельских фрагментов, в которых говорится об описанных в Евангелии чувствах, испытываемых Иисусом Христом в различных ситуациях. А. Вежбицкая утверждает, что для того, чтобы полностью понять учение Христа о «гневе», необходимо выйти за рамки отдельных слов того или иного языка (русского, английского, греческого или арамейского) и попытаться сформулировать простые предложения, используя универсальные слова, то есть слова, которые имеют точные эквиваленты во всех языках (Wierzbicka 2018). Трактовке Нагорной проповеди и евангельских притч с помощью ЕСМ посвящена монография А. Вежбицкой «Что имел в виду Иисус?» (Wierzbicka 2001) и ряд статей (см., например Вежбицкая 2011).

Концепция А. Вежбицкой находит продолжение в трудах не только отечественных, но и зарубежных исследователей, осуществляемых на материале различных, в том числе и неблизкородственных, языков. Так, С. Хабиб использует метод ЕСМ для проведения сравнительно-сопоставительного исследования концепта «мученик» в христианстве и исламе (Habib 2014) и изучения особенностей вербализации концепта «дьявол» в английском, арабском и иврите (Habib 2012).

Конец 90-х гг. XX века был ознаменован всплеском активности в области составления словарей библеизмов, как толковых (Грановская 2003; Дубровина 2017), так и переводных (Сахадзе, Хильтбруннер 2007; Жуковская 2006; Загот 2014; более подробный обзор словарей см. Туркова-Зарайская 2016). В числе мультиязычных словарей отметим Словарь библеизмов на пяти языках (англо-русский, немецко-русский, французско-русский, испанско-русский, итальянско-русский) (Туровер, Санчес, Мартинес и др. 2009). Ряд переводных словарей сопровождается комментариями составителей, разъясняющими смысл библейских выражений в авторской интерпретации.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное коммуникативное пространство, формирующееся в условиях открытости и религиозного плюрализма, характеризуется интенсификацией взаимопроникновения светского и религиозного дискурсов, выступающего источником богатого креативного потенциала. Подобная тенденция не может не сказаться на состоянии современной науки, особенно филологии, в основе которой, как говорит само за себя ее наименование, лежит любовь к Слову. Какие из опи-

санных выше направлений изучения взаимодействия языка и религии окажутся наиболее эвристически значимыми и перспективными, покажет время. Очевидным остается неослабевающее стремление современных исследователей к изучению репрезентации в языке категории непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих оснований бытия человека.

© Н.С. Найденова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аннушкин В.И. Патриарх Кирилл — ритор, словесник, стилист // *Риторика Патриарха* / сост. А.В. Щипков. М.: Русистика, 2017. С. 14—66. [Annushkin, V.I. (2017). Patriarch Kirill — rhetor, slovesnik, stilist (Patriarch Kirill — rhetor, man of letters, master of style). *Ritorika Patriarha*. Moscow: Rusistika, 14—66. (In Russ.)]
- Базарова Л.В. *Концепт «Бог» во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Казань, 2011. 268 с. [Bazarova, L.V. (2011). *Koncept «Bog» vo frazeologicheskikh edinicah anglijskogo, russkogo, tatarskogo i tureckogo yazykov* (The concept of “God” in the phraseological units of English, Russian, Tatar and Turkish). [Ph.D]. Kazan. (In Russ.)]
- Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: НЛО, 2017. 504 с. [Bahmann-Medik, D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* (Cultural turns. New landmarks in the science of culture). Moscow: NLO. (In Russ.)]
- Бобьрева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Автореф. дисс. ... доктора филологических наук*. Волгоград, 2007. 465 с. [Bobyreva, E.V. (2007). *Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* (Religious discourse: values, genres, strategies (on the basis of Orthodox doctrine)) [D.Sc]. Volgograd. (In Russ.)]
- Борисова А.С., Кургузенкова Ж.В., Никишин В.Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 448—473 [Borisova, A.S., Kurguzenkova, Zh.V., Nikishin, V.D. (2018). Problema perevoda religiozno-ehkstremitstskih tekstov v processe sudebnoj lingvisticheskoj ehkspertizy (The problem of translation of religious extremist texts in the process of forensic linguistic expertise). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 448—473. (In Russ.)].
- Бугаева И.В. *Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Плисов. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 3—11. [Bugaeva, I.V. (2005). Stilisticheskie osobennosti i zhanry religioznoj sfery (Stylistic features and genres of the religious sphere). *Stilistika teksta: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Nizhny Novgorod: LUNN, 3—11. (In Russ.)]*
- Бугаева И.В. *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук*. М., 2010. 454 с. [Bugaeva, I.V. (2010). *Yazyk pravoslavnoj sfery: sovremennoe sostoyanie, tendencii razvitiya* (Language of the Orthodox sphere: current state, development trends). [Ph.D]. Moscow. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям // Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 501—547. [Wierzbicka, A. (2011). Znachenie Iisusovykh pritch: semanticheskij podkhod k Evangeliiyam (Meaning of Jesus' Parables: Semantic Approach to the Gospels). *Semanticheskiye Universalii I Bazisnye Kotsepty*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 501—547. (In Russ.)]

- Гадомский А.К. Религиозный язык — теолингвистика — языкознание // *Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Филология»*. 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 287—292. [Gadomskij, A.K. (2007). Religioznyj yazyk — teolingvistika — yazykoznanie (Religious language — theolinguistics — linguistics). *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta. Seriya «Filologiya»*, 20 (59), 287—292. (In Russ.)]
- Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // *Стил*. 2010. № 9. С. 357—374. [Gadomskij, A.K. (2010). Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovanij (Russian theolinguistics: history, the main directions of research). *Stil*, 9, 357—374. (In Russ.)]
- Гишкаева Л.Н., Сорокина Л.С. Французский религиозный дискурс и его роль в современном обществе // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. Т. 9. № 3. С. 138—152. [Gishkaeva, L.N., Sorokina, L.S. (2017). Francuzskij religioznyj diskurs i ego rol v sovremennom obshchestve (French religious discourse and its role in modern society). *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, 9 (3), 138—152. (In Russ.)]
- Грановская Л.М. *Словарь имен и крылатых выражений из Библии*. М.: Астрель: АСТ, 2003. 288 с. [Granovskaya, L.M. (2003). *Slovar' imen i krylatyh vyrazhenij iz Biblii* (Dictionary of names and expressions from the Bible). Moscow: Astrel': AST. (In Russ.)]
- Грицкова А.В., Кулинич М.А. Дискурсивные характеристики речевого жанра в англоязычной православной проповеди // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. № 2. С. 160—165. [Grickova, A.V., Kulinich, M.A. (2014). Diskursivnye harakteristiki rechevogo zhanra v angloyazychnoj pravoslavnoj propovedi (Discourse characteristics of the speech genre in the English-speaking Orthodox sermon). *Izvestiya Samarского nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 16 (2), 160—165. (In Russ.)]
- Дубровина К.Н. *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 808 с. [Dubrovina, K.N. (2010). *Enciklopedicheskij slovar' biblejskih frazeologizmov* (Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseologisms). Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)]
- Жуковская Н.П. *Библеизмы французского языка*. М.: Изд-во «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», 2006. 384 с. [Zhukovskaya, N.P. (2006). *Bibleizmy francuzskogo yazyka* (Bible expressions of the French language). Moscow: Izd-vo «Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet». (In Russ.)]
- Загот М. *Ищите и найдете, или англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого*. М.: Р.Валент, 2014. 260 с. [Zagot, M. (2014). *Ishchite i najdete, ili anglo-russkij slovar' bibleizmov dlya vseh i kazhdogo* (Search and you will find or the English-Russian dictionary of bibleisms for everyone). Moscow: R. Valent. (In Russ.)]
- Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.* Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20. [Karasik, V.I. (2000). O tipah diskursa (About types of discourse). *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr.* Volgograd: Peremena, 5—20. (In Russ.)]
- Киквидзе И. Сопоставительная теолингвистика: предмет и цели исследования // *Политическая лингвистика*. 2018. № 2 (68). С. 115—118. [Kikvidze, I. (2018). Sopostavitel'naya teolingvistika: predmet i celi issledovaniya (Comparative theolinguistics: the subject and objectives of the research). *Political Linguistics*, 2 (68), 115—118. (In Russ.)]
- Кнорре Б.К. Трансформация коммуникативного языка в русском православии в контексте постсекулярности: 2011—2013 гг. // *XIV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики общества*. В 4 кн. Кн. 3. М.: Изд-во ВШЭ, 2014. С. 476—484. [Knorre, B.K. (2014). Transformaciya kommunikativnogo yazyka v russkom pravoslavii v kontekste postsekulyarnosti 2011—2013 gg. (Transformation of the communicative language in Russian Orthodoxy in the context of postsekuljarnosti: 2011—2013). *XIV aprejskaja*

mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitiya ekonomiki obschestva. Moscow: Izd-vo GU VShE, 476—484. (In Russ.)]

- Косицына Н.О. *Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Курск, 2011. 234 с. [Kosicyna, N.O. (2011). *Leksika religioznoj kul'tury v idiolekte A.A. Feta* (Vocabulary of Religious Culture in the Idiolect of A.A. Fet). [Ph.D]. Kursk. (In Russ.)]
- Кравченко Н.А. К вопросу о статусе теолингвистики в современном языкознании // *Записки з романо-германської філології*. 2016. Вип. 2. С. 27—35. [Kravchenko, N.A. (2016). K voprosu o statuse teolingvistiki v sovremennom yazykoznanii (To the question of the status of theolinguistics in modern linguistics). *Zapiski z romano-germanskoj filologii*, 2, 27—35. (In Russ.)]
- Крылова О.А. *Лингвистическая стилистика*. М.: Высшая школа, 2006. 319 с. [Krylova, O.A. (2006). *Lingvisticheskaya stilistika* (Linguistic stylistics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)]
- Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // *Поэтика; Стилистика; Язык и культура*. 1996. С. 135—138. [Krysin, L.P. (1996). Religiozno-propovednicheskij stil i ego mesto v funkcionalno-stilisticheskoy paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (Religious-preaching style and its place in the functional-stylistic paradigm of contemporary Russian literary language). *Poetika; Stilistika; Yazyk i kul'tura*, 135—138. (In Russ.)]
- Лабко В.А. Прецедентные феномены и реалии религиозного дискурса в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» и их перевод на французский язык // *Художественно-публицистический дискурс и религия в кросс-культурной перспективе: монография* / под ред. Н.С. Найденовой. М.: РУДН, 2017. С. 47—62. [Labko, V.A. (2017). Precedentnyye fenomeny i realii religioznogo diskursa v romane-hronike N.S. Leskova «Soboryane» i ih perevod na francuzskij yazyk (Precedent phenomena and realities of religious discourse in chronicle novel of N.S. Leskov “Soboryane” and their translation in French). *Hudozhestvenno-publicisticheskij diskurs i religiya v kross-kul'turnoj perspektive: monografiya*. Moscow: RUDN. (In Russ.)]
- Маршева Л.И. «Православный социолект (религиолект)» как способ языковой маргинализации // *Вестник ПСТГУ. III: Филология*. 2010. Вып. 2(20). С. 74—85. [Marshева, L.I. (2010). «Pravoslavnyj sociolekt (religioklekt)» kak sposob yazykovoj marginalizacii (“Orthodox Sociocy (Religious)” as a way of linguistic marginalization). *Vestnik PSTGU. III: Filologiya*, 2 (20), 74—85. (In Russ.)]
- Мечковская Н.Б. *Язык и религия: Лекции по филологии и истории религии: Пособие для студентов гуманитарных вузов*. М.: Агентство «ФАИР», 1997. 352 с. [Mechkovskaya, N.B. (1997). *Yazyk i religiya: Lekcii po filologii i istorii religii: Posobie dlya studentov gumanitarnyh vuzov* (Language and Religion: Lectures on Philology and the History of Religion: A Handbook for Students of Humanitarian Institutions). Moscow: Agentstvo “FAIR”. (In Russ.)]
- Найденова Н.С., Сапрыкина О.А., Демина И.А. Особенности перевода религиозного эпистолярного текста с русского языка на французский: на примере произведения святителя Феофана Затворника «Что есть жизнь духовная и как на нее настроиться?» // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 47. № 1. С. 120—128. [Naydenova, N.S., Saprykina, O.A., Demina, I.A. (2017). Osobennosti perevoda religioznogo ehpistol'yarnogo teksta s russkogo yazyka na francuzskij: na primere proizvedeniya svyatitelya Feofana Zatvornika «Chto est zhizn duhovnaya i kak na nee nastroitsya?» (Translation of religious epistolary text from Russian into French: case study of the spiritual life and how to be attuned to it? by ST. Theophan the Recluse). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 47 (1), 120—128. (In Russ.)]
- Найденова Н.С., Эбзеева Ю.Н., Сорокина Л.С. Языковая личность Святейшего Патриарха Кирилла: трудности перевода (на примере сборника проповедей «Тайна покаяния» /

La Conversion au Royaume de Dieu // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 4. С. 137—143. [Naydenova, N.S., Ebzeeva, YU.N., Sorokina, L.S. (2017). Yazykovaya lichnost' Svyatejshego Patriarha Kirilla: trudnosti perevoda (na primere sbornika propovedej «Tajna pokayaniya» / La Conversion au Royaume de Dieu (Language personality of His Holiness Patriarch Cyril: translation problems (case study of the book of homilies The Mystery of Metanoia/La Conversion au Royaume de Dieu)). *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 137—143. (In Russ.)]

Найденова Н.С., Сорокина Л.С. Фигуры повтора в тексте современной проповеди и особенности их передачи при переводе на английский и французский языки // *Казанская наука*. № 6. 2018. С. 7—11. [Naydenova, N.S., Sorokina, L.S. (2018). Figury povtora v tekste sovremennoj propovedi i osobennosti ih peredachi pri perevode na anglijskij i francuzskij yazyki (Figures of repetition in the text of modern sermon and features of their transfer in translation into English and French languages). *Kazanskaya Nauka*, 6, 7—11. (In Russ.)]

Орехова Д.В. *Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук*. Москва, 2015. 251 с. [Orehova, D.V. (2015). *Cerkovno-religioznyj i politicheskij tipy diskursa skvoz' prizmu dialogichnosti (na materiale zhanra poslaniya)* (Church-religious and political types of discourse through the prism of dialogue (on the material of the genre of the message)). [Ph.D]. Moscow. (In Russ.)]

Павлов С.Г. Концептуально-семантическая триглоссия русской культуры // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 2 (20). С. 496—499. [Pavlov, S.G. (2015). *Konceptualno-semanticheskaya triglossiya russkoj kultury* (Conceptual-semantic triglossia of Russian culture). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2 (20), 496—499. (In Russ.)]

Передриенко Т.Ю. *Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах: На материале паремий и афоризмов. Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук*. Челябинск, 2006. 197 с. [Peredrienko, T.Yu. (2006). *Koncepty «Bog» i «D'yavol» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah: Na materiale paremij i aforizmov* (Concepts of “God” and “Devil” in Russian and English linguocultures: On the material of the parables and aphorisms). [Ph.D]. Chelyabinsk. (In Russ.)]

Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // *Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit*. 2012. № 4. С. 56—103. [Postolovova, V.I. (2012). *Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravleniya* (Theolinguistics in modern humanitarian knowledge: origins, basic ideas and directions). *Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit*, 4, 56—103. (In Russ.)]

Прохватилова О.А. *Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук*. Волгоград, 2000. 495 с. [Prohvatilova, O.A. (2000). *Recheyaya organizaciya zvuchashchej pravoslavnoj propovedi i molitvy* (Speech organization of sounding Orthodox sermons and prayers). [D.Sc]. Volgograd. (In Russ.)]

Расторгуева М.Б. *Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Воронеж, 2005. 26 с. [Rastorgujeva, M.B. (2005). *Rechevoj zhanr tserkovno-religioznoj propovedi* (Speech genre of the church sermon). [Ph.D]. Voronezh. (In Russ.)]

Салахова А.Г.-Б. *Конфессиональная языковая личность: аналогия в речевом поведении носителя религиозного сознания*. Челябинск: Энциклопедия, 2016. [Salahova, A.G.-B. (2016). *Konfessional'naya yazykovaya lichnost': analogiya v rechevom povedenii nositelya religioznogo soznaniya* (Confessional linguistic personality: analogy in the speech behavior of the bearer of religious consciousness. Chelyabinsk). Chelyabinsk: Enciklopediya. (In Russ.)]

- Сахадзе С.Г., Хильтбруннер В.И. *Краткий русско-французский словарь библеизмов*. М.: Изд-во РУДН, 2007. 81 с. [Sahadze, S.G., Hil'tbrunner, V.I. (2007). *Kratkij russko-francuzskij slovar' bibleizmov* (A short Russian-French dictionary of bibleisms). Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с. [Stepanov, YU.S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants: Dictionary of Russian culture. Experience of research). Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*. М.: Языки русской культуры, 2007. 284 с. [Stepanov, YU.S. (2007). *Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii* (Concepts. Thin film of civilization). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)]
- Семухина Е.А. *Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Саратов, 2008. 215 с. [Semuhina, E.A. (2008). *Koncept «grekh» v nacional'nyh yazykovykh kartinah mira* (The concept of "sin" in national language pictures of the world). [Ph.D]. Saratov. (In Russ.)]
- Тарасов М.И. *Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире // Риторика патриарха / сост. А.В. Щипков*. М.: Русистика, 2017. С. 93—176. [Tarasov, M.I. (2017). *Figury mysli v tekstah Patriarha Kirilla o Russkom mire* (Figures of thought in the texts of Patriarch Kirill about the Russian world). *Ritorika patriarha* (Rhetoric of the patriarch). Moscow: Rusistika, 93—176. (In Russ.)]
- Туровер Г., Санчес Г., Мартинес Х.Л., и др. *Словарь библеизмов*. М.: Дрофа, 2009. 512 с. [Turover, G., Sanches, G., Martines, H.L. et al. (2009). *Slovar' bibleizmov* (Dictionary of Biblical Studies). Moscow: Drofa. (In Russ.)]
- Туркова-Зарайская М.О. *Словари библеизмов // Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2016. № 2. С. 337—341. [Turkova-Zaraiskaya, M.O. (2016). *Slovari bibleizmov* (Dictionaries of Bible Expressions). *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*, 2, 337—341. (In Russ.)]
- Узланер Д.А. *От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство. Религия. Церковь*. 2012. № 1(30). С. 8—32. [Uzlaner, D.A. (2012). *Ot sekulyarnoj sovremennosti k «mnozhestvennym»: socialnaya teoriya o sootnoshenii religii i sovremennosti* (From the secular modernity to the "plural": the social theory of the relationship of religion and modernity). *State. Religion. Church*, 1 (30), 8—32. (In Russ.)]
- Узланер Д.А. *Картография постсекулярного [Электронный ресурс] // Отечественные записки*. 2013. № 1 (52). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/16u.html> (дата обращения: 15.07.2018). [Uzlaner, D.A. (2013). *Kartografiya postsekulyarnogo* (Cartography of the postsekular) [Electronic resource]. *Otechestvennye zapiski*, 1 (52). Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/16u.html> (data obrashcheniya: 15.07.2018). (In Russ.)]
- Штекл К. *Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство. Религия. Церковь*. 2012. № 1 (30). С. 57—82. [Stoeckl, K. (2012). *Evropejskaya integraciya i russkoe pravoslavie: dve perspektivy v ramkah paradigmy mnozhestvennyh sovremennostej* (European Integration and Russian Orthodoxy: two perspectives within the paradigm of multiple modernities). *State. Religion. Church*, 1 (30), 57—82. (In Russ.)]
- Eisenstadt, S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129 (1). P. 1—29.
- Habermas, J. (2008). Notes on Post-Secular Society. *New Perspectives Quarterly*, vol. 25. P. 17—29.
- Habib, S. (2014). Dying in the Cause of God: The Semantics of the Christian and Muslim Concepts of Martyr. *Australian Journal of Linguistics*, vol. 34:3. P. 388—398.
- Habib, S. (2012). Meeting the Prince of Darkness: A Semantic Analysis of English *The Devil*, Arabic *Ashshaytan*, and Hebrew *Hasatan*. *Burning Issues in Afro-Asiatic Linguistics*. Edited by Ghil'ad Zuckermann. New Castle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 123—160.

- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Larina, T., Mustajoki, A., Protassova, E. (2017). Dimensions of Russian culture and mind. *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. Edited by Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki. London & New York: Routledge. P. 7—19.
- Lehtisaari, K., Mustajoki, A. (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. London & New York: Routledge.
- Naydenova, N. (2016). Holy Rus: (Re)construction of Russia's Civilizational Identity. *Slavonica*, vol. 21:1—2. P. 37—48.
- Naydenova, N., Ebzeeva, Yu. (2017). Knocking on a Saint's Door, or a Quest for Holiness in a Post-Secular Society. *Religions*, vol. 8 (5):87. P. 35—43.
- Wierzbicka, A. (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22 (1). P. 38—53.
- Wierzbicka, A. (2001). *What did Jesus Mean?: Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. Oxford: Oxford University Press.

Для цитирования:

Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 988—1000. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.

For citation:

Naydenova, Natalia (2018). Modern Linguistics through Post-Secular Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 988—1000. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.